

Максимилиан РОБЕСПЬЕР
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОСУДИЕ
СТАТЬИ И РЕЧИ

Перевод с франц. *Н.С.Лапшиной*
под редакцией и с предисловием *А. Герцензона*

М.: государственное издательство юридической литературы. 1959

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Дореформенная орфография оригинала сохранена. Обозначение примечаний переводчика изменено. Ссылки на материалы о персонажах, упоминаемых в тексте, отнесены в указатель имен и терминов (Н.С.Лапшиной даны краткие справочные сведения не только о современниках М.Робеспьера, но и о упоминаемых деятелях античности, а также пояснения терминов и названий обществ, клубов и т.д.)

Некоторые тематические ссылки

[Переписка Максимилиана и Огюстена Робеспьеров \(1776-1794 гг.\)](#)

[Ц.Фридлянд. Переписка Робеспьера](#)

[М.Робеспьер. О смертной казни](#)

См. также речи Робеспьера о культе Верховного существа (в работе *А.Матвеевой-Леман*: http://vive-liberta.narod.ru/journal/matveeva_supetre.pdf)

[Е.Серебрянская. Об эволюции мировоззрения Робеспьера](#)

[А.Собуль. Робеспьер и народное движение](#)

[Я.Захер. Робеспьер](#)

[М.Булуазо. Комитет общественного спасения](#)

[Н.Лукин. Максимилиан Робеспьер](#)

[А.Олар. Робеспьер - глава из книги «Ораторы французской революции»](#)

[Энн Ригни. Образ и символ: историческая фигура, именуемая Максимилиан Робеспьер](#)

[Э.Флейшман. Робеспьер и женщины. «Старуха Шалабр» \(в англ. переводе Дж.Раппопорта\)](#)

[А.Тэвдой-Бурмули. Логика торжествующей добродетели: Робеспьер и идея революционного насилия](#)

[П.Антокольский. Робеспьер и Горгона. Два портрета](#)

[А.Гладилин. Евангелие от Робеспьера](#)

[Сен-Жюст. Робеспьер. Сийес - главы из «Жизни и деяний мужей, прославившихся во Франции со времени Революции до нынешнего года...»](#)

[Р.Роллан. Робеспьер \(фрагменты драмы\)](#)

[Ф.Раскольников. Робеспьер](#)

[Шарлотта Робеспьер. Воспоминания \(с примечаниями и послесловием А.Ольшевского\)](#)

[Манон Ролан. Два письма Робеспьеру](#)

[А.-К.Мерлен \(Мерлен де Тионвиль\). Портрет Робеспьера](#)

[Ф.Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции](#)

[К.Беркова. Процесс Людовика XVI](#)

[Процесс и казнь Людовика XVI в документах и письмах \(по Г.Ландауэру\)](#)

[О Конституции 1793 года: А.Олар. Политическая история Французской революции \(глава IV\); Ж.Жорес. Социалистическая история Великой французской революции](#)

[КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения](#)

[А.Олар. Культ Разума и культ Верховного существа во время Великой французской революции](#)

[Подборки документов](#)

[ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС](#)

[ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты «бешеные»](#)

[ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС \(1792-94 гг.\)](#)

[«ТЕРРОР В ПОРЯДОК ДНЯ!»](#)

[ТЕРМИДОР: ДО и ПОСЛЕ](#)

[ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления](#)

Полная подборка ссылок на материалы о М.Робеспьере:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>

Алексей Адольфович ГЕРЦЕНЗОН (17.03.1902 — 13.12.1970):
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#gercz>

Предисловие

СТАТЬИ И РЕЧИ

О бесчестящих наказаниях

О введении суда присяжных

Об организации кассационного суда

О Морском уголовном кодексе

Об организации уголовного правосудия. О необходимости письменного судопроизводства

Принципы организации суда присяжных

О свободе печати

О смертной казни

О королевской неприкосновенности

О роли общественного обвинителя
Перспектива «Защитника конституции»
Изложение моих принципов
О необходимости и природе воинской дисциплины
Мнение о суде над Людовиком XVI
Вторая речь о суде над Людовиком XVI
О революционном трибунале
О Декларации прав человека и гражданина
О Конституции
О реорганизации революционного трибунала
О принципах революционного правительства
О принципах политической морали
О новой реорганизации революционного трибунала
Речь, произнесенная 8 термидора 2-го года Республики
Указатель имен и терминов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Максимилиана Робеспьера, от дня рождения которого нас отделяют два века, вошло в историю революционной Франции и всего мирового революционного движения как имя одного из великих революционеров, к которому каждый марксист, как указывал В.И. Ленин, питает глубокое уважение¹. Когда в 1939 году отмечалось 150-летие революции 1789 года, генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез, выступая на родине Робеспьера в городе Аррасе, сказал: «Мне особенно приятно, что я могу от имени Французской коммунистической партии воздать честь Максимилиану Робеспьеру в его родном городе, в связи с наступающей столетилетней годовщиной Французской революции»².

Характеризуя роль и значение Робеспьера в развитии революционного движения Франции конца XVIII века, классики марксизма-ленинизма постоянно подчеркивали неразрывную связь Робеспьера с народом, его стремление во всех революционных мероприятиях опираться на массы. Робеспьер был одним из тех «якобинцев с народом», о которых много раз говорил В.И. Ленин. И именно потому, что Робеспьер отдал всю свою жизнь служению народным массам и погиб как их признанный вождь, он так ненавистен буржуазии. По этому поводу Морис Торез говорил: «Человек, заслуженно прозванный Неподкупным, человек, который заслуженно пользовался величайшей популярностью, всегда был мишенью самой гнусной клеветы всех врагов прогресса и справедливости, как в прошлом, так и теперь»³.

В многогранной, кипучей революционной деятельности Робеспьера значительное место занимали вопросы революционной законности и революционного террора. Говоря о великих буржуазных революционерах Франции, В.И. Ленин указывал, что они «сделали свою революцию великой посредством террора против всех угнетателей, и помещиков, и капиталистов»⁴. Робеспьер уделял большое внимание не только практическому проведению революционного террора, но и его принципиально политическому, теоретическому обоснованию.

Политическая деятельность Робеспьера началась непосредственно

перед началом французской буржуазной революции конца XVIII века, незадолго до того, как произошли «действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению»⁵. Роль Робеспьера как признанного вождя революционных масс непрерывно возрастала по мере подъема, нарастания революции. Она достигла наивысшей точки в период якобинской диктатуры, когда материальное, производственное обновление Франции «было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), — с беспощадной войной, объявленной всему реакционному»⁶. Известно, что во время якобинской диктатуры неимущие классы в Париже на короткий срок захватили в свои руки власть, но в связи с отсутствием в то время материальных предпосылок для их действительной победы результатами ее воспользовалась буржуазия.

Реакционный буржуазный переворот 9 термидора 2-го года Республики, как известно, был начат с казни Робеспьера и его соратников. Таким образом, начало, развитие и трагический конец деятельности Робеспьера неразрывно связаны с революцией 1789—1794 гг.

* * *

Максимилиан Робеспьер родился 6 мая 1758 г. в Аррасе в семье адвоката. Еще ребенком он потерял родителей и воспитывался у деда по материнской линии. Позже он был помещен в среднюю школу в Аррасе. В 1769 году Робеспьер поступил в парижский коллеж Людовика Великого, который успешно закончил. Поступив затем на юридический факультет Парижского университета, Робеспьер закончил курс в три года и возвратился в Аррас, где приступил к адвокатской деятельности. Биографы Робеспьера отмечают его успехи на адвокатском поприще, смелость и оригинальность его выступлений. Уже в молодые годы Робеспьер увлекался идеями просветительной философии, в особенности же — революционно-демократическими идеями Руссо⁷, горячим поклонником и последователем которого он оставался всю жизнь. В 1778 году двадцатилетний Робеспьер встретился с Руссо. Как отмечал Морис Торез, Робеспьер, обращаясь к памяти Руссо, говорил: «Ты научил меня познать самого себя. В дни ранней юности ты научил меня ценить достоинство человеческое, ты побудил меня задуматься над великими проблемами социального строя»⁸.

В 1783 году Робеспьер был избран членом Аррасской королевской академии художественной литературы. При вступлении в Академию он произнес речь на тему о бесчестящих наказаниях. Общество наук и искусств в Меце объявило конкурс на соискание премии на тему о влиянии бесчестящих наказаний на семью осужденного к ним. Робеспьер участвовал в конкурсе, и представленная им работа была удостоена премии.

В последующие годы Робеспьер участвовал в ряде конкурсов на литературные темы; кроме того, в Аррасской академии он прочитал доклад о незаконнорожденных детях. В 1786 году Робеспьер был избран председателем Академии Розатти в Аррасе. В 1789 году в связи с подготовкой к выборам в Генеральные штаты Робеспьер издал брошюру, посвященную критике провинциальных штатов. В том же году он издал брошюру, посвященную выборам в Генеральные штаты. Третье сословие Арраса избрало

Робеспьера своим представителем в Генеральные штаты, и он переехал в Париж для осуществления своих обязанностей депутата. В Учредительном собрании Робеспьер становится одним из активнейших его ораторов по самым различным вопросам текущей политики и законодательства.

В Учредительном собрании голос Робеспьера был голосом одинокого еще борца революции, окруженного главным образом монархистами, конституционалистами, представителями крупной буржуазии. Его выступления не пользовались и, конечно, не могли пользоваться успехом у людей, которые своей политической целью ставили обуздание революции и стремились лишь устранить наиболее вопиющие недостатки и пороки старого феодального режима. И тем не менее Робеспьер, невзирая на частые обструкции, насмешки, издевательства, последовательно развивал свои взгляды на законность, на правосудие, требовал немедленной реформы законодательства и суда, апеллировал к разуму, к совести «законодателей», формулировал «вечные законы разума и справедливости» и стремился преломить их в вопросах текущей политики и законодательства. Классовый смысл речей Робеспьера в Учредительном собрании в значительной мере был окутан неясными очертаниями просветительства, абстрактными идеями свободы, равенства, справедливости, разума, просвещения и т.д., ибо и сам Робеспьер очень смутно представлял себе Действительные классовые пружины развертывавшейся в Учредительном собрании борьбы. Однако выступления Робеспьера и в этот ранний период развития революции отражали классовые интересы и чаяния очень широких кругов революционной демократии. Недаром уже в те годы Марат, своей острой политической прозорливостью определявший друзей и врагов народа, безоговорочно отнес Робеспьера к подлинным друзьям народных масс и дал ему название Неподкупный, которое история сохранила за Робеспьером.

Во второй половине августа 1789 года Робеспьер неоднократно выступал по поводу проекта Декларации прав человека и гражданина, являясь пламенным поборником свободы печати, неприкосновенности личности, противником королевского «вето». В октябре 1789 года Робеспьер поддержал в своем выступлении народное движение, требовавшее переезда короля в Париж. Тогда же он горячо протестовал против реакционного антинародного законопроекта об осадном положении.

Должны быть также отмечены речи Робеспьера против деления политических прав на активные и пассивные, против сохранения за королем права объявления войны; речи, о демократизации армии и внедрении в ней революционной дисциплины, о ликвидации колониального рабства, скорейшей и полнейшей ликвидации феодальных привилегий; наконец, многочисленные выступления по вопросам революционной законности, правосудия и уголовного законодательства (о которых более подробно будет сказано ниже). Во всех своих выступлениях Робеспьер смело идет против течения, против мнения большинства депутатов Учредительного собрания, последовательно развивая просветительские идеи в духе Руссо.

В середине 1791 года Робеспьер был избран публичным обвинителем при Парижском уголовном суде. Осенью 1791 года Учредительное собрание уступило место Законодательному собранию. Согласно закону, не допускавшему переизбрания депутатов Учредительного собрания, Робеспьер не мог быть его членом, и он перенес свою политическую деятельность в якобинский клуб, в свою газету «Защитник Конституции», а начиная с августа

1792 года — и в орган самоуправления парижских масс — в Парижскую Коммуну, членом которой он был избран.

В этот период Робеспьер выступал против войны, за неуклонную борьбу «с внутренними врагами революции. В своем «Защитнике Конституции» Робеспьер живо откликается на все актуальные вопросы внешней и внутренней политики. Особое значение имела речь Робеспьера с требованием низложения Людовика XVI. Не принимая непосредственного участия в революции 10 августа 1792 г., ликвидировавшей монархию и создавшей республику, Робеспьер всей своей политической деятельностью немало способствовал ее осуществлению.

Будучи избранным в Национальный конвент, Робеспьер принял в нем самое активное участие. К этому времени еще более возрастают популярность и авторитет Робеспьера как горячего защитника интересов трудящегося и эксплуатируемого народа.

В первый период деятельности Национального конвента (сентябрь 1792 года — май 1793 года), до установления якобинской диктатуры, Робеспьер ведет неуклонную борьбу с жирондистами, в особенности с их главой Бриссо.

С установления якобинской диктатуры и до своей трагической гибели на гильотине Робеспьер развивал кипучую деятельность по обороне страны и разгрому интервентов. Он систематически боролся с внутренней контрреволюцией, осуществил целую систему мер экономического, политического и культурного порядка, которые отвечали идеологии революционной демократии того времени. Общеизвестна выдающаяся роль Робеспьера в организации и проведении революционного террора (создание революционных трибуналов, издание многочисленных законов о наказании «подозрительных», врагов народа, спекулянтов и т.д.). Столь же общеизвестна и роль Робеспьера в борьбе с левыми течениями в среде якобинцев — с «бешеными», с эбертистами, и с правыми течениями, представленными Дантоном, Демуленом и др.

Именно в этот период окончательно определились взгляды Робеспьера на революционную законность, на революционное правосудие, на революционные меры подавления сопротивления врагов революции. Характеризуя деятельность Робеспьера, Торез говорил: «Всей его деятельностью всегда руководила лишь забота о благе народа, о торжестве свободы и справедливости»⁹. Характеризуя выступления Робеспьера, Торез указывал: «Какая великолепная революционная энергия! Какое мощное дыхание революции чувствуется в мысли этого человека, который решил отдать свое сердце, все свои силы народу и во главе его вел борьбу за счастье народа»¹⁰.

9 термидора 2-го года Республики (27 июля 1794 г.) произошел контрреволюционный переворот. Первыми его жертвами явились Максимилиан Робеспьер и его ближайшие соратники. «Гибель Робеспьера означала победу буржуазии над пролетариатом»¹¹.

Приведя эти краткие биографические сведения о Робеспьере, обратимся к его работам по вопросам революционной законности, правосудия, уголовного права.

* * *

21 апреля 1784 г. Аррасская королевская академия художественной литературы в публичном заседании принимала трех новых членов. В их числе был Максимилиан Робеспьер, который произнес речь на тему о

происхождении предрассудка, переносящего на родственников преступника позор его наказания. Письменного текста этой речи не сохранилось. Но несколько позже Робеспьер принял участие в конкурсе на соискание премии, объявленном Королевским обществом наук и искусств в Меце на ту же тему, и представил рукопись своей работы.

В этой своей работе Робеспьер прежде всего поставил вопрос о происхождении предрассудка, распространяющего позор бесчестящего наказания преступника на всю его семью. Он указывал на древность этого института и рассматривал его связь с различными формами правления. Следуя за Монтескье, имя которого он неоднократно упоминал, Робеспьер по существу применил его основные положения к решению данной проблемы. Распространение бесчестия преступника на всю его семью не может иметь места ни при деспотическом правлении, где отсутствует понятие чести, ни при республиканском правлении, где высоко-поставлена охрана личности каждого гражданина. Это утверждение Робеспьер подкрепил многочисленными примерами из истории деспотических и республиканских государств древнего мира. Рассматриваемый предрассудок, по мнению Робеспьера, господствует в монархиях, где он вытекает из самой природы правления. Робеспьер дал подробную характеристику происхождения обезличивания семьи преступника в монархических государствах. На этой характеристике следует остановиться несколько подробнее.

«Душой монархического правления» является честь, в основе которой лежит стремление к преимуществам и отличиям, вовсе не связанным с подлинными заслугами человека. Эта честь по существу является тщеславием и несколько не связана с добродетелью. Она лжива и коварна, в своей основе склонна к несправедливости. Подобное извращенное понимание чести в монархическом государстве, указывает Робеспьер, вытекает из сословных привилегий, из того уклада общественных отношений, который во главу угла ставит древность и знатность происхождения, а не действительные заслуги и доблести человека. Робеспьер напоминает, что старинные французские законы освобождали от телесных наказаний дворянство и духовенство и всю тяжесть этих наказаний возлагали на непривилегированные сословия. Поэтому-то распространение бесчестия на всю семью преступника и получило столь широкое применение: семья знатного преступника всегда избежит бесчестия; за семьей же бедняка оно будет следовать неотступно.

Так Робеспьер объяснил происхождение обезличивания семьи преступника. Это объяснение, конечно, являлось идеалистическим, характерным для уровня развития общественных наук в конце XVIII века. Но при всем том Робеспьер, быть может, и сам того не замечая, приблизился к раскрытию социально-политической природы наказания и тем самым — к объяснению института обезличивания семьи преступника.

Вывод, к которому приходил Робеспьер, состоял в том, что несправедливость этого института является истиной, не требующей каких-либо доказательств: это мнение несправедливо, следовательно, оно не может быть полезным, ибо полезно лишь то, что честно. Это положение Робеспьер рассматривает как закон «верховного существа». Он связывает этот закон с незыблемыми нормами естественного права. Далее Робеспьер подвергает критике тот взгляд, что распространение бесчестия на семью преступника якобы содействует предупреждению преступлений, так как

заставляет семью следить за поведением своих членов. Он называет этот институт «чудовищем общественного порядка» и указывает, что предупреждать преступление следует мудрыми законами и гуманными обычаями. Он показывает, каковы последствия обезличивания семьи преступника, как они влияют и на самого преступника, и на членов его семьи. Робеспьер использует литературный прием, широко распространенный в политической и юридической литературе XVIII века: он вкладывает свои мысли в слова воображаемого оратора, который рассказывает о посещении им страны, где господствует «странный обычай» — одновременно с казнью преступника обезличивать несколько ни в чем не повинных людей, положение которых в обществе становится поистине трагическим. Робеспьер указывает, что, хотя очень распространено мнение о том, что лучше пощадить сто виновных, чем принести в жертву одного невинного, в действительности же при наказании одного виновного приносится одновременно в жертву несколько невинных. Обезличивание невинных людей не приносит обществу никакой пользы, но наносит непоправимый, тяжкий вред людям, заслуживающим лучшей участи. Оно вызывает побег несчастных обезличенных людей из их отечества, ведет к многочисленным ссорам, оскорблениям, к ослаблению отеческой власти и, наконец, к тому, что суд и общественное сострадание стремятся оправдать виновного злодея, чтобы не опорочить честную его семью. Так «бессмысленные предрассудки», будучи порождением невежества и варварства, разрушают законы, законность. Каковы же пути борьбы с этими предрассудками? Робеспьер считает, что в век просвещения, когда разум и человеческие познания получают большое развитие, имеются все необходимые предпосылки для того, чтобы изжить несправедливый и вредный для общества предрассудок об обезличивании семьи преступника. Этого нельзя добиться «с помощью власти»; такой способ привел бы лишь к усилению предрассудка. Поэтому нет необходимости изменять всю систему действующего законодательства или производить революцию «зачастую опасную».

К числу необходимых мер Робеспьер отнес «восстановление отеческой власти». Но более важной является отмена некоторых законов, способствующих этому предрассудку; в частности, — конфискации имущества осужденного, так как это наказание направлено на семью осужденного, а не на него самого, и приносит ей, помимо материального ущерба, и бесчестие; нужно, далее, отменить «пятно незаконнорожденности»; упразднить правило канонического права о передаче испорченности по наследству; ликвидировать правило об ответственности человека за деяние, которого он не совершил; нужно ликвидировать обезличивающие различия форм казни — колесования, виселицы, отрубания головы мечом. Робеспьер называл еще два способа, которые помогут уничтожить рассматриваемый им предрассудок. Один из них — это пример, который могут дать государи, поощряя людей, в семье которых оказался обезличенный преступник. И в этой связи Робеспьер восклицал о своей мечте, чтобы «небо» помогло бы довести его «слабую работу» до «молодого монарха, который правит нами» (то есть до Людовика XVI). Другой способ — это распространение новых взглядов просветительной философии: разум и красноречие — таково оружие, которым следует искоренить предрассудок.

Таково содержание первой политико-юридической работы Робеспьера. Она написана в духе просветительной философии XVIII века, в ней очень сильно влияние идей Монтескье и неизмеримо меньше — идей Руссо. Она написана с очень умеренных в политическом отношении позиций. Данная в ней критика уголовного права и процесса предреволюционной Франции очень сдержанна и мало конкретна. В ней больше призывов к чувствам справедливости и гуманности, чем разоблачения произвола и жестокости законов и суда феодального строя. В этом отношении данная работа Робеспьера остается позади «Персидских писем» и «Духа Законов» Монтескье, «Цепей рабства» и «Плана уголовного законодательства» Марата, многочисленных работ Вольтера по вопросам правосудия. Как и большинство просветителей предреволюционной эпохи, Робеспьер сохранял еще иллюзии о «молодом просвещенном монархе» — Людовике XVI как будущем реформаторе и гуманисте... И все же работа Робеспьера, посвященная жертвам судебного бесчестия, представляет несомненный исторический интерес как первый шаг Робеспьера на пути вступления в политическую жизнь предреволюционной Франции.

* * *

Робеспьер очень живо откликнулся на судебную реформу 1789—1791 гг. Ряд его выступлений в Учредительном собрании посвящен вопросам судостроительства и уголовного процесса.

Речь Робеспьера «О введении суда присяжных» была связана с обсуждением в Учредительном собрании проектов законов о новой организации юстиции.

В своей речи Робеспьер горячо защищал идею суда присяжных. Он подверг критике коронный суд, решающий и «вопрос права», и «вопрос факта», и противопоставил ему такую организацию суда, при которой вопрос о факте решается присяжными, а вопрос о праве — постоянными судьями. В этом он видел залог объективности, справедливости судебного решения и приговора. Введение суда присяжных, по мнению Робеспьера, уничтожит дух корпорации, созданный у судей деспотизмом, обеспечит сохранение свободы и укрепит законность. Перед лицом присяжных судья не сможет «раздражать общественное мнение» применением такого закона, который не совместим с установленными присяжными фактами.

Робеспьер считал, что суд присяжных должен быть создан и по гражданским делам. Нет никаких оснований принимать этот институт по уголовным делам и отвергать его по гражданским. В Англии и в Америке, указывал Робеспьер, он с успехом существует.

В своей речи Робеспьер коснулся и вопросов применения законов, и оснований законности, которая должна обеспечивать общественную свободу и благополучие. Создавая новые законы, необходимо основываться на принципах справедливости, разума, уважения к правам людей.

Следует отметить, что предложение Робеспьера об учреждении суда присяжных по гражданским делам не получило признания.

В мае 1790 года Учредительное собрание обсуждало вопрос о кассационном суде. В связи с этим Робеспьер выступил с речью, в которой утверждал, что кассационный суд не является частью судебной системы, но находится над нею и обеспечивает незыблемость законов.

Робеспьер развивал мысль, что кассационный суд не должен рассматривать существо отдельных дат, он должен защищать только формы и

принципы законодательства, установленные конституцией, от нарушений со стороны судей. Это вытекает из самой природы кассационного суда. Необходимо так организовать его деятельность, чтобы она полностью была согласована с духом и интересом законодательства, чтобы судьи не могли ставить свою волю и мнения выше законодателя. Толкование законов принадлежит исключительно тому, кто их создает; поэтому кассационному суду не может быть предоставлено право произвольного истолкования законов. Кассационный суд, по мнению Робеспьера, не является частью судебной власти; его функции неразрывно связаны с функциями законодательной власти, и он поэтому должен составлять часть Законодательного корпуса. Предвидя возможные возражения, что такое предложение нарушает принцип разделения властей, Робеспьер указывает, что этот принцип не должен соблюдаться «с суеверием».

В январе 1791 года Робеспьер произнес речь «Об организации уголовного правосудия (о необходимости письменного судопроизводства)».

Содержание этой речи Робеспьера шире того вопроса, который обсуждался Учредительным собранием.

Для того чтобы решить, нужно ли письменное судопроизводство, необходимо «подняться к истинному принципу всякого уголовного законодательства». Судопроизводство — это меры предосторожности, принимаемые против слабостей и страстей судей. Поэтому необходимо соблюдение законом установленных формальностей судопроизводства. Закон в числе других таких формальностей установил виды доказательств, обязательных для суда. Для того чтобы эти формальности соблюдались, необходимо фиксировать доказательства в протоколе судебного заседания. Таково общее решение вопроса о письменном судопроизводстве, даваемое Робеспьером. Но он на этом не останавливается и развивает мысли о соотношении формальных доказательств, установленных законом, и внутреннего убеждения судьи.

Робеспьер считал, что для вынесения приговора недостаточно наличия формального доказательства. Необходимо, чтобы к нему присоединилось и внутреннее убеждение судьи. Закон, устанавливая те или иные доказательства, не может предвидеть всех конкретных обстоятельств, которые могут совершенно иначе определить их оценку. Например, свидетельство двух лиц относится к числу установленных законом доказательств, но если судья твердо убежден, что эти двое свидетелей не заслуживают доверия, то он не может вынести свой приговор на основе такого «призрака доказательства». Поэтому в равной мере нельзя вынести приговор как при отсутствии законного доказательства, так и при отсутствии личного убеждения судьи, хотя бы такое законное доказательство и имелось. В конечном счете Робеспьер сформулировал три положения: свидетельские показания должны быть обозначены в письменном виде; присяжные не могут признать лицо виновным при отсутствии законных доказательств; присяжные не могут признать лицо виновным, если их внутреннее убеждение противоречит законному доказательству.

Таково решение вопроса о соотношении доказательств и внутреннего судейского убеждения, очень четко сформулированное Робеспьером.

В связи с обсуждением в Учредительном собрании судебной реформы, проект которой был внесен депутатом Дюпором от имени Конституционного комитета и Комитета по судебной реформе, Робеспьер опубликовал в 1791.

году брошюру под названием «Принципы организации присяжных и опровержение системы, предложенной Дюпором, от имени Комитета судебной реформы и Конституционного комитета, Максимилиана Робеспьера, депутата департамента Па-де-Кале в Национальной Ассамблее».

Эта работа — важный этап в развитии революционно-демократических взглядов Робеспьера по вопросам уголовного права и процесса, и на ней следует остановиться более подробно.

Робеспьер начал с изложения существа суда присяжных. Природа суда присяжных состоит в том, что граждане судятся равными себе судьями, что права граждан охраняются от судебного деспотизма, и всем этим достигаются наибольшая справедливость и беспристрастность приговора. Определив сущность суда присяжных, Робеспьер последовательно и глубоко критиковал проект Дюпора. Он считал, что предложение об избрании присяжных единоличным решением прокурора-синдика департамента противоречит справедливости и интересам демократии. Подобная система избрания присяжных на руку лишь аристократам, богатым и влиятельным людям. Народ при такой системе всегда окажется придавленным, приниженым, его интересы совершенно не будут защищены. Более того, эта система создаст многочисленные преимущества, снисходительность, предупредительность в отношении обвиняемых из привилегированных слоев общества. Проект Дюпора представляет все права богатству и унижает, угнетает французский народ. Этот проект почти полностью лишает прав сельское население, так как большинство присяжных будет избираться прокурором-синдиком из числа городского населения. Робеспьер подробно охарактеризовал гибельные последствия, которые принесет проект Дюпора: нарушение справедливости и равенства, попрание конституции, возрождение судебного деспотизма и т.д. Не следует, заметил Робеспьер, увлекаться излишним копированием английской судебной системы, ибо она была создана в другую эпоху, в других исторических условиях. Революция, произошедшая во Франции, способна обеспечить в полном объеме осуществление вечных истин общественной морали, принципов справедливости, равенства, полной и последовательной охраны неотъемлемых прав граждан.

Проект Робеспьера предусматривал создание на основе всеобщих выборов обвинительного жюри, судебного жюри, общественного обвинителя. Не только суд, но и общественный обвинитель являются совершенно независимыми как от государственной власти, так и от законодательного корпуса.

Основы судопроизводства, предложенные Робеспьером, состояли, во-первых, в письменном характере свидетельских показаний, во-вторых, в вынесении приговора присяжными по их внутреннему убеждению, в-третьих, в обязательном единогласии присяжных при вынесении обвинительного приговора. Робеспьер обосновал право задержания преступника на месте преступления любым гражданином; необходимость полицейского или судебного приказа для задержания во всех прочих случаях; право поручительства за обвиняемого, если только он не привлечен к ответственности за тяжкое преступление. Свою брошюру Робеспьер закончил соображениями о необходимости уплаты присяжным вознаграждения за то время, когда они отправляют свои обязанности. В это предложение Робеспьер вкладывал большое политическое содержание — охрану прав, интересов, авторитета

присяжных из среды трудового народа.

Предложения Робеспьера не были одобрены Учредительным собранием, ибо они не соответствовали классовым интересам огромного большинства депутатов Собрания.

Последняя работа Робеспьера по вопросам судебной реформы 1789—1791 гг., приводимая в настоящем сборнике, — это его речь о роли публичного обвинителя.

Выступая в Обществе друзей Конституции, Робеспьер поставил своей задачей в доступной форме осветить новую судебную систему, разъяснить задачи нового суда и охарактеризовать обязанности публичного обвинителя. Одним из признаков рабства, указывал Робеспьер, является незнание народом его собственных прав. Обязанностью публичных должностных лиц является непосредственное общение с народом, высокие личные добродетели, ибо если они сами нарушают законы, то теряют моральное право требовать соблюдения законов другими и не могут наказывать преступников.

Обращаясь к характеристике суда присяжных, Робеспьер называл его священным, представляющим и закрепляющим неотъемлемые права граждан. Намекая на то, что Учредительное собрание утвердило далеко не лучший из законопроектов о суде присяжных, Робеспьер высказал надежду, «что мудрость законодателей» очистит его организацию от «некоторых пороков». Далее Робеспьер, разъяснив значение обвинительного и судебного жюри, охарактеризовал деятельность публичного обвинителя. Последний — это «беспристрастный защитник интересов общества», «противник преступления», «защитник слабости и невинности». Говоря о деятельности суда, Робеспьер подчеркивал, что судебное убийство невинного гораздо больше компрометирует суд, чем безнаказанность виновного. При этом Робеспьер ссылаясь на просветительную философию, обосновавшую это положение, и добавил, что девизом его практической деятельности будет ненависть к преступлению и защита угнетенной невинности.

Говоря о своем отношении к врагам революции, Робеспьер указывал, что в качестве народного магистрата он не знает ни: аристократов, ни патриотов — он знает лишь людей, которые обвиняются в совершении преступления. Робеспьер считал, что учреждение должности публичного обвинителя является одним из самых важных мероприятий в области осуществления законности, созданных Конституцией. Выполнение функций обвинителя он считает для себя весьма почетной обязанностью и заверяет что будет отдавать этой деятельности все свои дни с тем, чтобы часть ночи уделять революции; он считает, что, помимо почетной обязанности бороться с беззаконием, с преступлением.. есть еще более важная и более почетная задача — защищать дело свободы и человечества в «трибунале вселенной», перед лицом грядущих поколений.

* * *

В период 1789—1791 гг. в связи с обсуждением в Учредительном собрании различных законопроектов Робеспьер в своих выступлениях специально останавливался на вопросах уголовного-права.

Большую речь в Учредительном собрании произнес Робеспьер в связи с обсуждением проекта Уголовного кодекса. Эта речь была посвящена вопросу об отмене смертной казни.

Робеспьер начал свою речь с того, что, приведя пример из греческой истории, призывал депутатов исключить из кодекса «кровавые законы, предписывающие юридические убийства», ибо их не могут допустить ни общий интерес, ни разум, ни гуманность. Робеспьер стремился доказать два положения: что смертная казнь несправедлива и что она более способствует увеличению преступлений, нежели их предупреждению.

Общество, говорил Робеспьер, не имеет права казнить человека. Излагая доктрину естественного права, Робеспьер указывал, что, до того как люди вступили в договорные отношения между собой и образовали общество, каждый из них имел право, защищаясь, убить своего врага: закон естественной справедливости оправдывал подобное убийство. Но, вступив в общество и: организовав борьбу с преступлениями, люди не могут уже совершать подобные убийства, оправдывая их естественными законами. Разум, нравственность, справедливость осуждают подобные убийства, и ничто не оправдывает казнь преступника, уже не могущего причинить вред обществу, так как он находится в руках правосудия. Смертная казнь является следствием предрассудков, господствовавших веками над народами. Эти предрассудки: узаконивались «счастливыми узурпаторами», которые для развращения и запугивания народа устанавливали смертную казнь за посягательство на их господство. Законы, устанавливающие смертную казнь, нелепы, несправедливы и губительны для нации. Цель наказания состоит не в том, чтобы мучить виновных, а в том, чтобы предупреждать преступления. Но смертная казнь вовсе не является средством предупреждения преступлений: она не остановит человека, обуреваемого страстями; с другой стороны, она оскорбляет «общественную чувствительность народа», ослабляя вместе с тем государственную власть. Если бы смертная казнь предупреждала преступления, то, очевидно, в тех странах, где она наиболее широко применяется, должно было бы совершаться меньше всего преступлений. Между тем на деле происходит как раз обратное. Если устрашение наказанием было бы действенным, то, очевидно, чем ужаснее будет способ смертной казни, тем более эффективным он окажется в борьбе с преступлениями. В действительности же происходит обратное.

Робеспьер далее остановился на судебных ошибках, на осуждении невиновных людей и наглядно показал, что в этих случаях применение смертной казни оказывается роковым, неотвратимым наказанием невиновного человека. Жестокость, несправедливость, безнравственность смертной казни вызывает у людей сострадание к преступнику, осужденному к ней. Мягкость уголовных законов, указывал Робеспьер, сопутствует свободе, мудрости, гуманности государственного управления. Французский народ не должен применять в качестве наказания смертную казнь.

Против смертной казни выступил еще ряд депутатов. В печати Робеспьера поддержал Эбер. Но против взглядов Робеспьера выступил Марат, который, отдавая дань гуманизму Робеспьера, все же признавал, что право применять смертную казнь вытекает из принципа соразмерности наказания тяжести совершенного преступления, из права необходимой обороны.

Учредительное собрание 1 июня 1791 г. приняло два постановления о смертной казни:

Смертная казнь не будет отменена.

Смертная казнь должна состоять в простом лишении жизни без пыток.

В мае 1791 года Робеспьер выступил с речью о свободе печати в Обществе друзей Конституции, и его речь тогда же была опубликована. В этой работе был затронут и ряд вопросов уголовного права.

Хотя свободу печати нельзя отделить от свободы слова, указывал Робеспьер, и обе они являются священными и необходимыми, однако повсеместно законы всячески нарушают свободу печати. Это объясняется тем, что законы создают деспотами, для которых свобода печати представляет огромную опасность. Нужно отбросить предрассудки, которыми нас поработили, и узнать цену свободе печати.

Робеспьер утверждал, что свобода печати существует только тогда, когда она является полной и безграничной. Он подробно рассматривал возможные последствия установления каких-либо ограничений для свободы печати и пришел к категорическому выводу о недопустимости их. Далее Робеспьер поставил вопрос относительно возможности наказания за злоупотребления свободой печати и пришел к выводу, что закон не должен карать за выявление своего мнения относительно морали, законодательства, политики, религии, ибо истина выявляется лишь в результате борьбы противоположных суждений. Поэтому всякий уголовный закон, направленный против свободного выражения мнения, является нелепым, несправедливым. Общеизвестно, отметил Робеспьер, что нельзя наказывать в случаях, когда нет возможности точно установить преступление. Закон может предусматривать кару лишь за такие деяния, которые доступны точному и ясному определению: таковы, например, кража, убийство, бунт, мятеж. Но невозможно найти точные и ясные критерии для таких фактов, как возбуждение к бунту или к мятежу путем сочинения. Здесь нельзя определить границы самого преступления, найти свидетелей. Решение по такому делу всегда будет произвольным, противоречивым, необоснованным, а наказание явится вредным для истины и добродетели и полезным для порока, заблуждения и деспотизма. Именно деспотизм изобрел наказания для печати.

Исходя из того, что целью наказания является интерес общества, Робеспьер пришел к выводу, что следует наказывать не автора произведения печати, призывающего к преступлению, а того, кто совершит конкретное преступление: нужно карать не за высказанное мнение, а за содеянное преступление.

Свобода печати должна распространяться и на те произведения, в которых обвиняются, порицаются, разоблачаются общественные деятели. Какое-либо ограничение свободы печати в этих случаях всегда явится не чем иным, как способом сокрытия злоупотреблений общественных деятелей и должностных лиц.

Рассматривая вопрос о тех произведениях печати которые затрагивают интересы частных лиц, Робеспьер указывал, что он неразрывно связан с другим вопросом — о словесной и письменной клевете. Робеспьер считал справедливым, чтобы частные лица получали возмещение ущерба, нанесенного им клеветой, содержащейся в произведении печати. При этом Робеспьер выступал сторонником наиболее умеренных наказаний в таких случаях, за исключением лжесвидетельства против обвиняемых.

В заключение Робеспьер рекомендовал Учредительному собранию проект декрета, в котором провозглашается полная, ничем не ограниченная свобода печати. Тот, кто посягает на свободу печати, должен

рассматриваться как враг свободы и караться самым суровым наказанием. Частное лицо, которое окажется оклеветанным в печати, имеет право добиваться возмещения ущерба.

Из изложенного видно, что в работе Робеспьера о свободе печати содержится ряд общих положений уголовного права, с большой силой и убедительностью развитых Робеспьером: принцип уголовной ответственности исключительно за конкретное уголовно наказуемое деяние, недопустимость наказания за высказанное в печати мнение, отказ от уголовного преследования за произведения печати, содержащие критику должностных лиц и общественных деятелей, ограничение ответственности за клевету в печати, содержащие умаление чести частных лиц.

Общие вопросы уголовного права применительно к условиям воинской дисциплины были освещены Робеспьером в статье «О необходимости и природе воинской дисциплины», помещенной в «Защитнике Конституции». В этой статье он развил свои взгляды о революционной воинской дисциплине, об основаниях и пределах ответственности военнослужащих за совершенные ими нарушения воинской дисциплины. Статья начинается с утверждения, что воинская дисциплина является основой армии. Но какова природа и цель воинской дисциплины — этот вопрос до сих пор не разъяснен, утверждал Робеспьер. Принятый Учредительным собранием военный кодекс — дело рук генералов и военных министров, далеких от понимания революционной эпохи, и он не отвечает ей.

Воинская дисциплина — это верность в выполнении долга военной службы, это повиновение законам, регулирующим обязанности солдата. Но солдат не только военнослужащий, а прежде всего — гражданин; выполнив свой воинский долг, он пользуется всеми правами гражданина. Поэтому власть военачальника строго ограничена рамками военной службы, и она не может простирается за ее пределы, когда, например, солдат желает осуществлять свои гражданские права.

Робеспьер исходил из предпосылки, что всякая излишняя строгость в наказаниях является преступной, что произвольность судебного приговора недопустима.

Положения, развитые Робеспьером, должны быть, по его мнению, основой законности в армии. Поэтому военачальники не могут выходить за рамки законности — не могут быть ни законодателями, ни судьями. Существует два рода воинской дисциплины. Одна основана на предрассудках и рабстве и заключается в безграничной власти начальников над всеми поступками и личностью солдата. Другая основана на законности, на ограничении власти начальника интересами военной службы — она вытекает из самой природы вещей и из разума. При применении первой солдаты превращаются в рабов; такая дисциплина пригодна лишь для деспотов. Благодаря второй создаются воины-слуги отечества и закона; такая дисциплина пригодна для свободных народов, успешно защищающих свое отечество от внутренних и внешних врагов.

Робеспьер горячо доказывал, что революционная армия дисциплинирована, она защищает свое отечество, и все обвинения, выдвигаемые против солдат врагами революции, стремящимися восстановить свое бывшее могущество и свою бесконтрольную власть над солдатами, являются злостной клеветой.

Среди речей Робеспьера большое место занимают те, в которых

разоблачаются преступления Людовика XVI. В настоящем сборнике помещены три такого рода речи Робеспьера: «О королевской неприкосновенности», «Мнение о суде над Людовиком XVI» и «Вторая речь о суде над Людовиком XVI».

В первой из этих речей, произнесенной 14 июля 1791 г., Робеспьер в общей форме поставил и решил вопрос о пределах королевской неприкосновенности, о допустимости привлечения короля к ответственности за совершенные им преступления. После раскрытия и ликвидации попытки Людовика XVI к бегству Учредительное собрание поручило своим комитетам представить доклад об этих событиях. Доклад был составлен в благоприятном для Людовика XVI духе: он признавался невиновным и подлежал водворению на престоле, а вся ответственность за попытку бегства возлагалась на второстепенных лиц. Большинство выступивших в прениях по этому докладу депутатов разделили основные его положения, исходя из принципа неприкосновенности короля. Речь Робеспьера была направлена против этого доклада. Но Робеспьер остался в меньшинстве, и Собрание, исходя из неприкосновенности короля, признало его невиновным.

Робеспьер считал своей задачей «защитить священные принципы свободы» от «коварной доктрины», которая вообще отвергает возможность привлекать короля к ответственности за его поступки. Критикуя эту «доктрину», Робеспьер, как он сам указывал, отвлекался от оценки совершенных королем поступков (которые он все же перечислил), от решения вопроса о целях бегства короля и о наличии или отсутствии заговора против революции. Робеспьер считал, что ненаказуемое по закону преступление — возмутительно по своей природе, так как оно является отрицанием общественного порядка. Если преступление совершено первым в государстве должностным лицом (каковым является король), то в этом нельзя не усмотреть оснований для повышенной ответственности. Анализируя законодательство, Робеспьер приходит к выводу, что нет и не может быть закона, который поставил бы короля выше законов, как не может быть и закона, который освобождал бы от ответственности королевских министров. Если бы король совершил тяжкое уголовное преступление — убийство или изнасилование, то потерпевшие имели бы право отомстить за себя, ибо никакой закон не мог бы предоставить королю права совершать безнаказанно подобные преступления. Точно так же, если бы король совершил измену своему отечеству, призвал бы в свое отечество иноземные войска с целью опустошения своей страны, то никакой закон не мог бы вставить подобные поступки безнаказанными. Неприкосновенность могут иметь и имеют лишь сами народы, но не их представители или высшие должностные лица государства. Поэтому те, кто прикрывают короля «щитом неприкосновенности», приносят ему в жертву неприкосновенность народа. Робеспьер ополчился против «мнимых апостолов общественного порядка», которые извращают здравый смысл и истинную природу законов, делая кощунственную ссылку на законы для того, чтобы извращать понятие законности. Предположение о неприкосновенности короля приводит к разрушению законности: никакой суд не мог бы призывать к повиновению законом, если все граждане будут знать, что главный преступник остается безнаказанным.

Робеспьер заявил, что он ненавидит любое правление, где господствуют мятежники, где, сбросив одного деспота, подпадают под власть другого.

Обращаясь к депутатам, Робеспьер говорил, что если король не будет признан ответственным за свои поступки, то он, Робеспьер, хотел бы быть защитником тех людей, которые были соучастниками королевского заговора: если нет преступления, то не может быть и соучастников преступления. Одно из двух: отвечать должны все виновные или же все они должны быть признаны невиновными. Таким образом, в конце 1791 года Робеспьер уже высказывался за ответственность короля. 3 декабря 1792 г. Робеспьер выступил в Конвенте по вопросу о суде над Людовиком XVI.

В этой речи Робеспьер всесторонне обосновал мысль, что короля незачем судить, ибо он уже осужден историей; его следует казнить без суда как преступника, чьи злодеяния уже полностью установлены.

По мнению Робеспьера, Конвент не может судить, ибо он не является судебным органом, Людовик XVI не может быть судим, ибо он не обвиняемый, и к нему следует применить не наказание, а «меру общественного спасения». Излагая историю низложения Людовика XVI, Робеспьер указывал, что короля свергли с престола за его преступления; Людовик XVI, пытаясь подавить народную революцию и наказать народ, как мятежный, призвал себе на помощь «собратьев-тиранов». Но победил народ, и тем самым мятежником явился сам Людовик XVI. Одно из двух: или прав Людовик XVI — тогда незаконна, преступна республика, или же права республика — тогда преступен Людовик XVI. Робеспьер считал контрреволюционной самую идею суда над королем: ведь всякий суд предполагает возможность оправдания; следовательно, Людовик XVI может оказаться оправданным — тогда осужденной окажется республика. Далее Робеспьер развил взгляды Руссо о праве угнетенного народа прибегнуть к восстанию против тирана и вооруженной рукой вернуть свои естественные и неотчуждаемые права. Таким образом, король поставил себя вне общественного договора и тем самым не может быть судим на основе того судопроизводства, которое отражает договорные отношения между людьми. Народ, указывал Робеспьер, судит иначе, чем обычный суд: он повергает в прах королей, погружает их «в небытие». Далее Робеспьер подробно анализировал политические последствия, которые могут иметь место в том случае, если будет проведен обычный судебный процесс над низложенным королем. Возобновятся «споры деспотизма со свободой», реакционные партии получат возможность открытой контрреволюционной агитации, мятежники и заговорщики смогут объединяться для своей подрывной деятельности, появятся произведения и речи, оправдывающие Людовика XVI и его восхваляющие, и «все кроваважные орды деспотизма» будут терзать «сердце нашего отечества».

Придя к выводу, что Людовик XVI уже осужден всем ходом событий, Робеспьер потребовал его казни. Он напомнил, что в свое время был сторонником ее отмены, но теперь признал, что она может быть оправдана в тех случаях, когда «необходима для безопасности людей или общества». Природа преступлений Людовика XVI требует его уничтожения: «Людовик должен умереть, ибо отечество должно жить». До тех пор, пока народу угрожает восстановление деспотизма, нет места великодушию по отношению к тиранам. Робеспьер в конце своей речи требовал от Конвента объявления Людовика XVI изменником французской нации и казни его для того, чтобы народы сознавали свои права, а тираны были объаты ужасом перед правосудием народа.

Вторая речь Робеспьера по вопросу о суде над Людовиком XVI была произнесена 28 декабря 1792 г.

Робеспьер начал свою речь с положений, ранее уже развивавшихся им по вопросу о суде над Людовиком XVI. Он упоминал «священные формы», которые не являются судом, «вечные принципы», которые стоят выше предрассудков, «истинный приговор народа». Он вновь повторял, что Людовик XVI уже был осужден до того, как Конвент постановил его судить. Робеспьер сознавался, что в его сердце, неумолимо, когда речь идет об абстрактном определении справедливости и законности, зашевелилась было жалость к Людовику XVI, но он пришел к выводу, что подобная чувствительность приносит в жертву интересы великого народа, и отбросил ее. Процесс Людовика XVI вызван не жаждой мести, а обусловлен необходимостью обеспечить общественную безопасность, общественное спокойствие. Всякое промедление в решении участи короля, всякая отсрочка наносит тяжкий вред республике, народу. Преступления короля доказаны со всей очевидностью.

Далее Робеспьер со всей решительностью возразил против предложения обсуждать дело Людовика XVI в низовых организациях всей Франции и раскрыл контрреволюционный смысл этого предложения. В своей речи Робеспьер разбил аргументацию сторонников передачи приговора Конвента на утверждение народа и вновь призвал Конвент объявить Людовика XVI виновным и заслуживающим смертной казни.

Необходимо отметить, что сквозившая в речах Робеспьера о суде над Людовиком XVI недооценка политического значения юридической процессуальной формы этого суда была подмечена Маратом, который в противоположность Робеспьеру придавал исключительно большое значение строжайшему соблюдению норм и форм уголовного права и процесса при решении вопроса о наказании бывшего короля за совершенное им преступление против народа.

* * *

В ряде работ, опубликованных в период до установления якобинской диктатуры, Робеспьер затрагивал проблему революционной законности.

В 1792 году Робеспьер предпринял издание «Защитника Конституции». В первом номере был помещен «проспект» этого издания. Робеспьер указывает, что революция была совершена под влиянием «разума и общественного интереса», но в дальнейшем интриги, честолюбие, пороки затормозили ее развитие и привели к кризису. Народ хочет жить под защитой конституции. Но большинство нации не знает, как пользоваться благами и преимуществами Конституции. Поэтому долгом патриотизма является направлять «добрых граждан» к осуществлению общей цели, «сближать их всех с принципами Конституции» 1791 года, раскрывать истинные причины общественных неурядиц, критиковать поведение политических деятелей, изыскивать пути устранения всех недостатков в общественной жизни. Эти задачи и поставил перед собой Робеспьер в издававшемся им «Защитнике Конституции».

В статье «Изложение моих принципов» Робеспьер начал с того, что объявил о своем желании защищать Конституцию — «такую, как она есть». В качестве члена Учредительного собрания Робеспьер постоянно вскрывал недостатки Конституции 1791 года, но после того, как она была утверждена, он всегда «ограничивался требованием ее точного исполнения». Он глубоко

убежден, что для общественного спокойствия необходимо строжайшее соблюдение требований Конституции. Он не знает лучшего средства обеспечения законности, как выполнение требований Конституции. Против Конституции выступают все враги революции — двор, различные политические фракции, всевозможные интриганы и заговорщики. В подтверждение этого положения Робеспьер привел большое количество фактов противоконституционной деятельности роялистов и жирондистов. Робеспьер призывал французов объединиться на основе Конституции и защищать ее против всяческих мятежников и против исполнительной власти. Он призывал «потерпеть некоторое время ее несовершенство». Недостатки Конституции значительны, но в ней все же заложены принципы «бессмертного совершенства». В этой связи Робеспьер упоминал декларацию прав, свободу печати, право петиций, право мирных собраний и т.д. Защищая Конституцию, не следует забывать о ее недостатках, как не следует забывать и того, что «времена революции не похожи на времена спокойствия».

Таким образом, в статьях, помещенных Робеспьером в его газете, он выступал действительно «защитником Конституции», видя в защите ее и конституционных требований одно из средств борьбы с врагами революции, пытавшимися расшатать, уничтожить те «элементарные гарантии», которые содержались в Конституции 1791 года.

Вопросы революционной законности были освещены Робеспьером в его статьях и речах, связанных с проектами Декларации прав и Конституции 1793 года.

Робеспьер принял деятельное участие в их разработке и обсуждении.

В первом своем выступлении по конституционным вопросам Робеспьер уделил большое внимание формулировке права собственности. В этой связи интересно сопоставить высказывания Робеспьера с основными положениями Декларации прав 1789 года, проекта, представленного жирондистами, и утвержденной Декларацией.

Декларация прав 1789 года отнесла собственность к числу естественных и неотъемлемых прав человека, — наряду со свободой, безопасностью и сопротивлением угнетению. Она провозгласила собственность неприкосновенной и священной и установила, что лишение кого-либо собственности может иметь место лишь в случаях законом признанной «общественной необходимости», притом при обязательном условии «справедливого и предварительного возмещения». Таким образом, Декларация прав 1789 года полностью обеспечивала классовые интересы буржуазии. Жирондистский проект еще более усилил принцип неотчуждаемости собственности, хотя и исключил указания о священности и неприкосновенности собственности. Декларация 1793 года восприняла и развила в этой части идеи, содержащиеся в жирондистском проекте. Она установила, кроме того, что право собственности заключается в принадлежащей каждому человеку возможности «пользоваться и располагать по усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла». Таким образом, якобинская Декларация прав стремилась обеспечить охрану не только интересов крупной буржуазии, но и интересов мелких собственников.

Предложения Робеспьера существенно отличались от принятой Декларации. В своем выступлении и своем проекте Робеспьер вовсе не включал собственность в число основных прав человека, к которым он

относил «право заботиться о сохранении своего существования и право на свободу». Утверждая, далее, право собственности за каждым человеком, Робеспьер вводил два ограничения этого права: обязанность уважать чужие права и отсутствие ущерба для других людей. Всякое нарушение этих принципов, порождаемое использованием права собственности. Робеспьер объявлял незаконным и безнравственным.

Решая вопрос о праве собственности, Робеспьер стремился: примирить два противоположных начала, но здесь он находился как бы между двух огней. С одной стороны, он — противник богатства, крупной собственности, резкого неравенства состояний, но, с другой стороны, он — противник идеи равенства имущества, противник аграрного закона, под которым подразумевали конфискацию земель у крупных собственников и предоставление крестьянам уравнительного землепользования. В этом отношении: представляет интерес его речь о проекте Декларации прав. Желая пополнить «теорию собственности», он сначала со всей силой обрушился и на богачей, и на сторонников «аграрного закона»: «Грязные души, уважающие только золото, я не хочу трогать ваших сокровищ, из какого бы нечистого источника они ни происходили. Вы должны знать, что тот аграрный закон, о котором вы столько говорили, является лишь призраком, выдуманным плутами для: устрашения глупцов». Указывая, что лично он далек от зависти к богатству и, наоборот, всячески уважает добродетели бедности.. Робеспьер формулировал свое отношение к собственности: не было, конечно, надобности в революции, чтобы сообщить вселенной о том, что крайняя неравномерность состояний служит источником многих зол и многих преступлений, но мы не менее убеждены, что равенство имущества есть пустая мечта. Что касается меня, то я считаю его еще менее нужным для личного счастья, чем для общественного благоденствия. Речь идет не о том, чтобы не допускать богатства, а гораздо более о том, чтобы заставить уважать бедность. Робеспьер стремился связать право собственности с нравственными началами, ввести собственность в законные предусмотренные рамки, установить прогрессивный налог на имущества. Такова была его более чем скромная программа по отношению к институту собственности, конечно, не дающая никаких оснований видеть в ней зародыши социалистической теории. Но вместе с тем нельзя не отметить, что и такие весьма умеренные формулировки, данные Робеспьером, не были приняты якобинским Конвентом.

В речи 24 апреля 1793 г. Робеспьер не только сформулировал статьи о праве собственности, но и привел с соответствующим, обоснованием весь свой проект Декларации. Укажем на наиболее существенные положения этого проекта. Робеспьер считал необходимым провозгласить в Декларации прав, что «люди всех стран — братья», что «угнетающий одну нацию является врагом: всех наций», что ведущие агрессивную войну против свободы и прав человека должны преследоваться «как убийцы и мятежные разбойники», что короли, аристократы, тираны, каковы бы они ни были, являются рабами, возмущившимися против суверена земли, которым является человеческий род, и против законодателя вселенной, которым является природа.

В проекте Декларации прав, предложенном Робеспьером, отчетливо отражены основные принципы, сформулированные Руссо, определяющие гарантии личности, права личности и т. д.. Должны быть особо отмечены такие статьи проекта Робеспьера,, где он указывает на обязанность общества

заботиться о существовании своих членов, обеспечивая их работой, на обязанность богачей помогать неимущим и т.д.

Робеспьер сформулировал и принципы законности: закон может воспрещать только то, что вредно для общества, и предписывать только то, что полезно для общества. «Всякий закон., нарушающий неотъемлемые права человека, является несправедливым и тираническим: он не является законом». Закон есть свободное и торжественное выражение воли народа. Он равен для всех граждан. Граждане обязаны «благословейно повиноваться» властям. Но если происходит нарушение неотъемлемых прав граждан, то они не должны повиноваться несправедливым велениям власти и имеют право отразить подобное насилие силой. «Сопrotивление угнетению является следствием всех других прав человека и гражданина». Если правительство нарушает права народа, то последний получает право на восстание против правительства. «Когда гражданину не предоставляется общественной гарантии, он возвращается к естественному праву самостоятельной защиты всех своих прав».

Из сопоставления проекта Робеспьера с принятой Конвентом Декларацией прав видно, что далеко не все предложения Робеспьера, невзирая на его авторитет вождя и теоретика якобинцев, были приняты. Предложенные Робеспьером формулировки были значительно смягчены.

Вторая речь Робеспьера — «О Конституции» — была произнесена им в Конвенте 10 мая 1793 г. Он начал эту речь с указания, что до сих пор не обеспечены права человека и гражданина, враги народа посягают на свободу и демократию, в обществе распространены низкие нравы и народ, являющийся подлинным сувереном, не может пользоваться всей полнотой своих прав. Робеспьер привел исторические примеры и сопоставления, он рисовал картины бесправного положения народа, тиранических форм правления и призывал создать такую Конституцию, которая обеспечила бы подлинную законность. Робеспьер подробно обосновал выдвигаемые им предложения к проекту Конституции — о народных представителях и о публичных должностных лицах, о пределах их прав и полномочий, о подотчетности и гласности деятельности должностных лиц, о необходимости создания условий для непосредственного участия народа в деятельности народных представителей, об оплате труда народных представителей и т.д. В заключительной части своей речи Робеспьер привел текст своего проекта Конституции, состоящий всего из 20 статей; по существу, это лишь основные положения проекта Конституции, а не сама Конституция.

Нам еще придется вернуться к вопросу о взглядах Робеспьера на революционную законность, когда мы будем характеризовать его отношение к чрезвычайным мерам, обусловленным внешне- и внутреннеполитической обстановкой гражданской войны и иностранной военной интервенции.

* * *

После революции 31 мая — 2 июня 1793 г., когда во Франции на непродолжительное время установилась диктатура революционной демократии, в условиях все более обостряющейся классовой борьбы Робеспьер устремил все свои силы на разоблачение новых форм контрреволюционной деятельности врагов народа и на проведение наиболее решительных, наиболее действенных мер для ограждения завоеваний революции от контрреволюционных происков ее внутренних и внешних врагов. Он развил теорию революционного террора как единственно целе-

сообразного средства борьбы с контрреволюцией, как особой формы революционной законности в чрезвычайных условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

Будучи убежденнейшим, горячим, последовательным сторонником философского, политического и юридического учения Руссо, Робеспьер в этих речах основывается на общих идеях и принципах своего учителя.

Доклад «О принципах революционного правительства» был прочитан Робеспьером 5 нивоза 2-го года Республики (25 декабря 1793 г.). Этот доклад был по постановлению Конвента напечатан для всеобщего сведения и руководства.

Робеспьер начал свой доклад с указания на то, что победы над иноземными войсками не могут заслонить другой задачи — разгрома внутренней контрреволюции. Эта задача поставлена перед революционным правительством. Робеспьер указал, что теория революционного правительства так же нова, как и революция, создавшая его. Поэтому необходимо разработать эту теорию. «Революция — это война свободы против ее врагов; Конституция — это режим победоносной и мирной свободы». Целью революционного правительства является основание республики, а целью конституционного правительства — сохранение республики. Революционное правительство, которое действует в условиях войны с внешними и внутренними врагами свободы, вынуждено применять чрезвычайные меры: обстоятельства, при которых оно находится, бурны и изменчивы, а главное — потому, что оно вынуждено беспрестанно применять новые и быстродействующие средства против новых и серьезных опасностей. Показывая основные различия между конституционным и революционным правительством, Робеспьер отметил, что первое обеспечивает по преимуществу гражданскую свободу, а второе — общественную свободу. Хорошим гражданам революционное правительство должно давать всю национальную защиту; врагам народа оно должно давать лишь смерть. Таковы, по мнению Робеспьера, природа и происхождение революционных законов. Те, кто призывают в создавшихся условиях к буквальному исполнению конституционных норм, являются врагами революции, «подлыми убийцами», стремящимися погубить республику. «Конституционный корабль» был построен для мирного плавания, но во время бури, которую переживает Франция, он не должен пускаться в плавание: сначала необходимо освободить народ от всех его врагов.

Революционное правительство, будучи более свободным в своих действиях, чем конституционное правительство, является справедливым и законным, так как оно опирается «на самый святой из всех законов — на благо народа, на самое прочное из всех оснований — на необходимость». Революционное правительство применяет конституционные законы во всех тех случаях, когда в этом нет опасности для общественной свободы. Мерой его силы должна быть «дерзость или вероломство заговорщиков». Чем грознее оно для злых, тем благоприятнее оно должно быть для добрых. Чем больше обстоятельства требуют от него необходимых строгостей, тем больше оно должно воздерживаться от мероприятий, бесполезно стесняющих свободу и затрагивающих частные интересы без всякой общественной выгоды.

Робеспьер разоблачил как враждебные революции крайности — беспринципную умеренность и не вызванные необходимостью эксцессы. И те,

и другие причиняют республике тяжкий урон. Поэтому следует защищать подлинный патриотизм от всех и всяческих отклонений от него.

У революционного правительства на путях его деятельности стоят большие трудности: его власть велика, свободна и проявления ее быстры; если она попадет в «нечистые или вероломные руки», то свобода будет утрачена. Поэтому народ должен контролировать деятельность своего правительства, всемерно помогать ему высоко держать знамя свободы. И в этой связи Робеспьер приводил идеализированные примеры из греческой и римской истории.

Характеризуя контрреволюционные происки врагов народа, Робеспьер приводил примеры измен и тирании, подкупов и провокаций. Враги народа, указывал Робеспьер, «окапываются среди нас; они возводят новые редуты, новые контрреволюционные батареи, в то время как тираны, содержащие их на жалованье, стягивают новые войска». Поэтому революционное правительство должно применять быстрые, энергичные, эффективные меры против врагов народа. Робеспьер обращался к Конвенту с предложением внести необходимые изменения в законы, чтобы обеспечить быстроту и меткость репрессий против врагов революции. Свой доклад Робеспьер закончил предложением проекта декрета, конкретизирующего содержащиеся в докладе положения о революционных мерах подавления контрреволюции.

Написанный и произнесенный с исключительной силой и революционным пафосом доклад Робеспьера «О принципах революционного правительства» является одним из наиболее ярких воплощений в действительности якобинской диктатуры принципов революционного террора. В речи Робеспьера «О принципах политической морали, которыми должен руководствоваться Конвент» эти идеи нашли свое дальнейшее развитие.

Этот доклад был прочитан Робеспьером в Национальном Конвенте 5 февраля 1794 г. Он был издан по постановлению Конвента во всеобщее сведение. Доклад «О принципах политической морали, которыми должен руководствоваться Конвент» — одно из наиболее крупных произведений Робеспьера периода якобинской диктатуры.

Робеспьер начал свой доклад с определения целей революции. Он сформулировал их в абстрактной, отвлеченной форме: цель революции состоит в том, чтобы мирно наслаждаться свободой и равенством, царством вечной справедливости, установить такой порядок, при котором низкие и жестокие страсти были бы парализованы, а благотворные и великодушные страсти поддержаны законами. В этой связи Робеспьер говорил об использовании честолубия на службе отечеству, о подчинении гражданина магистрату, а магистрата народу и народа справедливости, об обеспечении благосостояния каждой личности, о развитии искусств на благо свободы, о превращении торговли в источник общественного благополучия. Робеспьер говорил далее о том, что все отступления от подлинной нравственности должны быть устранены, чтобы были заменены «все пороки и все нелепые стороны монархии всеми добродетелями и всеми чудесами Республики». Свой конечный вывод Робеспьер сформулировал так: «Словом, мы хотим осуществить желания природы, свершить судьбы человечества, сдерживать обещания философии, оправдать провидение за долгие царствования преступления и тирании». Пусть Франция, когда-то известная среди рабских стран, затмевая славу всех свободных народов, которые существовали,

станет примером для подражания наций, ужасом угнетателей, утешением угнетаемых, украшением вселенной, и пусть, скрепляя свою работу своей кровью, «мы сможем по крайней мере увидеть сияние зари всеобщего благоденствия.. . Вот наше честолубие, вот наша цель». Подобную программу может, по мнению Робеспьера, осуществить лишь демократическое, республиканское правительство; принципами демократии должен руководствоваться и народ, и его правительство. Но, для того чтобы эти принципы были осуществлены, необходимо сначала «покончить с войной свободы против тирании и счастливо пройти через бури революции» — только тогда народ сумеет достигнуть «мирного господства конституционных законов».

В чем же состоит основа демократического правления? — поставил вопрос Робеспьер. Она состоит в общественной добродетели, в патриотизме, в любви к равенству, в предпочтении общественного интереса всем частным интересам. Национальный Конвент в своей деятельности должен основываться на этих принципах. Подробно развивая эти принципы, Робеспьер вновь возвращается к характеристике той общественно-политической обстановки, в которой находилась Франция в начале 1794 года. И так как «шторм бушует», то перед Конвентом стоит задача — в данный момент производить те революционные меры, которые вытекают из правильной оценки создавшейся обстановки.

Робеспьер указывает, что республика со всех сторон окружена врагами. «Извне вас окружают все тираны; внутри страны все друзья тирании составляют заговоры; они будут составлять заговоры до тех пор, пока преступление может надеяться на успех. Нужно подавить внутренних и внешних врагов республики или погибнуть вместе с нею; а в данном положении первым правилом вашей политики должно быть управление народом при помощи разума и врагами народа — при помощи террора».

В этих словах Робеспьера сжато сформулированы квинтэссенция якобинской диктатуры, сущность и обоснование революционного террора.

В мирное время орудием демократии является добродетель, в революционное время — и добродетель, и устрашение одновременно; они тесно связаны между собой. Без добродетели страх пагубен, а без страха добродетель бессильна. Опровергая клеветнические утверждения о том, что якобинская диктатура якобы схожа с деспотизмом, Робеспьер заявлял, что это лишь внешнее сходство: «меч, сверкающий в руках героев свободы, походит на меч, которым вооружены приверженцы тирании». И Робеспьер подробно разобрал все аргументы за и против применения к врагам революции мер революционного террора. В этой связи он разоблачил тех, кто из ложно понятой идеи гуманизма призывает к мягкости в отношении врагов революции. Он напомнил о чудовищных зверствах контрреволюционеров в отношении защитников свободы, в отношении женщин, страшно изуродованных детей, изрубленных на груди своих матерей, пленных, в ужасных муках искупающих «свой трогательный и возвышенный героизм».

Выступая последовательным сторонником применения решительных мер революционного террора против врагов народа, Робеспьер развил ряд положений о революционной законности, о революционном правосудии, имеющих исключительно большое значение для понимания его взглядов в этой области, как и для понимания принципов практической деятельности революционных трибуналов в период якобинской диктатуры:

Свидетельские показания не могут заменить «свидетельства вселенной», а письменные доказательства не могут заменить очевидности. Поэтому уголовный процесс, по мнению Робеспьера, должен быть упрощен, когда речь идет о явных преступлениях явных контрреволюционеров.

Медлительность в вынесении приговоров равносильна безнаказанности. Поэтому революционный трибунал должен иметь возможность быстро выносить свой приговор врагам народа.

В борьбе с контрреволюцией милосердием является наказание «угнетателей человечества»; было бы варварством простить их. Тягчайшие преступления, совершаемые аристократией и другими врагами народа, требуют применения к ним строгого наказания.

Характеризуя формы контрреволюции, Робеспьер различал два направления деятельности врагов народа: одно из них толкает республику к слабости, а другое — к крайним мерам. Руководители обоих флангов контрреволюции «привержены делу королей или аристократии».

Робеспьер дал яркую характеристику той части врагов революции, которые толкают ее к слабости. Это — лжереволюционер, который «одержим патриотизмом в зависимости от обстоятельств». Он мыслит по указке своих иноземных хозяев, он противится революционным мероприятиям или сознательно преувеличивает их действие — в зависимости от обстоятельств. Он — скрытый вредитель, скрытый клеветник, пресмыкающийся перед сильными и попирающий слабых, пролезавший в народные организации и разлагающий их изнутри.

Робеспьер указывал, что по существу нет разницы между «умеренными» и «ультрареволюционерами». По мнению Робеспьера, и эти последние наносят революции тяжелый урон, нападая на Конвент «с безумными речами», проповедуя несправедливые строгости, призывая Францию к завоеванию мира, проповедуя атеизм, который, объявляя войну божеству, является лишь «диверсией в пользу королевской власти». Трудно перечислить все формы преступной деятельности контрреволюционеров, и Национальный Конвент должен быть бдительным и неуклонно пресекать все проявления контрреволюции.

Таковы общие принципы политической морали, которые были предложены Робеспьером и одобрены Конвентом.

Исключительно большой интерес представляет последняя речь Робеспьера, произнесенная им 8 термидора 2-го года Республики (26 июля 1794 г.), то есть накануне контрреволюционного переворота, первой жертвой которого явился сам Робеспьер и его ближайшие соратники Сен-Жюст и Кутон.

В этой речи Робеспьер разоблачал происки врагов народа, направленные против революционного правительства и лично против него, призывал Конвент к революционной бдительности, к неуклонной борьбе с контрреволюцией. Как и в других своих выступлениях, он уделил большое внимание вопросам революционной законности. Он по-прежнему обосновывал необходимость и неизбежность применения к контрреволюционерам суровых мер революционного террора, но, быть может, больше, чем раньше, говорил о необходимости обеспечить меткость репрессии, чтобы избежать ненужных и несправедливых жертв.

В тот же день Робеспьер повторил эту речь в якобинском клубе. В конце ее, как сообщают Бюше и Ру, Робеспьер сказал: «Произнесенная мною речь

является предсмертным завещанием. Я понял это сегодня; число злодеев так велико, что у меня нет надежды избежать их мщения. Я погибаю без сожаления; завещаю вам хранить память обо мне; она останется дорога для вас, и вы сумеете ее защищать. Отделите злодеев от людей слабых; освободите Конвент от угнетающих его негодяев; окажите ему ту услугу, которую он ждет от вас по примеру дней 31 мая — 2 июня. Идите, спасайте вновь свободу»¹².

* * *

В настоящем сборнике приводится несколько речей Робеспьера о революционном трибунале.

Первое такое выступление было связано с проектом закона 10 марта, 1793 г. о создании революционного трибунала.

Во время постатейного чтения закона выступил Робеспьер. В краткой речи он особо остановился на необходимости внести ясность в декрет о революционном трибунале, в само понятие «заговорщик», «контрреволюционер», а также специально указать о наказании смертью попыток восстановления королевской власти. Робеспьер считал необходимым предусмотреть в законе наказуемость издания сочинений, направленных против революции.

В конце августа 1793 года Робеспьер выступил в Конвенте с речью по поводу необходимости упростить судопроизводство в революционном трибунале, для того чтобы превратить его в действительно грозное оружие против контрреволюции.

В этой речи Робеспьер критиковал «крючкотворские формальности, которыми опутал себя революционный трибунал». Он осудил «преступную медлительность» революционного трибунала, связанного рядом процессуальных форм. Робеспьер считал порочной также организацию Комитета общественной безопасности. Он внес предложения о проведении реформы революционного трибунала и Комитета общественной безопасности. В конце своей речи Робеспьер в сжатой форме резюмировал свои предложения: «...реформа революционного трибунала и быстрое преобразование его на основе новых форм; он будет осуждать виновных или освобождать невиновных в определенный и всегда очень короткий срок...»

Огромное значение для развития революционного правосудия французской революции 1793—1794 гг. сыграл закон 10 июня (22 прерияля) 1794 г., основные положения которого были определены Робеспьером.

Необходимость внесения существенных коррективов в порядок деятельности революционного трибунала в сторону упрощения судопроизводства была признана монтаньярами еще раньше, в условиях нарастания революционной борьбы с врагами народа. Для подавления контрреволюционного восстания в Оранже Комитет общественного спасения, в изъятие из закона об обязательном рассмотрении всех дел о контрреволюции исключительно в парижском трибунале, учредил особую комиссию, деятельность которой определялась инструкцией 19 флореаля 1794 г. Эта инструкция была написана Робеспьером. В ней уже были сформулированы основные мысли, развитые вскоре в декрете 22 прерияля 1794 г.

Роль Робеспьера в подготовке и принятии закона 22 прерияля 2-го года Республики состояла, во-первых, в разработке общих принципов и положений, заложенных в этом законе (инструкция Оранжейской комиссии и в особенности доклад о принципах политической морали), и, во-вторых, в

продвижении законопроекта в Конвенте (несколько выступлений 22 и 24 прериаля).

Выступления Робеспьера прежде всего были направлены против высказанного некоторыми депутатами Конвента предложения об отсрочке обсуждения и принятия законопроекта. Робеспьер подробно охарактеризовал усиление заговорщической деятельности врагов народа и отрицательно оценивал практику революционного трибунала, недопустимо медлительную в борьбе с контрреволюцией. Недостатки деятельности революционного трибунала, по мнению Робеспьера, обусловлены тем, что сама организация трибунала связана с целым рядом вредных для дела свободы «формальностей». Отсрочка принятия закона была бы на руку лишь врагам народа. Проект закона содержит положения, которые не могут не одобрить истинные друзья свободы, и каждый депутат Конвента в состоянии разобраться в этом. Закон — строг, и это вызывается интересами Республики: «...строгость страшна лишь для заговорщиков, для врагов свободы и человечества».

Призывая депутатов Конвента к постатейному обсуждению проекта закона, Робеспьер указывал, что проект не является ни более неясным, ни более сложным, чем те законы, которые Комитет уже представил «для спасения отечества». Поэтому рекомендация отсрочки, делаемая некоторыми депутатами, может вызвать лишь недоумение и сомнение в их патриотизме. «Всякий, кто пылает любовью к отечеству, с восторгом одобрит средства, способные настичь и поразить его врагов».

Критикуя выдвинутые некоторыми депутатами возражения против проекта закона в целом или в отношении отдельных его статей, Робеспьер особо остановился на том месте проекта, где говорится о «развращении общественных нравов» как одной из форм преступной деятельности контрреволюционеров. В этой связи он упоминает имена Эбера, Дантона и других. Он требует «вырвать чересчур глубокие корни, пущенные развращенностью». Он разоблачает как контрреволюционные попытки посеять раздоры между депутатами Конвента. В ответ на реплики депутата Бурдона Робеспьер обрушил на него всю тяжесть своего красноречия, недвусмысленно обвиняя его в отсутствии подлинного патриотизма. Робеспьер, далее, привел примеры коварных маневров контрреволюции, пытающейся унижить, опорочить Конвент и комитеты общественного спасения и общественной безопасности. Он призывал Конвент принять закон, обеспечить единство патриотических чувств депутатов, усилить борьбу с врагами революции и единодушно помочь Комитету общественного спасения в его деятельности: «Помогите же нам, не позволяйте разъединять нас с вами, ибо мы — только часть вас самих, и без вас мы ничто».

Речи Робеспьера об организации и реорганизации революционного трибунала являлись практическим преломлением его взглядов на революционную законность и революционное правосудие.

* * *

Мировоззрение Робеспьера складывалось в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII века, когда просветительная философия завоевывала себе первенствующее место в прогрессивных слоях общества. Наибольшее влияние на Робеспьера оказали философские, политические и юридические взгляды Руссо, горячим приверженцем которого Робеспьер оставался всю жизнь.

В учении Руссо Робеспьера больше всего привлекала беспощадная критика деспотизма, политического неравенства людей, несправедливых различий в экономическом положении людей, грубых нарушений тиранами общественного договора; его воодушевляли развитые Руссо идеи народного суверенитета, обоснование права народа на вооруженное восстание против тиранов, на революционное завоевание народом его неотъемлемых прав, на создание демократической республики; он разделял развитую Руссо идеализацию общественного и политического строя древней Греции и Рима и превозносил добродетели и доблести, якобы присущие людям, жившим в этих государствах: следуя за Руссо, он критиковал официальную религию и присущий ей религиозный фанатизм, но так же, как и Руссо, он признавал верховное существо и разделял взгляд о необходимости культа этого существа.

Мировоззрение Робеспьера складывалось постепенно. В до-революционные годы, а также в первый период французской буржуазной революции (в период деятельности Учредительного собрания) для Робеспьера характерна в большей степени умеренность его взглядов по основным политическим вопросам: он сторонник умеренных реформ с сохранением королевской власти; он в области законности и правосудия также развивал весьма умеренные взгляды; он выступал решительным противником смертной казни, и в целом все его мировоззрение характеризовалось весьма умеренным просветительством. В этом отношении характерно отношение Робеспьера к известному антирабочему закону Ле-Шапелье, принятому Учредительным собранием 14 июня 1791 г., против принятия которого Робеспьер вообще не выступал, хотя в то же самое время постоянно выступал против многих, казавшихся ему несправедливыми законов. Отношение Робеспьера к этому антирабочему закону не изменилось и в последующие годы. По этому поводу Маркс писал: «Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 года считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжали сохранять свою силу...»¹³

Но, отмечая умеренный характер политических взглядов Робеспьера как в дореволюционное время, так и в первый период, революции, нельзя, не потеряв исторической перспективы, умалять прогрессивного значения его высказываний: он вел неуклонную борьбу против феодального правопорядка, стремился содействовать проведению в высшей степени важных реформ в области государственного, уголовного и гражданского права. Необходимо, далее, отметить, что почти все выступления Робеспьера в Учредительном собрании не могли быть и действительно не были одобрены и приняты депутатами, что чаще всего он подвергался оскорбительно-ироническим окрикам со стороны большинства депутатов Собрания. И тем не менее депутат от третьего сословия города Арраса, малоизвестный адвокат и автор нескольких также малоизвестных работ Робеспьер мужественно, настойчиво, самоотверженно проводит в своих многочисленных выступлениях идеи законности, правосудия в духе просветительной философии, пытаясь применить ее в интересах широких народных масс.

Постепенно его выступления в защиту равенства, справедливости, законности создают ему популярность, к его речам начинают прислушиваться все более широкие массы за пределами Учредительного собрания. Если первоначально в выступлениях Робеспьера преобладали черты кабинетного

ученого, его речь была туманной и тяжеловесной, то в дальнейшем из него вырабатывается блестящий оратор-трибун, мастерски владеющий словом, умеющий воодушевлять массы, строго и отточенно формулировать свои мысли и революционные предложения.

Ко времени революции 10 августа 1792 г. у Робеспьера уже исчезают какие-либо иллюзии в отношении возможности проведения необходимых реформ при наличии монархии. Но у него еще сохраняются иллюзии возможности проведения «чистой законности», обеспечения принципов справедливости и равенства после устранения монархии. В этот период Робеспьер все более и более общается с народными массами в якобинском клубе, в Парижской Коммуне, и это общение с народом, несомненно, оказывает на него исключительно большое влияние. Выступая уже позже в Конвенте по делу Людовика XVI, Робеспьер развивает наиболее революционные стороны учения Руссо, требует безоговорочного осуждения Людовика XVI и применения к нему смертной казни.

В наибольшей степени раскрывается талант Робеспьера как вождя народных масс, организатора революционного движения, проводника идей трудящегося и эксплуатируемого народа в период якобинской диктатуры 1793—1794 гг. Будучи всю свою жизнь горячим сторонником идей Руссо, он именно в этот период стремится претворить их на практике. Став общепризнанным вождем революционных масс, руководителем Национального конвента и Комитета общественного спасения, идеологом монтаньяров, он направляет и организует массы в борьбе с контр-революцией, в борьбе с иноземными интервентами, в борьбе с экономическими трудностями, в борьбе за упрочение новых начал морали и нравственности, в борьбе за установление культа верховного существа. Он ведет жестокую фракционную борьбу с правым течением среди якобинцев — с дантонистами, с левым течением среди якобинцев — со сторонниками «бешеных» (Ру, Леклерк и др.), с Шометтом, Эбером и их сторонниками, добивается их осуждения как врагов народа.

Во всей этой кипучей практической деятельности очень ярко проявляются сильные и слабые стороны просветительной философии, сильные и слабые стороны руссоизма.

Разделяя взгляды Руссо об идеализации древних эпох, Робеспьер постоянно обращается к образцам Рима и Афин для показа добродетели, справедливости, свободы. Характеризуя Деятельность Робеспьера и других деятелей французской революции, Маркс писал, что они «осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества... Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь»¹⁴.

Маркс и Энгельс в «Святом семействе» подробно характеризуют это стремление Робеспьера и его сторонников учить народные массы революционной добродетели на идеализированных примерах прошлого: «По мысли Робеспьера и Сен-Жюста, свобода, справедливость, добродетель могут быть... только жизненными проявлениями «народа» и только свойствами «народной сущности». Робеспьер и Сен-Жюст весьма определенно говорят об античных, присущих только «народной сущности», «свободе, справедливости, добродетели». Спартанцы, афиняне, римляне в эпоху своего

величия — «свободные, справедливые, добродетельные народы»... Робеспьер специально называет афинян и спартанцев «свободными народами». Он беспрестанно воскрешает в памяти слушателей античную «народную сущность» и приводит имена как ее героев, так и ее губителей: Ликурга, Демосфена, Мильтиада, Аристида, Брута — и Каталины, Цезаря, Клодия, Пизона»¹⁵.

Говоря об этой идеализации греческой и римской истории, столь характерной для высказываний Робеспьера, нельзя упускать из виду итогов обстоятельства, что у него, как и у других вождей революционной демократии XVIII века, не было и еще не могло быть каких-либо других исторических примеров, которые могли бы быть использованы для показа социальных добродетелей. И если для показа пороков, присущих обществу, можно было приводить бесчисленное количество исторических и современных примеров, то для показа добродетелей можно было обращаться только к истории и притом к истории идеализированной.

Разделяя взгляды Руссо на необходимость существования частной собственности при устранении «крайностей» экономического неравенства, Робеспьер в своей экономической программе был далек от идей утопического социализма, которых он не понимал и не разделял. Его экономическая программа, как, впрочем, и большинства его соратников, была крайне неопределенна и непоследовательна. С одной стороны, он боялся крайностей предложения «бешеных» о введении максимума цен на предметы потребления, был противником предоставления рабочим права ассоциаций, всячески защищал мелкую собственность, отражая тем самым интересы мелкой буржуазии. С другой стороны, Робеспьер под влиянием требований широких народных масс становится сторонником и проводником декретов о максимуме, о наказании скупщиков и спекулянтов, о конфискации имущества врагов народа и распределении его между нуждающимися; он выступает с политически острыми речами, направленными против крупной буржуазии, против «чрезмерных богатств», против роскоши.

Выступая против «бешеных», против эбертистов и шометтистов, требуя и добиваясь осуждения их как врагов народа к смертной казни, Робеспьер тем самым делал значительные уступки интересам буржуазии, интересам их представителей — бриссотинцев или дантонистов, которых он в свое время оценил как врагов народа и смерти которых он столь энергично добивался.

Разделяя основные воззрения Руссо по вопросам государственного правления — общественного договора, суверенитета народа, права народа на вооруженное восстание против тиранов, революционного пути создания демократической республики, Робеспьер стремился последовательно проводить эти принципы в жизнь. При этом необходимо отметить одну в высшей степени важную черту политических взглядов Робеспьера, отмеченную Марксом. «Герои французской революции были весьма далеки от того, чтобы искать источник социальных недостатков в принципе государства, — они, наоборот, в социальных недостатках видели источник политических неурядиц. Так, Робеспьер в большой нищете и большом богатстве видел только препятствие для чистой демократии. Поэтому он хотел установить всеобщую спартанскую простоту жизни»¹⁶.

В рассматриваемый период якобинской диктатуры Робеспьер создает и последовательно развивает идею о разграничении законности мирного времени и законности революционного времени — революционной

законности. В условиях мирного времени получает полное применение Конституция, конституционные нормы и права. Конституция 1793 года, по мнению Робеспьера, именно и рассчитана на условия мирного времени — она последовательно проводит все принципы демократического строя, демократического правления, демократической законности. Но когда против республики ведут ожесточенную борьбу соединенные силы европейских монархов, когда республика осаждается изнутри заговорами и восстаниями контрреволюционеров, когда в обществе еще господствуют несправедливость, пороки, тиранические поползновения, — в этих конкретно-исторических условиях необходимы и неизбежны чрезвычайные меры, направленные на устрашение и подавление врагов революции. В этих условиях необходимым, по мнению Робеспьера, является революционный террор, осуществляемый самими революционными массами и представляющими их интересы карательными органами. Террористические законы якобинской диктатуры «изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере»¹⁷.

Оценивая революционный террор, необходимость которого теоретически обосновал Робеспьер, Энгельс писал: «Что касается террора, то он был по существу военной мерой до тех пор, пока вообще имел смысл. Класс или фракционная группа класса, которая одна только могла обеспечить победу революции, путем террора не только удерживала власть (после подавления восстания это было нетрудно), но и обеспечивала себе свободу действий, простор, возможность сосредоточить силы в решающем пункте, на границе. К концу 1793 г. границы были почти обеспечены, 1794 г. начался благоприятно, французские армии почти повсюду продвигались вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой для Робеспьера, как и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира. В этом конфликте трех направлений победил Робеспьер, но с тех пор террор сделался для него средством самосохранения и тем самым стал абсурдом; 26 июня при Флерюсе Журдан положил к ногам республики всю Бельгию, тем самым террор потерял под собой почву, 27 июля Робеспьер пал и началась буржуазная оргия»¹⁸.

Указывая, что в известный период революционный террор «достиг безумных размеров», Энгельс отмечал, что «он был необходим, чтобы помочь Робеспьеру при наличных внутренних условиях удержать власть в своих руках»¹⁹.

Робеспьер, несомненно, переоценивал значение революционного террора; с другой стороны, противопоставляя революционный террор революционной законности, он способствовал тем извращениям и злоупотреблениям при применении его к врагам революции, которые дали основание упрекать якобинцев в излишних жестокостях.

Переоценка значения революционного террора в борьбе с врагами революции, в борьбе за создание и укрепление республики и ее социально-политических преобразований вообще характерна для деятелей французской буржуазной революции конца XVIII века. Она вытекала из присущей всем просветителям переоценки значения «мудрых законов», посредством принятия которых якобы вообще возможно при любых условиях добиться усовершенствования нравов, общественных учреждений и отношений. Переоценивая вообще «мудрое законодательство», якобинцы переоценивали и свое террористическое законодательство, полагая, что это

законодательство и его применение на практике приведут не только к физическому уничтожению врагов революции, но и к устранению причин, порождающих их антинародную деятельность, их эксплуататорскую сущность.

Для революционной теории Робеспьера характерно, что он противопоставлял законность целесообразности: законность нужна для мирного времени, а для революционного времени пригодна лишь целесообразность. Конституционные нормы правосудия, гарантии личности в уголовном процессе — все это, по мнению Робеспьера, предназначено для мирного времени. Но в условиях чрезвычайных, в условиях развивающейся революции конституционная законность должна отступить на задний план, уступая свое место революционному террору, основанному на чистой целесообразности и не связанному с твердо очерченными процессуальными правилами. Следует отметить, что в известный момент развития революционного террора Робеспьер, видимо, сам убедился в ошибочности такого противопоставления законности и целесообразности, когда вплотную столкнулся с крайностями и эксцессами его практического применения и когда предпринял некоторые, правда недостаточные и довольно нерешительные шаги к его ограничению.

В.И. Ленин, оценивая значение революционного террора французских якобинцев, указывал, что «великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою революцию великой посредством террора против всех угнетателей, и помещиков, и капиталистов!»²⁰

Мы рассмотрели развитие мировоззрения Робеспьера в годы якобинской диктатуры по основным социально-политическим вопросам. Эта характеристика не была бы полной, если не упомянуть созданный им, и притом также на основе учения Руссо, культ верховного существа. Робеспьер отрицал и отбрасывал официальную религию. Он вместе с тем учитывал тот факт, что народ еще далеко не освободился от влияний официальной, религии, что он не свободен от религиозного фанатизма. Народу, считал Робеспьер, нужен культ верховного существа. Будучи, как и Руссо, деистом, Робеспьер резко отрицательно относился к атеизму, к атеистической пропаганде, считая ее выражением аристократической, антинародной пропаганды, дискредитирующей революцию и республику. Поэтому в одной из своих речей, подвергая атеизм резкой критике, Робеспьер повторил крылатые слова Вольтера: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». Однако культ верховного существа не был воспринят народными массами: он оказался в равной мере чуждым и атеистическим кругам интеллигенции, и религиозно настроенным в духе идей официальной церкви широким массам народа. Робеспьера постигла серьезная неудача в создании новой религии, путем которой он стремился воспитать в народе высокие нравственные чувства справедливости, добра, равенства.

Классики марксизма уделили большое внимание Робеспьеру²¹, отдавая должное его роли в революционном движении французского народа конца XVIII века и постоянно отмечая его неразрывную связь с сокровенными чаяниями и интересами самых широких слоев французской демократии того времени.

Робеспьер был одним из тех выдающихся якобинцев, которых В.И. Ленин называл «якобинцами с народом», «с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени»²². Упомянув имя

Робеспьера, В.И. Ленин писал: «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом»²³.

* * *

В обширнейшей исторической литературе о французской революции XVIII века Робеспьеру уделено значительное место. При этом для буржуазной и мелкобуржуазной литературы в освещении роли Робеспьера в высшей степени характерен культ его личности. Он в равной мере присущ и тем исследованиям, которые принадлежат перу «робеспьеристов», и тем, которые написаны его рьяными врагами. При всем том в исторической литературе наименьшее внимание уделено исследованию юридических взглядов Робеспьера, в частности его взглядов по вопросам уголовного права, процесса, судостроительства, революционной законности. Эти взгляды Робеспьера в известной мере освещены в монографиях Вальтера и Амеля, посвященных биографии Робеспьера, в монографии Селигмана, посвященной истории юстиции французской революции, и т.д. В русской дореволюционной юридической литературе взгляды Робеспьера вообще почти не получили освещения. К сожалению, и в советской юридической литературе до самого последнего времени имя Робеспьера почти не упоминалось.

Произведения Робеспьера на русский язык почти не переводились. В 1905–1906 гг. было издано несколько его брошюр. Небольшие отрывки из речей Робеспьера приводились в различных сборниках по истории французской революции конца XVIII века.

При составлении настоящего сборника избранных произведений Робеспьера по вопросам революционной законности и правосудия мы руководствовались библиографическим указателем его произведений, составленным Вальтером²⁴ и приложенным к его монографии о Робеспьере; перевод сделан из «Собрания сочинений» Робеспьера, ряд томов которого уже издан во Франции, а также из сборника избранных произведений Робеспьера составленного Веллеем²⁵.

Отбирая для помещения в настоящем сборнике произведения Робеспьера, мы руководствовались тем, чтобы каждый период его деятельности и развитие его взглядов по вопросам революционной законности и правосудия нашли свое отражение. Однако в сборник вошла лишь некоторая часть статей и речей Робеспьера по этим вопросам.

Помещенные в сборнике произведения в ряде случаев по своему содержанию значительно шире темы законности и правосудия. Мы сочли, однако, нецелесообразным делать какие-либо произвольные сокращения.

Предпринятое во Франции много лет назад издание собрания сочинений Робеспьера до сих пор не доведено до конца. Поэтому во многих случаях приходится пользоваться газетными записями, воспроизводившими речи Робеспьера. Это не могло не отразиться на полноте и точности публиковавшихся работ Робеспьера. В тех случаях, когда представлялась возможность сопоставить два или более источников, мы выбирали более полный и более удачный.

Особо необходимо отметить трудность перевода речей Робеспьера. Не говоря уже о том, что перевод речи вообще вызывает известные трудности, следует указать на особые трудности перевода речей именно Робеспьера,

поскольку во многих случаях они опубликованы в виде более или менее полных записей современников. Значительно лучше обстоит с переводом тех речей Робеспьера, которые после их произнесения лично им редактировались и издавались при его жизни.

Стремясь в максимальной степени сохранить общий стиль речей Робеспьера, произнесенных в разное время, и вместе с тем в возможной мере отразить ту существенную эволюцию речей Робеспьера — депутата Учредительного собрания и Робеспьера — вождя якобинского Конвента, которая отмечалась и современниками, и историками, нельзя было забывать и о необходимости сделать текст доступным советскому читателю для облегчения пользования настоящим сборником он снабжен подстрочными примечаниями, справочно-библиографическими данными о каждой помещенной в сборнике работе, а также указателем важнейших имен и названий. Все эти материалы составлены переводчиком Н.Лапшиной

Проф. А. Герцензон

1 См. В.И. Ленин, Соч., т.21, стр.196–197.

2 «Интернациональная литература» 1939 г. № 5–6, стр.195.

3 Там же.

4 В.И. Ленин, Соч., т.25, стр.331.

5 В.И. Ленин, Соч., т.25, стр.335.

6 Там же, стр.336.

7 «Интернациональная литература» 1939 г. № 5–6, стр.196.

8 Там же, стр. 197.

9 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т.5, стр.28.

10 Подробнее о критике Маратом взглядов Робеспьера на смертную казнь см. А.А.Герцензон, Уголовно-правовая теория Жана-Поля Марата, М., 1956. [См. в нашей библиотеке полный текст.](#)

11 Об этом см. упомянутую работу «Уголовно-правовая теория Жана-Поля Марата», М., 1956.

12 P.Buchez et P.Roux, Histoire parlementaire de la revolution francaise, Paris, 1837, v. 34, pp. 2–3.

13 Письмо К.Маркса Ф.Энгельсу 30 января 1865 г. К.Маркс, Ф.Энгельс, Избранные письма, ОГИЗ, 1948, стр.159.

14 К.Маркс, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные произведения, т. I, ОГИЗ, 1948, стр.213.

15 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.2, изд. 2-е, стр.135.

16 К.Маркс, Критические заметки к статье «Пруссак» - «Король прусский и социальная реформа». К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.I изд. 2-е, стр. 441

17 К.Маркс, Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции, К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.I, изд. 2-е, стр.14.

18 Ф. Энгельс, Письмо К.Каутскому 20 февраля 1889 г., К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные письма, ОГИЗ, 1948, стр. 409.

19 Письмо Адлеру 4 декабря 1889 г., К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, ОГИЗ, 1948, стр. 413.

20 В.И. Ленин, Соч., т.25, стр.331.

21 См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч. (1-е изд.): т.I, стр.106; т.2, стр.211, 218, 351, 369; т. 3, стр.13, 148, 149, 150, 151, 602, 604, 606, 609, т.4, стр.158, 159, 160, 223, 229, 484; т.5, стр. 28, 35, 36; т.6, стр. 223, 225; т.7, стр.16, 236, 445; т.8, стр.323;

т.10, стр.305; т.11, ч.1, стр. 511; т.13, ч.1, стр.105; т.14, стр.656; т.15, стр.183, 230, 370; т.21, стр.165, 234, 250, 251, 303; т.22, стр. 128; т.23, стр.234; т.24, стр.188; т.25, стр.93; т.26, стр.10; т.28, стр. 82, 161, 162.

22 В.И.Ленин, Соч., т.24, стр.495.

23 В.И.Ленин, Соч., т.21, стр.197.

24 Walter, Robespierre, Paris, 1949. См. также библиографический указатель в новейших работах о Робеспьере: Bouloiseau — Robespierre, Paris, 1957, Massin, Robespierre, Paris, 1956.

25 Соответствующие библиографические данные см. перед каждой из помещенных в сборнике работ Робеспьера.

О БЕСЧЕСТЯЩИХ НАКАЗАНИЯХ

В 1784 году Королевское общество наук и искусств в Меце установило премию в виде золотой медали, стоимостью в 400 ливров за лучшую работу на тему «Каково происхождение воззрения, которое распространяет на всех лиц из одной и той же семьи часть позора, связанного с бесчестиями наказаниями, понесенными виновным? Является ли это воззрение более вредным, чем полезным? И в случае утвердительного ответа на этот вопрос, каковы будут способы устранения затруднений, которые из этого воззрения вытекают?». На конкурс было представлено 22 работы. Первую премию получил Пьер Луи Лакретель (1751—1824 гг.), впоследствии депутат Законодательного собрания, член Французской академии и автор ряда философских, юридических и литературных трудов. Вторую, равную, премию получил Робеспьер. Это явилось очень большим успехом молодого начинающего ученого-адвоката, имя которого в то время было мало известно по сравнению с именем Лакретелля, адвоката Парижского парламента, уже в то время издавшего ряд своих научных трудов.

Рукопись труда Робеспьера хранится в архивах Академии в Меце. Она была напечатана в «Мемуарах Королевской академии Меца» в 1838—1839 гг. При жизни Робеспьера его труд был опубликован в 1785 году, причем автор внес в него некоторые изменения. В настоящем сборнике перевод труда Робеспьера сделан по первой части «Собрания сочинений Максимилиана Робеспьера», изданного под редакцией Е.Депре в Париже в 1910 году. При этом использован основной текст труда Робеспьера, представленный им на конкурс.

Полное наименование труда Робеспьера таково: «Discours adresse a Messieurs de la Societe litteraire de Metz sur tes questions suivantes pro-posees pour sufer d'un prix qu'elle doit decerner au mois d'aout 1784: Ouelle est l'origine de l'opinion qui etend sur tous les individus d'une meme famille, une partie de la hcnle attachee aux peines infamantes que subit un coupable? Cette opinion est — elle plus nuisible qu'utiles et dans le cas ou l'on se deciderait pour l'affirmative, quels seraient les moiens de purer aux inconveniens, qui en resultent».

Господа, какое это величественное зрелище, когда ученые общества, беспрепятственно занятые вопросами, важными для общественной пользы, при помощи самых заманчивых наград побуждают гениев бороться с заблуждениями, нарушающими благополучие общества. Тот

повелительный предрассудок, который обрекает на бесчестье родственников несчастных, навлекших на себя осуждение законов, ускользал, по-видимому, до сих пор от их внимания; вы имели честь, господа, первыми направить к этой интересной цели труды тех, кто стремится к академическим венцам. Столь важная тема пробудила внимание публики; она вызвала благородное соревнование среди писателей; счастливы те, кто получили от природы таланты, необходимые для обращения с ней так, чтобы это отвечало ее значению и было достойно того славного Общества, которое предложило ее! Я далек от того, чтобы найти в себе эти важные качества, но это не помешало мне дерзнуть принести вам мою скромную дань: вам предлагает ее желание быть полезным, любовь к человечеству; она не может быть совсем недостойной вас. Первый из трех вопросов, которые я должен рассмотреть, мог бы показаться, с первого взгляда, непреодолимо трудным. Как обнаружить происхождение воззрения, восходящего к самым отдаленным векам? Как распутать невидимые нити, которыми предрассудок может быть связан со множеством неизвестных обстоятельств, со множеством непостижимых причин? Не представляет ли к тому же углубление подобного исследования опасности объяснить то, что является, быть может, лишь делом случая? Не будет ли это в некотором роде желанием искать правил у прихоти и мотивов у нелепости? Таковы мысли, которые пришли мне сначала на ум; но я рассудил, что, предлагая этот вопрос, вы полагали тем самым, что решение его возможно; меня подкупил ваш авторитет, и я осмелился взяться за эту работу.

Сначала мне показалось, что одно очень простое наблюдение открывает мне первые следы предрассудка, о котором идет здесь речь. Хотя хорошие и плохие поступки являются субъективными, я заметил, что люди повсюду легко склонны распространять заслугу или ошибки какого-нибудь лица на тех, кто связан с ним тесными узами: по-видимому, чувства любви и восхищения, которые внушает нам добродетель, распространяются до некоторой степени и на все то, что с ней связано, тогда как негодование и презрение, которые вызывают порок, падают отчасти и на тех, кто имеет к нему отношение. Об одном человеке говорят, что он является честью своей семьи, а о другом — что он служит ее позором. Это понятие применяется даже к более общим, а следовательно, и более слабым связям; в поведении отдельного человека видят иногда славу какого-нибудь народа; да что я говорю? — славу всего человечества; разве не называют Траяна, Антонина честью человеческого рода; разве не говорят о Нероне, Калигуле, что они являются его позором?

Эти выражения свойственны всем языкам, всем временам и всем странам; они возвещают о чувстве, общем для всех народов, и именно в этой естественной наклонности я нахожу первоначальный зародыш воззрения, происхождения которого я ищу.

Видоизмененное у разных народов разными обстоятельствами, оно приобрело большую или меньшую власть: в одном месте оно осталось в

тех границах, которые предписывали ему природа и разум; в другом оно взяло верх над принципами справедливости и гуманности, породив тот ужасный предрассудок, который бесчестит целую семью за преступление одного человека и похищает честь даже у невинности.

Хотеть объяснить подробно все отдельные причины, которые могли бы повлиять на развитие этого воззрения, было бы столь же огромным, сколь и несбыточным намерением; я ограничусь в этом исследовании рассмотрением общих причин.

Самой могущественной из них представляется мне сущность образа правления. В деспотических государствах закон является не чем иным, как волей государя, наказания и награды кажутся скорее знаками его гнева или благосклонности, чем следствиями преступления или добродетели: когда он наказывает, то сама его справедливость походит всегда на насилие и гнет.

Это — не закон, безжалостный, неподкупный, но мудрый, точный, справедливый закон, который приступает к суду над обвиняемыми с внешними атрибутами тех спасительных форм, которые свидетельствуют об его уважении к чести и жизни людей, который обрекает гражданина на казнь лишь тогда, когда закон вынужден к этому очевидностью доказательств, и который по этой самой причине запечатлевает на том, кого он осуждает, неизгладимое пятно; это — непреодолимая власть, которая наносит удары бессознательно и беспорядочно; это — разразившаяся гроза, которая сокрушает и уничтожает все на своем пути; при таком правлении стыд, связанный с казнью, — слишком незначителен для того, чтобы пасть и на самую семью человека, подвергшегося казни.

К тому же этот предрассудок предполагает наличие понятий о чести, доведенных до утонченности, но что такое честь в деспотических государствах? Известно, что она столь незнакома в этих странах, что в некоторых из них, например в Персии, язык не имеет даже слова для выражения этого понятия; и каким образом души, униженные рабством, могли бы преувеличивать утонченность в этом роде?

Впрочем, эти рассуждения достаточно подтверждаются опытом; ибо не только в Персии, но и в Китае, в Турции, в Японии и у других народов, подвластных деспотизму, не находится никакого следа воззрения, происхождения которого я ищу.

Такую же тиранию проявит оно и в истинных республиках. В них положение гражданина является слишком важным для того, чтобы оно могло быть предоставлено, так сказать, на волю других: когда каждое частное лицо принимает участие в управлении, является членом суверенитета, оно не может быть лишено этой высокой прерогативы по вине другого, и пока оно эту прерогативу сохраняет, интерес и достоинство государства не допускают так легко обесчестить его при помощи предрассудков: республиканская свобода возмутилась бы против такого деспотизма воззрения; вместо того чтобы разрешить чести приносить в жертву своим прихотям права граждан, она обязывает ее подчинить их силе законов и влиянию нравов, которые их защищают.

Впрочем, у народов, где поприще славы и достоинств всегда открыто

талантам, возможность предать забвению те преступления, к которым мы не причастны, посредством блестящих поступков, на которые мы способны, не оставляет места для того рода бесчестия, о котором идет здесь речь: одной привычки видеть в родственниках виновного знаменитых людей было бы достаточно для уничтожения этого предрассудка.

Можно добавить и другой довод, подтверждающий мое основное положение о роде правления: главным орудием республик является, как доказал это автор «Духа законов», добродетель, то есть политическая добродетель, которая является не чем иным, как любовью к законам и отечеству; самая их конституция требует, чтобы все частные интересы, все личные связи беспрестанно уступали общему благу. Каждый гражданин составляет часть суверенитета, как я это уже говорил; он обязан поэтому заботиться о безопасности отечества, права которого ему вручены; он не должен щадить виновного, даже самого дорогого для него, когда спасение республики требует его наказания; но как мог бы он соблюсти этот трудный долг, если бы при выполнении его наградой за его верность служило бесчестие? Не был ли бы он, напротив, вынужден сам нарушить законы, стремясь вырвать у них их жертву? Подвергните Брута этому ужасному испытанию: неужели вы думаете, что у него хватит прискорбного мужества скрепить римскую свободу кровью двух преступных сыновей? Нет. Возвышенная душа может принести в жертву государству богатство, жизнь, даже природу, но честь — никогда.

Здесь у меня есть еще то преимущество, что моя теория несколько не опровергается фактами. Достаточно одного взгляда, брошенного на историю древних республик, чтобы убедиться в том, что предрассудок, о котором я говорю, был оттуда изгнан.

В Риме, например, децемвир Аппий Клавдий, уличенный в подавлении народной свободы, запятнанный невинной кровью Виргинии, умирает в тюрьме, готовясь подвергнуться наказанию за множество злодеяний. Была ли обесчещена семья Клавдия? Нет. Тотчас после его смерти я вижу, что Кай Клавдий, его дядя, блистает еще среди высокопоставленных граждан, поддерживает с достоинством прерогативы Сената, восстает против посягательств трибунов с той наследственной гордостью, которую его предки обнаруживали всегда в общественных делах. И что особенно, по-моему, характеризует дух нации в отношении затрагиваемого вопроса, это то, что в речах, которые историки республики приписывают в этих случаях Клавдию, этот римлянин не боится напомнить народу о тех самых децемвирах, главой которых был его племянник.

Более того, я вижу даже, что сын этого Аппия правит после своего отца в качестве военного трибуна республики, угнетателем и жертвой которой был его отец.

Наказание других децемвиров также не закрыло путь почестей их семьям. Народ вскоре после осуждения им Дуилия избрал в качестве трибуна гражданина, происходящего из рода Дуилия и носящего его имя. Приговоры, обесчестившие Фабия Вибулана, М.Сервилия и М.Корнелия,

лишь несколькими годами предшествуют возвышению их потомков или их близких в военном трибунате и в консульстве.

М.Манлий, обвиненный в заговоре против республики, осуждается к низвержению с вершины Тарпейской скалы; через 14 или 15 лет после его казни римляне передают Публию Манлию, одному из его потомков, вместе с титулом диктатора самую неограниченную власть, к которой мог бы стремиться гражданин.

Если бы я хотел исчерпать все примеры этого рода, которые дает мне история, то я не мог бы остановиться; удовольствуюсь тем, что напомним здесь снова пример соседнего народа, нравы которого являются новым доказательством моей теории. Всем известно, что Англия, которая несмотря на название монархии, не мешающей ей быть по своей конституции настоящей республикой, сбросила иго воззрения, являющегося предметом наших исследований.

В каких же местах господствует это воззрение? Оно господствует в монархиях. Там благоприятствуемое природой правления, поддерживаемое нравами, питаемое общим духом, оно устанавливает, по-видимому, свое господство на незыблемой основе.

Честь, как это доказал великий человек, на которого я уже ссылался, является душой монархического образа правления: не та философская честь, которая является не чем иным, как изысканным чувством, испытываемым благодарной и чистой душой от своего собственного достоинства, которая имеет в основе здравый смысл и смешивается с долгом, которая существовала бы даже вдали от взоров людей, имея свидетелем лишь небо и судьей лишь совесть, но та политическая честь, природа которой состоит в стремлении к преимуществам и отличиям, которая ведет к тому, что люди не довольствуются тем, чтобы быть достойными уважения, а хотят главным образом того, чтобы их ценили, стремясь вложить в свое поведение больше величия, чем справедливости, больше блеска и достоинства, чем здравого смысла; та честь, которая содержит в себе по меньшей мере столько же тщеславия, сколько и добродетели, но которая в политическом устройстве заменяет самую добродетель, ибо она при помощи простейшего из всех средств заставляет граждан идти вперед к общественному благу, когда им кажется, что они идут лишь к цели своих личных страстей; та честь, наконец, часто по своим законам столь же странная, как и великая по своему действию, которая порождает столько возвышенных чувств и нелепых предрассудков, столько героических поступков и безрассудных действий, которая хвалится обычно уважением к законам, а порой считает также своим долгом нарушать их, которая повелительно приказывает повиноваться прихотям государя и, однако, разрешает отказывать ему в своих услугах тому, кто считает себя оскорбленным несправедливым предпочтением, которая повелевает одновременно великодушно обращаться с врагами отечества и смывать оскорбление кровью гражданина.

Будем же искать источник предрассудка, о котором идет речь, только в таком чувстве, какое мы сейчас описали.

Если внимательно рассмотреть природу этой чести, чреватой капризами, всегда склонной к чрезмерной утонченности, оценивающей вещи скорее по их блеску, чем по их истинной ценности, а людей — столько же по внешним данным, по не подходящим им званиям, сколько по их личным качествам, то нетрудно понять, как можно было предавать презрению людей, близких какому-нибудь злодею, обесчещенному обществом.

Этот предрассудок можно было установить тем более легко, что ему благоприятствовали еще и другие обстоятельства, относящиеся к той природе правления, о которой я говорю.

Монархическое государство неизбежно требует преимуществ, разделения по рангам, в особенности дворянского сословия, рассматриваемого в качестве основы его устройства, согласно тому принципу, который первым развил Бэкон: без дворян нет монарха; без монарха нет дворян. При этом образе правления общественное мнение справедливо придает преимуществу рождения огромную цену; но сама эта привычка ставить уважение, оказываемое какому-либо гражданину, в зависимость от древности его происхождения, от знатности его семьи, от благородства его брачных союзов, имеет уже достаточно заметное сходство с предрассудком, о котором я говорю. Тот же взгляд, заставляющий уважать человека только потому, что он рожден от благородного отца, и пренебрегать им только потому, что он происходит от неизвестных родителей, естественно доводит до презрения к нему в том случае, когда он получил жизнь от обесчещенного человека или дал ее злодею.

А сколько других особых обстоятельств могли увеличить влияние этих общих причин в современных монархиях, в частности во Франции!

Старинные французские законы наказывали преступления дворян лишь отнятием их привилегий; телесные наказания предназначались для разночинцев и крепостных крестьян. Впоследствии духовенство было также освобождено благодаря своим прерогативам от этого последнего рода наказания; какое же препятствие мог найти тогда предрассудок, который обесчещивал семьи тех, кто были приговорены к казни? Он преследовал лишь ту часть народа, которая в течение стольких веков унижалась жесточайшим и постыднейшим рабством.

Если бы этот предрассудок обрушился на оба сословия, господствующие в государстве, если бы он грозил чести лишь тех граждан, права которых казались тогда достойными уважения, то, вероятно, он был бы скоро уничтожен.

Мы тем более вправе так думать, что указанный предрассудок никогда не мог распространить свою власть до знатных семей королевства; ныне, когда дворяне подлежат телесным наказаниям, семья какого-нибудь знатного преступника ускользает еще от бесчестия: в то время как виселица обесчещивает навсегда родственников разночинца, меч, сносящий голову знатного человека, не кладет никакого пятна на его потомство.

Но по другой причине это жестокое мнение установилось без труда в

варварские века, когда оно ударяло без всякой помехи по рабскому народу, столь презренному в глазах того могущественного духовенства и гордого дворянства, которые его угнетали.

Я останавлиюсь еще немного на этом предмете, чтобы заметить, что этот предрассудок мог еще усилиться от странного обычая, который господствовал долгое время у многих народов Европы. Я говорю о судебном поединке. Когда это нелепое установление решало все гражданские и уголовные дела, родственникам обвиняемого приходилось иногда самим становиться сторонами в процессе, от которого зависел его исход: когда слабость обвиняемого, его недуги и особенно его пол не разрешали ему доказать свою невиновность со шпагой в руке, его близкие вступали в спор и сражались вместо него; и так процесс становился для них до известной степени личным делом; наказание обвиняемого являлось следствием поражения и его близких и поэтому было менее удивительным, что они разделяли его стыд, особенно у народов, единственным достоинством которых являлись воинственные качества.

Обнаружив происхождение предрассудка, составляющего предмет наших размышлений, я должен обсудить второй, быть может, еще более интересный вопрос — является ли этот предрассудок более полезным, чем вредным.

Сознаюсь, что я никогда не мог понять, как может существовать два мнения по поводу того вопроса, который здравый смысл и гуманность решают с такой ясностью. Поэтому, когда я узнал, что одно из виднейших литературных обществ королевства ставит этот вопрос, я не подумал, что оно хочет предложить только решение спорного вопроса. Я считал, что в его намерения входят борьба с губительным заблуждением, уничтожение варварского обычая, излечение одной из язв общества.

Несправедливость взгляда, вследствие которого невиновность должна переносить то, что в наказании, за преступление имеется наиболее тягостного, является, по-моему, истиной, не нуждающейся в доказательстве; но если это так, то вопрос, значит, решен; если этот взгляд несправедлив, то он, следовательно, и не полезен.

Из всех правил морали самым глубоким, самым возвышенным, быть может, и в то же время самым верным является то, которое гласит: полезно только то, что честно.

Законы всевышнего существа не нуждаются в иной санкции, чем те естественные последствия, которые оно само соединило с дерзостью, их нарушающей, или с верностью, их уважающей. Добродетель приносит счастье, как солнце — свет, тогда как несчастье происходит от преступления, как нечистое насекомое — от гнилости.

Полезно лишь то, что честно; это правило, истинное в морали, не менее верно и в политике: люди разобщенные и люди, объединенные целыми нациями, одинаково подчинены следующему закону: процветание политических обществ неизбежно покоится на незыблемой основе порядка, справедливости и мудрости; всякий несправедливый закон, всякое жестокое установление, оскорбляющие естественное право, прямо противоречат своей цели, которая состоит в охране прав человека,

счастья и спокойствия граждан.

Если политические деятели часто, видимо, не признают этот принцип, то это происходит потому, что они вообще питают большое презрение к морали, что сила, дерзость, невежество и честолюбие слишком часто управляли землей.

К тому же, если бы мне нужно было доказать истину того правила, которое я сейчас изложил, каким-нибудь разительным примером, то я выбрал бы именно тот, который дает мне рассматриваемый предрассудок.

Но тут я слышу голоса, раздающиеся в его пользу, надо полагать, что я тотчас же натолкнусь на какой-нибудь распространенный софизм, имеющий довольно большое число сторонников.

Этот предрассудок, говорят, спасителен для человеческого рода; он предупреждает множество преступлений; он вынуждает родственников следить за поведением друг друга; он заставляет семьи отвечать за членов, входящих в их состав.

Граждане, отвечающие за преступления другого гражданина! Осужденные на бесчестье, заслуженное другим! О! Именно с этим чудовищем общественного порядка я борюсь. Препраждать путь преступлению следует посредством мудрых законов соблюдения нравственности, еще более могущественной, чем законы, а не посредством жестоких обычаев, всегда более вредных для блага общества, чем самые преступления, которые они могли бы предупредить.

В Китае изобрели удивительный способ установления той гарантии, преимущества которой нам хвалят: там законы осуждают на смерть отцов, дети которых совершили преступление, караемое смертной казнью. Отчего же не заимствуем; мы этот закон? Эта мысль приводит нас в трепет, а мы все же осуществили ее! Не будем кичиться тем обстоятельством, что мы не дошли до того, чтобы отнимать жизнь у родственников виновных, мы сделали больше, оставаясь даже при наших собственных принципах, ибо мы постыдились бы поставить жизнь на одну доску с честью. Но действительно ли дает нам этот предрассудок то слабое возмещение ущерба, которое нам обещано? Каким образом сокращает он число преступлений? Не со стороны ли тех, кто способны их совершить? Я не представляю себе человека, достаточно мерзкого для того, чтобы попираť ногами самые священные законы, и, однако, достаточно чувствительного, великодушного и чуткого для того, чтобы бояться нанести своей семье бесчестье, которого он не страшится для себя самого. Не больше ли впечатления произведет этот предрассудок на родственников? Быть может, он сделает отцов более внимательными к воспитанию своих детей?

Если бы их ум был способен останавливаться на тех ужасных картинах, которые он ему рисовал бы, если бы отцовская любовь, столь склонная к самообольщению, могла серьезно считать, что она ласкает, возможно, чудовищ, способных со временем заслужить всю строгость законов, то эта странная движущая сила была бы по крайней мере

излишней; ибо нет ни одного отца, заботы которого ограничивались бы лишь тем, чтобы помешать своим детям погибнуть когда-нибудь на эшафоте.

Мне возразят, возможно, что этот мотив может по крайней мере побудить родственников потребовать от власти помощи против испорченных детей, грозящих им грядущим бесчестьем.

Но помимо того, что граждане, принадлежащие к низшему классу, не имеют необходимых средств для доставления себе этого сильно действующего лекарства, — когда отцы решаются применить его? Когда зло сделалось неизлечимым, когда испорченность того, кто вынуждает их применять это лекарство, достигла своей последней степени, когда многочисленные заблуждения, о которых они узнают часто последними и которые уже заслужили порицание правосудия, вынуждают их к суровой мере, которая всегда оставляет пятно на предмете их любви.

И нередко едва только они лишат его свободы, которой он злоупотребляет, как соблазненные надеждой на исправление, на которое могут надеяться лишь они одни, они будут добиваться отмены рокового приказа, которого сами домогались. Виновный, испорченный уже до своего заключения и притом озлобленный, возможно, наказанием, вернется в лоно общества, куда он принесет с собой гибельные наклонности ко всем преступлениям, могущим нарушить спокойствие этого общества.

Вот, следовательно, те преимущества, которые доставляет нам предрассудок, о котором я говорю: стоило труда быть несправедливыми и жестокими!

Но, кроме того, чтобы иметь по крайней мере предлог сделать отца ответственным до такой степени за поступки его детей, следовало бы предоставить ему все необходимые средства для руководства ими.

Китайцы последовательнее в этом, чем мы: их законы предоставляют им безграничную власть над своими семьями; они наказывают их, говорят, за неиспользование этой власти, но мы, которые почти полностью освобождаем от отцовской власти личность и имущество детей, мы, которые устанавливаем срок их независимости в столь раннем возрасте, — как вменили бы мы отцам столько проступков, которым они не в силах помешать?

Прежде чем применять к ним эту гнусную строгость, возвратим им по крайней мере все права, принадлежащие им; восстановим тот домашний суд, который древние народы справедливо считали охраной нравственности; это мудрое установление скоро доказало бы нам, что для уменьшения числа виновных вовсе не обязательно угнетать невинность и оскорблять гуманность.

Но если бы мы могли прикрыть каким-нибудь благовидным предлогом нашу несправедливость по отношению к отцам, то как могли бы мы оправдать ее по отношению к другим родственникам виновных? Какую власть имеет брат, чтобы исправить брата? Какую власть осуществляет сын над своим отцом? И является ли преступной нежная, робкая, добродетельная супруга оттого, что она не пресекает

заблуждений господина, которому подчинил ее закон? По какому праву вносим мы отчаяние в ее разбитое сердце? По какому праву вынуждаем мы ее скрывать как прискорбное свидетельство стыда даже слезы, исторгаемые у нее чрезмерностью ее несчастья?

Напрасно я искал хоть какого-нибудь подобия пользы, которой можно скрасить несправедливость предрассудка, разоблачаемого мною; мне было легче находить неисчислимые бедствия, которые он влечет за собой.

Для того чтобы по-настоящему оценить их, нужно было бы приостановить хоть на минуту силу привычки, которая сделала этот предрассудок слишком обычным для нас, и рассматривать его, так сказать, с более далекой точки зрения.

Предположим же, что житель какой-нибудь отдаленной страны, где наши обычаи неизвестны, попутешествовав среди нас, возвращается к своим соотечественникам и обращается к ним с такой речью:

«Я видел государства, где господствует странный обычай; всякий раз, как преступник приговаривается к казни, требуется, чтобы несколько других граждан были обещены; это не означает, что им ставят в упрек какую-либо вину: они могут быть справедливы, благодетельны, великодушны, они могут обладать множеством талантов и добродетелей, но это не освобождает их от бесчестья; будучи совершенно невиновными, они имеют еще самые трогательные права на сострадание своих сограждан; примером этого может служить та безутешная семья, у которой отнимают ее главу и опору для того, чтобы тащить его на эшафот; но считается, что эта семья была бы еще слишком счастливой, если бы могла оплакивать только эту беду: ее самое обрекают на вечный позор. Несчастные, обладающие всей чувствительностью честной души, вынуждены нести всю тяжесть того ужасного наказания, которое по силам одному лишь злодею. Они более не смеют поднять глаза из страха прочесть презрение на лицах людей, окружающих их; все сословия ими пренебрегают; все корпорации их отталкивают; все семьи боятся осквернить себя браком с ними; все общество отказывается от них и оставляет их в ужасном одиночестве; даже благотворительность, которая им помогает, с трудом воздерживается от высокомерного и жестокого чувства, тяжело их оскорбляющего; дружба... я и забыл, что дружба уже не может более для них существовать. Их положение, наконец, столь ужасно, что оно возбуждает жалость даже у тех, кто виновны в нем, их жалеют... за то презрение, которое к ним сами питают, и продолжают все же их бесчестить; погружают нож в сердце этих невинных жертв, будучи при этом даже немного растроганными их криками».

Что сказали бы народы, о которых я говорю, услышав этот удивительный, но правдивый рассказ? Не подумали бы они прежде всего, что подобный предрассудок может господствовать лишь в каких-нибудь диких странах? Напрасно было бы прибавлять, что народы, которые его усвоили, являются к тому же справедливыми, гуманными, образованными; что они имеют просвещенные нравы, мудрые законы,

прекрасные учреждения; что они лучше, чем кто-либо другой, умеют уважать права человечества и признавать основы общественного благополучия; что они довели искусства и науки до степени совершенства, неведомого для остальной вселенной; народы, о которых я говорю, никогда не захотели бы поверить в возможность противоречий, столь непостижимых; не зная о всех тех преимуществах, которые вознаграждают нас за эти остатки прежнего варварства, они считали бы, возможно, нас самыми несчастными людьми, они радовались бы тому, что не живут в странах, где невинность совершенно не защищена, где граждане беспрестанно подвергаются ужасной опасности утратить самое драгоценное из всех благ вследствие событий, к которым они не причастны.

Таково главное неудобство, связанное с этим нелепым пред-
рассудком, способное утешить нас; все то, что нарушает прочность нашей собственности, мы считаем гибельным явлением, потрясающим основы общественного благоденствия; какое же понятие составим мы себе о предрассудке, который подчиняет капризам случая даже честь, без которой все другие блага не имеют цены, а жизнь является лишь казнью? Мы ежедневно повторяем справедливое правило о том, что лучше пощадить сотню виновных, чем принести в жертву лишь одного невинного, а сами не наказываем ни одного виновного, не погубив нескольких невинных людей! Наказание какого-нибудь злодея, говорим мы, является только примером для других злодеев; но казнь почтенного человека наводит ужас на все общество; а каждый день доставляем обществу то ужасное зрелище, которое должно вносить страх в душу каждого человека, ибо ничто не гарантирует нас от того, что мы не станем когда-либо его жалким объектом и что, будучи угнетателями сегодня, мы не станем, в свою очередь, угнетаемыми завтра.

А какой вред причиняет государству бесчестье, легшее на стольких граждан?

Просвещенные законодатели всегда оказывались бережливыми в отношении крови, даже самой презренной, когда они могли сохранить ее для отечества; они не хотели лишить его ни одного из тех преимуществ, какие оно могло извлечь из наказания преступников, нарушивших его законы. Этим объясняются те наказания, которые обрекают виновников некоторых преступлений на общественные работы; даже наши законы восприняли и эти мудрые принципы; наши же предрассудки открыто нарушают их, делая бесполезными для государства тех безупречных граждан, которые имеют несчастье быть в родстве с виновным.

Если бы вместо того, чтобы вменять этим гражданам в вину ошибки их родственников, им ставили в заслугу отсутствие сходства с ними, то осуждение этих последних являлось бы для них могущественным стимулом к тому, чтобы заставить забыть о нем при помощи своих личных качеств; но предрассудок лишает общество навсегда тех услуг, которые они могли бы ему оказать. Отнимая у них честь, он их уничтожает; он поражает их чем-то вроде гражданской смерти, не менее гибельной, чем та, которую закон назначает преступнику, осуждаемому им.

Дай бог еще, чтобы они были только бесполезными и не стали опасными!

Позор унижает души; тот, кого осуждают на презрение, вынужден стать достойным его-. На какое благородное чувство, на какой великодушный поступок будет способен тот, кто не может более рассчитывать на уважение своих ближних? Безвозвратно лишенный преимуществ, связанных с добродетелью, он должен будет искать удовлетворения в наслаждениях порока.

Если стыд не отнял у него все силы, он будет еще опаснее, его энергия обратится в ненависть и отчаяние, его душа восстанет против жестокой несправедливости, жертвой которой она является, он станет тайным врагом общества, которое его угнетает; хорошо еще, если он не заслужит в конце концов того наказания, которому он несправедливо сначала подвергся, и если законы не накажут в нем со временем тех преступлений, до которых доведет это варварство его сограждан!

Правда, эти несчастные часто решаются на побег из своей страны и сокрытие своего стыда в дальних странах, но разве для нас ничем не является потеря стольких граждан, которых мы вынуждаем приносить чужим народам свои богатства, свое мастерство, свои таланты и ненависть к отечеству, подвергнутому их гонениям?

Этот роковой предрассудок существует, по-видимому, для того, чтобы служить сигналом к раздору. Это благодаря ему между семьями, готовыми заключить тесный союз, внезапно возникает непреодолимая преграда; это благодаря ему пренебрежение, презрение, скорбь, отчаяние заступают место уважения, любви, радости, упоения счастьем; это он, отрывая друг от друга влюбленных, брак которых должен был осуществить их желания, повелевает одному изменить своему слову и осуждает другого на невозможность выполнить когда-либо одну из самых священных обязанностей гражданина.

Именно этот предрассудок возбуждает столько гибельных ссор; презрение, на которое он обрекает своих жертв, подвергает их беспрестанно оскорблениям, которые они сносят не всегда терпеливо; причина их бесчестья служит одним из главных предметов оскорблений, наиболее знакомых ненависти, наглости, грубости, ложной чести: отсюда ссоры, драки и в особенности дуэли; таким образом, этот предрассудок дает пищу другому безумству и становится одним из столпов другого обычая почти такого же гибельного и варварского, как он сам, и который он, конечно, вполне достоин защищать.

Этот предрассудок вызывает еще и другое неудобство, менее чувствительное, быть может, но не менее реальное: он ослабляет силу отцовской власти.

Я видел, как испорченные дети замечали, что они держат судьбу родителей в своих руках, пользовались этим мерзким преимуществом, чтобы добиться от них несправедливых снисхождений, вынуждали слабость своих отцов, так сказать, капитулировать перед ними, забывая необходимую строгость, из страха толкнуть их на заблуждения, могущие обесчестить семью, и делали, таким образом, предрассудок, о котором

мы говорим, орудием своих страстей и защитой своей распущенности. Эти примеры весьма обыкновенны; для того чтобы их заметить, нужно иметь лишь внимательное око.

Это еще не все: чтобы довершить описание предрассудка, с которым я борюсь, мне остается доказать, что он является не только бичом невинности, но также и покровителем преступления.

Связать с судьбой злодея судьбу нескольких порядочных людей — не означает ли это доставить первому множество способов избавиться от наказания, которое он заслужил?

В то время как строгий порядок требует его казни, общественное сострадание добивается его помилования ради тех невинных людей, гибель которых она должна повлечь за собой. Каждый уголовный процесс, угрожающий чести безупречной семьи, порождает, так сказать, новый заговор против законов; испуганные родители употребляют все свое влияние и все свои возможности на то, чтобы похитить у этих законов их жертву; усилия родителей, поддерживаемые голосом человеколюбия, одерживают часто верх над общественной пользой; кто мог бы сосчитать всех тех, которые осмелились на преступления благодаря той повелительной причине, которая должна была заставить влиятельную семью обеспечить им безнаказанность? Кто мог бы сосчитать всех преступников, помилование которых было исторгнуто у милосердия государей воплями несчастных, вынужденных разделять их позор?

Вот таким образом наши бессмысленные предрассудки подрывают силу законов; вот так благодаря своей жестокости мы почти лишаем себя права на то, чтобы быть справедливыми.

О, если бы тот предрассудок, о котором мы говорим, имел только одно неудобство приучать семьи испрашивать высших приказов, направленных против свободы отдельных лиц, то он и тогда оставался бы одним из самых страшных бичей общества если прибегать к этому опасному средству заставляют их порой справедливые опасения, то не является ли этот предлог зачастую лишь способом злоупотребить доверием государей. Не служит ли он часто орудием домашней мести? Не являются ли нередко ненависть или алчность несправедливого отца, жестокой мачехи, завистливого брата, вероломной супруги единственным преступлением несчастных, кары которых добиваются у власти?..

Я считаю, что сказанного мною достаточно для того, чтобы все умы могли судить о том, является ли предрассудок, о котором идет речь, более вредным, чем полезным.

Но какой смысл возвещать о нем общественному негодованию? Не предназначен ли он торжествовать победу над всеми усилиями разума? Можно ли надеяться на излечение когда-нибудь людей от этого укоренившегося зла?

Так рассуждает пошлость. Но человек, рожденный мыслить, отбрасывает это пагубное предчувствие.

Непобедимые предрассудки существуют лишь для времен не-

вежества, когда человек, смиренно склоняющийся под игом привычки, считает все древние обычаи священными, ибо у него нет ни способности к их оценке, ни даже мысли об их обсуждении: но в просвещенном веке, когда все взвешено, разобрано, рассмотрено, когда голос разума и человеколюбия звучит с такой силой, когда сделавшись чувствительней и восприимчивей благодаря расширению наших познаний, мы беспрестанно стремимся сокращать число наших бедствий и умножать наши наслаждения, жестокий обычай может долго медлить со своей гибелью лишь в том случае, если он поощряется человеческими страстями или доверием чересчур большого числа граждан, заинтересованных в сохранении его навеки; но предрассудок, о котором я говорю, никому не полезен; он страшен для всех; все общество требует его уничтожения. Несомненно, что успехи просвещения, которые

в настоящий момент уже намного ослабили этот предрассудок, могли бы одни повести к его исчезновению; но польза человечества побуждает меня, господа, осуществлять ваши благие намерения, ища способов к ускорению этого счастливого события.

Бороться со злоупотреблением, о котором идет речь, нужно не посредством специальных законов. Нападать на него следует не с помощью власти: она не подчиняет себе взгляды. Подобные меры, далеко не уничтожая предрассудка, о котором мы говорим, вызвали бы, возможно, лишь его усиление. Источником этого предрассудка является честь, как я уже это доказал, а честь, вместо того чтобы уступать силе, считает своим долгом не бояться ее: свободная и независимая по своему существу, она подчиняется лишь своим собственным законам; для нее существует только один судья и один господин — она сама.

Впрочем, нам не нужно изменять всю систему нашего законодательства, искать лекарства от отдельного зла в общей революции, часто опасной. Нам представляются, по-видимому, более простые, более легкие и, возможно, более верные средства.

Однако если бы я мог подумать, что воззрение, о котором я говорю, действительно способно сократить число преступлений, если бы в самом деле именно эта причина склонила нас принять это воззрение и заставила нас крепко за него держаться, то я постарался бы заменить его каким-нибудь установлением, которое могло бы доставить нам такие же преимущества: я предложил бы, например, расширить границы отцовской власти и предоставить родителям всю необходимую власть, чтобы вознаграждать добродетели или наказывать распутства своих детей; но так как интересы нравственности являются здесь лишь пустым предлогом, которым предубеждение старается иногда прикрывать нашу несправедливость, то я считаю восстановление отцовской власти по истине самой сильной уздой испорченности, а не способом уничтожения заблуждения, о котором идет здесь речь.

Но я хотел бы, чтобы отменили некоторые законы, направленные, по-видимому, прямо на сохранение этого заблуждения. Было бы желательно, например, чтобы имущество человека, приговоренного к казни, перестало подлежать конфискации: это наказание меньше падает

на виновного, чем на его наследников; оно само по себе кажется каким-то бесчестьем для семьи; в то время когда семья для ослабления того презрения, которому она подверглась, нуждалась бы во всем том уважении, которое простой народ оказывает богатству, конфискация увеличивает ее унижение еще и нищетой, до которой она доводит семью.

Я хотел бы также, чтобы закон не накладывал более никакого пятна на незаконнорожденных, чтобы он не карал их за слабости отцов, отстраняя их от высших гражданских должностей и даже от духовного звания; я хотел бы, чтобы уничтожили то правило канонического права, согласно которому испорченные наклонности тех, кто произвели их на свет, считаются переданными им вместе с кровью, чтобы, наконец, упразднили все обычаи которые могут приучать граждан к мысли о том, что можно когда сознательно делать человека ответственным за проступок. Который он не совершил.

Но самый характер предрассудка, о котором идет речь, указывает нам, по-видимому, другое средство, такое же простое и еще более способное его ослабить. Мы видим, что он связывает бесчестье не только с казнью, но и с самой формой казни: колесо, виселица, как я уже заметил, опозоривают семью тех, кто погибает от этого рода наказания, но меч, который отсекает виновную голову, ничуть не унижает родственников преступника, для потомства же он становится чуть ли не признаком благородства. Разве невозможно было бы извлечь пользу из такого настроения умов и распространить эту последнюю форму наказания преступлений на все разряды граждан? Уничтожим же оскорбительное различие, которое увеличивает, по-видимому, унижение тех, кто остается мишенью для предрассудка, и обрушивает на них все то бесчестье, от которого избавляются другие; вместо наказания, которое к стыду, неразрывному с казнью, присоединяет еще тот характер бесчестья, который ему свойственен, установим другой род наказания, с которым воображение привыкло связывать какую-то огласку и от которого оно отделяет представление о бесчестьи семей; быть может, эта замена, безразличная сама по себе, внесет очень выгодную перемену в наши понятия по этому предмету; быть может, благодаря удачному опыту мы узнаем, что во всем том, что зависит главным образом от мнения, самые простые средства являются часто и самыми полезными.

Но я знаю другое средство, несравненно более сильное, которого одного было бы достаточно для искоренения зла, и успех: которого кажется мне совершенно обеспеченным.

Государи держат его в своих руках; чтобы уничтожить роковой предрассудок, путивший, видимо, столь глубокие корни, им не нужно ни истощать своих богатств, ни пускать в ход всей своей власти; им достаточно будет только заняться им как следует. Пусть их справедливость и гуманность придут на помощь тем несчастным, которые соединены с осужденными узами родства; пусть они не допустят, чтобы путь удачи и почестей был закрыт для них; пусть они не пренебрегут наградить их знаками своего благоволения, когда они будут достойны этого вследствие своих заслуг, или лучше пусть они поспешат

воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы вознаградить их; пусть почетные должности, почетные звания, благосклонный взгляд, лестное слово будут часто возвещать людям, что монарх забывает ошибки их близких, чтобы видеть только их личные заслуги, что он презирает тот гнусный предрассудок, который осмеливается унижать даже добродетель; и тогда его поведение станет скоро законом для всех его подданных.

Кто сможет оставаться рабом этого нелепого взгляда при виде того, как государь ставит себе в заслугу отсутствие страха к нему и считает своим долгом уничтожать его? Кто будет презирать безупречных людей, удостоенных его уважением и благосклонностью, в странах, где милость государя является кумиром для всех подданных, где все те, кто сумели ее добиться, служат для других предметом восхищения и зависти, где одобрение и награды государя считаются вершиной славы и пределом честолюбия? Я доказал, что честь лежит в основе предрассудка, о котором идет речь. И именно те люди, над которыми честь имеет наибольшую власть, дорожат больше всего блеском отличий и счастьем привлечь к себе внимание государя; если он противопоставит свой пример предрассудку, то можно будет, следовательно, не сомневаться, что это оружие в борьбе с ним явится непобедимым.

О, да поможет бог, чтобы эта слабая работа могла дойти до юного монарха, правящего нами!* Мысль, полезная для человечества, была бы изложена ему не напрасно. Тот, кто, отменяя варварский обычай, освященный прежней судебной практикой, избавил обвиняемых от бесполезных жестокостей, достоин спасти невинных граждан от того позора, который должен предназначаться для преступления. Победить ужасный предрассудок, влекущий за собой столько бедствий, было бы триумфом нового рода, славу которого он не разделил бы ни с одним государем и блеск которого не померк бы в глазах потомства от тех великих событий, которые прославили его царствование. Это еще не все. Это столь драгоценное средство является не единственным, которое нам остается для освобождения нас от этого бича. Имеется и другое, не менее верное, и открыли его, господа, вы сами. Побуждая писателей бороться с роковым воззрением, составляющим предмет данного обсуждения, вы дали обществу надежный залог его уничтожения.

Привлечь внимание публики к обычаю, такому же нелепому, как и варварскому, является одним из самых верных способов его искоренения. Разум и красноречие — вот оружие, с которым следует нападать на предрассудки: их успех в таком веке, как наш, не подлежит сомнению.

И чем более я размышляю, тем более убеждаюсь, что предрассудок, о котором идет речь, существует еще ныне лишь потому, что он не был пока изучен, потому, что философский дух не коснулся еще, в частности, этого предмета, потому, что недостаток размышления на этот счет оставил даже во многих умах ложное и нелепое представление о том, что

* Имеется в виду Людовик XVI.

этот предрассудок приносит обществу весьма большую пользу; но если бы наши искусные писатели с давних пор приучали публику видеть все то, что в нем есть смешного, несправедливого, жестокого и гибельного, то разве мог бы он тогда сохранить всю свою власть?

Спешите уничтожить его, о вы, величественные гении, которым природа доверила, по-видимому, благородное дело просвещения своих ближних; это вам назначено повелевать общественным мнением. Когда же ваша власть была столь обширна, как в этом веке, жаждущем духовных наслаждений, в котором ваши сочинения, ставшие делом и утехой бесчисленного множества граждан, приносят вам такое колоссальное влияние на нравы и понятия народов? Сколько гибельных обычаев, сколько варварских предрассудков уничтожили вы, несмотря на глубокие корни, которые должны были, казалось, отнять всякую надежду пошатнуть их? Увы! Гений может позволить торжествовать даже заблуждению, если он унижится до его защиты; чего же не сможете вы достигнуть, когда покажете людям истину, не суровую истину, пугающую страсти, возлагающую обязанности, требующую жертв, но истину сладкую, трогательную, вступающую за самые дорогие права человечества, помогающую желанию всех чувствительных душ и находящую все сердца открытыми для себя! Какое сопротивление может быть вам оказано, когда вы со всеми силами гения обрушитесь на мерзкий предрассудок, рабское подчинение которому будет повергать людей в изумление, как только вы изобразите его соответствующими красками?

Пусть же воздадут вечную благодарность славному Обществу, которое первым подало пример устремления к этой цели усилий и соревнования писателей! Эта мысль столь же прекрасная, как и новая, оказывает честь как сердцу, так и уму тех, кто входит в его состав; она обеспечивает ему одновременно признательность и восхищение народа.

Я постарался сколько мог обратить свое усердие на благо человечества! Дай бог, чтобы многие из тех, кто были на одном поприще со мной, сражались с тем гибельным заблуждением, против которого мы объединились, более победоносным оружием! Если я не добьюсь венца, к которому посмел стремиться, то мои труды не останутся совсем без награды: я найду в глубине своего сердца другую, довольно лестную награду, которую ни один соперник не в силах у меня отнять.

О ВВЕДЕНИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

В связи с подготовкой судебной реформы Учредительное собрание 31 марта 1790 г. приняло декрет относительно перечня вопросов, подлежащих разрешению при ее проведении. Среди этих вопросов были указаны: 1) должен ли быть учрежден суд присяжных, 2) должен ли он быть учрежден как по уголовным, так и по гражданским делам, 3) должно ли отправляться правосудие постоянными судами или присяжными заседателями.

Обсуждение вопросов судебной реформы началось несколько раньше — 24 марта 1790 г. и продолжалось до 30 апреля того же

года. Робеспьер выступил 7 апреля 1790 г.

В результате длительных прений по этим вопросам, в которых приняли участие Сийес, Барнав, Лепелетье, Тарже и другие, Учредительное собрание 30 апреля приняло декрет «О суде присяжных по уголовным и гражданским делам». В нем было сказано: «Национальное собрание постановляет: 1. по уголовным делам должен быть учрежден суд присяжных, 2. по делам гражданским он не учреждается».

Другим декретом того же 30 апреля Учредительное собрание поручило Конституционному комитету и Комитету уголовного судопроизводства в кратчайший срок представить проект закона о производстве дел в суде присяжных.

Перевод речи Робеспьера «Sur l'institution des jurés tant au civil qu'au criminel» сделан из «Сочинений М.Робеспьера», t.VI, «Discours 1789–1790», где текст речи воспроизведен из «Le Point du Jour», t.VIII.

Для решения вопроса о том, должны ли вы согласиться на введение института присяжных, достаточно дать его точное описание.

Что такое судопроизводство с участием присяжных? Не входя в подробности различных видоизменений, допускаемых этой системой, достаточно установить здесь ее сущность и показать ее основное свойство.

Предположите, что вместо постоянных судов, к которым мы привыкли, которые решают все вопросы и о праве, и о факте, с которыми связаны все наши интересы, которые самовластно распоряжаются нашей судьбой, назначают граждан, избранных общественным доверием на короткий срок из разных слоев общества, без всякого различия, для того, чтобы судить сначала о фактах, которые являются основанием для судебных споров; предположение далее, что существуют судьи, обязанность которых состоит лишь в том, чтобы применять закон к этим фактам вследствие первого решения — таковы присяжные, как я их понимаю.

Я нахожу, что два существенных свойства отличают этот институт от того, который господствует у нас в настоящее время, и от того, который хотят теперь ему противопоставить (ибо Конституционный комитет изменил лишь наименование и местопребывание нынешних судов”).

Первое свойство состоит в том, что разделение суждения о факте и суждения о праве сделало бы решения гораздо достовернее и яснее, чем при той системе, где судья беспорядочно обсуждает и вопросы факта, и вопросы права, гораздо беспристрастнее во всех их частях, ибо тот, кто только применяет закон к чужому решению, не пытается склонить его к тому мнению, которое сложилось у него о спорном факте.

Второе свойство, еще более важное, состоит в том, что при таком порядке вещей, который я предлагаю, мы не увидим более, как постоянная корпорация, облеченная чрезмерной властью, воспринимает вследствие естественной человеческой слабости тот особый дух, дух

“ Конституционный комитет, созданный декретом 6 июля 1789 г. в составе восьми депутатов, готовил проекты законов.

высокомерия, гордости и деспотизма, который присущ всякой корпорации, облеченной большой властью. При одной только мысли о введении института присяжных меня перестает страшить по крайней мере опасность доверить людям свои самые дорогие интересы. Они по крайней мере поручены людям, равным мне, то есть простым гражданам, выбранным народом, которые скоро возвратятся в массы, где они будут сами подчинены той же самой власти, которую они только что осуществляли надо мной; порукой мне служит их религия, их интерес и тот дух справедливости, который характеризует людей в массе и который могут изменить одни лишь личные интересы; и если судья применит затем закон, каков бы он ни был, то я не опасаясь, что он осмелится раздражить общественное мнение полным несоответствием закона и факта, взывающего к его применению.

Необходимость этого института для сохранения свободы столь очевидна, что даже те, кто выступал против него с наибольшим жаром, соглашались допустить его по уголовным делам! Почему же не принять его также и по гражданским делам? Чем отличается жизнь и честь от чести и состояния? Разве не все права граждан подлежат одинаковой охране? Взять на себя защиту их всех — священный долг общества. Как могли бы вы предложить мне для моей собственности, для всего того, что делает мою жизнь приятной или сносной, гарантию, недостаточную саму по себе и не могущую защитить других моих прав?

В качестве возражения у нас ссылаются на невозможность существования этого института, но он уже целое столетие существует в Англии; с тем же успехом утвердился он в Америке, и усердие этих двух наций, направленное на его сохранение, доказывает одновременно и его важность, и его жизненность.

Существование этого института, говорят, невозможно, а вы хотите вести его по уголовным делам. Оно невозможно только по гражданским делам, утверждаете вы; это может означать лишь то, что факты, которые являются основанием для споров, относящихся к нашей собственности, не могут быть ни замечены, ни узнаны просвещенными или почитаемыми за таковых людьми, на которых общественное доверие возложит эти обязанности (ибо я никогда не допущу, что для выражения своих интересов граждане постараются выбрать неспособных и глупых людей). Наши законы сложны, говорите вы, но они также, и приблизительно по тем же делам, сложны и в Англии. Впрочем, это возражение относится к неясности понятий, которая смешивает вопрос факта с вопросом права.

Там, где законодательство сложно, применение законов является более трудным; но трудность суждения о том, существует ли факт или нет, не имеет к этому отношения. Во всех странах, во всех законодательных системах улики относятся к фактам; они обнаруживаются при помощи тех же понятий, тех же вероятностей, и способности, необходимые для того, чтобы их видеть и узнать, являются теми же. Умножьте количество законов, кодексов, постановлений, комментаторов договора продажи. Такие вопросы факта, как имела ли продажа место или не имела, вы ли продавец или нет, не будут от этого

менее простыми. Напрягайте, если вам это угодно, воображение для изобретения отдельных трудных случаев. Я не соглашусь ни с тем, что способность их распознавать связана с такой-то формой или с такой-то профессией, ни с тем, что она выше понимания разумных и даже знающих людей, которых общественное доверие призывает к этим обязанностям.

Наше политическое положение, говорят вам, не позволяет испробовать этот институт. Каково же наше политическое положение? Это положение народа, который быстро шагает по пути к своей свободе, с тем благородным энтузиазмом, который преодолевает все препятствия, и возможно, в тот единственный момент, когда ему суждено завоевать все полезные институты, необходимые для укрепления его свободы.

Будут недовольны лица судейского сословия, говорят нам, и они увеличат число ваших врагов. Отвечу сначала, что это незаслуженное оскорбление, нанесенное наиболее почтенным из них: я призываю здесь в свидетели всех тех, кто принес суду нечто другое, чем рабскую косность и предрассудки; и так как они избрали эти полезные обязанности лишь для того, чтобы защищать бедного, слабого, угнетенного от несправедливости и крючкотворства, то их главным желанием всегда было видеть уничтожение этих явлений. Будут жаловаться другие, говорят нам. Тем лучше, вас благословят народы; вам ли страшиться врагов всякий раз, как вооруженные силами общественного мнения и национального интереса вы идете вперед по пути уничтожения всех злоупотреблений и всех тираний? Если бы подобные соображения восторжествовали, то вы были бы еще в самом начале своего пути... или вас более не было бы на свете.

Впрочем, что бы там ни говорили, я не знаю ничего опасно, того духа малодушия, который необходимым священным правам всегда противопоставляет мнимые затруднения, а наиболее явным принципам общественного порядка — мнимые политические приличия. Горе нам, если мы не имеем силы быть совсем свободными; полусвобода неизбежно восстанавливает деспотизм. Горе нам, если мы создаем себе препятствия в тот момент, когда они все были устранены перед нами. Приучимся же считать все эти вечные истины, на которых покоятся права людей и благополучие общества, лишь бесполезной теорией, годной только для нравоучительных книг. Лучше подумайте о том, что неизменные принципы справедливости и разума являются единственным основанием общественной свободы и общественного благополучия; что все конституции, которые их нарушают, являются лишь преступлениями против человечества, которые нелепый язык почти всех законодателей напрасно старается скрыть под ложными названиями мудрости и политики. История, разум — все говорит нам, что нации имеют лишь один короткий момент для того, чтобы стать свободными; он пришел для нас, и воспользоваться им для возрождения и счастья народов — вечное провидение предназначено вам!

Мужество, разум, благоговейное уважение к праву людей и к велениям высшего законодателя, которые должны быть принципом для

ваших повелений, — вот единственное правило поведения, нужное для вашего положения, вот единственное оружие, при помощи которого вы можете торжествовать над всеми врагами свободы и добродетели.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КАССАЦИОННОГО СУДА

Взгляды, изложенные Робеспьером о природе кассационного суда, была поддержаны в Учредительном собрании другими депутатами. Собрание постановило направить этот вопрос на рассмотрение Конституционного комитета. Вместе с тем Собрание декретировало, что приговоры последней инстанции могут быть обжалованы в кассационном порядке и что судьи кассационных судов должны быть постоянными (декреты 24 и 26 мая 1790 г.).
Перевод речи Робеспьера «Sur l'organisation du tribunal de cassation» сделан из «Сочинений М.Робеспьера», т.VI. «Discours 1789—1790», где воспроизведен текст из «Le Point du Jour», t.X.

Для установления правил организации кассационного суда нужно составить себе ясное представление о его природе и цели. Он, предназначен не для того, чтобы применять закон к спорам частных лиц или высказываться по существу дела, а для того, чтобы защищать формы и принципы установления законодательства от возможных нарушений их со стороны судов. Он является не судьей для граждан, а защитником законов, надзирателем за судьями и их цензором. Одним словом, он поставлен за пределами судебного порядка и над ним для того, чтобы удерживать его в границах и правилах, предписанных Конституцией.

Что же требуется теперь для того, чтобы он мог добиться этой главнейшей цели своего существования? Нужно, очевидно, чтобы кассационный суд был организован таким образом, чтобы он не мог воспринять особый дух или создать себе интерес, противоположный интересу законодателя или отличный от этого интереса; ибо тогда он употребил бы свою власть на то, чтобы добиться господства своей частной воли, и далекий от того, чтобы поддержать законы, он мог бы способствовать их гибели, потворствуя посягательствам судов, которые он должен пресекать, и стать опасным орудием, которым другие объединившиеся с ним власти могли бы пользоваться против законодательной власти. А как сможете вы предупредить эти затруднения? Каким же образом кассационный суд будет не в состоянии воспринять принципы, отличные от принципов законодателя, если он явится особым корпусом, отличным от Законодательного корпуса, и в то же время верховным и независимым; такова уж сама природа вещей, что всякое нравственное существо, всякое учреждение, всякая отдельная личность имеют собственную волю; такова уж природа вещей, что они беспрестанно стремятся добиться господства своей воли в том случае, когда они обладают большой властью, и всякий раз, когда эта власть не подчинена высшей власти, беспрестанно возвращающей ее к установленному порядку и закону. Заметьте же, что ваш кассационный суд должен неизбежно стать верховным и независимым потому, что в случае пересмотра приговоров право кассации в последней инстанции

принадлежало бы учреждению, уполномоченному на их рассмотрение, и потому, что все сказанное мною о первом могло бы быть применено и к этому последнему. Итак, следовательно, если намерения и воля кассационного суда отличны от намерений и воли законодателя, то он может подчинить им и самого законодателя; кассационный суд будет в конце концов властителем законодательства, которое он сможет изменять или приводить по своей прихоти в расстройство, произвольно злоупотребляя своей независимой властью; и так как невозможно надеяться на то, что его воля будет всегда совпадать с волей законодателя, то очевидно, что сама природа вещей заставляет нас принять то правило, которое не было чуждо римскому публичному праву и принималось даже нашим прежним правительством; римское законодательство придерживалось правила, что толкование законов принадлежит тому, кто создал закон — *ejus est interpretari legem, qui condidit legem*. Римляне поняли, что если бы власть, иная чем власть законодателя, могла толковать законы, то она в конце концов изменила бы их и поставила бы свою волю выше воли законодателя; и само собой разумеется, что это правило тем более применяется в том случае, когда сами законы задеты актами судебной власти, которая их нарушает. Наш прежний режим сам признавал необходимость этого правила: хотя сам король не имел тогда власти применять законы к частным делам граждан, он пользовался, однако, властью отрешать от должности судей, не согласных с порядком, предусмотренным законами, и стремившихся нападать на них открыто; и в той системе, где король осуществлял законодательную власть, это установление было разумно. Законодательная власть слаба или ничтожна, и вся ее сила переходит к судебной власти, коль скоро первая не обладает правом и средствами для отражения посягательств со стороны последней; так как законодательная власть устанавливает только общие правила, а применяют их одни лишь суды, то законы стали бы пустыми формулами, сила которых зависела бы полностью от судей или от учреждения, уполномоченного на пересмотр их приговоров.

Пусть не говорят, что я смешиваю здесь власти, соединяя одних и тех же руках законодательную и судебную власть. Я уже указал, что те, кто должен надзирать за судами и беспрестанно напоминать им о принципах законодательства, не представляют собой части судебной власти, что их функции являются принадлежностью и необходимым условием законодательной власти и что она должна осуществляться законодателем во имя устойчивости, чистоты, единства конституционных принципов. Я замечаю к тому же, что правило о разделении судебных властей не нужно соблюдать с излишней точностью, ибо оно подчинено необходимости обеспечить средства сохранения свободы, для которой оно было установлено, и что есть некоторые точки соприкосновения, где они должны соединяться. Я прихожу к заключению, что кассационный суд должен помещаться в недрах законодательного корпуса. Вследствие этого я вношу предложение о том, чтобы Комитет Законодательного корпуса, избранный им, был уполномочен предлагать, расследовать и до-

кладывать дела, относящиеся к его компетенции, и чтобы эти дела решались декретами Собрания.

О МОРСКОМ УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ

16 августа 1790 г. Учредительное собрание обсуждало проект реформы морских уголовных законов. Внимание Робеспьера привлекли статьи 19 и 20 проекта (в разделе «Наказания и преступления»).

Содержание их следующее:

«Статья 19. Всякий командир военного судна, виновный в неповиновении приказам или сигналам командующего армией, эскадрой или дивизионом, отрешается от командования; если его неповиновение вызвало отделение его корабля либо другого корабля эскадры, он должен быть разжалован и объявлен недостойным служить. Если неповиновение было оказано в виду неприятеля, то виновный приговаривается к смерти.

Статья 20. Всякий матрос или офицер судовой команды, виновный в том, что во время обычного несения службы он покинет специальный пост, для охраны которого он был назначен, или корабельную шлюпку — если это было совершено днем, — должен быть привязан к большой мачте на один час и жалование ему снижается на одну степень; если это было совершено ночью, то его привязывают к мачте в течение двух дней, на два часа ежедневно, и жалование ему снижается на две степени».

Предложения Робеспьера, сформулированные в его выступлении, не были приняты во внимание, и Собрание утвердило статьи 19 и 20 в приведенной выше редакции законопроекта.

Речь Робеспьера «Sur le Code penal de la Marine», произнесенная в Учредительном собрании 19 августа 1790 г., переведена из «Сочинений М. Робеспьера», т.VI, «Discours 1789—1790», где воспроизведен текст из «Moniteur», № 232.

Я нахожу удивительное несоответствие между наказаниями, установленными для матросов, и наказаниями, установленными для офицеров. Соответствует ли принципу равноправия тот факт, что за один и тот же род преступления для солдата предлагают назначать плаху, а для офицеров — только разжалование?

Если эти принципы правильны, если это — принципы справедливости и свободы, то я требую, чтобы одинаковые проступки карались одинаковыми наказаниями; если их считают слишком строгими для офицеров, их должны отменить и для солдат.

Преступление, о котором идет речь, является одним из опаснейших преступлений, в котором можно провиниться на военной службе; не должно ли оно быть искуплено самыми строгими наказаниями, если матроса за простой дисциплинарный проступок вы приговариваете к смерти?

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПИСЬМЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Эта речь была произнесена в связи с тем, что еще 27 ноября 1790 г., Дюпор от имени Конституционного комитета и Комитета уголовного судопроизводства^{***} предложил Учредительному собранию доклад об организации суда присяжных по уголовным делам. Дискуссия по этому докладу продолжалась в течение декабря. 2 января 1791 г. Собрание утвердило раздел I законопроекта (О судопроизводстве в окружном суде и об обвинительном жюри). 3 января 1791 г. развернулись прения о том, должно ли быть письменным производство в суде присяжных. 4 января по этому вопросу выступил Робеспьер.

Перевод речи Робеспьера «Sur l'organisation de la justice criminelle. Sur la necessite d'une procedure ecrite» сделан из «Сочинения М. Робеспьера», т.VII, «Discours (II partie) lanvier — septembre 1791», где воспроизведен текст из «Le Point du Jour», т.XVIII.

Будут ли фиксироваться письменные доказательства, показания, на которых судьи должны основывать мнения, решающие участь обвиняемых? Или они должны быть лишь мимолетными словами, которые из уст свидетелей перейдут прямо в умы и сердца судей, чтобы умереть там?

Как бы этот вопрос ни казался прост с первого взгляда, он связан столь же незаметными, сколь и важными отношениями с величайшими интересами общества. Есть лишь один способ объяснить его и быстро разрешить — это возвратиться к истинному принципу всякого уголовного законодательства.

Уголовное судопроизводство является вообще не чем иным, как мерами предосторожности, принимаемыми законом против слабостей и страстей судей.

Если бы судьи были ангелами, если бы они были непогрешимыми и безукоризненными существами, то закон сказал бы им: перед вами обвиняемые граждане; делайте все, что вы найдете нужным для открытия истины, и судите их затем, как хотите. Порядком судопроизводства будет то, что вы установите, доказательством — то, что вас убедит, истиной — то, что вы решите. Задача была бы проста, она ограничивалась бы учреждением должности судей.

Но каковы бы судьи ни были, они будут всегда людьми; далекий от того, чтобы считать судей отвлеченными или бесстрастными созданиями, личное существование которых совершенно смешано с их общественным существованием, мудрый законодатель знает, что никто из людей не требует от него более тщательного надзора, чем они, ибо гордость власти является самым опасным камнем преткновения для человеческой слабости.

Законодатель, свободный от пристрастия и страстей, потому что он постановляет о вещах путем общих законов, а не о лицах путем

^{***} Комитет по преобразованию уголовного судопроизводства был создан 10 сентября 1789 г. для подготовки и рассмотрения соответствующих законопроектов.

отдельных решений, должен посредством точных и постоянных правил направлять судью, предназначенного выносить решение о лицах и о частных интересах: отсюда и формы судопроизводства, которым ход уголовного расследования был всегда подчинен.

Поэтому далекий от того, чтобы предоставить власть судить о преступлении или невиновности одной лишь совести, одной лишь произвольной воле судей, закон энергично сказал им: «Вы не осудите, если у вас нет доказательств более ясных, чем день». Он сделал больше: он определил род доказательств, он установил некоторые правила для приобретения уверенности, без которых им не дозволено осуждать; если же он установил эти правила, эти условия, то необходимо, чтобы имелся способ обеспечить их соблюдение; этот способ — записывание; без него не остается никакого следа доказательств, которые определяют мотивы приговоров и участь обвиняемых: остаются лишь неизвестность, неясность, произвол и деспотизм.

Этих немногих слов достаточно, по-видимому, для решения того важного вопроса, который вас занимает. Но мы не рассмотрели еще его во всем объеме и со всех наиболее интересных сторон.

Если закон должен требовать наличия известного рода и: степени доказательства, без которого судьи не могут осуждать, то отсюда еще не следует, что этого доказательства достаточно для того, чтобы сделать осуждение неизбежным. Нужно, чтобы к этому доказательству присоединилось и личное убеждение судьи. Закон должен требовать этого для обуздания произвола; правила, которые он устанавливает в этом отношении, являются результатом мудрости и беспристрастия, ибо они являются общими; но по этой же самой причине на практике они часто бывают опровергнуты особыми обстоятельствами, которых законодатель не может ни предвидеть, ни рассмотреть во всех деталях, и которые может знать один лишь судья; нужно, следовательно, чтобы знание и личное убеждение судьи восполняло то, что не может быть охвачено общим предвидением закона.

Свидетельство двух людей — вот одно из этих доказательств, определенных законом. Но предположим, что в каком-нибудь отдельном деле два свидетеля показывают против обвиняемого; а судья знает, что они обладают слабым умом либо сомнительной честностью, или же видел их неуверенность и нерешительность; наконец, характер обвиняемого, его безупречная репутация, множество обстоятельств, которые обнаруживаются на глазах у судьи, образуют доказательство более удовлетворительное и более сильное, чем показание двух свидетелей. Осудит ли в таком случае судья? Нет, это значило бы предпочесть призрак доказательств действительному доказательству; это значило бы предпочесть тень истины самой истине; это значило бы вслепую поразить невинную жертву мечом законов; это значило бы нарушить дух последних и помешать их цели.

Из всего этого я заключаю, что судья не может осудить, если законное доказательство отсутствует; я заключаю еще, что он не должен осудить, если его личное убеждение находится в противоречии с этим

мнимым доказательством. Именно в этом пункте, который примиряет и проект Комитета, и мнение тех, которые его оспаривают, который предотвращает истинные и опасные неудобства, представляемые и тем и другими, заключены истина и общественное благо. Я заканчиваю этот спор, слишком ясный для того, чтобы его продолжали, одним примером, который стоит выше всех доводов.

Какой-то гражданин обвиняется в крупном преступлении; против него имеется множество доказательств, которые убеждают всех судей; и один только единственный присяжный сопротивляется очевидности, которая бросается всем в глаза. С непобедимым упорством он отказывается присоединить свой голос к голосу своих коллег... Преступление понял именно он. Неужели сочли бы вы мудрым варварский закон, который принудил бы его высказаться за казнь обвиняемого?

Разве вы не чувствуете, как природа возмущается внутри вас при одной лишь мысли о судье, который признает кого-либо невиновным, сожалеет о нем, трепещет за его участь и все же посылает его на казнь? Может ли закон оскорбить до такой степени разум, справедливость и совесть?

Подвожу итог сказанному в следующих трех предложениях: свидетельские показания излагаются в письменном виде; присяжные не могут объявить виновного уличенным при отсутствии того рода доказательств, которые определил закон; они могут и должны объявить его неуличенным, если их знание и их личное убеждение находятся в противоречии с этим доказательством.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Учредительное собрание уделило большое внимание обсуждению вопроса о введении суда присяжных, рассмотрев несколько проектов судебной организации. В числе рассмотренных проектов был и проект депутата Дюпора, представленный в докладе «О принципах и плане организации судебного ведомства», прочитанный в 1790 году (см. «Archives parlementaires», t.XII, стр.408—440).

Доклад Дюпора вызвал оживленные прения. В числе ораторов был и Робеспьер (см. приведенные выше речи Робеспьера по вопросам судостроительства и судопроизводства). Настоящая брошюра была написана Робеспьером в начале 1791 года. Она издана Национальной типографией в 1791 году, 28 стр. in—8°, под названием «Principes de l'organisation des jures, et refutation du systeme, propose par M.Duport au nom des Comites de Judicature et de Constitution, par Maximilien Robespierre Depute du Departement du Pas-de-Calais a l'Assemblée Nationale». Перевод сделан из «Сочинений М.Робеспьера», т.VII, «Discours (II partie) Janvier—septembre 1791».

Господа, слово «присяжные» вызывает, по-видимому, представление об одном из самых дорогих человечеству социальных институтов, но сущность его далеко не всем известна и понятна; во всяком случае ясно,

что под этим названием можно понимать вещи, принципиально отличные по своей природе и по своему действию. У большинства французов с этим названием связывается лишь некоторое смутное представление об английской системе, которая им не вполне знакома. Впрочем, нам гораздо менее важно знать, что творится в других местах, чем найти то, что пригодно для введения у нас. Конституционный и Судейский комитеты могли бы даже точно скопировать часть предлагаемого ими проекта с института присяжных, известного в Англии, и еще ничего не добиться для блага нации, ибо преимущества и недостатки какого-либо института зависят почти всегда от его соотношения с другими частями законодательства, с обычаями, нравами страны и множеством других местных и особых условий. Можно было бы к тому же видоизменить институт присяжных таким образом и связать с такими обстоятельствами, что вместо хороших плодов, которые пожали, от него англичане, он породил бы у нас лишь яды, смертельные для свободы. Обратимся же к самой природе вещи, к принципу всякой хорошей судебной организации и института присяжных.

Его существенная черта состоит в том, что граждан судят им равные; его целью является то, чтобы граждане судились с наибольшей справедливостью и беспристрастием; чтобы их права были в безопасности от ударов судебного деспотизма. Сравним сначала с этими принципами проект Комитетов. Для того чтобы иметь настоящих присяжных, я хочу доказать, что Комитеты предлагают нам в этом проекте лишь лицемерие и химеру.

На территории одного департамента будут взяты только двести граждан из числа тех, кто платит налог, требуемый для того, чтобы быть избранным на административные должности. Эти двести лиц будут выбраны генерал-прокурор-синдиком управления департамента. Из этих двухсот — двенадцать будут взяты, по жребию: это те двенадцать, которые под названием жюри приговора будут решать, было ли совершено преступление, виновен ли обвиняемый. Следует только заметить, что из двухсот избираемых, включаемых в список присяжных, общественный обвинитель и обвиняемый имеют каждый одинаковое право отвода двадцати лиц.

Теперь, чтобы охватить систему в целом, чтобы уловить ее дух и определить ее последствия, нужно сопоставить с этой организацией присяжных организацию того трибунала, который должен вступать в уголовные дела и назначать наказания.

Уголовный трибунал учреждается в каждом департаменте один в составе двух судей, назначаемых по очереди каждые три месяца из числа членов окружных трибуналов департамента.

Во главе этого трибунала находится постоянный судья, председатель, назначаемый на двенадцать лет, который независимо от обязанностей судьи облечен безграничной широтой власти, о которой мы расскажем впоследствии.

Удовольствуемся теперь изложением, так сказать, скрытых недостатков в сочетании с теми постановлениями, о которых мы только

что сообщили.

Кто эти присяжные, эти люди, призванные решать вопрос об осуждении или спасении обвиняемых? Двести граждан, избранные прокурор-синдиком департамента. Итак, один только человек, какой-то административный чиновник, властен дать народу судей по своему произволу.

Вот все то, что гений законодательства мог изобрести для обеспечения самых священных прав человека и гражданина, все то, что кончается мудростью, волей, прихотью прокурор-синдика. Я знаю, что из этих двухсот двенадцать будут взяты по жребию и что обвиняемый сможет отвести из них двадцать, но жребий может всегда пасть лишь на тех из двухсот человек, которых избрал прокурор-синдик; но после отводов останутся всегда только те люди, выбор которых докажет самое большее лишь доверие прокурор-синдика; но в конце концов несомненно то, что вы предоставляете прокурор-синдику столь же странное, сколь и опасное влияние на честь, свободу, возможно даже жизнь, граждан. Я мог бы также заметить, что действие права отвода, которое вы даете обвиняемому, уничтожается правом, которое вы предоставляете общественному обвинителю, ибо если, с одной стороны, обвиняемый может устранить двадцать присяжных, которые могли бы показаться ему подозрительными, то, с другой стороны, его противник может отнять у него такое же число тех присяжных, к которым он питал бы наибольшее доверие. Если подобная власть, данная прокурор-синдику, является сама по себе крайним злоупотреблением, то что же окажется после того, как мы рассмотрим обстоятельства, свойственные нашей нации и нашей революции, единственные, конечно, которые должны привлекать наше внимание.

В ту пору, когда нация разделяется столькими противоречивыми интересами, столькими фракциями, в особенности когда она делится на две большие части, большинство граждан — граждане наименее влиятельные, наименее обласканные судьбой и прежним правительством, те граждане, которых называют простым народом, которых я называю так же, ибо нужно, чтобы я говорил на языке моих противников, ибо это название кажется мне одновременно и величественным и трогательным; в ту пору, говорю я, когда государство как бы поделено между народом и несметной толпой тех людей, которые хотят либо вернуть старые злоупотребления, либо снова создать их в пользу своего честолюбия и в ущерб своей свободе; в ту пору, когда самые опасные из его врагов не те, которые проявляют себя открыто, но те, которые скрывают свои пагубные намерения под маской преданности отечеству и под формами новой Конституции, — не является ли возможным, даже неизбежным и сообразным с опытом, тот факт, что интрига и заблуждение доводят часто до наивысших административных должностей граждан такого рода? Не будут ли подобные прокурор-синдики, естественно склонными призывать к обязанностям присяжных тех людей, которые разделяли бы с ними одни и те же принципы и держались бы одной и той же партии? Разве не могли бы они даже без

вреда для своих намерений, так сказать, перемешать их с некоторым числом тех ничтожных и незначительных людей, которые принадлежат к наиболее ловким и влиятельным; и если бы они этого хотели, разве это было им трудно? Разве долго пришлось бы им искать две сотни таких людей в пределах всего департамента? И поэтому, разве не был бы народ, в особенности, самые ревностные патриоты, предоставлены пристрастным и враждебным судьям? Я не буду на этом основании утверждать, что враги народа поторопятся прежде всего выставить мощь уголовных приговоров против тех, кто будет на обширном поприще отстаивать во весь голос права нации и человечества, но я вижу, что слабые и беспомощные граждане, подозреваемые в слишком большой привязанности к народному делу, преследуются во имя законов и общественного порядка, я вижу, что энергичные протесты, акты сопротивления, вызванные долгими оскорблениями, или, если угодно, акты искреннего, но не озаренного еще знанием новых законов патриотизма, караются, как мятежные действия и посягательства на общественную безопасность. Я вижу, что во» всех обвинениях, имеющих малейшее отношение к той клевете, которую враги свободы не прекратили распространять против народа, наилучшие граждане отданы на произвол всем предубеждениям, всей лицемерной злобе лжепатриотов, всей мстительности подозрительной и раздраженной аристократии.

Это еще не все: точно недостаточно одних предосторожностей, чтобы предотвратить эту беду, не предлагают ли нам еще Комитеты ограничить право быть выбранным прокурор-синдиком: кругом тех лиц, которые избираются в административные учреждения, то есть гражданами наиболее богатыми и влиятельными? Да разве же это то, что вы называете быть судимыми себе разными? Они, быть может, и будут равными эти граждане, исключительно призванные к обязанностям администраторов и присяжных; но они не составляют даже четверти нации; что касается других, то фактически они будут судимы своими начальниками, решение их участи будет предоставлено разряду людей, отделенных от них глубочайшей пограничной чертой, всем тем расстоянием, которое существует между политической и судебной властью, с одной стороны, и ничтожеством — с другой, между верховной властью и подчинением, или, если вам угодно, рабством.

И каким образом нация снова узнала бы, я уже не говорю равенство прав, я не говорю неотъемлемые человеческие права, но хотя бы тот основной принцип всякой организации суда присяжных, тот справедливый и беспристрастный характер, который должен ее отличать? Не побоятся ли все те, кто окажется вне вашего привилегированного класса, найти в этих присяжных больше склонности к снисходительности, уважения, предупредительности к лицам их сословия и меньше человечности, почтения к тем, на кого они привыкли смотреть свысока?

Я очень далек от желания, чтобы обвиняемые были судимы трибуналами. Но, конечно, я не боюсь утверждать, что эта система была бы гораздо менее опасна, гораздо менее противоречила принципам

свободы, чем та, которую нам предлагают. По крайней мере граждане судились бы магистратами, которых они выбрали бы сами; при другой системе их участь решается людьми, назначаемыми одним только публичным должностным лицом, и, быть может, их врагом.

В первой системе равенство в правах по крайней мере уважается, ибо все судятся теми, кого все выбрали; но вторая делит нацию на два класса, из которых один предназначен судить, а другой — быть судимым; наиболее ценная часть национального суверенитета передается меньшинству нации; богатство становится единственной мерой прав гражданина, а французский, народ является одновременно и униженным и угнетенным. Наконец, если судебная система, которую я сравниваю с системой: Комитета, недостаточна, то система Комитета несправедлива и: чудовищна.

Что же сказать мне о другом постановлении, гласящем, что две трети присяжных будут взяты из города, где будет учрежден уголовный трибунал? Что сказать мне о несправедливом и оскорбительном пристрастии к гражданам из сельских местностей, гибельные последствия которого невозможно исчислить? Что сказать мне об этом непостижимом забвении основных принципов разума и общественного порядка?

Неуместность всего этого столь поразительна, что я и не подумал даже указать на тот прямой удар, который наносится основным принципам нашей Конституции предоставлением права избирать публичных должностных лиц (и каких!) другому публичному должностному лицу, чиновнику, которому народ не дал этого полномочия и власть которого ограничивается административными делами. Остережемся же от стремления даровать директориям все эти prerogatives; они являются чистейшими посягательствами на национальную власть и общественную свободу.

Но я изложил еще только часть опасностей, связанных с организацией суда присяжных, которые нам угрожают: нужно видеть суд присяжных в действии, нужно рассмотреть его отношение к тому уголовному трибуналу, с которым его соединяют.

Вы знаете, что этот трибунал составляется из двух судей, взятых в каждом округе; но эти судьи меняются каждые три месяца; остается один только председатель: он назначается на двенадцать лет. Достаточно вам сказать, что этот магистрат будет иметь колоссальное влияние; но учтите объем его обязанностей. Независимо от обязанностей, которые являются у него общими с другими судьями, от обязанности выбирать присяжных по жребию, созывать их, он будет подвергать допросу обвиняемого тотчас после его прибытия, он будет присутствовать, он будет председательствовать на каждом следствии, по окончании следствия он будет обязан еще руководить самими присяжными в отправлении их функций, объявлять им, излагать им вкратце дело, обращать их внимание на главные доказательства, даже напоминать им об их долге.

Этого было бы достаточно, чтобы убедить вас в том, что такой председатель будет иметь чрезвычайное влияние на ход Дела и на

приговор присяжных. Быть может, вы будете также, удивлены тем, что в то время, когда присяжных этого рода считают единственно способными достаточно защитить права невинности и гражданской свободы, их отдают, таким образом, под опеку и строгий надзор магистрата, назначаемого на двенадцать лет. Если их признают неспособными, они будут смотреть глазами ментора, которого дают им Комитеты; если их признают способными к отправлению своих обязанностей, то почему бы не предоставить им ту независимость, которая должна характеризовать судей?

Но что окончательно разоблачает дух этой системы — это безграничная и произвольная власть, которой тот же председатель облачается другой статьей: «Председатель уголовного трибунала может позволить себе делать все, что он сочтет полезным для раскрытия истины; и закон поручает его чести и совести употребить все свои усилия на то, чтобы способствовать ее обнаружению».

Раскрытие истины является превосходным делом; это предмет всякого уголовного судопроизводства и цель всякого судьи. Но то, что закон неопределенно дает судье неограниченную власть позволить себе все, что он сочтет полезным для достижения этой цели, что закон заменяет свою священную власть честью и совестью человека, что он перестает полагать, будто первым его долгом является, наоборот, сдерживать прихоти и честолюбие людей, всегда склонных злоупотреблять своей властью, что он снабжает нашего председателя уголовного трибунала точным текстом, который благоприятствует всем притязаниям, прикрывает все заблуждения, оправдывает все злоупотребления властью — это совершенно новый прием, которым Комитеты впервые подают нам пример.

Я не хочу рассматривать другие недостатки, которыми запятнан их проект; я не хочу даже говорить ни о бесполезных и опасных функциях королевского комиссара, которого Комитеты вмешивают во всякое следствие, ни об огромной власти, которую они предоставляют общественному обвинителю, присваивая ему право вызывать к себе и произвольно объявлять выговоры мировым судьям, полицейским чиновникам, ставя их в зависимость от него, жалую ему власть, которая соответствует власти наших интендантов и генерал-прокуроров наших парламентов; но как обходить молчанием или признавать те постановления, которыми Комитеты вручают затем королю власть давать общественному обвинителю приказания для преследования преступлений?

Напрасно, значит, извлекли вы из рук королевского комиссара опасную должность общественного обвинителя, чтобы поручить ее чиновнику, назначенному народом; вот что ваши Комитеты осмеливаются предложить вам: вручить ее косвенно самому королю, то есть предоставить двору и министерству опаснейшее влияние на судьбу граждан и самых ревностных приверженцев свободы; извратить, испортить институт общественного обвинения, чтобы сделать из него гнусное орудие агентов исполнительной власти, чтобы унижить народ-

суверен, подчиняя их власти магистрата, которого он избрал для преследования от его имени преступлений, нарушающих спокойствие общества. О, кто не был бы обеспокоен теми окольными путями, по которым стараются беспрестанно и ежедневно направлять всю национальную власть в руки короля и незаметно надеть на нее ярмо конституционного деспотизма, еще более страшного, чем тот, под которым мы томились! Какой же можно сделать вывод из всего сказанного нами о принципах Комитетов?

Что место председателя будет весьма хорошим местом для того, кто стремился бы усесться на этом, как говорится, троне уголовного правосудия; что в нем сосредоточилась бы почти вся власть трибунала; что он господствовал бы равным образом и над судопроизводством, и над присяжными; что сами присяжные были бы только пассивным и сомнительным орудием, переходящим, так сказать, из рук чиновника, который бы его создал, в руки председателя, который бы им управлял. Я вижу, что повсюду принципы справедливости и равенства нарушаются, конституционные нормы попираются, гражданская свобода как бы зажимается в тиски между общественным обвинителем, королевским комиссаром, председателем и прокурор-синдиком... Я упустил из виду жандармских чиновников, превращенных в полицейских магистратов. Но оставим на минуту эту роковую систему, которая дополняет гнетущий план, изложенный нами, которая грубо предает свободу граждан прихотям и оскорблениям военного деспотизма, которая предлагается, по-видимому, не для благородного народа, завоевывающего свою свободу, а для толпы рабов, которых хотели бы наказать за то, что они сбросили с себя на миг свои оковы.

Рассеем же теперь те иллюзии, которыми Комитеты прикрывают, по-видимому, свою систему. Они не перестают повторять, что она существует в Англии.

Когда хотят использовать столь сомнительный и ложный метод предпочтения иностранных примеров рассудку, то следовало бы по крайней мере быть точным в отношении фактов. Но как можно не признаться самому себе в том, что английская система и та, которую нам предлагают, отличаются друг от друга существенными обстоятельствами? И к тому же, кто не знает, что английская система предлагает невинности защиту, одной которой было бы достаточно для предупреждения затруднений и уменьшения недостатков в составе присяжных? Это закон, требующий полного единогласия для осуждения обвиняемого, и этот спасительный закон является как раз тем, который Комитеты прежде всего вычеркивают из своего проекта.

Не довольствуясь таким обеспечением невинности до вынесения приговора, английские законы берегут для нее могущественное средство и после осуждения предоставляя одному лишь судье власть приходить ей на помощь, отдавая дело на рассмотрение нового состава присяжных.

Комитеты дают возможность требовать пересмотра дела лишь в почти небывалом случае, когда весь трибунал в целом и королевский

комиссар единодушны в мнении, противоположном заявлению присяжного, высказавшегося за осуждение, так что, следуя в обоих случаях принципу, диаметрально противоположному принципу английского законодательства, они требуют единогласия, когда речь идет о помощи обвиняемому, и освобождают от единогласия, когда дело касается осуждения обвиняемого'. Да, что говорить! Разве англичане сочетали чудовищную власть жандармерии с системой своих присяжных? Разве они предоставили военной аристократии право издавать и исполнять полицейские приказы, обращаться с гражданами, как с подозрительными, объявлять их обвиняемыми, передавать их общественному обвинителю, посылать их в тюрьму, составлять протоколы и возбуждать против них предварительное судопроизводство? Разве они смешали границы уголовного правосудия и полиции, чтобы под названием национальных жандармов дать королевским жандармам самую страшную из всех властей? О, они так уважали права гражданина, что с ужасом отвергли все эти установления, достойные гения деспотизма. Все знают, что в этом отношении они довели меры предосторожности до скрупулезности и предпочли, по-видимому, ослабить энергию и расторопность полиции, нежели подвергать гражданскую свободу притеснениям своих агентов. Ну разве можно считать, что на эту разницу не стоит обращать внимания? Разве можно думать, что это одно и то же: быть под угрозой произвольных уголовных преследований со стороны крайне жестокой и деспотической власти или быть охраняемым законом от этих главных опасностей?

Разве вы можете еще отрицать, что, несмотря на известное внешнее сходство некоторых из предлагаемых вами постановлений с постановлениями английского законодательства, имеются в целом и в частности важные различия, которые должны определить их действия? Но главное — разве вы можете не признаться самим себе, до какой степени огромные недостатки вашего проекта связаны с теми политическими обстоятельствами, в которых мы находимся? Разве английский суд присяжных был введен и процветал среди гражданских смут, среди интриг врагов народа, окружающих нас? Разве он был организован так, чтобы дать своим притеснителям способ ослабить его и закабалить под внешним видом судебных форм?

Разве народ взывал в Англии о своих правах к правительству и аристократии? Разве существуют там фракции, которые клеветают на народ, которые поносят самых ревностных защитников свободы, которые изображают его самого в виде шайки разбойников и мятежников? Разве отдавали его под этим предлогом превотальным судьям и солдатам? Разве есть основания считать, что английские присяжные, назначаемые только одним человеком, принесут в трибунал эти пагубные предубеждения или заранее принятое намерение закалывать жертвы для тирании? Если бы представители английского народа при наличии обстоятельств, сходных с теми, на которые я только что указал, предложили подобные меры; если бы до того, как революция окрепла, и в тот момент, когда ей грозила бы со всех сторон опасность, они

проявляли всегда несправедливую недоверчивость, неумолимую строгость к большинству граждан, заинтересованных в ее сохранении, и слепое доверие, безграничную снисходительность к тем, в которых она или возбудила бы предубеждения или оскорбила бы гордость, то какое суждение следовало бы иметь либо об их предусмотрительности, либо об их рвении к свободе?

Какой же можно сделать вывод из всего сказанного мною? Что касается меня, то я из этого прежде всего заключаю о необходимости по крайней мере устранить из организации суда присяжных все те чудовищные недостатки, которые я только что отметил.

Я заключаю, что проект, предложенный Комитетами, нужно заменить планом организации, основанной на принципах свободной конституции и могущей осуществить те преимущества, которые наименование присяжных сулит, по-видимому, обществу.

Мы, по-моему, легко успеем в этом, если захотим, с одной стороны, обратить на минуту наше внимание на основные нормы нашей Конституции, с другой стороны, быстро заметить причины той ошибки, в которую, как мне кажется, впали Комитеты. Она, по-моему, заключается в том, что, чересчур предаваясь духу подражания и тому роду энтузиазма, который внушила нам привычка слышать похвалы английским присяжным, они не обратили внимания на то, что при той высоте, на которую вознесла нас наша революция, мы не можем быть столь же сговорчивыми в этом вопросе, как английская нация.

Вполне понятно, что англичане, у которых право назначения чиновников юстиции было предоставлено королю, считали за благо быть судимыми по уголовным делам гражданами, отобранными чиновником, называемым шерифом, и затем выделенными по жребию. Вполне также понятно, что англичане, политическое представительство которых, столь нелепое и бесформенное, было лишь злоупотреблением со стороны аристократии богатых, представляло в глазах политиков-философов лишь призрак законодательного корпуса, поработченного и купленного монархом, — вполне понятно говорю я, что англичане не удивлялись ограничению выбора присяжных категорией граждан, владеющих определенным минимумом собственности.

Естественно, что англичане, созерцая, с одной стороны, благодетельные законы, которые смягчали неудобства порочной организации их суда присяжных, сопоставляя, с другой стороны, свою судебную систему с позорным рабством окружающих их народов и даже с недостатками других частей своего управления, считали эту систему палладиумом их личной свободы и передали нам свой энтузиазм в то время, когда мы не смели даже поднять своих взоров к образу свободы.

Но невероятно и непонятно, по-моему, то, что во Франции, где права человека и суверенитет нации были торжественно провозглашены, где был признан конституционным принцип избираемости судей народом, где вследствие этого принципа малейшие гражданские и денежные интересы граждан решаются лишь теми гражданами, которым они доверили эту власть, их честь, их судьба была предоставлена людям, которые не

получили от них никакого полномочия, людям, назначенным простым администратором, которому народ не дал и не мог дать такой власти. Невероятно и непонятно, по-моему, то, что эти люди могут быть избраны лишь в особом классе, лишь среди богатых, что законодатели отходят от тех простых и справедливых принципов, которые они сами санкционировали, чтобы старательно скопировать систему уголовного правосудия с иностранных учреждений, постановлений которых, наиболее благоприятных для невинности, они даже не сохраняют, и что они после этого восторженно восхваляют и святость института присяжных, и величие того подарка, который они хотят преподнести человечеству. Все это доказывает мне очевиднее, чем что-либо другое, до какой степени заблуждаются люди, когда они хотят уклониться от тех вечных истин общественной морали, которые должны лежать в основе всех человеческих обществ.

Достаточно возвратиться к этому принципу, чтобы найти настоящий план организации суда присяжных, который мы должны принять.

Вот тот план, который я предлагаю, то есть вот те постановления об организации суда присяжных, которые я считаю основными, ибо что касается подробностей законов и что касается форм судопроизводства, то я не хвалюсь тем, что изложил их все, тем более, что я принимаю значительную часть тех из них, которые Комитеты нам предлагают согласно с примером Англии и общественным мнением.

Образование жюри обвинения

I. Выборщики каждого кантона будут ежегодно собираться для избрания большинством голосов шести граждан, которые в продолжение года будут призваны к отправлению обязанностей присяжных.

II. В директории округа будет составлен список присяжных, названных кантонами.

III. Окружной трибунал укажет тот из дней недели, который будет посвящаться собранию жюри обвинения.

IV. За неделю до этого дня директор жюри распорядится о взятии по жребию в присутствии публики восьми граждан из списка тех, которые будут избраны всеми кантонами, и эти восемь составят жюри обвинения.

V. Когда жюри соберется, оно принесет в присутствии директора жюри следующую присягу:

«Мы клянемся рассматривать с тщательным вниманием свидетельские показания и документы, которые будут нам представлены, и высказываться в отношении обвинения согласно со своей совестью».

VI. Затем им будет вручен обвинительный акт; они будут рассматривать документы, заслушивать свидетелей и совещаться между собой.

VII. Они вынесут затем свое решение, которое будет гласить о том, имеются или нет основания к возбуждению обвинения.

VIII. Восемь присяжных будет совершенно необходимо для вы-

несения этого решения.

IX. Для вынесения решения о том, что имеются основания к возбуждению обвинения, нужно будет единогласие.

Образование жюри приговора

I. Будет составлен общий список всех присяжных, которые будут выбраны во всех округах департамента.

II. Из этого списка первого числа каждого месяца председатель уголовного трибунала, о котором будет сказано ниже, распорядится о взятии по жребию 16 присяжных, которые будут составлять жюри приговора.

III. 15-го числа каждого месяца при наличии какого-либо дела, подлежащего разбору, эти 16 присяжных будут собираться по приглашению, которое им будет послано.

IV. Обвиняемый сможет отвести 30 присяжных без указания какой-либо причины.

V. Он сможет отвести сверх того всех тех, кто будет участвовать в жюри обвинения.

Образование уголовного трибунала

I. Уголовный трибунал будет учрежден каждым департаментом.

II. Этот трибунал будет составлен из шести судей, назначаемых через каждые шесть месяцев по очереди из числа судей окружных трибуналов.

III. Председатель уголовного трибунала, обязанности которого будут определены, будет избираться через каждые два года выборщиками департамента.

IV. Помимо обязанностей судьи, которые являются для него общими с другими членами трибунала, на него будет возложена обязанность избирать по жребию присяжных, созывать их, излагать им дело, которое они должны рассматривать, и руководить следствием.

V. Он сможет по просьбе и в интересах обвиняемого разрешать или приказывать то, что могло бы быть полезным для выявления невиновности, если бы даже это было вне обычных форм судопроизводства, определенного законом.

VI. Общественный обвинитель будет назначаться через каждые два года выборщиками департамента.

VII. Его обязанности ограничатся преследованием преступлений согласно обвинительным актам, принятым первыми присяжными.

VIII. Король не может направлять ему никакого приказа о преследовании преступлений ввиду того, что эта прерогатива была бы несовместима с конституционными принципами разделения властей и со свободой.

IX. Законодательный корпус сам не сможет направлять ему подобные приказания, так как Конституция ограничивает его компетенцию преследованием преступлений об оскорблении нации в трибунале, образованном для их наказания.

Х. Ввиду того, что общественный обвинитель будет назначен народом для преследования от его имени преступлений, нарушающих спокойствие общества, никакой королевский комиссар не сможет разделить с ним ни одной из его обязанностей или вмешаться каким-либо образом в расследование уголовных дел.

Судопроизводство жюри приговора

(Я предложу здесь только статьи, необходимые для замены постановлений Комитета, которые должны быть изменены или упразднены.)

I. Показания свидетелей будут изложены письменно, если обвиняемый этого потребует; но, каково бы ни было их содержание, присяжные обсудят все обстоятельства дела и придут к решению лишь по внутреннему убеждению.

II. Однако, если письменные показания служат к оправданию обвиняемого, присяжные не смогут его осудить, каково бы ни было притом их частное мнение.

III. Для признания обвиняемого изобличенным совершенно необходимо единогласие.

IV. Апелляция на решение присяжных приноситься не будет, но если два члена уголовного трибунала сочтут, что обвиняемый осужден несправедливо, то он сможет потребовать нового жюри для вторичного рассмотрения дела.

V. Присяжные будут, как и судьи, вознаграждаться государством за то время, которое они отдадут для несения общественной службы.

(Я закончу этот проект несколькими статьями, касающимися задержания и принципов полиции.)

I. Всякий человек, захваченный на месте преступления, может быть задержан каждым полицейским агентом и даже каждым гражданином.

II. Помимо этого случая, всякий гражданин сможет быть задержан лишь в силу полицейского или судебного приказа, сообразно с чем дело по своей природе будет подлежать уголовному судопроизводству или просто относиться к ведению полиции.

III. Когда речь не будет идти о преступлении, влекущем за собой телесное наказание, всякий гражданин, который представит поручительство о своей явке, будет оставлен под надзором тех,, которые за него поручатся.

Я чувствую, что Комитеты не преминут оспаривать обе главные основы этой системы: власть выбирать, которую я хочу предоставить народу, и принцип равенства, который я хочу отстоять. Я окончу этот спор, предупреждая возражения Комитетов.

Для ежегодного назначения присяжных потребуется каждый год созывать новое собрание, скажут мне Комитеты; собрания же неудобны и утомительны для народа. Я знаю, что распространить это утверждение стремятся с самого начала-революции, но с ним могут согласиться лишь те, кто хотят принести народ и свободу в жертву препятствиям и

трудностям, которые им нравится создавать. Успокойтесь, народ предпочтет собраться несколько раз, чтобы воспользоваться своими правами, чем снова подпасть под гнет своих тиранов. Не отвращайте его от патриотизма, не ослабляйте его мужества, не делайте его чуждым отечеству благодаря гибельному делению на граждан пассивных и граждан активных, и вы увидите, что свободные люди не рассуждают, как деспоты.

Я сознаюсь, что мой проект имеет, на первый взгляд, ту невыгоду перед проектом Комитета, что присяжные будут известны за год вперед, тогда как по проекту Комитета они будут известны только за три месяца вперед. Но нужно сперва заметить, что те, кто в каждом деле должны будут фактически отправлять их обязанности, сделают это лишь в период времени, близкий к суду. Вполне очевидно к тому же, что некоторое сокрытие их имен является преимуществом лишь побочным и вполне подчиненным необходимости избрания присяжных народом и основным принципам свободы.

Эти принципы были бы уничтожены; равенство прав, которое обеспечивает всем гражданам возможность быть избранными общественным доверием, было бы призрачным, если бы разница состояний ставила наибольшее число из них в физическую невозможность выдержать тяжесть национальных обязанностей. Поэтому-то я и считаю существенно необходимой для свободы ту статью, в которой я предлагаю вознаграждать присяжных. Сознаюсь, что вообще я не без тревоги смотрел на введение бесплатной системы в отношении большого числа публичных должностных лиц. В особенности не без удивления я услышал новое утверждение членов Комитетов о том, что если бы присяжные вознаграждались, институт присяжных был бы опорочен. Судьи, администраторы являются, следовательно, опороченными потому, что справедливость, достоинство, интересы общества требуют того, чтобы им платили жалованье? Законодатели являются, следовательно, тоже опороченными! Король в особенности должен быть посрамлен за получение своего гражданского листа! Не знаю, кажется ли кому-нибудь подобная щекотливость возвышенной; что касается меня, то я нахожу ее либо ребяческой, либо вероломной. Да, самые опасные из всех сетей, которые можно расставить патриотизму, самый пагубный способ изменить народу, предавая его аристократии богатых, — это. бесспорно, распространить нелепую доктрину о том, что позорно быть недостаточно богатым для того, чтобы жить, служа отечеству безвозмездно; это осмелиться сопоставить священные интересы свободы и отечества с некоторыми необходимыми издержками.

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Речь о свободе печати была произнесена Робеспьером в Обществе друзей Конституции в мае 1791 года и тогда же издана Национальной типографией, 23 стр. in—8°, под названием «Discours sur la liberie de la presse, prononce a la Societe des Amis de la Constitution le 11 mai 1791 par Mximilien Robespierre, Depute a

l'Assemblée Nationale et Membre de cette Société». Перевод сделан из «Сочинений М.Робеспьера», т.VII, «Discours (II partie) Janvier — septembre 1791». На русский язык брошюра Робеспьера была переведена в 1906 году.

Господа!

После способности мыслить способность сообщать свои мысли своим ближним является самым поразительным качеством, отличающим человека от животного. Она является одновременно признаком бессмертного призвания человека к общественному состоянию, связующим началом, душой, орудием общества, единственным средством усовершенствовать последнее, достигнуть той степени власти, познаний и счастья, которая доступна человеку.

Когда он сообщает свои мысли при помощи слова, письма или употребления того счастливого искусства, которое так расширило границы его знания и которое обеспечивает каждому человеку возможность беседовать со всем человеческим родом, то право, которое он осуществляет, является всегда одинаковым, и свобода печати не может отличаться от свободы слова; и та, и другая священны, как природа; свобода печати необходима, как и само общество.

Под влиянием какого же злого рока законы почти всюду старались ее нарушить? Дело в том, что законы были созданы деспотами, а свобода печати является самым страшным бичом Деспотизма. Чем действительно объяснить то чудо, что многие миллионы людей угнетены одним человеком, если не тем глубоким невежеством и тупым оцепенением, в которые они погружены? Но пусть каждый человек, сохранивший чувство своего достоинства, может разоблачать вероломные замыслы и коварное поведение тирании; пусть он может беспрестанно противопоставлять права человечества тем посягательствам, которые их нарушают, суверенитет народов — их унижению и нищете; пусть угнетенная невинность может безнаказанно подавать свой грозный и трогательный голос, а истина объединять все умы и сердца священным именем свободы и отечества; тогда честолюбие будет повсюду находить препятствия, а деспотизм будет вынужден беспрестанно отступать или разобьется о несокрушимую силу общественного мнения и общей воли. Поэтому посмотрите, с какой коварной хитростью деспоты объединились против свободы говорить и писать; посмотрите, как жестокий инквизитор преследует ее во имя неба, а государи — во имя законов, созданных ими самими для защиты своих преступлений. Сбросим иго предрассудков, которыми они нас поработили, и научимся ценить свободу печати!

Каковы же должны быть ее пределы? Великий народ, славный недавним завоеванием свободы, отвечает на этот вопрос своим примером.

Право сообщать свои мысли при помощи слова, письма или печати «не может быть никаким образом стеснено или ограничено»; вот слова закона о свободе печати, изданного Соединенными Штатами Америки, и я признаю, что весьма рад возможности предложить при наличии такой поддержки свое мнение тем, кто попытался бы счесть его необычным

или преувеличенным.

Свобода печати должна быть полной и безграничной, или она не существует. Я вижу лишь два способа ее видоизменить: один — подчинить пользование ею некоторым ограничениям и формальностям, другой — пресечь злоупотребление ею уголовными законами; и первый, и второй из этих двух способов требуют самого серьезного внимания.

Прежде всего ясно, что первый неприемлем, ибо каждый знает, что законы созданы для того, чтобы обеспечить человеку свободное развитие его способностей, а не для того, чтобы сковывать их, что их власть ограничивается запрещением каждому вредить правам других, не возбраняя ему пользование своими. Не более нужно теперь возражать и тем, кто пожелал бы чинить препятствия свободе печати под предлогом предупреждения злоупотреблений, которые она может вызвать. Все понимают, что лишить человека предоставленных ему природой и искусством средств сообщать свои чувства и мысли с целью помешать ему употребить их во зло или сковать его язык из страха клеветы с его стороны, или связать ему руки из боязни, чтобы он не обратил их против своих ближних, — это нелепости одного и того же рода. Все понимают, что этот метод является попросту тайной деспотизма, который, для того чтобы сделать людей благоразумными и мирными, не знает лучших средств, как создать из них пассивные орудия или подлые автоматы. Ну, а каковы были бы те формальности, которым вы подчинили бы право обнаруживать свои мысли? Неужели вы запретите гражданам пользоваться печатью, чтобы сделать из общего благадеяния для всего человечества достояние каких-то наемников? Неужели вы дадите или продадите одним исключительную привилегию периодически рассуждать о предметах литературы, другим о политике и общественных событиях? Неужели вы постановите о том, что люди не смогут давать волю своим мнениям, если они не добились пропускного свидетельства от полицейского чиновника, или о том, что они будут думать лишь с одобрения цензора и по разрешению правительства? Таковы действительно те вершины творчества, которые породила нелепая мания предписывать законы для печати; но общественное мнение и общая воля нации давно уничтожили эти постыдные обычаи. От них осталась, по-видимому, только одна идея: идея об уничтожении всякого рода сочинений, не содержащих указания имени автора или типографа, и о привлечении последних к ответственности; но так как этот вопрос связан со второй частью нашей дискуссии, то есть с теорией уголовных законов о печати, то он будет решен согласно с теми принципами, которые мы установим по этому предмету.

Можно ли установить наказания за то, что называется злоупотреблением печати. В каких случаях эти наказания могли бы иметь место? Вот те важные вопросы, которые нужно разрешить и, быть может, самая существенная часть нашего конституционного кодекса.

Свобода печати может осуществляться в отношении двух объектов: явлений и лиц.

Первый из них содержит в себе все то, что затрагивает самые важные интересы человека и общества, такие, как мораль, законодательство, политика, религия. Законы же никогда не должны наказывать ни одного человека за выявление своих мнений обо всех этих явлениях. Свободным и взаимным сообщением своих мыслей человек совершенствует свои способности, просвещается в отношении своих прав и поднимается до той степени добродетели, величия, благоденствия, которую природа разрешает ему достигнуть. Но как может это сообщение мыслей происходить, если не способом, дозволенным самой природой? Сама же природа хочет, чтобы мысли каждого человека вытекали из его характера и ума; это она создала такое изумительное разнообразие умов и характеров. Свобода объявлять свое мнение может, следовательно, быть не чем иным, как свободой объявлять все противоположные мнения. Нужно, чтобы вы либо предоставили человеку эту свободу в полном объеме, либо нашли способ к тому, чтобы истина выходила с самого начала совершенно чистой и неприкрашенной из каждой человеческой головы. Она может возникнуть лишь из борьбы всех идей, истинных или ложных, нелепых или разумных. При этом смешении идей общий разум, способность человека различать добро и зло приучаются к выбору одних из них и отбрасыванию других. Неужели вы хотите лишить ваших ближних возможности пользоваться этой способностью, чтобы заменить ее вашей частной властью? Но какая рука проведет пограничную черту, отделяющую заблуждение от истины? Если бы те, кто издают законы или применяют их, были существами, обладающими умом более высоким, чем человеческий ум, то они могли бы осуществлять эту власть над мыслями; но если они только люди, если нелепо, чтобы разум какого-либо человека был, так сказать, владыкой над разумом всех других людей, то всякий уголовный закон, направленный против выявления мнений, является лишь нелепостью.

Он ниспровергает основные принципы гражданской свободы и простейшие понятия общественного порядка. Действительно, это бесспорный принцип, что закон не должен налагать никакого наказания там, где нельзя установить преступления, поддающегося точной характеристике и достоверно признанного; в противном случае участь граждан подвергается произвольным решениям, а свобода более не существует. Законы могут преследовать уголовные деяния, ибо последние состоят в точных фактах, которые могут быть ясно определены и установлены в соответствии с твердыми и неизменными правилами. Но мнения! Их хороший или плохой характер может быть определен лишь по отношениям более или менее сложным с принципами разума, справедливости, часто даже со множеством особых обстоятельств. Мне доносят о краже, убийстве; я имею понятие о деянии, определение которого является простым и точным; я допрашиваю свидетелей. Но мне говорят о возбуждающем к бунту, опасном, мятежном сочинении. Что такое возбуждающее к бунту, опасное, мятежное сочинение? Могут ли эти определения применяться к тому сочинению, которое мне представляют? Я вижу, как рождается здесь

множество вопросов, которые будут отданы на произвол непостоянства мнений; я не нахожу более ни дела, ни свидетелей, ни закона, ни судьи; я замечаю лишь неопределенный донос, произвольные доказательства и решения. Один найдет преступление в вещи, другой — в намерении, третий — в стиле. Этот не признает истины; тот осудит ее со знанием дела; другой захочет наказать горячность ее языка в тот самый момент, который она изберет, чтобы подать свой голос. Одно и то же сочинение, которое покажется полезным и мудрым человеку пылкому и смелому, будет осуждено как возбуждающее к бунту человеком холодным и малодушным; раб или деспот увидит лишь сумасброда или мятежника там, где свободный человек признает добродетельного гражданина. Один и тот же писатель заслужит в зависимости от времени и места похвалы или преследования, статуи или эшафот. Знаменитые люди, гений которых подготовил эту славную революцию, отнесены, наконец, нами к числу благодетелей человечества; кем были они в течение своей жизни в глазах правительства? Опасными новаторами, чуть ли не мятежниками. Далеко ли от нас то время, когда сами принципы, которые мы санкционировали, были бы осуждены как преступные правила теми самыми трибуналами, которые мы уничтожили? Да что я говорю! Даже и теперь не кажется ли каждый из нас разным человеком в глазах различных партий, которые разделяют государство; даже и здесь, в тот момент, когда я выступаю, не кажется ли мнение, предлагаемое мною, парадоксом для одних и истиной для других? Не встречает ли оно рукоплескания в одном месте и почти ропот в другом? Итак, что стало бы со свободой печати, если бы каждый мог ее осуществлять лишь со страхом увидеть свой покой и свои самые священные права отданными на произвол всех предрассудков, страстей, интересов! Но особенно важно отметить то, что всякое наказание, назначенное за сочинения под предлогом пресечь злоупотребление печатью, принимает совершенно невыгодный оборот для истины и добродетели и выгодный — для порока, заблуждения и деспотизма.

Гениальный человек, открывающий великие истины своим ближним, является человеком, опередившим мнение своего века; смелое новшество его мыслей отпугивает всегда их слабость и невежество; предрассудки непременно объединяются с завистью, чтобы изобразить его в омерзительных или смешных чертах. Оттого именно уделом великих людей была постоянно неблагодарность их современников и запоздалая дань уважения потомства; оттого суеверие бросило Галилея в тюрьму и изгнало Декарта из его отечества. Какова же будет участь тех, кто, вдохновляемые гением свободы, придут говорить о правах и достоинстве человека тем народам, которые их не знают? Они почти одинаково тревожат и тиранов, которых они разоблачают, и рабов, которых они хотят просветить. С какой легкостью злоупотребили бы первые этим расположением умов, чтобы преследовать их во имя законов! Вспомните, почему и для кого из вас отворялись темницы деспотизма, против кого направлялся даже меч трибуналов? Пощадило ли преследование красноречивого и добродетельного женевского

философа?**** Он умер; великая революция хоть на несколько минут дала вздохнуть истине: вы постановили о сооружении его статуи; вы почтили его вдову и помогли ей от имени отечества; даже из этих выражений признательности я не сделаю того заключения, что, будучи жив и поставлен на место, уготованное ему гением, он не получил бы по крайней мере столь обыкновенного упрека от угрюмого и сумасбродного человека.

Если правда, что мужество писателей, преданных делу справедливости и гуманности, внушает ужас интриге и честолюбию людей, стоящих у власти, го верно и то, что законы против печати становятся в руках этих последних страшным оружием против свободы. Но в то время, когда они будут преследовать ее защитников как нарушителей общественного порядка и как врагов законной власти, вы увидите, что они будут ласкать, поощрять, подкупать тех опасных писателей, тех низких проповедников лжи и рабства, чье пагубное учение, отравляющее в самом источнике блаженство веков, упрочивает на земле подлые предрассудки народов и чудовищную власть тиранов, единственно заслуживающих названия мятежников, ибо они осмеливаются поднять знамя против суверенитета наций и священной власти природы. Вы увидите еще, как они будут способствовать из всех своих сил всем этим непристойным произведениям, которые искажают принципы морали, развращают нравы, притупляют мужество и отвращают народы от заботы о государстве приманкой пустых развлечений или отравленными чарами сладострастия. Таким образом, всякие пути для свободы печати являются в их руках способом направлять общественное мнение по прихоти своего личного интереса и основывать свою власть на невежестве и общей испорченности. Свободная печать является хранительницей свободы; стесненная печать — ее бичом. Те самые меры предосторожности, которые вы принимаете против этих злоупотреблений, и вызывают их почти все; именно эти меры лишают вас всех хороших плодов, оставляя вам от них одни лишь яды. Именно эти пути порождают либо рабскую робость, либо чрезмерную дерзость. Лишь под покровительством свободы разум высказывается со свойственными ему мужеством и спокойствием. Именно этим путам обязаны успехи непристойных сочинений, ибо общественное мнение оценивает их соответственно с теми препятствиями, которые они преодолели, и той ненавистью, которую внушает деспотизм, желающий подчинить себе даже мысль. Устраните эту побудительную причину, и общественное мнение будет судить эти сочинения со строгим беспристрастием, а писатели, владыкой которых оно является, будут добиваться его милости только полезными трудами; или скорее, будьте свободными; со свободой придут все добродетели, и сочинения, которые печать выпустит в свет, будут чистыми, серьезными и безупречными, как ваши нравы.

Но зачем так заботиться о том, чтобы нарушить порядок, установленный самой природой? Разве вы не видите, что время неизбежно приводит к уничтожению заблуждения и к торжеству истины?

Предоставьте хорошим или плохим мнениям одинаковую свободу, ибо только первым предназначено остаться. Разве вы больше верите влиянию добродетели некоторых людей, заинтересованных в том, чтобы остановить развитие человеческого духа, чем самой природе? Она одна позаботилась об устранении тех недостатков, которых вы опасаетесь; их создают люди.

Общественное мнение — вот единственный компетентный судья частных мнений, единственный законный цензор сочинений. Если оно их одобряет, то по какому праву вы, должностные лица, можете их осуждать? Если оно их осуждает, то зачем вам нужно их преследовать? Если, не одобрив их сначала, оно, наученное временем и размышлением, должно будет рано или поздно их принять, то почему вы противитесь успехам просвещения? Как смеее вы задерживать тот обмен мыслей, который каждый человек вправе поддерживать со всеми умами, со всем человеческим родом? Влияние общественного мнения на частные мнения является мягким, благотворным, естественным, непреодолимым; влияние власти и силы неизбежно является тираническим, ненавистным, нелепым, чудовищным.

Какие же софизмы приводят в качестве возражения этим вечным принципам враги свободы? Повиновение законам; нельзя разрешать писать против законов.

Повиноваться законам — обязанность каждого гражданина; свободно объявлять свои мысли о пороках или доброкачественности законов — право каждого человека и благо всего общества; это самое достойное и полезное употребление человеком своего разума; это самый священный долг, который может выполнить по отношению к другим людям тот, кто одарен необходимыми талантами для их просвещения. Что такое законы? Свободное выражение общей воли, более или менее соответствующей правам и пользе наций, смотря по степени того сходства, которое они имеют с вечными законами разума, справедливости и природы. Каждый гражданин имеет свою долю участия и свой интерес в этой общей воле; он может, следовательно, и даже должен проявить все свои познания и энергию, чтобы ее осветить, преобразовать, усовершенствовать. Подобно тому, как в частном обществе каждый компаньон вправе побуждать других компаньонов к изменению тех соглашений, которые они заключили, и решений о спекуляциях, которые они приняли для процветания своих предприятий, так и в большом политическом обществе каждый член может делать все, что в его силах, чтобы склонить других членов к принятию постановлений, которые кажутся ему наиболее соответствующими общей выгоде.

Если это так в отношении законов, исходящих от самого общества, то что же нужно думать о тех законах, которые оно не создавало, которые являются лишь изъявлением воли нескольких лиц и делом деспотизма? Это он изобрел то правило, которое смеют повторять еще и ныне для закрепления своих злодеяний? Да что я говорю! Даже перед революцией мы до некоторой степени пользовались свободой рассуждать и писать о законах. Уверенный в своей власти и полный веры в свои силы

**** Имеется в виду Жан-Жак Руссо.

деспотизм не смел оспаривать это право у философии так же открыто, как современные Макиавелли, всегда дрожащие от боязни разоблачения своего антигражданского шарлатанства полной свободой мнений. Им нужно будет по крайней мере сознаться, что если бы мы следовали их принципам, то законы были бы для нас лишь цепями, предназначенными для того, чтобы приковать нации к ярму нескольких тиранов, и что в настоящий момент мы не имели бы даже права разбирать этот вопрос.

Но чтобы добиться этого столь желанного закона против свободы, нам предлагают только что отброшенную мною идею в таких выражениях, которые наиболее способны разбудить предрассудки и встревожить робкое и непросвещенное усердие; ибо так как подобный закон является неизбежно произвольным при его исполнении, так как свобода мнений является уничтоженной, пока она не будет существовать полностью, для врагов свободы достаточно добиться закона, каков бы он ни был. Вам будут, следовательно, говорить о сочинениях, возбуждающих народы к восстанию, советующих не повиноваться законам; от вас будут требовать уголовного закона в отношении этих сочинений. Не дадим ввести себя в обман, будем всегда стремиться к делу, не давая соблазнить себя словами. Неужели вы считаете прежде всего, что сочинение, полное здравого смысла и силы, которое доказывало бы, что такой-то закон губителен для свободы и общественного блага, не произвело бы более глубокого впечатления, чем то, которое, лишённое силы и здравого смысла, содержало бы лишь набор напыщенных слов против этого закона или совет его не уважать? Конечно, нет. Если разрешается назначать наказания за эти последние сочинения, то еще более повелительная причина вызвала бы их, следовательно, и в отношении других; результатом же такой системы было бы, в конце концов, уничтожение не формальностей, а свободы печати. Но посмотрим на вещи, как они есть, глазами разума, а не глазами предрассудков, распространенных деспотизмом. Не будем думать, что сочинения, издаваемые свободно или даже несвободно, столь легко трогают граждан и побуждают их к низвержению порядка вещей, закрепленного привычкой, всеми общественными отношениями и защищаемого публичной силой. На поведение людей они влияют обычно медленно и постепенно. Это влияние определяется временем, разумом. Либо они противостоят общественному мнению и интересу большинства, и тогда они являются бессильными, они вызывают даже публичное порицание и презрение, и все остается в покое; либо они выражают общее пожелание и только пробуждают общественное мнение. Кто посмел бы считать их преступными? Рассмотрите подробно все рассуждения и весь набор напыщенных слов по поводу так называемых сочинений, возбуждающих к бунту, и вы увидите, что они скрывают намерение оклеветать народ, чтобы подавить его и уничтожить свободу, единственной опорой которой он является; вы увидите, что они предполагают, с одной стороны, глубокое невежество людей, с другой — глубокое презрение к наиболее многочисленной и наименее испорченной части нации.

Между тем ввиду полной необходимости найти какой-нибудь

предлог, чтобы подвергнуть печать преследованиям власти, нам говорят: но если сочинение повело к преступлениям, например к мятежу, то разве не нужно наказать это сочинение? Дайте нам хоть какой-нибудь закон для этого случая. Легко, конечно, построить отдельную гипотезу, способную напугать воображение, но надо смотреть на вещи шире. Примите во внимание, как легко было бы приписать мятеж или какое-нибудь преступление сочинению, которое не было бы, однако, его истинной причиной; как трудно распознать, действительно ли события, которые происходят в период времени более поздний, чем тот, которым помечено сочинение, являются его следствием; как легко было бы людям, стоящим у власти, преследовать под этим предлогом всех тех, которые энергично пользовались бы правом оглашать свое мнение о государстве или правящих лицах. Заметьте, главное, что безнаказанность сочинения, которое советовало бы совершить какое-нибудь преступление, ни в коем случае не может угрожать общественному порядку.

Для того чтобы это сочинение принесло какое-нибудь зло, должен найтись человек, который совершит преступление. Наказания же, которые закон назначает за это преступление, являются уздой для всякого, кто покусился бы его совершить, а в этом случае, как и в других, общественная безопасность является достаточно обеспеченной и не нуждается в отыскании другой жертвы. Целью и мерой наказания является польза общества. Следовательно, для общества важнее не давать никакого предлога к произвольному посягательству на свободу печати, чем налагать наказание на писателя, достойного порицания. Нужно отказаться от этой жестокости, нужно предать забвению все эти необычайные гипотезы, которые любят придумывать с целью сохранить во всей неприкосновенности принцип, являющийся главной основой общественного благополучия.

Между тем если было бы доказано, что автор подобного сочинения был соучастником, то следовало бы применить к нему как таковому наказания, предусмотренные за преступление, о котором шла бы речь, но не преследовать его как автора сочинения в силу какого-либо закона о печати.

До сих пор я доказывал, что свобода писать о явлениях должна быть неограниченной; давайте рассмотрим ее теперь по отношению к лицам.

С этой стороны я различаю публичных лиц и частных лиц; и я задаю себе следующий вопрос: могут ли сочинения, обвиняющие публичных лиц, наказываться законами? Решить этот вопрос должна общая польза. Взвесим же преимущества и неудобства обеих противоположных точек зрения.

Одно важное и, быть может, решающее соображение приходит прежде всего на ум. Каково основное преимущество, какова главнейшая цель свободы печати? Сдерживать честолюбие и деспотизм тех лиц, которым народ доверил свою власть, беспрестанно обращая его внимание на посягательства, которые эти лица могут нанести его правам. Если же вы дадите им власть преследовать под предлогом клеветы тех, кто посмеют порицать их поведение, то разве не ясно, что эта узда

сделается совершенно бессильной и ничтожной? Кто не видит, как неравна борьба между слабым, одиноким гражданином и противником, вооруженным необъятными денежными средствами, которые дают большое влияние и большую власть? Кто захочет досаждать высокопоставленным людям с целью служить народу, если нужно, чтобы к отказу от преимуществ, которые приносит их благосклонность, и к угрозе их тайных преследований присоединилось еще почти неизбежное несчастье разорительного и унижительного осуждения?

Но, впрочем, кто осудит самих судей? Ибо, наконец, необходимо, чтобы их преступления по должности или их ошибки были подсудны, как и преступления по должности и ошибки других магистратов, трибуналу общественной цензуры. Кто вынесет окончательный приговор, кто решит эти споры? Ибо нужно, чтобы кто-то был здесь последним; следует также, чтобы ему была предоставлена свобода мнений. Отсюда вывод, что нужно всегда помнить тот принцип, что граждане должны иметь право высказываться и писать о поведении общественных деятелей, не подвергаясь никакому законному осуждению.

Разве я буду ждать судебных доказательств заговора Катилины? Разве я не посмею донести о нем в тот момент, когда следовало бы уже подавить его? Как посмел бы я разоблачить вероломные замыслы всех тех вождей партий, которые готовятся растерзать сердце республики, которые все под видом общественного блага и пользы народа стремятся закабалить и продать его деспотизму? Как изложу я вам темную политику Тиберия? Как уведомям я граждан о том, что тот торжественный внешний вид добродетели, который он вдруг себе придал, скрывает лишь намерения вернее осуществить тот ужасный заговор, который он давно замышляет против благополучия Рима? Перед каким, по вашему мнению, трибуналом буду я бороться против него? Может быть, перед претором? Но если он скован страхом или соблазнен корыстью? Может быть, перед эдилами? Но если они подчинены его власти, если они являются одновременно его рабами и сообщниками? Может быть, перед Сенатом? Но если Сенат сам обманут или поработен? Наконец, если спасение отечества требует, чтобы я открыл глаза своим согражданам на само поведение Сената, претора и эдилов, то кто будет судить их и меня?

Другой неопровержимый довод окончательно, по-видимому, доказывает эту истину. Сделать граждан ответственными за то, что они могут написать против общественных лиц, — это значило бы непременно предположить, что им не было бы позволено порицать этих лиц, без возможности подкрепить свои обвинения юридическими доказательствами. А кто не видит, как подобное предположение противоречит самой природе вещей и основным принципам общественной пользы? Кто не знает, как трудно обеспечить себе подобные доказательства, как легко, наоборот, власть имущим окутывать свои честолюбивые замыслы покровом тайны, прикрывать их даже благовидным предлогом общественной пользы. Не является ли это обычной политикой самых опасных врагов отечества? Таким образом те, за которыми наиболее важно было бы наблюдать, ускользнули бы от

надзора своих сограждан. В то время, как искали бы доказательств, требуемых для предупреждения их гибельных планов, они были бы уже осуществлены и государство погибло бы до того, как посмели бы сказать, что оно в опасности. Нет, во всяком свободном государстве каждый гражданин является часовым свободы, обязанным кричать при малейшем шуме, при малейшем признаке опасности, которая ей угрожает. Не боялись ли за нее все народы, узнавшие ее даже до того, как восторжествовала добродетель?

Аристид, подвергнутый ostracismu, не обвинял ту черную зависть, которая отправляла его в славную ссылку. Он не хотел, чтобы афинский народ был лишен возможности совершить несправедливость в отношении его. Он знал, что один и тот же закон, который предохранил бы добродетельного магистрата от дерзкого обвинения, защитил бы ловкую тиранию множества развращенных магистратов. Те неподкупные люди, которые охвачены одним лишь страстным стремлением создать благополучие и славу своего отечества, не боятся публичного выражения мнений своих сограждан. Они понимают, что не так то легко потерять уважение последних, когда клевете можно противопоставить безупречную жизнь и доказательства чистого и бескорыстного усердия; если такие люди и подвергаются порой недолгому гонению, то оно является для них признаком их славы, неопровержимым доказательством их добродетели; со спокойной уверенностью полагаются они на одобрение чистой совести и на силу истины, которая скоро возвратит им доверие их сограждан.

Кем же являются те, кто беспрестанно произносят напыщенные речи против свободы печати и требуют законов для ее по давлению? Это те подозрительные личности, чья недолговечная слава, основанная на шарлатанских успехах, колеблется от малейшего столкновения с противоречием; это те, которые, желая одновременно нравиться народу и служить тиранам, борются между желанием сохранить славу, приобретенную при защите общественных интересов, и теми постыдными преимуществами, которых честолюбие может добиться при отказе от них; это те, которые, подменяя мужество фальшью, дарование — интригой, великие силы революции — любыми мелкими кознями дворов, беспрестанно боятся, что голос свободного человека раскроет тайну их ничтожества или испорченности; это те, которые понимают, что для обмана или поработения их отечества нужно прежде всего принудить к молчанию мужественных писателей, которые могут пробудить его от гибельной летаргии, подобно тому как убивают передовых часовых с целью захватить враждебный лагерь; это все те, наконец, которые хотят безнаказанно быть бесхарактерными, невежественными, коварными или развращенными. Я никогда не слышал, чтобы Катон, сотни раз привлекавшийся к судебной ответственности, преследовал своих обвинителей; но из истории мне известно, что децемвиры в Риме издали грозные законы против пасквилей.

Смотреть на свободу печати с ужасом подобает действительно только тем людям, которых я только что описал, ибо было бы большой

ошибкой думать, что при мирном порядке вещей, когда свобода печати уже утвердилась, все репутации являются жертвой первого, кто хочет их погубить.

Кто мог бы удивиться тому, что под хлыстом деспотизма, когда справедливые требования оскорбленной невинности и самые умеренные жалобы угнетенной гуманности привыкли считать пасквилями, даже пасквиль, заслуживающий этого названия, с готовностью принимается и легко внушает доверие? Преступления деспотизма, испорченность нравов делают все обвинения столь правдоподобными! Так естественно принимать за истину сочинение, которое доходит до вас, ускользнув от розыска тиранов! Но не думайте, что при режиме свободы общественное мнение, привыкшее к ее полному торжеству, выносит окончательный приговор о чести граждан на основании одного лишь сочинения, не принимая во внимание ни обстоятельств, ни фактов, ни характера обвинителя и обвиняемого. Суд общественного мнения, справедливый вообще, будет тогда в особенности справедлив; нередко даже пасквили будут почетными грамотами для тех, кто станут их объектами, тогда как некоторые похвалы будут в их глазах только позором; в конечном же итоге свобода печати явится бичом порока и обмана, торжеством добродетели и правды.

Мне ясно, наконец, что неудобства этой необходимой системы увеличиваются благодаря нашим предрассудкам и нашей испорченности. Народу, у которого всегда царил эгоизм, у которого власть имущие, у которого большинство граждан, пользующихся незаслуженным уважением или доверием, вынуждены признаться в глубине души самим себе, что они нуждаются не только в снисхождении, но и в общественном милосердии, такому народу свобода печати должна неизбежно внушать некоторый ужас, и всякие мероприятия, направленные к ее стеснению, находят множество сторонников, которые не упускают случая представлять их под внешним видом хорошего порядка и общественной пользы.

Кому надлежит более, чем вам, законодатели, восторжествовать над этим роковым предрассудком, который бы уничтожил и в то же время обесчестил вашу работу? Пусть все эти пасквили, распространяемые вокруг вас фракциями, враждебными народу, не склонят вас пожертвовать случайным обстоятельствам те вечные принципы, на которых должна покоиться свобода наций. Подумайте, что закон о печати несколько не пресек бы зло, не исправил бы его, а отнял бы у вас средство для борьбы с ним. Не мешайте этому мутному потоку, от которого скоро не останется более никакого следа, если только вы сохраните тот необъятный и вечный источник познаний, который должен распространять на политический и моральный мир теплоту, силу, счастье и жизнь. Разве вы уже не заметили, что большинство сделанных вам доносов направлялось не против тех кощунственных сочинений, в которых подлые рабы во имя деспотов посягали на права человечества и оскорбляли величие народа, но против тех сочинений, которые обвиняются в излишнем и непочтительном к деспотам рвении в деле

защиты свободы? Разве вы не заметили, что эти доносы были сделаны вам людьми, едко возражающими против той клеветы, которую общественный голос причислил к истине, и замалчивающими ту мятежную хулу, которую их сторонники не перестают изрыгать на нацию и ее представителей? Пусть все мои сограждане обвинят меня и накажут, как изменника отечеству, если когда-либо я донесу вам на какой-либо пасквиль, не исключая и те, в которых, покрывая мое имя постыднейшей клеветой, враги революции укажут на меня ярости мятежников, как на одну из тех жертв, которые она должна поразить! О, что нам за дело до этих презренных сочинений! Или французская нация одобрит те усилия, которые мы сделали для обеспечения ее свободы, или же осудит их. В первом случае выпады наших врагов будут только смешными; во втором случае нам придется искупать преступление, состоящее в предположении, что французы достойны быть свободными; и что касается меня, то я безропотно покорюсь этой участи.

Словом, создадим законы не на одно мгновение, а на целые века; не для нас, а для вселенной; покажем себя достойными заложить фундамент свободы, неизменно придерживаясь того великого принципа, что свобода не может существовать там, где она ограничена в отношении поведения тех, кого народ наделил своей властью. Пусть исчезнут перед народом все неудобства, связанные с самыми почтенными институтами, все софизмы, выдуманные гордостью и плутовством тиранов. Нужно, говорят они вам, обезопасить правящих лиц от клеветы; поддерживать должное им уважение важно для блага народа. Так рассуждали бы Гизы по поводу тех, кто донес бы о приготовлениях к Варфоломеевской ночи, так будут рассуждать и все им подобные, ибо им хорошо известно, что, пока они всемогущи, неприятные им истины будут всегда клеветой; ибо им хорошо известно, что то суеверное почтение, которого они требуют к своим ошибкам и даже к своим злодеяниям, обеспечивает им возможность безнаказанно нарушать то почтение, которое они обязаны оказывать своему суверену-народу, заслуживающему, конечно, столько же уважения, сколько и его представители и его угнетатели. Но кто же захочет такой ценой, посмеют они еще сказать, быть королем, магистратом, кто захочет держать бразды правления? Кто? Добродетельные люди, достойные любить свое отечество и истинную славу, которые хорошо знают, что суд общественного мнения страшен лишь для злых людей. Кто еще? Сами честолюбцы. О! Дай бог, чтобы на земле нашелся способ заставить их утратить желание или надежду обманывать, либо поработать народы!

Короче говоря, нужно либо отказаться от свободы, либо согласиться на неограниченную свободу печати. В отношении публичных лиц вопрос является решенным.

Нам остается лишь рассмотреть этот вопрос по отношению к частным лицам. По-видимому, он переплетается с вопросом о лучшей системе законодательства о клевете, либо словесной, либо письменной, и поэтому он относится не только к области печати.

Справедливо, конечно, чтобы частные лица, пострадавшие от

клеветы, могли добиться возмещения того ущерба, который она им причинила; но по этому поводу полезно сделать некоторые замечания.

Следует прежде всего учесть, что наши прежние законы придают слишком большое значение этому вопросу и что их строгость является очевидным следствием той тиранической системы, которую мы изложили, и того непомерного ужаса, который общественное мнение внушает деспотизму, обнародовавшему эти законы. Так как мы рассматриваем их с большим хладнокровием, мы охотно согласимся смягчить уголовный кодекс, который деспотизм нам передал; мне кажется по крайней мере, что наказание, которое будет назначено виновникам клеветнического обвинения, должно ограничиваться вынесением приговора, признавшего его таковым, и денежным возмещением ущерба, который оно причинит тому, кто явился его объектом. Вполне понятно, что я не включаю в эту категорию лжесвидетельство против обвиняемого, ибо здесь не простая клевета, не простое оскорбление частного лица, это — ложь, произнесенная перед законом с целью погубить невинность, это — настоящее публичное преступление.

Вообще, что касается обычной клеветы, то существуют два рода трибуналов, чтобы судить ее, — трибунал магистратов и трибунал общественного мнения. Самым естественным, справедливым, компетентным, влиятельным является, бесспорно, последний; это тот трибунал, на который предпочтут нападать ненависть и злоба, ибо следует заметить, что вообще бессилие клеветы соразмерно честности и добродетели того, которого она задевает, и что чем более человек имеет права взывать к общественному мнению, тем менее он нуждается в обращении к защите судьи; ему не легко будет, следовательно, решиться сообщить трибуналам о тех оскорблениях, которые будут направлены по его адресу, и он принесет им свои жалобы лишь в тех важных случаях, когда клевета будет соединена с преступным заговором, устроенным для причинения ему большого вреда и способным подорвать даже самую прочную репутацию. При соблюдении этого правила будет меньше нелепых процессов, меньше напыщенных речей о чести, но зато будет больше чести, и в особенности честности и добродетели.

На этом я кончаю изложение своих соображений по этому третьему вопросу, не являющемуся главной темой данного обсуждения, и предлагаю вам укрепить необходимую основу свободы следующим декретом:

Национальное собрание провозглашает:

Что каждый человек вправе объявлять свои мысли любым способом и что свобода печати не может быть никаким образом стеснена или ограничена.

Что всякий, кто посягнет на это право, должен считаться врагом свободы и караться наивысшим из тех наказаний, которые будут установлены Национальным собранием.

Что честные лица, которые подвергнутся клевете, смогут, однако, подать жалобу, чтобы добиться возмещения ущерба, причиненного

им клеветой, способами, которые Национальное собрание укажет.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Проект Уголовного кодекса 1791 года был доложен Учредительному собранию от имени Конституционного комитета и Комитета уголовного законодательства депутатом Лепелетье де Сен-Фаржо.

Проект Уголовного кодекса подвергся длительному рассмотрению, начиная с 30 мая 1791 г. Общая дискуссия по проекту происходила 30 и 31 мая и 1 июня. В выступлениях депутатов особое внимание было обращено на решение вопроса о том, сохранить ли в качестве наказания смертную казнь (проект Лепелетье ее исключал). В прениях выступило большое число депутатов, и каждый из них считал своим долгом ответить на этот вопрос. Выступил в прениях и Робеспьер с обширной речью, специально посвященной вопросу о смертной казни, — «Sur la peine de mort».

Перевод сделан из «Сочинений М.Робеспьера», т.VII, «Discours (II partie) Janvier — septembre 1791», где воспроизведен текст из «Journal des Etats gineraux», t.XXVI. В 1906 году эта речь была издана на русском языке в виде брошюры Издательством «Жизнь».

Когда до Аргоса дошли вести о том, что в городе Афинах граждане были приговорены к смерти, народ устремился в храмы и умолял богов отвратить от афинян столь жестокие мысли. Я умоляю не богов, а законодателей, которые должны быть их истолкователями и посредниками, вычеркнуть из кодекса французов кровавые законы, предписывающие юридические убийства, которые общий интерес запрещает еще более, чем разум и человеколюбие. Я хочу доказать им два основных положения: первое — что смертная казнь крайне несправедлива, второе — что она является не самым репрессивным наказанием и гораздо более способствует увеличению преступлений, чем предупреждению их.

Имеет ли общество право назначать смертную казнь? На этот вопрос не трудно ответить: общество не может иметь иного права, чем то, которое принадлежало первоначально каждому человеку, — добиваться удовлетворения за отдельные оскорбления, которые были ему нанесены. Если независимо даже от общественного состояния осуществление этого права ограничено законами природы и разума, запрещающими человеку требовать неумеренного удовлетворения и осуществлять жестокую месть, то может ли он убить своего врага? Да, но только в одном случае — когда этот ужасный поступок совершенно необходим для его собственной защиты. Проследите за применением этого принципа в общественном состоянии; люди сказали: наши личные силы слишком слабы для защиты нашего спокойствия и наших прав; соединим их для того, чтобы составить из них общественную силу, против которой разбивается каждая отдельная сила; соединим наши воли, чтобы создать из них общую волю, которая под именем закона санкционирует, определяет права каждого; установим наказания против всякого, кто посмеет эти права нарушить.

Таким образом, принадлежащие каждому человеку естественные способы пресечения и наказания нанесенных ему оскорблений были заменены законными наказаниями. А если истинная мера строгости, которую следует проявлять к врагу, определяется сама по усмотрению того, кто мстит за себя, то можно ли сомневаться в том, что общество обязано вкладывать в наказания гораздо больше мягкости, чем обособленный человек, преследующий за оскорбление?

Я сказал, что до общественного договора человек имел право убить своего врага лишь в том случае, когда этот гибельный поступок был бы совершенно необходим для его защиты, но может ли этот единственный случай представиться обществу в отношении виновного? Чтобы судить о смертной казни, остается решить лишь этот вопрос. Если вне гражданского общества какой-нибудь враг покушается на мою жизнь или если, неоднократно прогнанный, он приходит опять опустошать поле, которое я обработал, то мне остается погибнуть или убить его, так как его силам я могу противопоставить тогда лишь свои личные силы, и закон естественного правосудия оправдывает и одобряет меня, но в гражданском обществе, когда сила всех ополчается против одного, какой принцип правосудия может разрешить ему предать его смерти? И обратите внимание на одно обстоятельство, которое решает вопрос: когда общество наказывает виновного, то он не в состоянии ему повредить: оно держит его в оковах, оно судит его спокойно, оно может наказать его, лишить его возможности внушать страх на будущее время. Победитель, убивающий своих пленных врагов, называется варваром (ропот недовольства среди депутатов); человек зрелых лет, убивающий испорченного ребенка, которого он может укротить и наказать, кажется чудовищем (ропот недовольства).

(Аббат Мори: «Нужно попросить г-на Робеспьера пойти изложить свое мнение в разбойничьем притоне».)

Принципы, которые я развиваю, являются принципами всех прославленных людей, которые не сказали бы мне, конечно, как г-н Мори: «Идите излагать эти правила в разбойничьем притоне». Итак, вопреки всем предрассудкам несомненно, что в глазах нравственности и справедливости те омерзительные сцены, которые общество показывает с такой помпой, являются лишь торжественными убийствами, совершаемыми целыми нациями.

Но эти предрассудки долго господствовали над народами. Я признаю, что власть над человеческим родом — страшная власть; но, однако, да будет мне позволено заметить, что эта страшная власть могла бы санкционировать все те злоупотребления и преступления, которые причинили людям столько несчастья, и что, для того чтобы санкционировать их действительно, нужно по крайней мере беспристрастно обдумать все то, что было, что есть и что должно быть, и не просто подсчитать голоса, а установить истину на деле.

Разве вы не считаете, что это люди, вышедшие из рук природы, постановили о смертной казни в отношении того из нас, кого какие-либо пороки или страсть доведут до нарушения этого закона? Нет, но в каждой

стране счастливые узурпаторы, когда они оказывались достаточно могущественными для того, чтобы развратить и запугать своих сограждан, говорили: тот, кто посмеет составить заговор против нас, против нашей власти, будет казнен. Они создали преступления и наказания согласно со своими личными интересами. При Тиберии похвала Брута являлась преступлением, заслуживающим казни. Калигула осуждал на смерть тех, кто появлялся обнаженным перед его статуей. Когда тирания изобрела преступления оскорбления величества, фанатизм и невежество изобрели в свою очередь преступления оскорбления божеского величия, которые могли быть искуплены только кровью.

Рассмотрим же более беспристрастно и справедливо вопрос, который впервые предлагается вниманию народных законодателей. Немногих слов, сказанных мною, достаточно для доказательства того, что смертная казнь крайне несправедлива, что общество не имело права назначать ее. Но нужно остановиться на этом подробнее и не ограничиваться тем недостаточным, однако же бесспорным, правилом, что в политике справедливо лишь то, что честно, и что общественный порядок может быть основан только на справедливости. Итак, я хочу доказать, что этот закон так же губителен по своему действию и своим последствиям, как нелеп он и несправедлив по своему принципу.

Он необходим, говорят сторонники старого обычая. Кто это вам сказал? Испытали ли вы все средства, при помощи которых законы могут действовать на человеческую чувствительность? Скольких только страданий, физических и нравственных, не переносит человек до смертной казни! Является ли человек простым животным, на которого можно произвести впечатление лишь страхом смерти и телесных мучений? Нет. Источником его приятных или горестных ощущений является главным образом нравственная сторона его существа. Больше всего пищи для строгости законов предлагается ему. Помимо тех благ и зол, которыми человека наградила природа, общество создает для него бесчисленное множество других. Посмотрите, при помощи скольких новых страстей сажает оно его под ярмо законов; посмотрите, как оно связывает его счастье с его собственностью, семьей, друзьями, отечеством; как, в особенности, создает оно для него потребность в благосклонности тех, кто его окружает. Нет, смерть не всегда является для человека наибольшим из зол. Он ее часто предпочитает утрате драгоценных преимуществ, без которых жизнь становится ему невыносимой. Он в тысячу раз скорее захочет погибнуть, чем жить, являясь предметом презрения своих сограждан. Жажда жизни уступает гордости — этой наиболее сильной из всех человеческих страстей. Для человека, живущего в обществе, самое ужасное из всех наказаний — это позор, это неопровержимое свидетельство отвращения к нему людей. О, господи! Если вы будете достаточно внимательны, то найдете сами, что в смертной казни, предписываемой виновному законом, самое ужасное — это постыдные внешние атрибуты, которыми она сопровождается. Воин, жертвующий собой ради отечества на поле битвы, герой свободы,

погибающий за нее, и злодей, осуждаемый законом, — умирают все одинаково. В чем же тут разница? В том, что последний умирает, отягченный позором, тогда как для двух других смерть является лишь источником славы.

Коль скоро законодатель может поразить граждан в столь многих чувствительных местах и столь многими способами, то почему должен он считать себя вынужденным прибегать к смертной казни? Наказания существуют не для того, чтобы мучить виновных, а для того, чтобы предупреждать преступления боязнью навлечь их на себя. А эта боязнь, господа, зависит от того впечатления, которое смертная казнь производит; само же это впечатление менее зависит от величины зла, чем от характера, предрассудков, нравов и законов народа, у которого они приняты; и все эти пружины находятся в руках у законодателя. Поэтому законодатель, предпочитающий смертную казнь более умеренным наказаниям, которые находятся в его распоряжении, только оскорбляет общественную чувствительность народа, которым он управляет; наконец, он ослабляет правительственные пружины, желая растянуть их с излишней силой.

Для человека, которым движет необузданная страсть, смерть — далеко не самая сильная узда. Умереть или овладеть предметом своей страсти — вот рассуждение страстного человека. Посмотрите на честолюбца, надеющегося надеть на свою голову королевский венец: мысль о смерти, которую он презирает, пугает его меньше, чем мысль о жизни в унижении и нужде. Законодатель, установивший это наказание, отказывается, следовательно, от того спасительного принципа, что наиболее Действительным средством пресечения преступлений является Приспособление наказания к характеру различных страстей, которые порождают преступления, наказание их, так сказать, ими самими.

Смертная казнь необходима, говорят вы. Если это правильно, то почему многие народы смогли обходиться без нее, и по какой случайности эти народы были наиболее мудрыми и наиболее счастливыми? Если смертная казнь является более пригодной для предупреждения крупных преступлений, то у тех народов, которые щедро ее применяли, эти преступления должны были быть более редкими. А на деле происходит как раз наоборот. Посмотрите на Японию; нигде смертная казнь и пытки не распространены более, чем в Японии. Ну и что же? Нигде преступления не являются столь частыми и столь тяжкими. Можно подумать, что японцы хотят соперничать в кровожадности с варварскими законами, которые их тяжело оскорбляют и приводят в ярость.

Теперь, господа, благоволите заметить, что если вы примете тот ложный, хотя и очень распространенный принцип, что истинным, обуздывающим основанием наказаний является боязнь смерти и боли, то из этого последует, что для более действительного предупреждения преступлений потребуется распространить этот принцип как можно дальше и изобрести мучения даже после смерти.

К тому же, господа, если вы придумаете наиболее совершенный

судебный порядок, если вы найдете самых неподкупных и самых просвещенных судей, всегда останется некоторое место для ошибки и предубеждения. Зачем же лишать вас возможности протянуть руку угнетенной невинности? Те бесплодные сожаления, то обманчивое восстановление чести, которое вы предлагаете пустой тени, бесчувственному праху, являются лишь слабым удовлетворением, лишь печальным доказательством варварского безрассудства уголовных законов. Лишь тому, чье вечное око видит в глубине сердец, надлежит назначать неотменимые наказания. Вы, законодатели, не можете возложить на себя эту ужасную задачу, не сделавшись ответственными за всю невинную кровь, которая прольется под мечом законов.

Остерегитесь же спутать действительность наказания с избытком строгости: первая совершенно противоположна второму. Все способствует справедливым и умеренным законам; все сговаривается против жестоких законов. Негодование, которое возбуждает преступление, уравнивается состраданием, которое внушает крайняя строгость наказаний. Непреодолимый голос природы подымается против закона, в пользу виновного. Каждый поспешил бы выдать виновного, если бы наказание было мягким, но он чувствует, как природа содрогается в нем при одной мысли послать на смерть. Да, я не боюсь это сказать, тот закон, которым вы обязали всех граждан доносить на виновных, будет лишь несправедливым, нелепым и неисполнимым законом, если вы сохраните смертную казнь. Это первое положение доказывает необходимость согласования всех законов; оно доказывает, что изолированный закон может сделаться нелепым при сопоставлении с другими законами.

Сила законов зависит от любви и уважения, которые они внушают, а эта любовь, это уважение зависят от внутреннего ощущения, что они справедливы и разумны. Откройте историю всех народов: вы увидите, что мягкость уголовных законов соответствует у них всегда свободе, мудрости, мягкости управления. Вы видите эту постоянную последовательность в истории народов. Я привел тому тысячу примеров; напоминаю вам не пример Тосканы, но пример империи, которая была всегда покорна деспотизму — России.

Итак, нужно признать, что счастье общества не связано со смертной казнью, ибо общество, не обладающее добрыми нравами свободного народа, продолжает существовать и при отмене в нем смертной казни. Нужно верить тому, что мягкий, чувствительный благородный народ, который населяет Францию и все добродетели которого разовьются благодаря режиму свободы, будет гуманно обращаться с виновными, и согласиться с тем, что опыт и благоразумие разрешают вам санкционировать принципы, на которые опирается мое предложение об отмене смертной казни.

О КОРОЛЕВСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

При обсуждении в Учредительном собрании обстоятельств, связанных с попыткой бегства Людовика XVI, встал вопрос об ответственности за это покушение лиц, окружавших короля, а также о пределах неприкосновенности личности самого короля.

Заслушав 13 июля 1791 г. доклад на эту тему, Учредительное собрание приступило к прениям, в которых выступил ряд депутатов, развивавших по преимуществу взгляд о неприкосновенности короля. В заседании 14 июля 1791 г. выступил Робеспьер с настоящей речью, в которой он признал короля ответственным за попытку бегства. Однако Учредительное собрание не признало короля подлежащим ответственности. «Discours sur l'inviolabilit  royale» — речь, произнесенная в Учредительном собрании 14 июля 1791 г. Перевод сделан из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1910.

Господа, я не хочу отвечать на известный упрек в республиканизме, который хотели бы связать с делом справедливости и истины; я не хочу также подстрекать к строгому решению против одного лица. Но я намерен опровергнуть суровые и жестокие взгляды, чтобы осуществить мягкие и благотворные для общественного дела меры. Я намерен защитить священные принципы свободы не от всякой пустой клеветы, являющейся изъяснением верноподданных чувств, но главным образом от коварной доктрины, преуспевание которой грозит, по-видимому, полным уничтожением, свободы. Я не буду, следовательно, рассматривать, правда ли то, что бегство Людовика XVI является преступлением г-на Буйе, нескольких адъютантов, нескольких телохранителей и гувернантки королевского сына; я не буду рассматривать, по собственной ли воле бежал король или какой-нибудь гражданин увлек его с границ при помощи своих советов^{*****}; я не буду рассматривать, в состоянии ли еще ныне народы верить тому, что королей похищают, как женщин, я также не буду рассматривать, был ли отъезд короля лишь бесцельным путешествием, маловажной отлучкой, как подумал это господин докладчик, или этот отъезд нужно связать со всеми предшествующими событиями, являлся ли он продолжением или дополнением безнаказанных и, следовательно, всегда возрождающихся заговоров против общественной свободы; я даже не буду рассматривать, объясняет ли причину этого отъезда декларация, подписанная рукою короля^{*****}, или является ли этот акт доказательством той искренней привязанности к революции, о которой неоднократно и столь энергичным

^{*****} 20 июня 1791 г. Людовик пытался бежать вместе со своей семьей на французскую границу для того, чтобы встать во главе контрреволюционных сил, но был задержан в местечке Варенн. После побега короля в Учредительном собрании была распространена версия о его «похищении» генералом Буйе и другими лицами.

^{*****} Перед своим побегом Людовик оставил вызывающее письмо, в котором он отвергал Конституцию.

образом публично заявлял Людовик XVI; я хочу рассматривать поведение короля и говорить о нем, как если бы дело шло о китайском императоре. Прежде всего я хочу рассмотреть вопрос о границах принципа неприкосновенности.

Преступление, не наказуемое по закону, является само по себе возмутительным уродством в общественном строе или, скорее, полным отрицанием общественного строя; если преступление совершено первым государственным чиновником, высшим должностным лицом, то я вижу в этом лишь два лишних довода к строгому наказанию: первый состоит в том, что виновный был связан с отечеством более священным долгом, второй — в том, что не пресекать его посягательства гораздо опаснее, ибо он обладает большой властью.

Король неприкосновенен, говорите вы; он не может быть наказан — таков закон... Вы сами на себя клевещете! Нет, вы никогда не издавали декрета, по которому один человек стоял бы выше законов, мог бы безнаказанно посягать на свободу, на существование нации и, живя в богатстве и славе, безмятежно издеваться над отчаянием несчастного и униженного народа. Нет, вы не сделали этого: если бы вы осмелились издать подобный закон, то французский народ не поверил бы этому или вопль всеобщего негодования уведомил бы вас, что суверен вступает в свои права.

Вы издали декрет о неприкосновенности, но при этом, господа, были ли у вас когда-либо какие-нибудь сомнения относительно намерения, которое продиктовало вам этот декрет? Могли ли вы когда-нибудь скрывать от самих себя, что неприкосновенность короля тесно связана с ответственностью министров, что вы декретировали одно и другое, потому что фактически вы отняли у короля и передали министрам действительное пользование исполнительной властью, и что на министров, как на истинных виновников, и должна падать ответственность за нарушения долга, совершенные исполнительной властью? Из этого вытекает, что в области администрации король не может причинить никакого зла, ибо никакой правительственный акт не может исходить от него, и что те акты которые бы он захотел совершить, не имели бы силы и значения что, с другой стороны, закон сохраняет все свое могущество против него. Но, господа, идет ли здесь речь о частном поступке лица, облеченного званием короля? Идет ли здесь, например, речь об убийстве, совершенном этим лицом? Лишен ли и этот акт силы и значения или же и тут имеется министр, который подписывается и отвечает?

Но, говорят нам, если бы король совершил преступление, то следовало бы, чтобы закон искал руку, которая двигала рукой короля... Но если король, будучи человеком и получив от природы способность к произвольному движению, поднял свою руку без постороннего вмешательства, то кто же тогда явился бы ответственным лицом?

Но, говорят еще, если бы король зашел слишком далеко, то назначили бы регента... Но если бы назначили регента, то он все же оставался бы королем и, следовательно, сохранял бы привилегию

неприкосновенности; пусть же Комитеты^{*****} ясно выскажутся и объяснят нам, был ли бы в этом случае король все еще неприкосновенным? Когда люди, придерживающиеся каких-либо взглядов, не решаются признаться в последствиях, которые из них вытекают, то это лучшее доказательство нелепости их взглядов. И вот, я спрашиваю вас, вас, которые с такой энергией поддерживают подобную позицию, если король ограбит вдову и сироту, если он в своих обширных поместьях захватит виноградник бедняка и поле отца семейства, если он купит судей, чтобы направить меч законов в сердце невинного, скажет ли ему закон: ваше величество, в том, что вы сделали, нет преступления; или: вы вправе безнаказанно совершать все преступления, которые покажутся приятными вашему величеству!..

Законодатели, отвечайте вы сами себе! Если бы какой-либо король душил у вас на глазах вашего сына, бесчестил вашу жену и вашу дочь, то сказали бы вы ему: государь, вы пользуетесь своим правом, мы вам все позволили?.. Или вы разрешили бы гражданину отомстить? Но тогда вы личное насилие, частное правосудие каждого лица поставили бы на место спокойного и благотворного правосудия закона. И это вы называете установлением общественного порядка, и вы осмеливаетесь утверждать, что абсолютная неприкосновенность является опорой, незыблемой основой общественного порядка!

Но, господа, что такое все эти отдельные предположения, все эти злодеяния, по сравнению с теми, которые угрожают благу и счастью народа! Если бы король навлек на свое отечество все ужасы междоусобной и внешней войны, если бы, став во главе армии мятежников и чужестранцев, он вздумал опустошать свою собственную страну и хоронить под ее развалинами свободу и счастье всего мира, го был ли бы он неприкосновенным?

Король неприкосновенен! Но вы, вы также неприкосновенны! Однако распространили ли вы эту неприкосновенность до права совершить преступление? И посмеете ли вы сказать, что представители суверена имеют менее широкие права на свою личную безопасность, чем тот, чью власть они пришли ограничить, тот, кому они передали от имени нации власть, которой он обладает? Король неприкосновенен! Но не неприкосновенны ли также и народы? Король неприкосновенен согласно фикции; народы же неприкосновенны по ненарушиму праву природы; а что делаете вы, прикрывая короля щитом неприкосновенности, как не приносите неприкосновенность народов в жертву неприкосновенности королей? Надо признать, что таким образом рассуждают лишь в деле королей... А что делают им на пользу? Ничего. Но во вред им делают все, ибо прежде всего, вознося человека выше законов, обеспечивая ему возможность быть безнаказанно преступным, его толкают по наклонной

^{*****} По постановлению Учредительного собрания ряд его комитетов (Конституционный, Дипломатический, Военный и др.) составили доклад о бегстве короля. В этом докладе король признавался невинным в бегстве, а ответственность возлагалась на его соучастников. Комитеты рекомендовали возвратить Людовику XVI престол.

плоскости ко всем порокам и излишества, его делают презреннейшим и, следовательно, несчастнейшим из людей, его намечают предметом личной мести для всех невинных, которых он оскорбил, для всех граждан, которых он преследовал, ибо закон природы, предшествующий законам общества, объявляет всем людям, что в том случае, когда закон не мстит за них, они возвращают себе право мстить за себя самим; и таким вот образом мнимые апостолы общественного порядка опрокидывают все, вплоть до правил здравого смысла и общественного порядка! У нас ссылаются на законы для того, чтобы человек мог безнаказанно преступать их! У нас ссылаются на законы для того, чтобы он мог нарушать их!

О вы, считающие, что подобное предположение сомнительно, задумывались ли вы над странным и гибельным предположением о существовании такой нации, которой правил бы король, виновный в оскорблении нации? Сколь презренной и подлой показалась бы иноземным народам нация, которая доставила бы им соблазнительное зрелище человека, находящегося на троне для того, чтобы притеснять свободу, чтобы угнетать добродетель! Куда делись бы все те пышные, высокопарные речи, в которых расхваливают славу и свободу нации? Но какой вечный и ужасный источник раздоров внутри страны, где высшее должностное лицо является подозрительным для граждан! Как оно призвет их к повиновению законам, против которых оно высказалось само? Как судьи смогут отправлять правосудие от его имени? Как магистраты не попытаются закрыть себе лицо от стыда, когда они осудят обман и недобросовестность во имя человека, который не уважал бы своего слова? Какой виновный на эшафоте не мог бы обвинить то странное и жестокое пристрастие законов, которое устанавливает подобное неравенство между преступлением и преступлением, между человеком и человеком, между виновным и человеком еще более виновным!

Господа, весьма простое рассуждение, если бы его упорно не избегали, могло бы окончить этот спор. Принимая резолюцию, подобную той, против которой я восстаю, можно допустить лишь две гипотезы: либо король, которого я сочту виновным по отношению к нации, сохранит всю силу власти, которой он обладал раньше, либо правительственные пружины ослабнут в его руках. В первом случае, то есть если короля восстановить во всем его могуществе, — не значит ли это явно подвергнуть общественную свободу вечной опасности? На что, по-вашему, употребит он свою необъятную власть, которой вы его снова облечете, как не на то, чтобы дать восторжествовать своим личным страстям, чтобы бороться против свободы и законов, чтобы отомстить тем, кто неизменно защищали против него общественное дело? Наоборот, стоит только правительственным пружинам ослабнуть в его руках, как бразды правления неизбежно перейдут в руки нескольких мятежников, которые будут то служить, то изменять ему, которые будут то льстить ему, то запугивать его, чтобы править, прикрываясь его именем. Господа, ничто так не нравится мятежникам и интриганам, как слабое

правительство; только с этой точки зрения следует рассматривать настоящий вопрос; пусть обеспечат меня от этой опасности, пусть обеспечат нацию от такого правительства, где могли бы господствовать мятежники, и я подпишусь под всем тем, что ваши Комитеты смогут вам предложить.

Пусть меня обвиняют, если угодно, в республиканизме; я заявляю, что мне ненавистен всякий образ правления, при котором господствуют мятежники. Недостаточно свергнуть иго одного деспота, чтобы потом подпасть под иго другого деспотизма. Англия освободилась от ига одного из своих королей лишь для того, чтобы подпасть под еще более унижительное иго небольшого числа своих сограждан. Признаюсь, я не вижу среди нас такого могучего гения, который мог бы сыграть роль Кромвеля; я не вижу также никого, кто был бы склонен допустить это. Но я вижу коалиции, более деятельные и более могущественные, чем подобало бы свободному народу; но я вижу граждан, соединяющих в своих руках слишком разнобразные и слишком сильные средства, пользуясь которыми они могли бы оказать влияние на общественное мнение; продолжительное сохранение подобной власти в одних и тех же руках могло бы явиться опасным для общественной свободы. Надо обезопасить нацию от слишком долгого существования олигархического правительства. Разве это невозможно, господа, и разве фракции, которые могли бы возникнуть, укрепиться, соединиться, не были бы несколько ослаблены, если бы в более близком будущем предвиделся конец безграничной власти, которая нам предоставлена, если бы этим фракциям не благоприятствовала в известной степени бесконечная отсрочка выборов новых народных представителей^{*****}, — в такое время, когда следовало бы, быть может, воспользоваться существующим еще спокойствием, в такое время, когда общественное сознание, пробужденное опасностями, угрожающими отечеству, обещает нам, по-видимому, наиболее удачный выбор? Не посмотрит ли нация с некоторым беспокойством на бесконечное продление срока наших полномочий, которое может благоприятствовать подкупу и интриге? Я подозреваю, что она так именно на это и смотрит; по крайней мере я лично боюсь фракций, боюсь опасностей.

Господа, меры, предложенные вам Комитетами, должны быть заменены общими мерами, внушенными, конечно, интересами мира и свободы. Предложенные же вам меры, надо вам сказать, могут только опозорить вас; и если бы мне пришлось ныне быть свидетелем принесения в жертву основных принципов свободы, то я, по крайней мере, попросил бы позволения выступить адвокатом всех обвиняемых: я желал бы быть защитником трех телохранителей, гувернантки наследника и самого г-на Буйе. По мнению ваших Комитетов, король невиновен и преступления нет!.. Но там, где нет преступления, нет и

сообщников. Господа, если щадить виновного — слабость, то приносить более слабого из виновных в жертву более сильному из них — это уже несправедливость. Не думайте же, что французский народ настолько низок, чтобы упиваться зрелищем казни нескольких второстепенных жертв; не думайте, что он без боли видит, как его представители следуют еще по обычному пути рабов, всегда старающихся привести слабого в жертву сильному и добывающихся лишь того, чтобы обмануть народ и злоупотребить им с целью безнаказанно продлить несправедливость и тиранию! Нет, господа, нужно или признать вину всех или оправдать всех виновных. Вот в заключение то, что я предлагаю. Я предлагаю, чтобы Собрание декретировало, во-первых, что оно узнает о желании народа, чтобы решить участь короля; во-вторых, что Национальное собрание отменяет декрет, отсрочивающий выборы новых национальных представителей; в-третьих, что оно не принимает предложений Комитетов.

И если мои предложения не будут приняты, то я требую, чтобы Национальное собрание, по крайней мере, не опозорило себя пристрастным отношением к мнимым сообщникам преступления, на которое хотят набросить завесу.

О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

20 января 1791 г. Учредительное собрание приняло декрет об учреждении в каждом департаменте уголовного трибунала. Этим декретом предусматривалось образование суда в составе президента, назначаемого избирателями департамента, и трех временных судей. При каждом трибунале состоит общественный обвинитель, назначаемый избирателями департамента. При трибунале «повседневно несет службу» королевский комиссар.

В силу этого закона избирательный комитет Парижского департамента был созван для того, чтобы определить состав уголовного трибунала. 10 июня 1791 г. во втором туре голосования Робеспьер был избран общественным обвинителем 220 голосами (из 372). Парижский уголовный трибунал был создан лишь 15 февраля 1792 г. Робеспьер выступил в Обществе друзей Конституции с изложением своих обязанностей и поведения, которого он намерен придерживаться в выполнении своих новых обязанностей.

Речь, произнесенная 15 февраля 1792 г., была издана «Французским Патриотом», 10 стр. in-8°, под заголовком: *iDiscours, prononce par Miximilien Robespierre a la Societe des Amis de la Constitution, le Jour de l'installation du tribunal criminel du departement de Paris*». Перевод сделан из «Сочинений М.Робеспьера», т.VIII, «Discours (III partie). Octobre 1791 — Septembre 1792».

Господа, уголовный трибунал Парижского департамента учрежден сегодня утром. Естественно, что до начала его деятельности пройдет еще несколько дней. Однако ввиду близости того момента, когда я должен буду занять новую в нашем обществе судейскую должность, я считаю своим долгом дать моим согражданам точное представление о том судебном порядке, которому будут отныне подчинены их самые важные

^{*****} 24 июня 1791 г., то есть через несколько дней после бегства короля. Учредительное собрание постановило приостановить уже начавшиеся выборы в Законодательное собрание.

интересы, об особых обязанностях, которые возложило на меня их доверие, и о моих принципах. Я хочу показать им природу моей ответственности и границы тех услуг, которые они могут ожидать от моего усердия. Самым постыдным признаком рабства народа является его глубокое невежество в своих собственных делах. Помочь народу узнать их следует тем уполномоченным, которых он выбрал. Их главная обязанность, по моему мнению, — свободное общение с народом; оно необходимо и для меня. Если правда, что мы сделали шаг к царству справедливости и законов, то пора, чтобы публичные должностные лица, не исключая и того, кто называется первым из них, смотрели на себя не как на владык, а как на равных своим согражданам. Нужно, чтобы в их глазах, как и в глазах разума и природы, общественные должности не были более источником почестей и еще менее — богатств, а были бы долгом. Какой человек посмеет добиваться наказания за преступление, если сам он совершает наитягчайшие из них, желая основать свое могущество на унижении своих ближних? По какому бесстыдству осмелится он ссылаться на законы, если его непримиримая гордость сама нарушает вечные законы природы и человечества?

Институт присяжных приближает нас во многом к этим законам: он священен сам по себе; его почерпнули из принципов равенства, ибо он предоставляет самые священные права граждан им равным и, конечно, он принесет нам все те богатые плоды, которые можно от него ожидать, как только мудрость законодателей очистит его организацию от некоторых пороков, которых он не лишен и которые опыт, я думаю, не замедлит обнаружить. Я должен дать теперь общее понятие того, чем он является в наше время.

Закон возлагает на граждан, выбранных согласно установленному порядку, обязанность объявлять свое мнение о том, совершили ли обвиняемые граждане то преступление, которое является предметом обвинения; это то, что называется жюри приговора. Закон учреждает трибунал в составе председателя и нескольких судей, взятых по очереди из окружных трибуналов, для применения наказания, назначаемого законом за то преступление, в котором обвиняемый был объявлен присяжными виновным.

Но никто не может быть предан суду ни жюри приговора, ни уголовного трибунала, если только другое жюри, учрежденное тем же законом, не объявит, что обвинение против него имеет основание; это последнее жюри называется жюри обвинения.

Закон учредил при уголовном трибунале магистрата, на которого под именем общественного обвинителя возложено добиваться у него от имени народа удовлетворения за преступления, нарушающие спокойствие общества. Как бы ни важны были его функции, как бы ни обширны были его обязанности, не следует создавать себе о них преувеличенного представления. Общественный обвинитель не может дать первый толчок правосудию. Получать доносы и доводить их до сведения жюри обвинения возлагается на полицейских чиновников; функции общественного обвинителя начинаются лишь после объявления

этим жюри своего мнения.

Таким образом, видно, что название общественного обвинителя не точно характеризует его функции, но что он является скорее беспристрастным защитником интересов общества, врагом преступления, покровителем слабости и невинности, ибо общественная безопасность, являющаяся девизом магистратов, о которых я говорю, гораздо более страдает от судебного убийства невинного, чем от безнаказанности виновного. Пора, наконец, чтобы это правило, подтвержденное с давних пор в философских книгах, принятое на словах даже теми, кто не является философами, применялось магистратами и осуществлялось в судебных приговорах. Таковым будет основное правило моего поведения, и что бы ни говорили те, кто хотят представить друзей общественного блага и гуманности виновниками беспорядка и анархии, я постараюсь доказать своим примером, что ненависть к преступлению и усердие в отношении угнетенной невинности имеют общий источник в принципах морали и чистом чувстве справедливости.

Люди, столь же непросвещенные, сколь другие несправедливы, полагали, что они хвалят меня, говоря, что я был бы неумолимым врагом аристократов. Они ошиблись. Для меня, как гражданина, слово аристократ с давних пор не означает более ничего: я знаю только хороших и плохих граждан. Как народный магистрат, я не знаю ни аристократов, ни патриотов, ни умеренных: я знаю лишь людей, обвиняемых граждан, я помню, что я только мститель за преступление и опора невинности. Я не снизойду до произнесения длиннейших речей для опровержения бессильных клеветников, которые взвели на меня эти нелепые обвинения; я удовольствуюсь призывом всех тех, кто познали истинное чувство свободы и патриотизма, в свидетели искренности моих политических убеждений, которые я буду излагать. Наиболее счастливым днем моей жизни был бы тот, когда я увидел бы самого ожесточенного из моих врагов, даже человека, наиболее противящегося делу гуманности (единственного человека, которого я мог бы считать своим врагом), жертвой предубеждения, грозящего ему смертью за преступление, в котором он был невиновен, и когда, проливая на его дело свет суровой и беспристрастной истины, я мог бы спасти его от смерти или бесчестия. О, если бы друзья свободы могли быть доступны какому-то искушению, то это не было бы, конечно, искушением подлой неприязни; это было бы искушением чрезмерного великодушия. В свидетели этого я призываю всех тех, кто страстно любил честность и справедливость, вечные основы свободы; в свидетели этого я призываю весь французский народ.

Одна из самых важных обязанностей общественного обвинителя состоит в деятельном надзоре, который закон предписывает ему осуществлять, над всеми полицейскими чиновниками департамента; закон гласит: «...в случае небрежности с их стороны он их предупредит, в случае более серьезной вины он привлечет их к суду уголовного трибунала».

«Если по обязанности службы или по жалобе, или доносу частного лица общественный обвинитель найдет, что полицейский чиновник

подлежит преследованию за преступление по должности, то он вынесет постановление о его приводе, и при наличии основания он известит директора жюри о фактах и документах для составления последним обвинительного акта».

Для пояснения моей мысли об этой существенной части наших обязанностей я скажу, что поскольку было бы низким и преступным не пользоваться этой законной властью для защиты угнетенных от притеснений полицейских чиновников, постольку было бы несправедливым пользоваться ею для присвоения себе произвольной власти над чиновниками, имеющими перед общественными обвинителями преимущество непосредственно назначаться первичными народными собраниями, над мировыми судьями, которые заставят благословлять революцию, если они не перестанут быть достойными своего высокого звания; и я радуюсь возможности привести здесь в доказательство моих принципов те политические мнения, которые я излагал по этому же поводу в Учредительном собрании, когда я требовал сам ограничения власти общественных обвинителей, которая, если бы она попала в недостойные руки, казалась мне слишком опасной для гражданской свободы; когда я добивался даже ограничения продолжительности их функций более кратким сроком и доведения их жалования до размера более умеренного, чем тот, который был предложен докладчиком об учреждении суда присяжных; ибо сознаюсь, что длительное время исправления судейской службы я считал всегда бичом народа, а бедность Аристиды казалась мне всегда более счастливым предзнаменованием для общественного процветания, чем богатство Красса.

Я должен вдобавок заметить не для наиболее сведущих людей, но для граждан, не удосужившихся еще изучить наши новые законы, что они ошибаются, считая общественных обвинителей имеющими непосредственное влияние на преступления, которые прямо затрагивают судьбу общественной свободы и исход революции, ибо преступления оскорбления нации подсудны высокому национальному суду, и королевский комиссар, состоящий при уголовном трибунале, получил точное предписание закона — требовать передачи этому суду всех дел о таких преступлениях, а председатель уголовного трибунала — самостоятельно распоряжаться об этом под страхом привлечения за должностное преступление.

Я должен еще сказать, что деяния, касающиеся свободы печати, были во время пересмотра Конституции изъяты из компетенции общественного обвинителя и уголовного трибунала и что первый был заменен прокурор-синдиком департамента и королевским комиссаром, второй — окружным трибуналом по месту совершения этого рода деяния. Я не должен, следовательно, наблюдать за этой любопытной частью нашей гражданской и политической свободы, и хорошо, чтобы граждане были об этом осведомлены.

Однако это не мешает мне считать задачу общественных обвинителей одной из самых важных и полезных задач, поставленных

Конституцией; сознаюсь даже, что она является в моих глазах той задачей, которая может больше всего поднять общественный дух, открыть обширнейшее поле для правил философии и гуманности. В этом отношении нет ни одной задачи, которая так соответствовала бы моим принципам и моему характеру. В обычные времена и при торжестве законности я предпочел бы выполнение этой задачи всему другому; однако я должен сознаться, что с сожалением смотрю на приближение того момента, когда мне придется отправлять обязанности общественного обвинителя; скажу более, я согласился на них в свое время с крайним отвращением, лишь из уважения к выбору граждан и, если мне будет позволено сказать, вследствие полной уверенности в своих намерениях. Но вскоре у меня возникла другая мысль. Мне казалось, что единственное звание, подобающее членам Национального собрания, — это звание граждан. Когда я добился почетного для него декрета, который исключал всех его членов из состава следующего Законодательного корпуса^{*****}, я хотел было убедить их в то же время отказаться от всех общественных должностей, даже народных, чтобы ограничиться ролью гражданина и свободного деятельного надзирателя за исполнением законов, которые они приняли. Я не сделал этого только из боязни создать больше препятствий для главного предложения и благодаря советам того из моих товарищей, с которым я был теснее всего связан как трудами, принципами, общими опасностями, так и узами нежнейшей дружбы, я уступил и убедился в мудрости этого решения вследствие того выбора, который поставил его потом самого во главе Парижской Коммуны; ибо я клянусь, что это он до сего момента спасал столицу и отводил подлые замыслы врагов нашей свободы; я клянусь, что мужество и добродетели Петиона были необходимы для спасения Франции; но даже и это соображение убедило меня окончательно лишь тогда, когда Петиона целиком поглотила забота о подавлении заговоров, беспрестанно возникающих в этом громадном городе; понадобились еще люди, которые следили бы за всеми заговорами, составляемыми во всем государстве и идущими из того же центра для уничтожения нарождающейся свободы. Мне казалось, что в этот критический момент, от которого зависела судьба мира, первый долг гражданина — защищать дело французского народа и вселенной. Поэтому я не решился бы согласиться на новые обязанности, которые меня ожидают, если бы я совершенно отчаялся в возможности примирить их с этими великими интересами. Я хочу отдавать своей должности все дни, а революции — часть ночей, я заявляю, что если мои силы и здоровье не смогут вынести этой двойной работы, то я сочту себя вынужденным выбирать.

Есть необходимость более настоятельная, есть долг еще более великий, чем долг преследовать преступление или защищать невинность, имея публичное звание, по делам частных лиц перед судебным

***** 15 мая 1791 г. Робеспьер выступил в Учредительном собрании с предложением издать декрет о том, чтобы в состав нового Национального собрания не могли быть избраны депутаты предыдущего Собрания. Это предложение Робеспьера было принято.

трибуналом; это — долг гражданина и человека защищать дело гуманности и свободы в трибунале вселенной и будущих поколений. Итак, основываясь на высказанном предложении, сознаюсь, что я не в силах оставить то великое дело, от которого никакая человеческая власть не может меня оторвать. Я заявляю, что тогда я принес бы свою должность в жертву своим принципам, а свои личные преимущества — общей пользе. В такие моменты пост друга человечества находится там, где он может успешно защищать его. Долг каждого человека начертан в его совести, в его характере. Ни один смертный не может избежать своей судьбы, и если моя судьба — погибнуть за свободу, то, вместо того чтобы пытаться скрыться от нее, я поспешил бы к ней навстречу.

ПРОСПЕКТ «ЗАЩИТНИКА КОНСТИТУЦИИ»

Весной 1792 года Робеспьер приступил к изданию еженедельника под названием «Защитник Конституции». В апреле этого года Робеспьер опубликовал «Проспект «Защитника Конституции» в качестве программного документа.

«Le défenseur de la Constitution par Maximilien Robespierre, Depute a l'Assemblée Constituante. Ouvrage periodique propose par souscription».

Перевод Проспекта сделан из «Сочинений М.Робеспьера», т.IV, «Lex journaux».

Разум и общественная польза начали революцию; интрига и честолюбие остановили ее; пороки тиранов и пороки рабов привели ее к горестному состоянию смуты и кризиса.

Большинство нации хочет отдыхать под покровительством новой Конституции, в лоне свободы и мира; какие причины лишали его до сих пор этого двойного преимущества? Невежество и разногласие. Большинство желает блага, но оно не знает ни способов достижения этой цели, ни препятствий, которые ее отдаляют; даже благонамеренные люди придерживаются различных взглядов по вопросам, которые наиболее тесно связаны с основами общего благоденствия. Все враги Конституции прикрываются патриотизмом для того, чтобы сеять заблуждение, раздор и ложные принципы; писатели продают свое перо этой гнусной затее. Таким образом, общественное мнение слабеет и дезорганизуется; общая воля становится бессильной и ничтожной, а патриотизм — без плана, без согласия и без определенной цели мечется тяжело и бесплодно или помогает порой своей слепой горячностью гибельным замыслам врагов нашей свободы. В этой обстановке нам остается лишь один способ спасения государства — наблюдать за рвением добрых граждан, чтобы направлять его к общей цели. Приближать их всех к принципам Конституции и общей пользы, предавать гласности истинные причины наших бедствий и указывать средства от них, раскрывать на глазах у нации мотивы и последствия политических действий, влияющих на судьбу государства и свободы; подробно рассматривать общественное поведение лиц, играющих главные роли на сцене революции; вызывать на суд общественного мнения и истины тех,

кто легко ускользает от суда законов и кто может решать судьбу Франции и вселенной, — вот, несомненно, самая большая услуга, которую гражданин может оказать общественному делу.

Периодическое издание, которое осуществило бы эту цель, показалось мне достойнейшим занятием друзей отечества и гуманности; я осмелился взяться за него. Дух, которым он руководствуется, показан в его названии «Защитник Конституции». Поставленный в начале нашей революции в центре политических событий, я близко видел извилистый путь тирании; я узнал, что самые опасные из наших врагов не те, кто открыто объявили себя ими, и постараюсь, чтобы эти знания не были бесполезны для спасения моей страны.

Мне не нужно говорить о том, что одна лишь любовь к справедливости и истине будет направлять мое перо. Только при этом условии, спустившись с трибуны французского Сената, можно взойти на трибуну вселенной и говорить не с Собранием, которое может быть взволновано столкновением различных интересов, но с человеческим родом, интересом которого является интерес разума и всеобщего счастья. Возможно, что, покинув сцену, чтобы занять место среди зрителей, можно лучше судить и о сцене и об актерах; кажется по крайней мере, что, избавившись от вихря дел, отдыхаешь в более мирной и чистой атмосфере и выносишь более верное суждение о людях и о вещах, примерно как тот, кто, убежав от шума городов, чтобы подняться на вершину гор, чувствует, что спокойствие природы проникает в его душу, и его понятия расширяются вместе с расширением кругозора.

Я видел, что некоторые члены Законодательного собрания, соединяя две почти одинаково важные обязанности, излагали и оценивали в своих сочинениях те действия, которым накануне они способствовали в Национальном собрании.

Хотя этой последней заботы было достаточно для того, чтобы целиком занять меня в то время, когда она была мне поручена, это не помешало мне одобрить законодателей, воздававших глубокую дань уважения необходимости существования писателей политических и философских и достоинству их звания; и думаю даже, что они будут иметь двойное право на уважение своих доверителей, если они выполнят и ту, и другую задачу с одинаковой честностью.

Тот, кто объявляет себя цензором порока, апостолом разума и истины, не должен быть ни менее безупречен, ни менее смел, чем сам законодатель. При заблуждениях последнего остается большая надежда на общественное мнение и общественный дух; но когда общественное мнение унижено, когда общественный дух искажен, то последняя надежда свободы уничтожена: писатель, который, продавая свое перо ненависти деспотизму или испорченности, изменяет делу патриотизма и гуманности, более низок, чем магистрат, нарушающий свой долг, более преступен, чем даже народный представитель, продающий народные права.

Таковы мои политические убеждения, таковыми будут дух и цель того литературного произведения, которое я посвящаю свободе моей

страны.

Это издание будет выходить по четвергам; каждый номер будет содержать от трех до четырех листов.

ИЗЛОЖЕНИЕ МОИХ ПРИНЦИПОВ

Статья «Exposition de mes principes» была помещена в № 1 еженедельника, «Le défenseur de la Constitution», издававшегося Робеспьером с мая 1792 года.

Перевод сделан из «Сочинений М. Робеспьера», т.IV, «Les journaux».

Я хочу защищать Конституцию такую, как она есть. Меня спросили, почему я провозглашаю себя защитником акта, недостатки которого я часто излагал; я отвечаю, что, будучи членом Учредительного собрания, я из всех моих сил восставал против всех тех декретов, которые общественное мнение ныне осуждает, но что с того момента, как конституционный акт был завершен и скреплен всеобщим согласием, я всегда ограничивался требованием его точного исполнения, не напоподобие той политической секты, которую называют умеренной и которая ссылается на его букву и пороки лишь для того, чтобы погубить его принципы и дух, не напоподобие двора и честолюбцев, которые, вечно нарушая все законы, благоприятные для свободы, исполняют с лицемерным усердием и кровожадной преданностью все те законы, которыми они могут злоупотреблять для подавления патриотизма, но как друг отечества и человечества, убежденный в том, что общественное спокойствие предписывает нам укрыться под покровом Конституции, чтобы отражать атаки честолюбия и деспотизма.

Учредительное собрание держало в своей руке судьбу Франции и вселенной; оно могло внезапно поднять французский народ на высочайшую ступень счастья, славы и свободы; оно оказалось ниже своей благородной миссии; оно часто нарушало вечные принципы справедливости и разума, которые оно само торжественно провозгласило. Права нации и человечества остались те же, но обстоятельства переменились, и они должны определить природу тех способов, которые можно употребить для восстановления их во всем их объеме.

Быть может, второе Законодательное собрание, приходя к браздам правления революцией, могло бы исследовать вопрос об истинных границах своих обязанностей и своей власти и о том, имели ли первые представители право принудить его к клятве, которую они от него потребовали. Конечно, если бы оно проявило тогда силу характера, если бы какой-нибудь гениальный и добродетельный человек вышел из его недр для того, чтобы предъявить ему список всех декретов, которые противоречили Декларации прав и нарушали основные принципы Конституции; если бы оно одним ударом принесло их в жертву народу и свободе, то я не могу сомневаться в том, что в настоящий момент большинство нации, уставшее от ошибок первого Собрания, одобрило бы с восторгом этот великий и отважный шаг.

Но Законодательное собрание поспешило принести единодушную и безоговорочную присягу всему конституционному акту в целом. Первыми словами, прозвучавшими на его трибуне, были высокопарные похвалы, расточаемые без разбора всем членам первого Законодательного собрания. Серюти объявил, что мир получил наилучшую из всех возможных Конституцию. Этот кодекс, как священная книга, был с триумфом принесен старцами; многие омыли ее своими слезами и покрыли ее поцелуями. Конституционный акт был принят с меньшей торжественностью и почтением, чем с суеверием и идолопоклонством, а Законодательное собрание держало себя со смиренным видом даже перед тенью Учредительного собрания.

Ему не подобает дотрагиваться до Конституции, которую оно поклялось соблюдать; теперь всякое изменение могло бы лишь встревожить друзей свободы.

Среди бурь, вызванных столькими фракциями, которым дали время и средства укрепиться; среди внутренних разногласий, вероломно соединенных с внешней войной, поддерживаемых интригой и подкупом, благоприятствуемых невежеством, эгоизмом и легковерием, добрым гражданам требуется точка опоры и сигнал для сбора; я не знаю для этого ничего другого, как Конституция.

Я заметил, что те, кто во время первого представительного собрания были обвинены в излишнем усердии за то, что они защищали права народа против деспотизма и интриг, были самыми усердными апостолами той доктрины, которой я придерживаюсь в настоящий момент. Напротив, браня с некоторых пор недостатки Конституции и Собрание, делом которого она является, я удивил тех, кто оказывал предпочтение самому добросовестному ригоризму в конституционных делах, чтобы принести свободу в жертву двору. Я слышал, как люди, которые только и знали, что клеветали на народ и боролись против равенства, славословят республику. Я видел, как те, которые оставались всегда недостойными принципов нашей революции, соблазняли нас образом правления более свободным и совершенным. Двор, все интриганы, все вожди фракции сговариваются одновременно против нее, ибо они нуждаются во всеобщем хаосе, чтобы безнаказанно делить между собой добычу и могущество нации. Они хотели бы, чтобы при том бурном кризисе, к которому они нас привели посредством заговоров и вероломства, патриотизм сам начал расшатывать своими собственными руками конституционный строй, чтобы возвести на его развалинах либо королевский деспотизм, либо нечто вроде аристократического правления, которое под соблазнительными названиями надело бы на нас цепи, тяжелее прежних.

С той минуты, когда я заявил о своем намерении бороться со всеми мятежниками, я увидел, как люди, которые недавно сохраняли еще некоторую репутацию патриотов, объявили мне войну более серьезную, чем та, которую они хотят вести с деспотами; я увидел, как они расточали все средства, в которых никогда нет недостатка, после того как передали общественное достояние в руки своих друзей, и когда участвуют под различными званиями во всех органах власти, чтобы

изображать меня одновременно во всех частях государства то роялистом, а то и честолюбивым трибуном. В этом жестоком бреде я распознал тот ужас, которым были поражены мои новые противники, и все те доказательства, которые предвещали мне их гибельные планы, сделались в моих глазах совершенно достоверными. Я — роялист? Да, как человек, который почти в одиночестве три года боролся против всемогущего Собрания для оказания сопротивления непомерному расширению королевской власти; как человек, который, презирая всю клевету фракции, смешиваемой ныне с той, которая меня преследовала, потребовал, чтобы беглый монарх подлежал справедливости законов; как человек, который, будучи уверен в том, что большинство Собрания восстановит Людовика XVI на троне, добровольно обрек себя на месть этого короля, чтобы вступить за права народа; наконец, как человек, который будет еще с опасностью для своей жизни защищать Конституцию против двора и всех фракций. Я — республиканец? Да, я хочу защищать принципы равенства и осуществление священных прав, которые Конституция гарантирует народу от опасных идей тех интриганов, которые смотрят на народ только как на средство удовлетворения своего честолюбия; я предпочитаю видеть народное представительное собрание и свободных уважаемых граждан с королем, чем рабский и униженный народ под хлыстом аристократического Сената и диктатора. Для меня Кромвель не лучше Карла I, а иго децемвиров не более сносно, чем иго Тарквиния. Разве в словах «республика» или «монархия» находится решение великой социальной проблемы? Разве определения, придуманные дипломатами для классификации различных форм правления, создают счастье и несчастье наций, или сочетание законов и учреждений составляет их истинную природу? Все политические конституции созданы для народа; все те, в которых он почитается за ничто, являются лишь посягательствами на человечество! О, какое мне дело до того, что ложные патриоты рисуют мне близкую перспективу обограния Франции кровью с целью избавить нас от королевской власти, если они не хотят установить на ее обломках национального суверенитета и гражданского и политического равенства? Какое мне дело до того, что против проступков двора восстают, если, не собираясь их пресекать, их терпят и поощряют, чтобы извлечь из них пользу? Какое мне дело до того, что признают вместе со всеми недостатки Конституции, относящиеся к объему королевской власти, если уничтожают право петиции; если посягают на личную свободу, даже на свободу мнений; если позволяют проявлять в отношении встревоженного народа ту жестокость, которая составляет контраст с вечной безнаказанностью знатных заговорщиков; если не перестают преследовать и клеветать на всех тех, кто во все времена защищали дело нации от посягательств двора и всех партий? Какое нам дело, что время от времени возобновляют слух о предстоящем отъезде короля, как бы для того, чтобы вывести настроения и обнадежить неблагоразумных патриотов опасной иллюзией? Не бежал ли уже король год назад, в момент, который казался наиболее благоприятным для свободы, в то время, когда

Франция не была еще жертвой раздоров, которые ее терзают теперь, и не должна была выдерживать внешнюю войну? Ну и что же? Кому это событие было на пользу: народу или деспотизму? Не к этой ли эпохе относятся гибельные декреты, которые исказили нашу Конституцию?***** Не тогда ли кровь обезоруженных граждан начала течь под мечом проскрипции? Не в тот ли момент, когда королевская власть была приостановлена*****, а король вверен надзору Лафайета, коалиция, главой которой был этот последний, возвратила монарху громадную власть, заключила с ним полюбовную сделку в ущерб нации, в пользу честолюбцев, подготовивших этот заговор, и наложила от его имени железное иго на всех патриотов государства? Что делали в то время вы, Бриссо и Кондорсе? Ибо я имею здесь в виду именно вас и ваших друзей! Пока мы обсуждали в Учредительном собрании важный вопрос о том, стоит ли Людовик XVI выше законов, пока, заключенный в эти границы, я довольствовался защитой принципов свободы, не затрагивая никакого другого постороннего и опасного вопроса, и подвергался за это клевете той фракции, о которой я говорил, вы либо по неосторожности, либо совсем по другой причине из всех ваших сил содействовали ее губительным планам. Известные до тех пор своими связями с Лафайетом и своей великой умеренностью, бывшие долго усердными приверженцами полуаристократического клуба (клуб 1789 г.), вы вдруг начинаете провозглашать слово «республика»; Кондорсе печатает трактат о «республике», принципы которой, правда, были менее демократичными, чем принципы нашей настоящей Конституции; Бриссо распространяет газету «Республиканец», в которой демократично было лишь ее заглавие; одновременно на всех стенах столицы появляется афиша, продиктованная тем же настроением, отредактированная той же партией в лице бывшего маркиза Дю-Шателе, родственника Лафайета, друга Бриссо и Кондорсе. Тогда все умы пришли в состояние брожения; одно это слова «республика» посеяло раздор среди патриотов, дало врагам свободы желанный предлог — провозгласить, что во Франции существует партия, составляющая заговоры против монархии и Конституции; они поспешили приписать этому предлогу ту твердость, с какой мы защищали в Учредительном собрании права национального суверенитета против чудовищного принципа неприкосновенности короля. Этим словом они ввели в заблуждение большинство Учредительного собрания; это слово было сигналом к резне мирных граждан, убитых на

***** Эти декреты, изменяющие Конституцию, были приняты во время пересмотра и согласования различных частей конституционного акта в августе 1791 года, согласно проекту Комитета, представленному Туре; Робеспьер принял активное участие в дискуссии. В своем «Адресе к французам», опубликованном в июле 1791 года, он высказал опасения о том, что Конституция может быть изменена в благоприятном для двора смысле.

***** После неудавшегося бегства Людовика в Варенн 12 июня 1791 г. он был временно отстранен от престола.

алтаре отечества , все преступление которых состояло в законном осуществлении права петиции, санкционированного конституционными законами. Благодаря этому слову истинные друзья свободы были превращены в мятежников испорченными или невежественными гражданами, и революция отсрочена, быть может, на полвека. Следует сказать все: это было еще в те критические времена, когда Бриссо пришел в Общество друзей Конституции, где он почти никогда не появлялся, чтобы предложить изменения в образе правления, подсказать которые Учредительному собранию запрещали нам самые простые правила благоразумия. По какой роковой случайности очутился там Бриссо, чтобы поддержать проект петиции, которая послужила поводом к пресловутой коалиции, чтобы вызвать резню на Марсовом поле! Каковы бы ни были вероломные мотивы тех, кто толкнул добрых граждан на этот шаг, он был, конечно, невинным; петиция, проект которой был составлен, имела одну лишь цель — предложить Национальному собранию поговорить со своими доверителями, прежде чем высказывать свое мнение о деле монарха. Почему Бриссо вздумал предложить другой проект петиции, намечавшей отмену королевской власти в тот момент, когда фракция ожидала только этого предлога, чтобы оклеветать защитников свободы? А нас обвинили в преувеличении, которое мы противопоставили в Обществе друзей Конституции первому проекту петиции, законность которой мы не оспаривали, но гибельные последствия которой мы предвидели. Мы были обязаны проявить столько же осмотрительности, сколько и твердости, чтобы заживить раны, нанесенные свободе этой роковой катастрофой. Я не буду, однако, утверждать, что намерения Бриссо и Кондорсе были так же преступны, как события — гибельны; я не хочу принимать упреков, сделанных им многими патриотами, в мнимом расхождении их с Лафайетом, панегиристами которого они являлись, лишь для того, чтобы лучше служить своей партии и проложить себе путь к Законодательному собранию сквозь ложные препятствия, чтобы вызвать к себе доверие и усердие друзей свободы. Я хочу видеть в их прежнем поведении лишь крайнее неблагоразумие и величайшую глупость. Но теперь, когда их связи с Лафайетом и Нарбонном не являются более тайной, когда опыт прошлого может пролить новый свет на современные события, когда они не скрывают более проектов опасных нововведений, когда они собирают все свои силы для того, чтобы обесславить тех, кто объявляют себя защитниками нынешней Конституции, пусть они знают, что нация в одно мгновение расстроила бы все козни затеваемые в продолжение стольких лет ничтожными интриганами. Всякий, кто строит честолюбивые планы на новых заблуждениях монарха и посмел бы разжечь пламя гражданской

***** 17 июля 1791 г. на Марсовом поле в Париже собралось несколько тысяч человек для обсуждения и подписания петиции, осуждающей монархию. По приказу Учредительного собрания и Парижского муниципалитета к Марсову полю были двинуты войска под командованием Лафайета. По безоружным демонстрантам был открыт огонь, в результате которого было убито более 50 человек и ранено несколько сот человек.

войны в тот момент, когда нам навязана внешняя война, был бы величайшим врагом отечества. Французы, депутаты, объединяйтесь же вокруг Конституции, защищайте ее от исполнительной власти, защищайте ее от всех мятежников! Не способствуйте намерениям тех, кто утверждает, что она неисполнима только потому, что они не хотят ее исполнять; потерпим некоторое время ее несовершенства, пока успехи просвещения и общественного духа позволят нам дожидаться той минуты, когда мы сможем уничтожить их в лоне мира и согласия. Недостатки Конституции принадлежат людям, но ее основы — дело неба, и она носит в себе самой бессмертное начало своего совершенства. Декларация прав, свобода печати, право петиции, право мирных собраний; добродетельные представители, строгие по отношению к знатым, неумолимые к заговорщикам, снисходительные к слабым, исполненные уважения к народу, пылкие защитники патриотизма, строгие хранители общественного порядка; представители, которые не стараются назначать министров и править от их имени, но которые наблюдают за ними и беспристрастно наказывают их; мир и изобилие возрождаются под их покровительством, так как они менее посвящены в интриги двора, чем в искусство защищать свободу; к ним больше не нужно прибегать, чтобы заставлять королевскую власть идти по пути, начертанном ей волей суверена, или чтобы незаметно и без потрясений приближаться к той эпохе, когда общественное мнение, просвещенное временем или преступлениями тирании, сможет высказаться за наилучшую форму правления, соответствующую интересам нации. Мы, следовательно, не побоимся защищать Конституцию, рискуя получить название роялиста и республиканца, народного трибуна и члена австрийского комитета ***** . Мы будем защищать ее тем усерднее, чем сильнее мы чувствуем ее недостатки. Если наше полное повиновение даже тем декретам, которые нарушают наши права, является жертвоприношением нашим прежним угнетателям, то пусть последние не отказывают нам по крайней мере в исполнении тех, которые им покровительствуют. Если бы они увидели Конституцию во всех законах, которые благоприятствуют тирании, если бы они не признали ее более в тех, которые ее сдерживают, то мы подпали бы под еще более невыносимый гнет, чем тот, от которого она нас освободила.

Защищая ее, мы не будем тоже забывать того, что времена революции не похожи на спокойные времена и что политика наших врагов всегда состояла в смешении этих времен, с той целью, чтобы законно убивать народ и свободу. Наши принципы, наша гражданская доблесть не имеют ничего общего с принципами и гражданской доблестью министра Нарбонна, который, смотря спокойным оком на знамя контрреволюции, поднятое на юге, посмел возбудить

***** Бриссо в своей газете «Французский патриот» 20 мая 1791 г. обвинил Робеспьера в сообщничестве с двором и австрийским комитетом ввиду того, что Робеспьер не сочувствовал войне.

национальную месть против отважных марсельцев***** на том основании, что для уничтожения пожара гражданской войны они не дожидались приказов поджигателей; мы любим Конституцию не как те, которые всегда находят в ней оружие для убийства слабых патриотов и угнетения солдат, но никогда не находят его для наказания военачальников и высокопоставленных преступников. Мы будем защищать ее не против общей воли и свободы, но против частных интересов и вероломства. Мы будем заниматься отдельными личностями лишь тогда, когда их имена будут неразрывно связаны с общественным делом.

Мы не скрываем от себя, что вооружим против себя все партии; нам останется одобрение нашей совести и уважение всех честных людей.

О НЕОБХОДИМОСТИ И ПРИРОДЕ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Статья «Sur la necessite et la nature de la discipline militaire» была помещена во втором номере еженедельника Робеспьера «Le défenseur de la Constitution» (май 1792 г.).

Дисциплина является душой армий; дисциплина заменяет численность, а численность не может заменить дисциплину. Без дисциплины нет армии; имеется лишь простое соединение людей, без единства, без согласия, которые не могут успешно направлять свои силы к общей цели, подобно телу, покинутому жизненным началом, или машине со сломанной пружиной. Эти истины так же очевидны, как и любая из тех, которые могут быть доказаны опытом и разумом.

Существует менее ясный для всех умов вопрос, который теперь тесно связан с этими истинами и решение которого совершенно необходимо для определения надлежащего их применения, вопрос, который никто еще не подумал изучить, но который многие люди попытались окутать почти непроницаемым мраком; это вопрос о том, какова природа, какова истинная цель воинской дисциплины. Каков, наконец, точный смысл этих слов? Его еще пока не объяснили.

Учредительное собрание признало и торжественно провозгласило великие принципы, но далеко не так точно применяло их ко всем частям законодательства; по-видимому, даже оно считало их совершенно чуждыми военному кодексу. Всем известно, что этот кодекс был работой комитета, состоящего из дворян, лиц высшего командного состава и военных министров, сменявших один другого в течение этого периода. Они только представили его по частям на утверждение Собрания, которое приняло его с безусловным доверием и которое мало думало о сохранении права вето. Насколько общераспространен был тот предрассудок, что только министрам подобает что-то смыслить в законах, относящихся к армии! Насколько далеки были от понимания того, что самой важной частью этих законов является не та, которая относится к науке тактики и требует военных познаний! Насколько далеки

были от догадки о том, что военные законы всесторонне связаны с принципами и интересами гражданской и политической свободы и что люди, для которых естественнее руководствоваться предрассудками их положения и рождения, их личными интересами, чем правилами политики и философии, менее всего способны принять в расчет все эти связи, примирить долг солдата с долгом гражданина! Поэтому, несмотря на некоторые мелкие изменения, основы и дух нового кодекса вполне достойны прежнего, и слова воинская дисциплина не дают еще ныне у нас более точных и справедливых понятий, чем в тех странах, где армия служит лишь орудием в руках деспота для порабощения и разорения народов.

Постараемся разъяснить эти понятия с тем интересом, который внушает новизна этого вопроса, и с тем вниманием, которое требует спасение свободы, связанной с этим вопросом.

Что такое воинская дисциплина? Это верность в выполнении долга военной службы; это повиновение особым законам, регулирующим функции солдата. Специальные обязанности, возложенные на солдата в силу тех обязательств, которые он принял на себя в отношении отечества, не простираются дальше; отсюда неизбежно вытекает, что власть его начальников ограничена в тех же пределах. Солдат является вместе с тем человеком и гражданином; обладая этими тремя качествами, он имеет обязанности и права, которые должны и могут быть примирены.

Когда он выполнил свой солдатский долг, природу которого я только что определил, он пользуется такими же правами, как и другие граждане и люди. Военный закон является для солдата тем, чем гражданские и политические законы являются для граждан; гражданин вправе делать все то, что гражданские и политические законы не запрещают; солдат вправе делать все то, что военный закон ему не запрещает. Гражданский закон может запретить лишь то, что вредит обществу и чужим правам; военный закон может запретить лишь то, что вредит военной службе. Всякий закон, причиняющий человеку какое-нибудь лишение или возлагающий на него бесполезное бремя, является тираническим актом; всякий человек или начальник, требующий того, чего закон не предписывает, является деспотом и тираном, то есть мятежником.

Таким образом, когда солдат не является на перекличку, на смотр, на какое-нибудь учение; когда он покидает свой пост или отказывается повиноваться приказаниям, отдаваемым ему его начальниками в порядке военной службы, он нарушает дисциплину; он должен быть наказан в соответствии с законами. Но если эти же начальники, расширяя пределы своей власти, захотят запретить ему пользоваться правами, принадлежащими каждому гражданину; если какой-нибудь офицер, например, вздумает запретить ему посещать своих друзей, часто бывать в обществах, разрешенных законом; если он пожелает вмешиваться в его чтение, в его переписку, — сможет ли он ссылаться на дисциплину и требовать повиновения? Нет. Если следовать понятиям о дисциплине, разделяемым до сих пор предрассудками из-за доверия к макиавеллизму

***** Отряд национальной гвардии Марселя, принявший участие в свержении монархии 10 августа 1792 г. в Париже.

и аристократии, то нет никакого основания к тому, чтобы офицер не мог сказать солдату, которого он встречает в каком-нибудь доме или общественном месте: «Твое присутствие здесь мне не нравится, приказываю тебе возвратиться в казарму; я запрещаю тебе разговаривать с этой женщиной: удовольствие беседовать с ней я оставляю только для себя». Нет основания к тому, по крайней мере при данной системе, чтобы солдат, который в этих случаях был бы бунтовщиком и оказал бы неуважение к своему офицеру, не был отправлен в тюрьму и наказан, как неповинующийся. Однако если следовать правилам настоящей дисциплины, недисциплинированным был бы здесь именно офицер, а солдату следовало бы ему ответить: «Вне военной службы я не знаю офицеров ни в клубах, ни в общественных местах; как солдат, я буду повиноваться начальникам, которые будут приказывать мне от имени закона; я буду соблюдать все установленные им правила; как свободный гражданин, я буду пользоваться теми, которые закон мне гарантировал, и не подчинюсь власти какого-либо лица». Такой ответ допустим во всех странах, где господствует закон, ибо повиноваться человеку, который приказывает не от имени закона, значит оскорблять самый закон и делаться соучастником того, кто захватывает его власть. Тот, кто сделал бы это, не был бы недисциплинированным; он был бы лишь свободным человеком и просвещенным гражданином, а следовательно, верным и смелым солдатом, более грозным для врагов государства, чем те смертоносные автоматы, храбрость которых обуславливается только яростью либо даже страхом.

Из всего сказанного мною следует, что принципы справедливости и общественного порядка могут легче, чем это думают, применяться к гражданам, вооруженным для защиты отечества. Из этих принципов можно сделать столь же простые, как и важные выводы.

Из них можно заключить: 1) что всякая излишняя строгость в наказаниях является общественным преступлением; 2) что всякая произвольная и тираническая форма в судебных решениях является посягательством на невинность и на общественную и личную свободу. Ибо, хотя особенности армейского уклада и могут вызывать некоторые изменения в общих правилах, они никогда не могут требовать, чтобы невинного отдавали как виновного в полное распоряжение какого-нибудь человека; при всех возможных обстоятельствах всегда правильно то, что меч законов должен разить лишь преступление; и никогда тирания не может спасти ни государства, ни свободы. Что же следовало бы думать о законе, который предоставлял бы генералу власть над жизнью и смертью солдат? Тот, кто облечен ею, является неограниченным властелином армии; люди преступны или невиновны в зависимости от его прихоти; дисциплина в его руках служит обязанностью делать все то, что соответствует его интересам; она не что иное, как полнейшее рабство; как бы гибельны для блага отечества и прав народа ни были его желания, они священны, как закон, непреодолимы, как громы небесные. Что будет, если вы доверите тому же человеку право издавать законы или регламенты, что является одним

и тем же? Праведное небо! Судебная и законодательная власть, то есть верховная власть, переданная генералу армии! Что же станет с властью настоящего, невооруженного законодателя подле этого» искусственного законодателя, окруженного военной силой? Из всех способов принести свободу в жертву военному деспотизму есть ли способ, столь же быстрый и верный? Какой дух ужаса может, следовательно, внушить подобное решение! Разве никогда не научатся здраво судить о пороках и добродетелях людей? Разве никогда не сумеют уважать народ и одновременно полагаться на его интересы и его характер? Разве всегда будут бояться восстания управляемых и не бояться эгоизма и честолюбия правящих? Должна ли, следовательно, армия граждан возбуждать больше подозрений, чем военачальник? Разве армия не более, чем он, заинтересована в спасении отечества, не более предана народному делу? И не единственный ли только мотив собственной безопасности побуждает ее естественно повиноваться приказам генерала, достойного ее доверия? Вам легче будет найти сто тысяч вероломных или честолюбивых генералов, чем беспричинно виновную и мятежную армию; зачем, следовательно, поступать прямо против природы вещей, оказывая начальникам то доверие, которое заслуживает армия? Успокойтесь же, или, вернее, опасайтесь только наших настоящих врагов. Рассмотрите теперь этот важный вопрос с других точек зрения, перенеситесь во времена революций. Вообразите революцию, начатую народом и для народа, против королевского деспотизма и дворянства, но остановленную совместными ухищрениями дворянства и двора; предположите, что во время войны, вызванной и тем и другим, военачальниками будут дворяне, избранные двором. Ну хорошо! Какую дисциплину хотели бы вы иметь в армии — дисциплину деспотизма или ту, которую я описал? Каких настроений потребовали бы вы от солдат, кроме тех, когда, готовые отбросить внешних врагов, они были бы достаточно бдительны и благородны, чтобы предупредить вероломства, замышляемые против нации; кроме тех, когда, покорные командованию офицеров, если речь идет о битве с иностранными войсками, солдаты были бы всегда достаточно настороже от соблазна, Достаточно просвещены и проникнуты духом и принципами Конституции, чтобы отказаться служить их честолюбию против народа и свободы? Стараться беспрестанно изменять в них этот характер, хотеть во что бы то ни стало сделать их снова автоматами, отдать их на милость начальников, вызывающих подозрение, — не значит ли это восстановить деспотизм и аристократию на развалинах нарождающейся свободы?

Как далек был от здравого смысла и истины тот представитель, который, желая облечь генералов этой страшной диктатурой, после длительной и жестокой хулы на народ, породивший эту свободу, подчеркнуто ссылаясь на строгость дисциплины у римлян и свободных народов! Мы не будем спрашивать у него, в каких книгах изучал он военный кодекс римлян и греков, но откуда он взял, что римские и спартанские генералы забывали о том, что они командуют гражданами, и простирали свою власть за пределы воинской дисциплины в собственном

смысле слова?

Как, к тому же, может он сравнивать наше настоящее положение с положением тех древних народов, у которых генералы были магистратами, у которых солдаты после непродолжительного похода возвращались в стены города и были всего только гражданами, у которых начальники, армия, республика знали лишь один интерес и должны были сражаться только с иноземным врагом? Разве ходили греки в бой под командованием генералов Ксеркса, а римляне под знаменами Порсены? Разве не известно, что те самые римляне, которые так часто неслись к победе под начальством Камиллов и Фабрициев, отказались побеждать под руководством децемвиров, что, призванные в Рим криками оскорбленной невинности и свободы, они отложили разгром Эквов и Сабинян на то время, когда они заставили бы пасть под мечом законов Аппия и его сообщников; они это сделали и торжествовали победу. Разве не известно, что во время американской войны изменник Арнольд был наказан теми, кем он командовал? Разве намеревался тогда американский сенат поступить с ними, как с виновными и разбойниками? Если бы голландцы предвидели вероломство принца Сальмского, а брабантские жители — вероломство Шенфельда, разве носили бы они ныне оковы? Да что я говорю! Когда и при самом деспотизме бесчестные генералы бесстыдно приносили наших солдат в жертву какой-то куртизанке, разве поверили бы вы, что вселенная и нация вменили бы им в преступление спасение армии и славы французского имени путем отважного неповиновения вероломству, которое запрещало им победить и приказывало дать себя истребить? В истории наций есть необычайные обстоятельства, когда голос природы и необходимости звучит с непреодолимой властью. Напрасно ложное благоразумие или политическое вероломство хотело бы это опровергнуть. Великие кризисы предупреждают мудростью и энергией, но раз они уже возникли, то их нельзя подавлять насилием, по крайней мере, если не хотят все разрушить и погубить. Если мы совсем не склонны снова надеть на себя оковы, то не будем насиловать природу вещей и средства управления, не будем призывать деспотизм на помощь свободе, не будем защищать ее, как рабы, которых ужасает даже ее тень. Будем остерегаться того, чтобы враги свободы, ослепляя наши очи ее эмблемами, оглушая наши уши ее языком, незаметно не добились ее похищения у нас. Не будем доверять показному патриотизму и опасной политике наших военных патрициев, будем страшиться того, чтобы одним только этим словом — дисциплина — они не довели нас до нашей гибели. Они уже сильно успели в этом деле; если вы хотите помешать им быстро завершить его, то давайте пользоваться нашим собственным опытом, чтобы исправить те гибельные ошибки, в которые они нас вовлекли; давайте сравнивать изложенные нами принципы с тем, что происходило до сих пор среди нас.

Подводя итог нашим взглядам, мы видим, что возникает, так сказать, два рода воинской дисциплины: одна является неограниченной властью начальника над всеми действиями и личностью солдата, другая — их законной властью, ограниченной пределами военной службы.

Первая основана на предрассудках и кабале; вторая почерпнута из самой природы вещей и разума. Первая делает из военнотружущих чистейших крепостных, предназначенных, безусловно, содействовать прихотям одного человека, другая создает из них послушных слуг отечества и закона; она оставляет их людьми и гражданами. Первая годится для деспотов, вторая — для свободных народов. С первой можно победить врагов государства, но одновременно поработить и притеснить граждан; со второй — вернее одолеть внешних врагов и защитить свободу своей страны от врагов внутренних.

С самого начала революции вы постоянно слышали обвинения солдат в неповиновении. Но рассмотрите, прошу вас, какую из этих двух родов дисциплины они нарушили; быть может, ту, которая состоит в точном выполнении воинских обязанностей? Нет, нашу армию никогда не упрекали в отказе от них и даже со справедливым восхищением отмечали, что те корпуса, которые имели гражданские разногласия со своими начальниками, проявляли благородство тем, что противопоставляли их клевете шепетильную точность при соблюдении всех своих обязанностей. Они нарушили ту дисциплину, которая представляет собой пассивную и слепую покорность воле старшего даже в том, что совершенно чуждо отношениям солдата с начальником, да что я говорю, в том, что им, безусловно, возбранялось самыми священными интересами отечества. Главным их преступлением против этой дисциплины был благородный отказ служить делу наших прежних тиранов против нации и обагрять свои руки кровью народа и его первых представителей; прочими преступлениями были либо законные, либо похвальные поступки, достойные нового отечества, которое они создали. Им вменялось в преступление то ношение священного значка завоеванной свободы, то пение гимна, столь любимого добрыми гражданами, то участие в наших народных танцах и в веселье народа во время невинных празднеств, устроенных в честь отечества; их хотели оставить изолированными от нации, часть которой они составляли, чуждыми чувствам и правам свободы, которая являлась их делом. Таковы были истинные причины распрей солдат с их офицерами. Предлогом было слово «неповиновение». Малейшее упущение в личной службе, которое с трудом заметили бы при старом режиме, преувеличивалось, приписывалось всей армии. Почти никогда не дерзали еще подробно изложить эти факты. Да что говорить! Таков был недостаток гражданственности и даже невежество их обвинителей, что последние не колебались открыто сознаваться в том, что они вменяют солдатам в обязанность снятие с себя трехцветной ленты и воспрепятствуют всякое проявление патриотических чувств, как только их офицеры прикажут об этом. Весь этот громкий процесс между теми и другими был не чем иным, как войной деспотизма и аристократии против народа и нарождающейся свободы. О, кто бы этому поверил! Этот процесс был решен в пользу первых. И не удивительно! Деспотизм и аристократия были одновременно обвинителями, судьями и сторонами. Сколько раз представители народа бессознательно способствовали их гибельным

планам! Я видел, как министр-заговорщик и враждебные революции патриции обвинили главных защитников свободы; и в тот же миг на основании их слов Учредительное собрание с быстротой молнии выпустило декрет о проскрипции; я видел, как оно в своем роковом заблуждении посылало смерть своим спасителям; я видел это; и среди убийственных воплей невежества и клеветы мой слабый голос не мог быть услышан! Я видел, что за дело революции шестьдесят тысяч героев отечества были позорно изгнаны произвольными приказами и чудовищными приговорами. Я видел, что в их лице тяжко оскорбляли народ, преследовали свободу, наказывали, как преступление, патриотизм, нарушали новые, и даже деспотические, законы; народные представители видели это; и они это допустили! Они слышали горестные жалобы наших защитников, и они им не вняли! Их обвинители были признанными изменниками; они трусливо покинули свои знамена, напрасно пытались вовлечь солдат в свою измену; они подняли знамя восстания, присоединились к австрийским деспотам, чтобы растерзать сердце своего отечества; те, кто остались среди нас, не внушают больше доверия просвещенным гражданам и ничто не смогло еще открыть нам глаза. А на солдат продолжали клеветать, их не переставали преследовать, солдат, верных дисциплине, верных отечеству, считали мятежниками; мятежных же и вероломных офицеров щадили, почти уважали. О, позор человеческого разума! О, бесчестие моего отечества! Ни один заговорщик не искупил еще величайшего из всех злодеяний, а за слабость, малейшее заблуждение народа, да что я говорю, за чистейшую и пламеннейшую преданность отечеству отплатили казнями и резней; и как будто недостаточно было заклания этого множества внушающих сочувствие жертв, их усопшим душам нанесли еще оскорбление гражданскими венцами, пожалованными их палачам; память об этих кровавых трагедиях постарались обессмертить гнусными памятниками и кощунственными празднествами

О равенство, о свобода, о справедливость! Неужели же вы только пустые названия?

Я уже вижу, как изнемогаете вы повсюду под железным скипетром военного деспотизма. Все другие власти, существовавшие до революции, пали, он один уцелел, для него одного были сохранены опасные различия, отмененные новой Конституцией, для него уже в наших пограничных селениях власть народных магистратов была поколеблена, для него идолопоклонство готовит победы, отечество расточает свои последние средства, законы и сама Конституция молчат; он уже является властителем судеб государства. Законодатели! Пора подумать о защите вас самих от огромной власти военного деспотизма, которую не перестают усиливать; пусть научит вас история революций; посмотрите, как у наших соседей он нагло пользуется призраком сената для тор-

жественного объявления своих прихотей и один возвышается везде на развалинах национального суверенитета. Никогда обстоятельства, окружающие вас, не были более благоприятны для его честолюбия. Вы с давних пор, по-видимому, играете с этим чудовищем; народ, очень мало просвещенный, смотрит на его рост почти без тревоги. Это чудовище кажется теперь ласковым с вами, но бойтесь, как бы оно не стало скоро достаточно сильным, для того чтобы растерзать вас, ибо с этой минуты вы перестанете существовать.

МНЕНИЕ О СУДЕ НАД ЛЮДОВИКОМ XVI

В октябре 1792 года Конвент начал обсуждение вопроса о привлечении низложенного короля Людовика XVI к уголовной ответственности. Конвенту были доложены материалы о совершенных Людовиком преступлениях и сформулированы юридические основания его ответственности за эти преступления. Эти доклады вызвали ожесточенные прения. На первом этапе процесса над Людовиком основное внимание депутатов сосредоточилось на вопросе о том, подлежит ли бывший король суду за совершенные им преступления. Робеспьер три раза выступал в Конвенте по поводу суда над Людовиком.

«Opinion sur le jugement de Louis XVI» — первая речь, произнесенная Робеспьером в Национальном конвенте 3 декабря 1792 г. и изданная Национальной типографией в том же году, 12 стр. in-8, под заголовком «Convention nationale. Opinion de Maximilien Robespierre, Depute du departement de Paris, sur le jugement de Louis XVI; imprime par ordre de la Convention nationale.»

Перевод сделан из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1908.

Граждане! Собрание незаметно для себя отклонилось от сущности вопроса. Здесь незачем возбуждать процесс. Людовик — не обвиняемый. Вы — не судьи; вы — государственные деятели и представители нации, ничем иным вы не можете быть. Вам предстоит не вынести обвинительный или оправдательный приговор человеку, а принять меру общественного спасения, сыграть роль национального провидения. Низложенный король годен в республике лишь на два дела: либо нарушать спокойствие государства и потрясать свободу, либо способствовать их укреплению. Я же утверждаю, что характер, который принимало до сих пор ваше обсуждение, как раз противоречит этой цели. В самом деле, как предписывает действовать здравая политика для укрепления нарождающейся республики? Она предписывает глубоко внедрить в сердца презрение к королевской власти и привести в замешательство всех сторонников короля. Следовательно, представить миру его преступление в качестве проблемы, его дело — в качестве предмета самого внушительного, самого благоговейного, самого трудного обсуждения, которое когда-либо занимало представителей французского народа; установить неизмеримое расстояние между одним воспоминанием о том, чем он был, и достоинством гражданина — это именно и есть тайный способ сделать его опасным для свободы.

Робеспьер здесь имеет в виду жестокую расправу с восстанием в Нанси 28–31 августа 1790 г., произведенную карательным отрядом генерала Буйе и роялистскими офицерами.

Людовик был королем, а теперь основана республика. Одни лишь эти слова решают пресловутый вопрос, который вас занимает. Людовик свергнут с престола за свои преступления; Людовик объявил французский народ мятежным, для его наказания он призвал оружие своих собратьев-тиранов; победа и народ решили, что мятежником был он один. Следовательно, Людовик не может быть судим; он уже осужден, или Республика не оправдана. Предлагать, чтобы Людовик XVI был каким бы то ни было образом предан суду, значит вернуться назад к королевскому и конституционному деспотизму; это идея контрреволюционна, ибо она делает спорной самую революцию. В самом деле, если Людовика еще можно судить, то он может быть и оправдан, он может оказаться невиновным; да что говорить, до суда он предполагается таковым. Но если Людовик оправдан, если Людовик может быть сочтен невиновным, то что будет тогда с революцией? Если Людовик невиновен, то все защитники свободы превращаются тем самым в клеветников, а мятежники становятся поборниками истины и защитниками угнетенной невинности; все манифесты ^{*****} иностранных дворов являются тогда законными протестами против господствующей фракции. Даже заключение, которому до настоящего момента подвергался Людовик, является несправедливым притеснением; федераты, парижский народ, все патриоты Франции оказываются виновными; и этот великий процесс, ведущийся в трибунале природы, процесс между преступлением и добродетелью, между свободой и тиранией решается, наконец, в пользу преступления и тирании.

Берегитесь, граждане, вас вводят здесь в заблуждение ложные понятия. Вы смешиваете принципы гражданского и положительного права с принципами международного права; вы смешиваете отношения граждан между собою с отношением наций к врагу, строящему козни против них. Вы смешиваете также положение Народа в революционный период с положением народа, обладающего твердым правительством.

Вы смешиваете нацию, сохраняющую форму правления и наказывающую публичное должностное лицо, и нацию, уничтожающую само правление. Мы относим к области знакомых нам понятий необычайный случай, связанный с принципами, которые мы никогда не применяли; таким образом, благодаря привычке к тому, что преступления, свидетелями которых мы являемся, судятся по однообразным правилам, мы естественно склонны думать, что нации ни в коем случае не могут со справедливостью судить по-другому человека, нарушившего их права; там, где мы не видим ни присяжного, ни трибунала, ни судебной процедуры, мы не находим и правосудия. Самые эти термины, которые мы применяем к понятиям, отличным от тех, которые они выражают в обычном употреблении, довершают наше

***** В августе 1791 г. — июле 1792 г. прусским королем и австрийским императором, прусским герцогом Брауншвейгским, французскими эмигрантами во главе с братьями Людовика XVI были изданы «манифесты», направленные против французской революции (так называемые пильницкий, кобленцкий, брауншвейгский манифесты).

заблуждение. Такова естественная власть привычки, что на самые произвольные условности, порой даже на самые несовершенные установления, мы смотрим как на абсолютное правило истины или лжи, справедливости или несправедливости. Мы даже не думаем о том, что большинство неизбежно придерживается еще предрассудков, в которых воспитал нас деспотизм. Мы так долго сгибались под его игом, что с трудом поднимаемся к вечным принципам разума, что все восходящее к этому священному источнику всех законов, принимает в наших глазах незаконный характер, и даже естественный порядок кажется нам беспорядком. Величественные движения великого народа, возвышенные порывы добродетели часто представляются нашим робким очам вулканическими извержениями или ниспровержением политического общества; и это противоречие между мягкостью наших нравов, испорченностью наших умов и чистотой принципов, твердостью характеров, предполагающих свободное правительство, на название которого мы осмеливаемся претендовать, конечно, немаловажная причина раздирающих нас смут.

Когда нация бывает вынуждена прибегнуть к праву восстания, она возвращается к первобытному состоянию по отношению к тирану. Как мог бы он сослаться на общественный договор? Ведь он его уничтожил. В том, что касается отношений граждан между собой, нация может, если пожелает, сохранить еще этот договор, но по отношению к тирану он полностью утрачивает силу после восстания и заменяется военным положением. Суды, судебные процедуры созданы лишь для членов гражданского общества.

Предположение о том, что старая Конституция может направлять этот новый порядок вещей, было бы грубо ошибочным; оно означало бы, что она пережила самую себя. Какие же законы заменяют Конституцию? Ее заменяют законы природы; ее заменяет закон, являющийся основой самого общества и народного блага; право наказать тирана и право свергнуть его с престола — это одно и то же. И то, и другое выливается в одинаковые формы. Процесс тирана — это восстание, приговор ему — падение его власти, наказание его — это то, чего требует народная свобода.

Народы судят не так, как судебные палаты: они не выносят приговоров, они поражают, как молния; они не осуждают королей, они погружают их в небытие; и это правосудие не уступает правосудию судов. Если народы восстают против угнетателей для своего спасения, то могут ли они применить к ним такой род наказания, который грозил бы новой опасностью самим этим народам?

Мы введены в заблуждение примерами других стран, не имеющих ничего общего с нами. Если Кромвель судил Карла I в судебной комиссии, которая находилась в его распоряжении, если Елизавета таким же образом осудила Марию Шотландскую, то это естественно: тираны, приносящие себе подобных в жертву не народу, а своему властолюбию, стремятся обмануть простонародье призрачными формами; здесь речь идет не о принципах, не о свободе, а о плутовстве и интриге. Но народ —

какому другому закону может он следовать, если не справедливости и разуму, поддерживаемым его всемогуществом?

В какой республике необходимость наказать тирана была спорной? Был ли призван к суду Тарквиний? Что сказали бы в Риме, если бы римляне посмели объявить себя его защитниками? А что делаем мы? Мы со всех сторон сзываем адвокатов для защиты Людовика XVI; мы санкционируем как законные акты то, что у всякого свободного народа рассматривалось бы как величайшее преступление; мы сами побуждаем граждан к низости и разврату; мы способны со временем пожаловать гражданские венцы защитникам Людовика, ибо, защищая его дело, они могут надеяться его выиграть; иначе вы показали бы миру лишь смешную комедию; и мы смеем говорить о республике! Мы взываем к формальностям потому, что у нас нет принципов; мы приписываем себе мягкость потому, что нам не достает энергии; мы кичимся ложной гуманностью, потому что чувство истинной гуманности нам чуждо; мы благоговеем перед тенью короля, потому что мы не умеем уважать народ; мы мягки к угнетателям, потому что мы не имеем никакого сострадания к угнетенным.

Процесс Людовика XVI! Но что такое этот процесс, если не апелляция восстания к какому-либо трибуналу или к какому-нибудь собранию? Когда король уничтожен народом, кто вправе воскрешать его для создания из него нового предлога смуты и мятежа и какие иные последствия может вызвать подобный образ действия? Открывая поле деятельности для поборников Людовика XVI, вы возобновляете борьбу деспотизма против свободы, вы позволяете поносить республику и народ, ибо право защищать бывшего деспота влечет за собой право говорить все, что относится к его делу. Вы восстанавливаете все фракции, вы оживляете, вы ободряете усыпленный роялизм; вы предоставляете возможность свободно высказываться за или против. Что может быть законнее, что может быть естественнее, чем повторить повсюду те положения, которых смогут открыто придерживаться его защитники на вашем суде и даже на вашей трибуне! Хороша республика, основатели которой со всех сторон создают ей противников, чтобы напасть на нее еще в колыбели! Посмотрите, какие быстрые успехи уже сделала эта система.

В течение минувшего августа все сторонники королевской власти скрывались; всякий, кто осмелился бы защищать Людовика XVI, был бы наказан как изменник. Ныне они безнаказанно поднимают свою дерзкую голову; ныне самые обесславленные писатели аристократии снова уверенно берутся за свои отравленные перья или находят последователей, превосходящих их бесстыдством; ныне дерзновенные писания наводняют город, где вы находитесь, восемьдесят три департамента и даже портик этого святилища свободы; ныне вооруженные люди, прибывшие без вашего ведома и вопреки законам, оглашают улицы этого города мятежными криками, требующими безнаказанности Людовика XVI; ныне Париж таит в своих недрах людей, собранных, говорят вам, для того, чтобы спасти Людовика XVI от

правосудия нации. Вам остается только открыть этот зал атлетам, которые уже толпятся вокруг, чтобы добиться чести ломать копья во славу королевской власти. Да что я говорю? Ныне Людовик разъединяет даже представителей народа: одни высказываются за, другие — против него. Кто мог бы предположить еще два месяца тому назад, что вопрос о его неприкосновенности станет спорным? Но с той поры, как один из членов Национального конвента предложил серьезно обсудить эту идею, прежде чем перейти к другим вопросам, неприкосновенность, которой заговорщики Учредительного собрания прикрыли первые клятвопреступления короля, была призвана для защиты его последних посягательств. О преступление! О позор! Трибуна французского народа огласилась панегириком в честь Людовика XVI; мы слышали восхваление добродетелей и благодеяний тирана! Мы с трудом смогли спасти честь или свободу лучших граждан от несправедливости поспешного решения. Да что говорить! Мы видели, с какой постыдной радостью принята была самая ужасная клевета на представителей народа, известных своим рвением к свободе. Мы видели, как одна часть этого собрания была изгнана другою почти тотчас же после совместного доноса глупости и испорченности. И только дело тирана столь священо, что обсуждение его не может быть ни достаточно долгим, ни достаточно свободным; да и что тут удивительного? Это двоякое явление зависит от одной и той же причины. Те, кто участливо относятся к Людовику или к ему подобным, должны жаждать крови депутатов-патриотов, которые во второй раз требуют его наказания; они могут помиловать лишь тех, кто смягчился в его пользу. Был ли хоть на одно мгновение оставлен проект порабощения народа путем избиения его защитников? И не должны ли все те, кто изгоняет их ныне под кличкой анархистов и бунтовщиков, сами вызвать смуту, которую предвещает нам их вероломная система? Если верить им, то процесс продлится по крайней мере несколько месяцев, он протянется до будущей весны, когда деспоты должны дать нам генеральный бой. А какой широкий простор для заговорщиков! Какая пища для интриги и аристократии! Таким образом, все приверженцы тирании смогут еще надеяться на помощь своих союзников, а иностранные армии смогут поддерживать смелость контрреволюционеров, в то время как их золото будет искушать верность суда, который должен решить участь короля. Праведное небо! Дикие орды деспотизма снова готовятся терзать наше отечество во имя Людовика XVI! Людовик продолжает бороться против нас из глубины своей темницы, а тут сомневаются, виновен ли он, можно ли поступить с ним, как с врагом! Я все еще хочу верить, что республика не пустой звук, которым нас забавляют; но какие же иные средства могли бы употребить те, которые хотели бы восстановить королевскую власть?

У нас ссылаются в защиту короля на Конституцию. Я остерегусь повторять здесь все доводы, изложенные теми, кто соизволили оспаривать этот род возражения.

Я скажу об этом лишь пару слов для тех, кого эти доводы не могли бы убедить. Конституция запрещала вам все то, что вы сделали. Если единственным наказанием для короля могло быть низложение, то вы не

имели права низложить его без суда над ним. Вы не имели никакого права держать его в тюрьме. Он вправе требовать от вас своего освобождения и вознаграждения за убытки. Конституция вас осуждает; падите же к ногам Людовика XVI и взывайте к его милосердию.

Что касается меня, то я постыдился бы более серьезно обсуждать эти конституционные тонкости, я отсылаю их на школьные скамьи, в залу суда или еще лучше в кабинеты Лондона, Вены и Берлина. Я не умею долго обсуждать, когда убежден, что обсуждение поведет к скандалу.

Это — важное дело, говорят нам, и его надо решать с разумной и медленной осмотрительностью. Это мы создали из него важное дело! Да что я говорю? Это вы создали из него дело. Что важного находите вы в нем? Быть может, его трудность? Нет. Быть может, важность особы? В глазах свободы нет человека более низкого; в глазах человечества нет человека более виновного. Он может внушать еще почтение лишь тем, кто подлее его. Быть может, полезность результата? Но это — только лишний довод к его ускорению. Важное дело — это проект народного закона; важное дело — это дело какого-нибудь несчастного человека, угнетенного деспотизмом. Чем вызываются эти бесконечные отсрочки, которые вы нам предлагаете? Неужели вы боитесь оскорбить мнение народа? Как будто бы сам народ боится чего-нибудь, кроме слабости или честолюбия своих уполномоченных; как будто бы народ — презренная толпа рабов, бессмысленно преданная тупому, изгнанному ею тирану и желающая во что бы то ни стало погрязать в низости и рабстве. Вы говорите о мнении, но разве не вам надлежит направлять его, поддерживать его? Если оно заблуждается, если оно извращается, то кого следует в этом винить, как не вас самих? Может быть, вы боитесь иноземных королей, объединившихся против вас? О, конечно, верный способ победить их — это показать свой страх перед ними! Верное средство привести деспотов в замешательство — это пощадить их сообщника! А быть может, вы боитесь иноземных народов? Вы, значит, верите еще во врожденную любовь к тирании. Так зачем же стремитесь вы к славе, которую приносит освобождение человеческого рода? По какому странному противоречию предполагаете вы, что нации, которые несколько не были поражены провозглашением прав человечества, придут в ужас от наказания одного из самых жестоких его угнетателей? Наконец, говорят, вы страшитесь мнения последующих поколений. Да, действительно, последующие поколения будут удивляться нашей непоследовательности и нашей слабости, а наши потомки будут смеяться над этим предположением и вместе с тем над предрассудками своих отцов. Нам сказали, что для изучения этого вопроса требуется гениальность. Я же утверждаю, что нужна лишь добросовестность. Речь идет гораздо меньше о том, чтобы просвещать себя, чем о том, чтобы не обманывать себя добровольно. Почему то, что кажется нам ясным в одно время, кажется нам непонятным в другое? Почему то, что легко разрешается здравым смыслом народа, превращается для его уполномоченных в почти неразрешимую проблему? Вправе ли мы иметь волю, противную общей воле, и разум, отличный от всеобщего разума?

Я слышал, как защитники неприкосновенности короля выдвигали смелую точку зрения, которую я, пожалуй, поколебался бы высказать сам. Они утверждали, что те, кто 10 августа умертвили бы Людовика XVI, совершили бы добродетельный поступок; но такое мнение могло основываться лишь на преступлениях Людовика XVI и правах народа. А разве трехмесячный срок изменил его преступления или права народа? Если его спасли тогда от общественного негодования, то, конечно, единственно для того, чтобы его наказание, торжественно постановленное Национальным конвентом от имени нации, больше внушило страха врагам человечества, но снова обсуждать вопрос о том, виновен ли он или может ли он быть наказан, — это значит изменять французскому народу. Возможно, что есть люди, которые либо для того, чтобы унизить достоинство Собрания, либо для того, чтобы лишить нации примера, который вознес бы души на высоту республиканских принципов, либо по еще более постыдным мотивам, были бы не прочь, чтобы функции национального правосудия были осуществлены рукой частного лица. Граждане, остерегайтесь этой западни; всякий, кто посмел бы дать такой совет, послужил бы лишь врагам народа. Во всяком случае наказание Людовика может иметь значение лишь постольку, поскольку оно будет носить торжественный характер общественного мщения. Какое дело народу до презренной личности последнего короля?

Представители! Выполнить долг, возложенный на вас народом, важно как для него, так и для вас самих. Республика объявлена, но дали ли вы ее нам на деле? Вы не издали еще ни одного закона, оправдывающего это название, вы не искоренили еще ни одного злоупотребления деспотизма; отбросьте названия — у нас еще полностью существует тирания и, вдобавок, еще более низкие группировки, и еще более безнравственные шарлатаны, сеющие новые семена смуты и гражданской войны. Республика! Людовик еще жив! А вы ставите еще личность короля между нами и свободой! Побоймся же сделаться преступниками благодаря сомнениям нашей совести. Побоймся, проявляя излишнюю снисходительность к виновному, сами поставить себя на его место.

Возникает новое затруднение. К какому наказанию приговорим мы Людовика? Смертная казнь слишком жестока. Нет, возражает другой, жизнь еще более жестока; я требую, чтобы он жил. Защитники короля, из сострадания или из жестокости, хотите вы избавить его от наказания за его преступления? Что касается меня, то мне омерзительна смертная казнь, расточаемая вашими законами, и я не питаю к Людовику ни любви, ни ненависти, я ненавижу лишь его злодеяния. Я требовал отмены смертной казни от Собрания, которое вы до сих пор называете Учредительным; и не моя вина, если основные принципы разума показались ему моральной и политической ересью. Но вы, никогда не думавшие ссылаться на них в защиту стольких несчастных, преступления которых являются в гораздо меньшей степени их личными преступлениями, чем преступления правительства, — по какому злому року вспоминаете вы о них только для защиты величайшего из

преступников? Вы требуете изъятия из закона о смертной казни для того, кто один лишь и может оправдать его. Да, вообще смертная казнь — преступление, и по тому только соображению, что согласно нерушимым принципам природы она может быть оправдана лишь в тех случаях, когда она необходима для безопасности людей или общества. А общественная безопасность никогда не требует смертной казни за обыкновенные преступления, ибо общество всегда может предупредить их другими средствами и поставить виновного в невозможность вредить ему. Но когда король свергнут с престола революцией, которая далеко еще не упрочена справедливыми законами, когда одно имя его навлекает бич войны на восставшую нацию, тогда ни тюрьма, ни изгнание не могут сделать существование короля безразличным для общественного блага. И это жестокое исключение из обычных законов, которое признается правосудием, может быть объяснено лишь самой природой его преступлений. С прискорбием произношу я эту роковую истину, но Людовик должен умереть, потому что отечество должно жить. Мирный, свободный народ, почитаемый внутри, как и извне, мог бы внять советам о великодушии, но народ, у которого еще оспаривают свободу после стольких жертв и такой упорной борьбы, народ, у которого законы еще неумолимы лишь в отношении несчастных, народ, у которого преступления тирании являются предметом спора, — подобный народ должен требовать мести; и великодушие, которым вас прельщают, слишком походило бы на великодушие шайки разбойников, делящих между собой добычу.

Предлагаю вам немедленно вынести постановление об участии Людовика. Что касается его жены, вы предадите ее суду так же, как и всех лиц, обвиняемых в таких же посягательствах. Сын его не покинет Тампля до тех пор, пока не укрепится мир и общественная свобода. Что касается Людовика, я требую чтобы Национальный конвент немедленно объявил его изменником французской нации, преступником против человечества, я требую, чтобы на этом основании он дал поучительный пример миру на том самом месте, где 10 августа погибли благородные мученики свободы ^{*****}, и чтобы в честь этого памятного события был сооружен монумент, предназначенный поддерживать в душе народов сознание своих прав и отвращение к тиранам, а в душе тиранов — спасительный страх перед народным правосудием.

ВТОРАЯ РЕЧЬ О СУДЕ НАД ЛЮДОВИКОМ XVI

3 декабря 1792 г. Конвент принял декрет о предании суду Людовика XVI. Его дело слушалось Конвентом. Процесс Людовика проходил в условиях ожесточеннейшей борьбы между якобинцами и жирондистами, которые стремились любыми средствами спасти жизнь короля. Народные массы требовали казни Людовика. 14 января 1793 г. Конвент прекратил прения по его делу и поставил на

голосование три вопроса: виновен ли Людовик XVI, будет ли решение Конвента обсуждаться народом и какого наказания заслуживает Людовик. Признав Людовика виновным в предъявленных ему обвинениях «в злоумышлении против свободы нации и общей безопасности государства» и отвергнув предложение о всенародном обсуждении, Конвент приступил к поименному голосованию меры наказания. Большинство голосов Людовик был приговорен к казни, которая была приведена в исполнение 21 января 1793 г.

Приводимая ниже речь Робеспьера была произнесена в Национальном конвенте 28 декабря 1792 г. в период небольшого обострения борьбы между якобинцами и жирондистами. Эта речь сыграла выдающуюся роль в решении судьбы бывшего короля.

Следует отметить, что при поименном голосовании меры наказания многие депутаты выступали по мотивам голосования. В своей краткой речи по этому поводу Робеспьер, между прочим, сказал: «Я не признаю той гуманности, которая убивает народ и прощает деспотам. Чувство, побудившее меня потребовать — хотя и тщетно — в Учредительном собрании отмены смертной казни, есть то самое чувство, которое вынуждает меня сегодня настаивать, чтобы ее применили к тирану моей родины и к самой королевской власти в его лице. Я голосую за смертную казнь».

«Second discours sur le jugement de Louis Capet» — вторая речь Робеспьера о суде над Людовиком XVI, переведена из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1910.

Граждане, по какому злому року вопрос, который, казалось бы, должен был легче всего объединить все голоса и все интересы народных представителей, является лишь сигналом раздоров и бурь? Почему основатели республики разошлись во взглядах на наказание тирана? Я убежден, тем не менее, что все мы одинаково проникнуты отвращением к деспотизму и пламенным рвением к святому равенству; из этого я заключаю, что нам легко будет достигнуть принципов общественной пользы и вечной справедливости.

Я не буду повторять, что есть священные формы, отличные от судебных, что есть нерушимые принципы, стоящие выше рубрик, освященных привычкой и предрассудками, что истинный суд над королем — это стихийное и всеобъемлющее движение уставшего от тирании народа, который разбивает скипетр, вырванный из рук угнетающего его тирана, что этот суд — самый верный, самый справедливый и самый настоящий из всех судов. Я не стану повторять вам, что Людовик был уже осужден до издания декрета, в котором вы постановили, что будете судить его; я хочу рассуждать здесь лишь в рамках общепризнанной системы. Я мог бы даже прибавить, что разделяю с самым бесхарактерным из вас все его личные чувства, могущие внушить участие к судьбе обвиняемого. Неумолимый, когда речь идет об абстрактном определении степени строгости, которую справедливость законов должна проявлять к врагам гуманности, я почувствовал, как при виде виновного, униженного перед верховной властью народа, поколебалась в моей душе

***** Речь идет о французских патриотах, погибших при взятии Тюльерийского дворца в день свержения монархии 10 августа 1792 г.

республиканская добродетель. Ненависть к тиранам и любовь к человечеству имеют общий источник в сердце справедливого человека, любящего свою страну. Но, граждане, высшее доказательство преданности, какое народные представители должны дать отечеству, состоит в том, чтобы приносить первые побуждения естественной чувствительности в жертву благу великого народа и угнетенного человечества. Граждане, чувствительность, приносящая невинность в жертву преступлению, это — жестокая чувствительность, милосердие, примиряющееся с тиранией, — варварское милосердие.

Граждане, я напоминаю вам о высших интересах общественного блага. Что побуждает вас заниматься Людовиком? Это не жажда мести, недостойная нации, это необходимость скрепить свободу и общественное спокойствие посредством наказания тирана. Следовательно, всякий способ суда над ним всякая система судопроизводства, основанная на медлительности, нарушающей общественное спокойствие, прямо противоречит вашей цели; лучше бы вам совсем оставить заботу о его наказании, чем делать из его процесса источник смут и начало гражданской войны. Каждая минута промедления приносит нам новую опасность, все отсрочки пробуждают преступные надежды, поощряют дерзость врагов свободы, питают мрачное недоверие, жестокие подозрения в среде этого Собрания; граждане, голос встревоженного отечества умоляет вас ускорить то решение, которое должно его успокоить. Какое же сомнение еще сковывает ваше рвение? Я не нахожу поводов к нему ни в принципах друзей человечества, ни в принципах философов и государственных деятелей, ни даже в принципах самых тонких и требовательных практиков. Судопроизводство достигло своей высшей точки. Третьего дня подсудимый заявил вам, что ему больше нечего сказать в свою защиту; он признал, что все желательные формальности соблюдены, и объявил, что не требует никаких других. Тот момент, когда он выступил со своей оправдательной речью, является самым благоприятным для его дела. Нет в мире суда, который не принял бы со спокойной совестью подобного порядка. Какой-нибудь несчастный, застигнутый на месте преступления, или обвиняемый только в обыкновенном преступлении на основании доказательств, в тысячу раз менее очевидных, был бы осужден в двадцать четыре часа. Основатели республики, согласно этим принципам вы могли бы давно без колебаний судить тирана французского народа. Каков же был мотив новой отсрочки? Хотели ли вы приобрести новые письменные доказательства против обвиняемого? Нет. Хотели ли вы допросить свидетелей? Эта мысль не приходила еще в голову никому из нас. Сомневались ли вы в преступлении? Нет. Это значило бы, что вы сомневаетесь в законности или необходимости восстания, что вы сомневаетесь в том, во что твердо верит нация, что вы чужды нашей революции и что вы, далекие от наказания тирана, возбуждаете дело против самой нации. Третьего дня единственным мотивом, приводимым для отсрочки решения по этому делу, была необходимость успокоить совесть членов Собрания, якобы еще не убежденных в преступлениях Людовика. Это неосновательное,

оскорбительное и нелепое предположение было опровергнуто самими прениями. Граждане, здесь важно бросить взгляд на прошлое и напомнить вам ваши собственные принципы и даже ваши собственные обязательства. Пораженные величием интересов, о которых я только что вам напомнил, вы уже дважды в двух торжественных декретах определяли крайний срок для суда над Людовиком; третьего дня истек второй из этих сроков. При издании каждого из этих декретов вы обещали, что это будет последняя отсрочка; и, далекие от мысли, что вы нарушали этим справедливость и мудрость, вы скорее склонны были упрекать себя в излишней снисходительности. Ошибались ли вы тогда? Нет, граждане, в первые мгновения ваши взгляды были более здоровыми, а ваши принципы более твердыми; чем больше вы дадите втянуть себя в эту систему, тем больше вы утратите свою энергию и мудрость, тем больше воля народных представителей, введенная, может быть, даже без их ведома в заблуждение, разойдется с общей волей, которая должна быть их высшим регулятором. Таков, надо сказать, естественный ход вещей, такова несчастная склонность человеческого сердца. Я не могу не напомнить вам здесь поразительный пример, аналогичный настоящим обстоятельством, который должен научить нас. Когда Людовик по возвращении из Варенн был подвергнут суду первых народных представителей, то в Учредительном Собрании поднялся против него всеобщий крик возмущения; он был единодушно осужден. Но вскоре после этого взгляды переменялись, софизмы и интриги одержали верх над свободой и справедливостью; требовать с трибуны Национального собрания всей строгости законов в отношении короля стало преступлением; те, кто ныне вторично требуют от вас наказания за его посягательства, подвергались тогда гонениям, ссылкам, клевете во всей Франции, и именно потому, что они, в очень незначительном числе, оставались верными общественному делу и строгим принципам свободы; один только Людовик являлся священным; народные же представители, которые его обвиняли, были лишь мятежниками, дезорганизаторами и, что еще хуже, республиканцами. Да что я говорю! Кровь лучших граждан, кровь женщин и детей лилась из-за него на алтарь отечества. Граждане, ведь и мы тоже люди, постараемся же воспользоваться опытом наших предшественников.

Однако я не поверил в необходимость предложенного вам декрета о безотлагательном вынесении приговора. Это не означает, что меня убедили те, кто считали, что эта мера могла бы опорочить правосудие или принципы Национального конвента. Нет, даже видя в вас только судей, можно было легко оправдать подобную меру весьма нравственным соображением — стремлением избавить судей от всякого постороннего влияния, обеспечить их беспристрастие и неподкупность, оставив их наедине со своей совестью и доказательствами вплоть до вынесения ими приговора.

Таков именно мотив английского закона, который подвергает присяжных подобному же стеснению; таков был закон, принятый у многих народов, известных своей мудростью; подобный образ действий

так же не опозорил бы вас, как не позорит он Англию и другие нации, придерживающиеся таких же правил; но я лично считаю его излишним, ибо убежден в том, что решение этого дела не затянется дольше того срока, когда вам все станет ясным, и что ваше рвение к общественному благу является для вас более повелительным законом, чем ваши декреты.

Впрочем, возразить против вышеприведенных соображений было трудно; но для того, чтобы замедлить ваш суд, вам стали говорить о чести нации, о достоинстве Собрания. Честь нации — это разить тиранов и мстить за униженное человечество! Слава Национального конвента состоит в том, чтобы обнаруживать возвышенный характер и приносить рабские предрассудки в жертву спасительным принципам разума и философии; эта слава состоит в том, чтобы спасти отечество и упрочивать свободу великим примером в назидание всему миру. Я вижу, что достоинство Национального конвента исчезает по мере того, как мы пренебрегаем твердостью республиканских правил, чтобы углубляться в лабиринт бесполезных кляуз, и по мере того, как наши ораторы читают народу с этой трибуны новый курс монархии. Последующие поколения будут преклоняться перед вами или презирать вас, в зависимости от той степени твердости, какую проявите вы в данном случае; и эта твердость будет также мерой дерзости или уступчивости иностранных деспотов по отношению к вам; она послужит для нас залогом рабства или свободы, процветания или нищеты. Граждане, победа решит, мятежники ли вы или благодетели человечества; победу же решит возвышенность вашего характера. Граждане, изменить народному делу и своей собственной совести, предать отечество всем беспорядкам, которые повлечет за собой медлительность в подобном процессе, — вот единственная опасность, которой мы должны страшиться. Пора преодолеть роковое препятствие, которое столь долго задерживает нас в самом начале нашего пути; тогда, конечно, мы твердо пойдем вместе к общей цели народного благоденствия; тогда злые страсти, которые слишком часто бушуют в этом святилище свободы, уступят место любви к общественному благу, святому соревнованию друзей отечества и все планы врагов общественного порядка будут разбиты. Но как далеки мы еще от этой цели, если здесь может одержать верх то странное мнение, которое вначале едва смели предположить, которое затем стали подозревать, которое, наконец, было открыто высказано!

Что касается меня, то с этого момента я увидел подтверждение всех моих страхов и подозрений. В первое время нас, казалось, тревожили последствия тех отсрочек, которые мог повлечь за собой самый ход этого дела, а теперь речь идет не более и не менее как о том, чтобы продлить его до бесконечности; мы боялись смут, которые могла вызвать каждая минута промедления; и вот нам, так сказать, гарантируют неизбежное потрясение республики. О, что нам за дело, если гибельное намерение скрывается под видом благоразумия и даже под предлогом уважения к народному суверенитету! Это вероломное искусство было известно всем тиранам, скрывавшимся под маской патриотизма и до сих пор убивавших

свободу и причинявших все наши бедствия. Не софистические декламации, а результаты — вот, что следует принимать во внимание.

Да, я заявляю об этом во всеуслышание: в процессе тирана я вижу отныне лишь средство вернуть нас к деспотизму путем анархии. Призываю в свидетели вас, граждане; в первый момент, когда зашла речь о процессе Людовика последнего, о специальном созыве Национального конвента для суда над ним, когда вы покинули свои департаменты, воодушевленные любовью к свободе, полные того благородного энтузиазма, который внушал и вам новые доказательства доверия великого народа, которого не изменило еще ничье чужое влияние, — да что я говорю, — если бы в первый момент, когда заговорили здесь о необходимости начать это дело, кто-нибудь сказал нам: «Вы думаете, что закончите процесс тирана через одну, две недели, через три месяца, вы ошибаетесь; не вы вынесете ему приговор, не вы будете судить его в последней инстанции; предлагаю вам направить это дело на рассмотрение 44000 секций, из которых состоит французская нация, для того, чтобы все они высказались по этому вопросу; и вы примите это предложение». Вы посмеялись бы над самонадеянностью лица, внесшего предложение, вы отклонили бы его предложение как возбуждающее к бунту и к гражданской войне. Но теперь уверяют, что настроение умов изменилось; влияние зачумленной атмосферы так велико, что даже самые простые и самые естественные мысли часто заглушаются опаснейшими софизмами. Заставьте умолкнуть все предрассудки, все предвзятые мысли, рассмотрим хладнокровно этот странный вопрос.

Итак, вы хотите созвать первичные собрания, чтобы они занялись, каждое в отдельности, участием своего прежнего короля; то есть вы хотите превратить все кантональные собрания, все городские секции в бурные арены, где будет происходить борьба за или против Людовика, за или против королевской власти, ибо существует много людей, для которых разница между деспотом и деспотизмом невелика. Вы гарантируете мне, что дискуссии будут совершенно мирными и свободными от всякого опасного влияния, но гарантируйте мне прежде, что дурные граждане, что умеренные, фельяны и аристократы не найдут туда никакого доступа, что ни один болтливый и коварный адвокат не попытается обмануть чистосердечных людей и вызвать жалость к участи тирана у простаков, неспособных предвидеть политических последствий гибельной снисходительности или необдуманного решения. Но что говорить! Разве эта слабость Собрания, чтобы не употребить более сильного выражения, не будет вернейшим средством для объединения всех роялистов, всех врагов свободы, кем бы они ни были, для привлечения их на те народные собрания, с которых они бежали во время вашего избрания, в тот счастливый период революционного перелома, который придал некоторую силу гибнущей свободе. Почему бы не прийти им защищать своего главу, если сам закон будет призывать всех граждан совершенно свободно обсуждать этот важный вопрос? А кто более осторожен, более ловок, более находчив, чем эти интриганы, эти

«порядочные люди», то есть мошенники старого и даже нового режима? С каким искусством будут они произносить сперва высокопарные речи против короля, а вывод из них делать в его пользу! С каким красноречием провозгласят они суверенитет народа и права человечества, чтобы восстановить затем роялизм и аристократию. Но, граждане, народ ли окажется на этих первичных собраниях? Оставит ли земледелец свое поле? Покинет ли ремесленник работу, поддерживающую его повседневное существование, для того, чтобы перелистывать Уголовный кодекс и обсуждать на шумном собрании род наказания для Людовика Капета и, быть может, немало других вопросов, столь же чуждых кругу его мыслей? Я уже слышал, как по поводу этого самого предложения проводилась разница между народом и нацией. Что касается меня, считавшего эти слова синонимами, то я заметил, что у нас воскрешают старое различие, которое уже проводилось известной частью Учредительного собрания. Я же полагаю, что под словом «народ» нужно понимать всю нацию, за исключением бывших привилегированных и «порядочных людей»^{*****}; итак, я полагаю, что все «порядочные люди», что все интриганы республики смогут объединиться в первичных собраниях, где будет отсутствовать большинство нации, презрительно называемое простонародьем, и увлечь за собой добрых людей, а быть может, даже обозвать верных друзей свободы «людоедами», «дезорганизаторами», «мятежниками». В так называемой апелляции к народу я вижу лишь апелляцию ко всем тайным врагам равенства, продажность и низость которых вызвали необходимость вооруженного восстания; я вижу в ней лишь апелляцию на то, что пожелал народ, на то, что сделал народ в тот момент, когда он выказывал свою силу, в тот единственный момент, когда он выражал свою собственную волю, то есть во время вооруженного восстания 10 августа^{*****}, ибо те, кто стремятся к возбуждению смут, могущих восстановить деспотизм или аристократию, более всего страшатся спасительных движений, порождающих свободу. Но что за нелепая идея, великий боже! Предоставить разбор дела одного человека, — да что я говорю? — половину его дела, трибуналу, составленному из 44000 отдельных трибуналов. Если бы хотели убедить мир, что король является существом, стоящим над человечеством, если бы хотели сделать неизлечимой постыдную болезнь роялизма, то какой более искусный способ можно было бы изобрести, чем созвать 25-миллионную нацию для суда над королем. Да что я говорю? Только для решения вопроса о наказании его; и мысль о сведении функций суверена к праву определения наказания не является, конечно, наименее удачной идеей

***** Робеспьер имеет в виду Лафайета, который после патриотической демонстрации народных масс в Тюильрийском дворце 20 июня 1792 г. явился в Законодательное собрание и от имени «всех порядочных людей» требовал сурового наказания виновников демонстрации, а также разгона якобинского клуба.

***** Имеется в виду революция 10 августа 1792 г., приведшая к крушению монархии.

этого плана. Авторы его хотели, очевидно, избежать некоторых возможных возражений. Они поняли, что мысль о возбуждении судебной процедуры во всех первичных собраниях французского государства слишком смешна, и решили внести на их рассмотрение исключительно вопрос о том, какой степени строгости заслуживало преступление Людовика XVI; но этим они добились лишь увеличения числа нелепостей, нисколько не уменьшив числа неудобств. Действительно, если часть дела о Людовике передается суверену, то кто может помешать ему рассмотреть это дело полностью? Кто может оспорить у него право пересмотра дела, принятия докладных записок, заслушивания защиты обвиняемого, допущения просьбы о помиловании и, следовательно, разбора всего дела? Неужели вы думаете, что лицемерные сторонники системы, враждебной равенству, не выставят этих соображений и не потребуют полного осуществления прав суверенитета? И вот в каждом первичном собрании начнется судебная процедура. Но даже и тогда, если она сведется к вопросу о наказании, неизбежно возникнут прения. А кто не подумает, что вправе обсуждать дело вечно, если даже Конвент не посмел решить его сам? Кто может указать срок, когда это важное дело будет окончено? Быстрота окончания его будет зависеть от интриг, которые возникнут в каждой из различных секций Франции, от расторопности или медлительности, с которыми будут собраны голоса в первичных собраниях, от небрежности или усердия, от пристрастия или беспристрастия, с которыми они будут проверены директориями и переданы Национальному конвенту, который составит список. А между тем война с чужими странами еще не кончена; приближается то время, когда все деспоты — союзники или сообщники Людовика XVI направят все свои силы против нарождающейся республики; и они застанут нацию за обсуждением участи Людовика XVI! Они застанут ее за решением вопроса о том, заслужил ли он смерть, за изучением уголовного кодекса или обсуждением оснований для снисходительного или строгого обращения с ним. Они застигнут ее врасплох истощенной, изнуренной постыдными раздорами. Если неустрашимые друзья свободы, преследуемые ныне с такой яростью, останутся еще в живых, то тогда у них найдется кое-что получше препирательств по тому или другому судебному вопросу; им придется поспешить на защиту отечества, им придется предоставить трибуну и место для собраний, превращенные в поприще крючкотворов, естественным друзьям королевской власти — богачам, эгоистам, подлым и слабохарактерным людям, всем поборникам фельянтизма и аристократии. Как? Разве граждане, сражающиеся ныне за свободу, разве все наши братья, покинувшие своих жен и детей, чтобы спешить ей на помощь, смогут заседать в ваших городах и на ваших собраниях, если они будут находиться в наших лагерях или на поле битвы? А кто же больше их вправе решать спор между тиранией и свободой? Разве мирные горожане могут решить его в их отсутствие? Да что я говорю, разве это дело — не их дело прежде всего? Не наши ли отважные солдаты линейных войск с первых же дней революции пренебрегали кровавыми приказами Людовика, повелевавшего им перебить своих сограждан? Не

они ли терпели с тех пор гонения от двора, Лафайета и всех врагов народа? Не наши ли славные волонтеры недавно спасли вместе с ними отечество своим высоким самоотвержением, отбивая натиск приверженцев деспотизма, которых Людовик объединил против нас? Оправдать тирана или ему подобных — это значило бы осудить этих отважных людей, это значило бы предать их мести деспотизма и аристократии, которые никогда не переставали их преследовать, ибо всегда будет идти смертельный бой между истинными патриотами и угнетателями человечества; итак, в то время, как самые отважные граждане будут проливать свою кровь за отечество, подонки нации, самые подлые, развратные люди, все эти гадины крючкотворства, все надменные буржуа и аристократы, все бывшие привилегированные, прячущиеся под маской патриотизма, все люди, рожденные ползать и угнетать под прикрытием короля, хозяева собраний, покинутых простой и неимущей добродетелью, будут безнаказанно губить дело героев свободы, отдавать в рабство их жен и детей и нагло решать судьбы государства! Итак, вот тот ужасный план, который глубочайшее лицемерие, скажем это напрямик, и бесстыднейшее плутовство смеют скрывать под именем народного суверенитета, к уничтожению которого они стремятся. Но разве вы не видите, что единственная цель этого проекта — уничтожение самого Конвента, что, созвав первичные собрания, интрига и фельянтизм склонят их к обсуждению всех предложений, выгодных для их вероломных намерений, что они вновь подвергнут сомнению даже провозглашение республики, которое естественно связано с вопросами, касающимися низложенного короля? Разве вы не видите, что коварный оборот, приданный суду над Людовиком, лишь воспроизводит в иной форме сделанное вам недавно Гюаде предложение о созыве первичных собраний для проверки избрания депутатов — предложение, которое вы отвергли тогда с отвращением? Разве вы не видите, во всяком случае, что полное согласие столь великого множества собраний невозможно и что одно лишь это разногласие в момент приближения неприятеля является величайшим бедствием? Итак, неистовства междоусобной войны присоединятся к бичу войны внешней, а честлюбивые интриганы будут заключать сделки с врагами народа на развалинах отечества и на окровавленных трупах его защитников.

И это безрассудное предложение делают вам во имя общественного спокойствия, под предлогом избежать междоусобную войну! Опасаются гражданской войны, опасаются возврата королевской власти, если вы быстро накажете короля, злоумышлявшего против свободы; значит, чтобы уничтожить тиранию, нужно сохранить тирана, чтобы предотвратить гражданскую войну, нужно немедленно разжечь ее пламя. Жестокие софисты! Так рассуждали всегда, чтобы обмануть нас. Не во имя ли мира и самой свободы Людовик, Лафайет и все его сообщники нарушали спокойствие государства, клеветали на патриотизм и убивали его как в Учредительном собрании, так и в других местах?

Чтобы склонить вас к принятию этого странного плана, вам предложили дилемму, по-моему, не менее странную; вам говорили:

«Либо народ хочет смерти тирана, либо он ее не хочет; если он ее хочет, то почему вы возражаете против апелляции к нему; если же нет, то по какому праву можете вы постановить о казни Людовика?».

Вот мой ответ: прежде всего я не сомневаюсь в том, что эту казнь желает народ, если под этим словом вы разумеете большинство нации, не исключая из нее самую многочисленную, самую обездоленную и самую лучшую часть общества, над которой тяготеют все преступления эгоизма и тирании. Это большинство выразило свое желание в тот момент, когда оно свергло иго вашего бывшего короля, оно начало революцию, оно поддержало ее; это большинство обладает чистотой нравов, у него есть мужество, но у него нет ни хитрости, ни красноречия, оно повергает во прах тиранов, но часто является обманутым плутами. Это большинство нельзя донимать постоянными собраниями, где слишком часто господствует пронырливое меньшинство. Это большинство не может присутствовать на ваших политических собраниях, когда оно находится в своих мастерских, оно не может судить Людовика XVI, когда в поте лица своего выращивает крепких граждан, которых оно вручает затем отечеству. Я полагаюсь на общую волю, в особенности в то время, когда она пробуждена насущными интересами общественного спасения; меня страшит интрига, в особенности среди вызванных ею смут и среди давно расставленных ею сетей. Меня страшит интрига, когда ободрившиеся аристократы поднимают свою высокомерную голову, когда, несмотря на законы, возвращаются эмигранты, когда общественное мнение обрабатывается пасквилями, которыми наводняет Францию всесильная фракция, которые никогда не содержат ни слова о республике, которые никогда не просвещают умы по поводу процесса Людовика последнего, которые распространяют лишь выгодные для него взгляды, которые клеветают на всех тех, кто с наибольшим усердием добивается осуждения короля. В ваших планах я вижу лишь стремление к уничтожению всего, созданного народом, и к объединению врагов, побежденных им. Если вы питаете столь боязливое почтение к верховной воле народа, то умейте же уважать ее, исполняйте возложенную на вас задачу. Отсылать суверену то дело, которое он поручил вам быстро закончить, — это значит издеваться над его суверенитетом. Если бы народ имел свободное время для судебных разбирательств или для решения государственных вопросов, то он не возложил бы на вас заботу о своих интересах. Единственный способ засвидетельствовать ему нашу преданность — это издавать справедливые законы, а не навязывать ему гражданскую войну. И по какому праву наносите вы оскорбление народу, сомневаясь в его любви к свободе? Высказывать подобное сомнение, — не значит ли это порождать его и поощрять дерзость всех сторонников королевской власти?

Ответьте сами на другую дилемму: либо вы полагаете, что на собраниях, созыва которых вы добиваетесь, одержит верх интрига, либо вы думаете, что на них восторжествует любовь к свободе и разум. В первом случае, сознаюсь, ваши меры прекрасно рассчитаны на то, чтобы свергнуть республику и воскресить тиранию; во втором случае

собравшиеся французы поймут с негодованием ваше намерение, они с презрением отнесутся к тем представителям, которые не посмели исполнить возложенный на них священный долг. Они возненавидят подлую политику тех, которые вспоминают о народном суверенитете только тогда, когда речь идет о сохранении призрака королевской власти. Они будут возмущены тем, что их представители прикидываются незнающими своих мандатов. Они спросят вас: «Почему вы советуетесь с нами о наказании величайшего из преступников, тогда как виновный, наиболее достойный снисхождения, погибает под мечом законов без всякого вмешательства с нашей стороны? Почему преступление должно определяться представителями нации, а наказание — самой нацией? Если вы компетентны в одном из этих вопросов, то почему вы некомпетентны в другом? Если вы достаточно смелы, чтобы решить первый, то почему же вы так робки, что не смеее приступит к рассмотрению второго? Разве вы знаете законы хуже, чем граждане, избравшие вас для их создания? Разве уголовный кодекс закрыт для вас? Разве вы не можете прочесть в нем о наказании, установленном для заговорщиков? И если вы решили, что Людовик злоумышлял против свободы или безопасности государства, то какое препятствие мешает вам приговорить его к этому наказанию? Неужели этот вывод столь неясен, что требуются тысячи собраний, чтобы прийти к нему?»

Каким же доводом хотели склонить вас к такой чудовищной бессмыслице? Вас хотели напугать тем, что народ потребует у вас отчета в крови тирана? Слушай, французский народ, тебя подозревают в том, что ты готов потребовать у своих представителей отчета в крови твоего убийцы, чтобы избавить их от необходимости потребовать у него отчета в твоей крови! А вас, представители, презирают настолько, что хотят довести вас путем террора до забвения добродетели. Если вы поддаетесь убеждению тех, кто вас презирает, то мне больше нечего вам говорить, ибо страх, как известно, не рассуждает, и в таком случае на суд народа следует передать не дело Людовика XVI, а всю революцию, ибо для того, чтобы утвердить свободу, чтобы выдержать войну со всеми деспотами и со всеми пороками, нужно по крайней мере доказать свое мужество иначе чем бесполезными формулами.

Граждане, я знаю ваше ревностное стремление к общественному благу, вы были последней надеждой отечества, вы можете еще спасти его. Отчего же нам думается порой, что мы начали свой путь в недобрый час? Ведь и Учредительное собрание, большинство которого было благонамеренным, и которое делало в первое время столько важного, было сбито с толку интригой, действующей путем террора и клеветы. Меня приводит в ужас замечаемое мною сходство между двумя периодами нашей революции, сделавшимися памятными благодаря одному и тому же королю.

Когда бежавший Людовик был привезен обратно в Париж, Учредительное собрание также боялось общественного мнения, оно страшилось всего, что его окружало, но оно ничуть не боялось королевской власти, оно ничуть не боялось двора и аристократии, оно

боялось только народа, оно считало тогда, что никакая вооруженная сила не может никогда быть достаточно многочисленной, чтобы защитить его от него. Народ дерзнул обнаружить свое желание наказать Людовика; приверженцы Людовика беспрестанно обвиняли народ; и народная кровь пролилась.

Ныне, я согласен, речь идет не об оправдании Людовика: мы еще слишком близки от 10 августа и от дня отмены королевской власти; теперь речь идет об отсрочке окончания процесса Людовика до того, как на нашу территорию вторгнутся иностранные державы, и о спасении его при помощи гражданской войны. Его не хотят объявить неприкосновенным, но зато хотят добиться его безнаказанности; речь идет не о том, чтобы восстановить его на троне, но о том, чтобы подождать событий. Ныне Людовик имеет еще то преимущество перед защитниками свободы, что их преследуют еще с большим неистовством, чем его самого. Никто, конечно, не может сомневаться в том, что теперь их поносят с большим усердием и с большей силой, чем в июле 1791 года; и, поистине, якобинцы были в ту пору менее обесславлены в Учредительном собрании, чем теперь, среди вас. Тогда мы были мятежниками, теперь мы являемся агитаторами и анархистами. Лафайет и его сообщники забыли тогда нас перерезать; нужно надеяться, что его преемники будут не менее милосердны. Эти великие друзья мира, эти знаменитые защитники законов были объявлены потом изменниками отечества, но мы от этого ничего не выиграли, ибо их прежние друзья, некоторые члены тогдашнего большинства, стараются и здесь отомстить за них, преследуя нас. Но никто из вас, конечно, не заметил того факта, который заслуживает, однако, вашего любопытства, — что оратор ^{*****}, который после изготовления пасквиля, розданного по обыкновению всем членам Конвента, предложил и с таким жаром изложил план передачи дела Людовика суду первичных собраний, пересыпая при этом свою речь обычными ругательствами по адресу патриотизма являлся тем человеком, который предоставил в Учредительном собрании свой голос господствующей клике для защиты доктрины абсолютной неприкосновенности и который обрушился на нас за то, что мы осмелились защищать принципы свободы; одним словом, это тот самый человек, ибо следует сказать всю правду, который через два дня после резни на Марсовом поле осмелился предложить проект декрета об учреждении комиссии для безапелляционного и скорейшего суда над патриотами, избежавшими кинжала убийц. Я не знаю, сделали ли с тех пор роялистами пламенные друзья свободы, которые еще и поныне настаивают на осуждении Людовика, но в том, что характер я принципы людей, о которых я говорю, изменились, я сильно сомневаюсь. Но для меня совершенно очевидно, что те же самые страсти и пороки, хотя и с различными оттенками, неуклонно ведут нас к той же цели. Тогда интрига дала нам недолговечную и порочную Конституцию; теперь она мешает нам создать новую и увлекает нас к разрушению государства.

***** Имеется в виду Салль.

Единственный способ предотвратить это несчастье состоит в полном раскрытии истины, в изложении вам гибельного плана врагов общественного блага. Но можно ли выполнить с успехом этот долг? Какой здравомыслящий человек, имеющий некоторый опыт в нашей революции, мог бы надеяться уничтожить в одно мгновение чудовищную работу клеветы? Каким образом суровая истина могла бы рассеять чары, при помощи которых подлое лицемерие прельстило легкоеверие, а может быть, и патриотизм? Я наблюдал за тем, что происходит вокруг нас, и заметил истинные причины наших раздоров; я ясно вижу, что план, на опасности которого я указал, погубит отечество, и какое-то печальное предчувствие говорит мне, что он восторжествует. Я мог бы до некоторой степени предсказать последующие события на основании моего знакомства с теми лицами, которые ими руководят. Несомненно одно, что каким бы ни был результат этой роковой меры, она должна послужить особым целям ее сторонников. Чтобы добиться гражданской войны, не понадобится даже полного осуществления этой меры. Люди, рекомендуя ее, рассчитывают на брожение умов, которое вызовут эти бурные и бесконечные прения. Те, кто не желает, чтобы Людовик пал под мечом законов, были бы не прочь видеть его жертвой народного гнева; они не пренебрегут ничем для возбуждения его.

Несчастный народ! Даже твоими добродетелями пользуются для твоей гибели. Верх искусства тирании — это вызвать твое справедливое негодование, чтобы затем вменить тебе в преступление не только те неблагоприятные поступки, до которых она может тебя довести, но даже и те признаки недовольства, которые невольно вырвутся у тебя. Так, вероломный двор при помощи Лафайета завлек тебя, как в западню, на алтарь отечества, чтобы убить тебя там. Ах, да что говорить! Если бы многочисленные иностранцы, стекающиеся в твой город, даже без ведома установленных властей, если бы эmissары ваших врагов посягнули на жизнь злополучного предмета наших раздоров, то даже и в этом акте обвинили бы тебя. Против тебя подняли бы тогда граждан других частей республики, против тебя вооружили бы, если возможно, всю Францию, чтобы вознаградить тебя за ее спасение! Несчастный народ! Ты слишком хорошо служил делу человеколюбия, чтобы быть невиновным в глазах тиранов; они скоро захотят удалить нас с твоих очей, чтобы спокойно завершить свои мерзкие планы; уходя, мы оставим тебе на прощанье разорение, нищету, войну и гибель республики! Если вы сомневаетесь в существовании такого проекта, то вы, значит, никогда не размышляли обо всей этой системе, диффамации, развиваемой в ваших рядах и с вашей трибуны, вы, значит, не знаете истории наших плачевных и бурных заседаний. Великую истину высказал вам тот человек, который говорил вчера, что вы идете к роспуску Национального собрания путем клеветы. Нужны ли вам иные доказательства, кроме этих споров? Какую другую цель могут они теперь иметь, помимо усиления посредством вероломных инсинуаций тех роковых предубеждений, которыми клевета отравила все умы, помимо разжигания ненависти и раздора? Не очевидно ли, что процесс ведется не столько против

Людовика XVI, сколько против самых пылких защитников свободы? Разве восстают против тирании Людовика XVI? Нет, — против тирании небольшого числа угнетенных патриотов. Разве страшатся заговоров аристократии? Нет, страшатся диктатуры каких-то депутатов народа, готовых якобы присвоить его власть. Хотят сохранить тирана, чтобы противопоставить его патриотам, не имеющим власти. Предатели! Они обладают всей полнотой публичной власти, всей государственной казной и обвиняют нас в деспотизме; в республике нет ни одной деревушки, где бы они не опозорили нас; они истощают государственную казну для распространения своей клеветы; невзирая на общественное доверие, они осмеливаются нарушать тайну корреспонденции, чтобы задерживать все патриотические депеши, чтобы заглушать голос невинности и истины. А сами кричат о клевете! Они отнимают у нас даже право голоса, а сами выдают нас за тиранов! Они усматривают мятежи в скорбных криках патриотизма, оскорбленного крайним вероломством, а сами наполняют это святилище воплями ярости и мести.

Да, конечно, существует проект унижить Конвент, а быть может, и распустить его по поводу этого бесконечного дела. Этот проект существует не у тех, кто энергично отстаивает принципы свободы, не у народа, который пожертвовал для нее всем, не у Национального конвента, который стремится к добру и истине, даже не у тех, кто лишь попался на удочку роковой интриги и является слепым орудием чужих страстей. Этот проект существует у двух десятков плутов, которые приводят в движение все пружины, у тех, кто хранит молчание при обсуждении важнейших интересов отечества, кто в особенности воздерживается выражать свое мнение при решении участи последнего короля, но чья тайная и опасная деятельность вызывает все волнующие нас смуты и подготавливает все ожидающие нас бедствия.

Как выберемся мы из этой бездны, если не вернемся к нашим принципам и не доберемся до источника наших бедствий? Какой мир может существовать между угнетателем и угнетенным? Какое согласие может царить там, где не уважается даже свобода мнений? Всякая попытка нарушить ее является посягательством на нацию. Народный представитель не должен никому позволить лишать себя права защищать интересы народа; это право может быть у него отнято только вместе с его жизнью.

Чтобы увековечить раздор и добиться господства в Собрании, придумали уже разделить его на большинство и меньшинство — новый способ оскорбить и принудить к молчанию тех, кого называют меньшинством. Я не знаю здесь ни меньшинства, ни большинства. Большинство есть большинство добрых граждан; большинство не постоянно, ибо оно не принадлежит ни к какой партии; оно обновляется при каждом свободном совещании, ибо оно принадлежит общественному делу и вечному разуму; и когда Собрание признает ту или иную ошибку, как это иногда бывает, то меньшинство становится тогда большинством. Общая воля создается не на подпольных собраниях, не за министерскими столами. Меньшинство имеет везде одно вечное право — право подать

голос за истину или за то, что оно считает таковой.

Добродетель всегда была в меньшинстве на земле. Разве, в противном случае, была бы земля населена тиранами и рабами? Гемпден и Сидней были в меньшинстве, ибо они умерли на эшафоте; Критии, Цезари, Клодии были в большинстве; но Сократ был в меньшинстве, ибо он выпил цикуту; Катон был в меньшинстве, ибо он вырвал у себя внутренности. Я знаю здесь многих людей, которые, если это понадобится, послужат свободе, наподобие Сиднея и Гемпдена; и будь их тут лишь с полсотни, одна эта мысль должна привести в трепет всех презренных интриганов, которые хотят сбить с толку большинство. В ожидании этого времени я требую, по крайней мере, в первую очередь наказать тирана. Соединимся для спасения отечества, и пусть эти прения примут, наконец, характер более достойный нас и защищаемого нами дела. Устраним, по крайней мере, все эти плачевные инциденты, которые его бесчестят, не будем тратить на взаимные нападки больше времени, чем это необходимо для суда над Людовиком, и научимся здраво судить о предмете наших тревог. Все, по-видимому, складывается против общественного благополучия. Характер наших прений волнует и раздражает общественное мнение, и это мнение оказывает прискорбное влияние на нас; недоверчивость народных представителей растет, по-видимому, вместе с тревогами граждан. Всякий намек, самое незначительное происшествие, которое мы должны были бы воспринять с большим хладнокровием, раздражает нас, недоброжелательство занимается всякими преувеличениями или вымыслами, либо ежедневным сочинением разных анекдотов, имеющих целью укрепить предубеждение, и, таким образом, малейшие причины могут повести нас к самым ужасным последствиям. Несколько пылкое проявление народных чувств, которое так легко пресечь, уже становится предлогом для самых опасных мер и предложений, совершенно несоответствующих нашим принципам. Народ, избавь нас, по крайней мере, от этой немилости, побереги свои рукоплескания для того дня, когда мы создадим закон, полезный для человечества. Разве ты не видишь, что подаешь им повод клеветать на святое дело, которое мы защищаем? Вместо того чтобы нарушать эти строгие правила, избегай присутствовать на наших прениях; вдали от твоих взоров мы не меньше будем бороться; нам одним следует теперь защищать твое дело; когда погибнет последний из твоих защитников, тогда отомсти за них, если хочешь, и возьми на себя дело завоевания свободы. Помни о той ленте, которую твоя рука протянула недавно как непреодолимую преграду вокруг зловещего жилища наших тиранов, сидящих еще на троне. Помни о полиции, поддерживаемой до сих пор без штыков, одной лишь народной добродетелью.

Граждане, кто бы вы ни были, наблюдайте за Тамплем: останавливайте в случае необходимости коварное недоброжелательство, даже обманутый патриотизм; и разрушайте заговоры наших врагов. Злополучное место! Разве недостаточно того, что деспотизм тирана так долго тяготел над этим бессмертным городом? Неужели даже надзор за ним будет для него источником новых бедствий? Не; хотят ли тянуть без

конца этот процесс лишь для того, чтобы сохранить навсегда возможность клеветать на народ, низвергнувший трон?

Я доказал, что предложение передать дело Людовика Капета на рассмотрение первичных собраний ведет к гражданской войне; если мне не суждено способствовать спасению моей страны, то я, по крайней мере, свидетельствую сейчас о тех усилиях, которые я приложил для предотвращения угрожающих ей бедствий.

Я требую, чтобы Национальный конвент объявил Людовика виновным и заслуживающим смерти.

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ТРИБУНАЛЕ

По инициативе и требованию революционных масс Национальный конвент 10 марта 1793 г. учредил Чрезвычайный уголовный суд в Париже. Ему были подсудны контрреволюционные преступления — все преступления «против свободы, равенства, единства и неделимости Республики, внешней и внутренней безопасности государства», заговоры, направленные на восстановление королевской власти или на установление любой иной власти, покушающейся на свободу, равенство и суверенитет народа. Трибунал применял в качестве наказания меры, предусмотренные Уголовным кодексом и последующими уголовными законами. Если трибунал признавал лицо виновным в деянии, прямо не предусмотренном уголовными законами, но характеризующем антигражданское поведение этого лица, могущее стать причиной общественных волнений и беспорядка, то он присуждал к ссылке.

В заседании Конвента 9 марта 1793 г. после заслушания петиции Генерального совета Парижской Коммуны о немедленной организации революционного трибунала, был принят следующий закон: «Конвент декретирует установление Чрезвычайного уголовного трибунала без права апелляции и обращения в кассационный суд для всех предателей, заговорщиков и контрреволюционеров». На следующий день, 10 марта, депутат **Ленде**, монтаньяр, доложил Конвенту проект декрета о революционном трибунале. В прениях, помимо Робеспьера, выступили: **Верньо**, жирондист, возражавший против принятия закона и назвавший его «установлением инквизиции, в тысячу раз более ужасной, чем инквизиция, существовавшая в Венеции»; монтаньяр **Амар**, признавший крайне необходимым создание революционного трибунала; **Дантон**, в пламенной речи призывавший к созданию трибунала и считавший, что его создание предотвратит эксцессы, допускаемые народом, и другие депутаты Конвента. Приводимая ниже речь Робеспьера была произнесена 10 марта 1793 г.

Перевод сделан из 25-го тома P.Buchez et P.Roux, Histoire parlementaire de la revolution francaise, Paris, 1837.

Важно правильно определить, что вы понимаете под словом «заговорщики»; в противном случае наилучшие граждане подвергались бы опасности стать жертвой трибунала, установленного для защиты их от происков контрреволюционеров. Деятельность аристократических трибуналов всегда направляется против истинных друзей отечества; в

самом законе они всегда находили способы применять его к верным друзьям свободы и равенства. После Ламетов и Лафайетов не переставали говорить: контрреволюционеры — это анархисты, возмутители, и применяли эти слова к настоящим, безупречным патриотам. Лафайетисты, конституционалисты и все их последователи злоупотребляли текстом закона для того, чтобы доносить трибуналам на истинных друзей свободы, и я не нуждаюсь здесь в примерах. Если вы оставите дверь открытой для тех же самых злоупотреблений, то трибунал, который вы только что создали, будет контрреволюционным. Что же делает его революционным? Характер выбранных людей. Если Национальный конвент заблуждается, то он вкладывает в руки врагов отечества новое средство. Я требую определения того, что именно Конвент, друзья свободы разумеют под словами «заговорщики», «контрреволюционеры». То, что нашло отражение в проекте Ленде, нуждается в изменениях и исправлениях. Вот он: «Закон запрещает под страхом смертной казни всякое посягательство на общую безопасность государства, свободу, равенство, единство и неделимость Республики». Ввиду того, что вы революционно возвестили, что всякий, кто вызовет восстановление королевства, будет наказан смертной казнью, я хочу, чтобы декрет упомянул об этом. Следует, чтобы этот трибунал наказывал все сочинения... (ропот в части зала). Странно, что в зале раздается ропот, когда я предлагаю пресечь издание публичных сочинений, направленных против свободы, задевающих принципы суверенитета и равенства, сочинений именно тех лиц, которые были подкуплены самим правительством с целью разжалобить народ в отношении участи тирана, пробудить фанатизм королевства, донести о мнении тех, кто голосовал за смерть тирана, занести кинжал над защитниками свободы, зажечь пламя гражданской войны, указывая на Париж как на город, который должен возбудить подозрение департаментов, указывая на эту колыбель революции другим частям Республики как на враждебную область, против которой они должны вооружиться. Я хочу, наконец, чтобы этот трибунал наказал администраторов, которые вопреки законам и единству Республики подняли вооруженную силу своей собственной властью (рукоплескания большей части Собрания).

О ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В конце сентября 1792 года Конвент образовал комитет для разработки проекта Конституции. В комитете большинство составляли жирондисты во главе с Кондорсе. Проект был доложен Конвенту в феврале 1793 года. В апреле 1793 года началось его обсуждение. 24 апреля выступил Робеспьер, который внес свой проект Декларации прав человека и гражданина. Речь Робеспьера была издана Национальной типографией в виде брошюры, 8 стр. in-8°, под названием «Discours sur la Declaration des Droits de l'Homme et du Citoyen». Перевод сделан из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1908.

На последнем заседании я потребовал слова для предложения нескольких важных дополнительных статей к Декларации прав человека и гражданина. Прежде всего я предложу вам несколько статей, необходимых для дополнения вашей теории собственности; пусть мои слова никого не пугают. Грязные души, уважающие только золото, я не хочу трогать ваших сокровищ, из какого бы нечистого источника они ни происходили. Вы должны знать, что тот аграрный закон, о котором вы столько говорили, является лишь призраком, выдуманным плутами для устрашения глупцов; конечно, и без всякой революции можно было доказать вселенной, что крайняя неравномерность состояний является источником многих бедствий и преступлений; но мы тем не менее твердо убеждены, что равенство имуществ только пустая мечта. Что касается меня, то для личного счастья я считаю его еще менее нужным, чем для общественного благополучия. Гораздо важнее заставить уважать бедность, чем уничтожить богатство. Хижине Фабриция нечего завидывать дворцу Красса. Что касается меня, то я предпочту быть одним из сыновей Аристиды, воспитанным в Пританее на счет республики, чем вероятным наследником Ксеркса, рожденным в дворцовой грязи для занятия престола, украшенного унижением народов и блещущего общественной нищетой.

Установим же добросовестно принципы права собственности; это тем более необходимо, что нет никакого другого принципа, который человеческие предрассудки и пороки старались бы окутать более густым туманом.

Спросите у торговца человеческим мясом, что такое собственность; он скажет вам, указывая на длинный гроб, называемый им кораблем, куда он втиснул и запер людей, которые кажутся живыми: «Вот моя собственность, я купил ее по столько-то с головы». Спросите об этом у дворянина, имеющего земли и вассалов или считающего, что вселенная погрузилась в хаос, после того, как он их лишился; его понятия о собственности будут почти такими же.

Спросите об этом у августейших членов капетингской династии; они скажут вам, что самым священным видом собственности является, бесспорно, наследственное право — которым они издревле пользовались — угнетать, унижать и законно и единодержавно давить в тисках двадцать пять миллионов людей, живущих на территории Франции под их произволом.

В глазах всех этих людей право собственности не основано на каких-либо принципах морали. Почему же ваша Декларация прав впадает, по-видимому, в ту же ошибку? Определяя свободу, высшее из благ человека и самое священное из прав, дарованных ему природой, вы справедливо указали, что пределами свободы служат права других людей; почему же не применили вы этого принципа к праву собственности, которое является только общественным установлением? Разве вечные законы природы менее неприкосновенны, чем договоры людей? Вы увеличили число статей, чтобы обеспечить неограниченную свободу пользования правом собственности, и не сказали ни слова для того, чтобы определить его

законный характер; поэтому ваша Декларация создается, по-видимому, не для всех людей, а только для богачей, скупщиков, биржевых игроков и тиранов. Я предлагаю вам исправить эти недостатки, закрепляя следующие истины:

«Статья 1. Право собственности — есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той частью имущества, которая гарантируется ему законом.

Статья 2. Право собственности, как и все другие права, ограничено обязанностью уважать права других людей.

Статья 3. Оно не может наносить ущерб ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности наших ближних.

Статья 4. Всякое владение, всякая сделка, нарушающие этот принцип, незаконны и безнравственны».

Вы говорите также о налоге, чтобы установить неоспоримый принцип, который может исходить только от воли самого народа или его представителей; но вы забываете об одном постановлении, требуемом интересами человечества. Вы забываете заложить основу прогрессивного налога. А разве в области общественного обложения есть какой-либо другой принцип, более очевидно вытекающий из самой природы вещей и неизменных законов справедливости, чем принцип, налагающий на граждан обязанность участвовать в несении общественных расходов прогрессивно, в соответствии с размером их состояния, то есть в соответствии с той выгодой, которую они извлекают из общества? Я предлагаю вам упомянуть о нем в статье следующего содержания:

«Граждане, доходы которых не превышают суммы, необходимой для их существования, должны быть освобождены от участия в несении общественных расходов; прочие граждане должны нести эти расходы прогрессивно, в соответствии с размером их состояния».

Комитет также совершенно забыл напомнить о долге братства, который объединяет всех людей и все нации, и об их праве на взаимную помощь. Как будто он не знал об основных принципах вечного союза народов против тиранов. Можно подумать, что ваша Декларация была создана для стада человеческих тварей, загнанного на конец земного шара, а не для необъятной семьи, которой природа дала землю для владения ею и пребывания на ней.

Я предлагаю заполнить этот большой пробел следующими статьями. Они могут лишь доставить вам уважение народов; правда, в них есть то неудобство, что они могут окончательно поссорить вас с королями; сознаюсь, что это неудобство меня не путает; не испугает оно и тех, кто не желает мириться с ними. Вот мои четыре статьи:

«Статья 1. Люди всех стран — братья, и различные народы должны по мере своих сил помогать друг другу, как граждане одного и того же государства.

Статья 2. Тот, кто угнетает одну нацию, объявляет себя тем самым врагом всех наций.

Статья 3. Те, кто ведут с каким-нибудь народом войну, чтобы

задержать успехи свободы и уничтожить права человека, должны быть преследуемы всеми не как обыкновенные враги, а как убийцы и мятежные разбойники.

Статья 4. Короли, аристократы, тираны, каковы бы они ни были, являются рабами, возмущившимися против суверена земли, которым является человеческий род, и против законодателя вселенной, которым является природа».

Граждане, я предложил бы вам и другие статьи, если бы вы имели терпение слушать меня долее, но они находятся в ряде Других статей, изложенных в проекте Декларации прав человека, и для того, чтобы я воспользовался своим голосом во всем его объеме, понадобилось бы ваше разрешение прочесть этот проект. Я счел своим долгом поместить во главе этой Декларации следующее введение:

«Представители французского народа, объединенные в Национальном конвенте, признавая, что все человеческие законы, не вытекающие из вечных законов справедливости и разума, являются лишь посягательствами невежества и деспотизма на все человечество, убежденные, что единственными причинами преступлений и бедствий всего мира являются забвение естественных прав человека и пренебрежение к ним, — решили изложить в торжественной Декларации эти священные и неотъемлемые права, для того чтобы все граждане, имея возможность беспрестанно сопоставлять правительственные акты с целью всякого общественного установления, не дали никогда угнетать себя и унижать тиранией, для того чтобы основы народной свободы и народного блага находились всегда перед глазами народа, служили магистрату примером его долга, а законодателю — руководством для его деятельности.

Поэтому Национальный конвент провозглашает перед лицом всей вселенной и перед взором бессмертного законодателя следующую Декларацию прав человека и гражданина:

Статья 1. Целью всякого политического объединения являются поддержание естественных и неотъемлемых прав человека и развитие всех его способностей.

Статья 2. Основными правами человека являются: право заботиться о сохранении своего существования и право на свободу.

Статья 3. Эти права принадлежат всем людям одинаково, каково бы ни было различие их физических и моральных сил. Равенство прав установлено природой: общество не только не нарушает его, но и гарантирует его от злоупотребления силой, превращающего его в иллюзию.

Статья 4. Свобода — есть присущая человеку власть проявлять все свои способности по своему усмотрению. Правилom для нее является справедливость, пределами — права других людей, принципом — природа, а защитой — закон.

Право мирно собираться, право обнаруживать свои мнения, путем ли печати или всяким другим способом, являются столь очевидными последствиями свободы человека, что необходимость в заявлении о них предполагает либо наличие деспотизма, либо свежую память о нем.

Статья 5. Закон может воспрещать только то, что вредно для общества; он может предписывать только то, что для общества полезно.

Статья 6. Всякий закон, нарушающий неотъемлемые права человека, является несправедливым и тираническим по самому своему существу: он не является законом.

Статья 7. Право собственности есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той частью имущества, которая гарантируется ему законом.

Статья 8. Право собственности, как и все другие права, ограничено обязанностью уважать права других людей.

Статья 9. Оно не может наносить ущерб ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности наших ближних.

Статья 10. Всякое владение, всякая сделка, нарушающие этот принцип, незаконны и безнравственны по самому своему существу.

Статья 11. Общество обязано заботиться о содержании всех своих членов, либо доставляя им работу, либо обеспечивая средства существования тем из них, которые работают не в состоянии.

Статья 12. Необходимая помощь неимущим является священным долгом богача по отношению к бедняку; способ выполнения этого долга определяется законом.

Статья 13. Граждане, доход которых не превышает суммы, необходимой для их существования, освобождаются от участия в несении общественных расходов. Прочие граждане должны нести эти расходы прогрессивно, в соответствии с размером их состояния.

Статья 14. Общество должно всеми своими силами способствовать успехам общественного разума и сделать образование доступным для всех граждан.

Статья 15. Закон является свободным и торжественным выражением воли народа.

Статья 16. Народ является сувереном, правительство — его созданием и собственностью, общественные должностные лица — его слугами.

Статья 17. Ни одна часть народа не может осуществлять власть всего народа; но выраженное ею пожелание должно уважаться как пожелание части народа, которая должна участвовать в образовании общей воли.

Каждая часть суверена, соединившаяся в собрание, должна

пользоваться правом вполне свободно выражать свою волю; она совершенно независима от всех установленных властей и вольна определять свое устройство и порядок ведения прений.

Народ может переменить свое правительство, когда ему угодно, и отозвать своих уполномоченных.

Статья 18. Закон должен быть равен для всех.

Статья 19. Все граждане должны допускаться к занятию всех общественных должностей в зависимости только от своих добродетелей и дарований, не имея никаких других прав, кроме народного доверия.

Статья 20. Все граждане имеют равное право на участие в выборах депутатов и на составление законов.

Статья 21. Чтобы эти права не были мнимыми, а равенство призрачным, общество должно оплачивать общественных должностных лиц и устроить так, чтобы граждане, живущие своим трудом, могли присутствовать на общественных собраниях, к участию в которых призывает их закон, без ущерба для существования как их самих, так и их семей.

Статья 22. Каждый гражданин должен благоговейно повиноваться магистратам и агентам правительства, когда они являются проводниками или исполнителями закона.

Статья 23. Но всякое действие, направленное против свободы, безопасности или собственности человека, совершенное кем бы то ни было, хотя бы даже именем закона, за исключением определенных законом случаев и предписанных им форм, является произвольным и недействительным; самое уважение к закону запрещает подчиняться такому действию; если же хотят совершить его насильно, то и отразить его разрешается силой.

Статья 24. Право подавать петиции носителям общественной власти принадлежит каждому человеку. Те, к кому эти петиции направляются, должны постановить решение по изложенным в них пунктам; но они не могут никогда ни запретить, ни ограничить, ни осудить их подачу.

Статья 25. Соппротивление угнетению является следствием всех других прав человека и гражданина.

Статья 26. Когда угнетению подвергается хотя бы один из членов общества, то имеется угнетение всего общества в целом.

Когда угнетению подвергается все общество в целом, то имеется угнетение каждого его члена.

Статья 27. Когда правительство нарушает права народа, священнойшей из обязанностей всего народа и каждой части его является восстание.

Статья 28. Когда гражданину не предоставляется общественной гарантии, он возвращается к естественному

праву самостоятельной защиты всех своих прав.

Статья 29. В том и другом случае подчинение сопротивления угнетению законным формам является крайне утонченным видом тирании.

Статья 30. Во всяком свободном государстве закон должен особенно защищать общественную и личную свободу от злоупотребления властью со стороны правящих.

Всякое установление, не предполагающее, что народ хорош, а должностное лицо продажно, является порочным.

Статья 31. Общественные должности должны рассматриваться не как отличия или награждения, а как общественные обязанности.

Статья 32. Проступки уполномоченных народа должны наказываться строго и быстро. Никто не вправе считать себя более неприкосновенным, чем все прочие граждане.

Статья 33. Народ вправе знать обо всех действиях своих депутатов; они должны давать ему точный отчет в своем управлении и с уважением подчиняться его суду.

Статья 34. Люди всех стран — братья, и различные народы должны по мере своих сил помогать друг другу как граждане одного и того же государства.

Статья 35. Тот, кто угнетает одну какую-нибудь нацию, объявляет себя врагом всех наций.

Статья 36. Лица, ведущие войну с каким-нибудь народом с целью задержать успехи свободы и уничтожить права человека, должны преследоваться всеми не как обыкновенные враги, а как убийцы и мятежные разбойники.

Статья 37. Короли, аристократы и тараны, каковы бы ни были, являются рабами, восставшими против суверена земли — человеческого рода и против законодателя вселенной — природы».

О КОНСТИТУЦИИ

Внесенный в Конвент проект новой Конституции обсуждался в течение нескольких месяцев. После выступления в Конвенте со своим, проектом Декларации прав человека и гражданина (см. выше), Робеспьер вновь выступил по вопросам Конституции 10 мая 1793 г. Подвергнув критике жирондистский проект, Робеспьер сформулировал основные положения своего проекта. Эта речь Робеспьера была издана Национальной типографией в виде брошюры in-8°, 34 стр., под названием «Discours sur la Constitution».

Перевод сделан из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1908.

Человек рожден для счастья и свободы, но повсюду он закабален и несчастен. Общество имеет целью сохранение его прав и улучшение его существования, но повсюду оно унижает и угнетает его. Пришло время

напомнить ему о его истинных судьбах; успехи человеческого разума подготовили эту великую революцию, и обязанность ускорить ее возложена именно на вас.

Для выполнения вашей миссии нужно сделать как раз обратное тому, что существовало до вас.

До сих пор искусство управлять было лишь искусством разорять и поработать большинство в пользу меньшинства, а законодательство — средством превращать эти посягательства в систему. Короли и аристократы очень хорошо делали свое дело; вам предстоит теперь приняться за свое, то есть сделать людей счастливыми и свободными при помощи законов.

Придать правительству необходимую силу для того, чтобы граждане всегда уважали гражданские права, и сделать это так, чтобы правительство само не могло никогда их нарушать, — вот, по моему мнению, та двойная задача, которая стоит перед законодателем. Первая кажется мне очень легкой. Что касается второй, то ее можно, пожалуй, считать даже неразрешимой, если рассматривать наше прошлое и настоящее без выяснения причин всех событий.

Обратитесь к истории, и вы увидите, что повсюду должностные лица угнетают граждан, а правительство уничтожает народный суверенитет.

Тираны говорят о мятежах, народ жалуется на тиранию, когда он осмеливается это делать, что случается при чрезмерном угнетении, возвращающем ему его энергию и независимость. Дай бог, чтобы он мог сохранять их всегда! Но царствование народа кратковременно, а царствование тиранов продолжается веками. Я много раз слышал, как после революции 14 июля 1789 г. и в особенности после революции 10 августа 1792 г. говорили об анархии, но я утверждаю, что болезнью наших политических органов является вовсе не анархия, а деспотизм и аристократия. Что бы там ни говорили, но я нахожу, что именно с этой, столь оклеветанной эпохи у нас появилась истинная законность и правительственная власть, несмотря на все беспорядки, которые являются не чем иным, как предсмертными судорогами погибающей королевской власти и борьбой вероломного правительства против принципов равенства.

Анархия господствовала во Франции, начиная с Хлодвиги и кончая последним из Капетов. Что такое анархия, если не тирания, заставившая природу и закон спуститься с престола, чтобы возвести на него людей?

Общественные бедствия всегда происходят не от народа, а от правительства. Да и как может быть иначе? Интерес народа — это общественное благо; интерес должностного человека — личная выгода. Чтобы быть хорошим, народу нужно только предпочитать себя самого всему остальному; чтобы быть хорошим, должностному лицу следует приносить себя самого в жертву народу.

Если бы я соблаговолил возражать нелепым и варварским предрассудкам, то я заметил бы, что власть и богатство порождают гордость и все пороки, что труд, умеренность, бедность являются стражами добродетели, что желания слабого имеют целью лишь

справедливость и защиту благодетельных законов, что он уважает лишь страсти, порождаемые честностью; я сказал бы, наконец, что нищета граждан является не чем иным, как преступлением правительства; но я основал свою теорию на одном лишь веском умозаключении, оставляя в стороне вопрос о справедливых или тиранических законах.

Правительство учреждено для того, чтобы заставить уважать общую волю; однако люди, стоящие у власти, имеют свою личную волю, а всякая воля стремится к преобладанию. Если для этой цели они употребляют вверенную им общественную силу, то правительство становится тогда бичом свободы. Отсюда вытекает, что первой задачей всякой конституции должна быть защита общественной и личной свободы от посягательств самого правительства.

А между тем законодатели забыли об этом вопросе; они все заняты были вопросом о полномочиях правительства; никто из них не подумал о способах обязать его выполнять свое истинное назначение. Они установили ряд бесконечных предосторожностей против восстания народа и приложили все усилия, чтобы поощрить возмущение его уполномоченных. Причины этого я уже указал. Честолюбие, сила и вероломство были законодателями мира. Они поработили даже человеческий разум, развратили его и сделали его сообщником человеческой нищеты. Деспотизм вызвал испорченность нравов, а испорченность нравов поддержала деспотизм. При таком положении вещей все наперебой продают свою душу сильнейшему, чтобы узаконить несправедливость и участвовать в тирании. Тогда разум уже — только безумие, равенство — анархия, свобода — беспорядок, природа — химера, напоминание о правах человечества — бунт. Тогда для добродетели имеются бастилии и эшафоты, для разврата — дворцы, для преступления — тираны и триумфальные колесницы. Тогда имеются короли, священники, дворяне, буржуа, чернь, но нет народа и нет людей.

Взгляните даже на тех законодателей, которых успехи народного просвещения принуждают, по-видимому, оказывать некоторое уважение истинным принципам; разве они не употребили своего умения на то, чтобы обойти эти принципы, когда последние перестали отвечать их личным намерениям? Посмотрите, ведь они только видоизменили формы деспотизма и оттенки аристократии. Они торжественно провозгласили суверенитет народа и тут же заковали его в цепи; признавая, что должностные лица являются только уполномоченными народа, они стали относиться к ним, как к его владыкам и кумирам. Все как будто сговорились считать народ безрассудным и мятежным, а общественных должностных лиц — крайне мудрыми и добродетельными. Не ища примеров у чужих наций, мы могли бы найти разительные примеры в нашей революции и в самом поведении предшествующих нам Законодательных собраний. Посмотрите, с какой подлостью курили они фимиам королевской власти, с какой неосмотрительностью проповедовали слепое доверие к публичным должностным лицам, погрязшим в разврате, с какой дерзостью унижали народ, с каким

варварством убивали его. Однако посмотрите, на чьей стороне была гражданская доблесть; вспомните благородные жертвы бедности и постыдную скупость богачей; вспомните возвышенную преданность солдат и низкие измены генералов; вспомните непобедимую храбрость, благородное терпение народа и подлый эгоизм, гнусное вероломство его уполномоченных.

Но пусть нас не удивляет такое количество несправедливостей. Выйдя из столь глубокой бездны, как могли бы они уважать человечество, дорожить равенством, верить в добродетель? О, мы несчастные! Мы создаем храм свободы руками, еще носящими следы рабских оков. Чем было наше прежнее воспитание, как не непрерывным уроком эгоизма и глупого тщеславия? Чем были наши обычаи и наши так называемые законы, как не кодексом наглости и низости, в котором презрение к людям было подчинено чему-то в роде тарифа и разделено на градусы согласно правилам, столь же странным, сколь и многочисленным?

Презирать и встречать презрение, низкопоклонничать, чтобы властвовать, быть то рабом, то тираном; то преклонять колени перед своим владыкой, то попирает ногами народ, — таков был наш удел, таковы были стремления нас всех, пока мы были «благородными» или «благовоспитанными», «порядочными» и «приличными» людьми, юристами и финансовыми дельцами, приказными или военными. Нужно ли, следовательно, удивляться тому, что столько тупоумных торговцев, столько эгоистических буржуа сохраняют еще то наглое пренебрежение к ремесленникам, на которое дворяне не скупились в свое время по отношению к самим буржуа и торговцам? О, дворянская гордость! О, хорошее воспитание! Вот, между тем, почему остановилось свершение великих судеб мира! Вот почему сердце отечества разрывается изменниками! Вот почему кроважадные спутники деспотов Европы опустошили наши житницы, сожгли наши города, истребили наших жен и детей; уже пролита кровь трехсот тысяч французов, и быть может, прольется еще столько же французской крови для того, чтобы простой землепашец не мог заседать в Сенате рядом с богатым торговцем зерном, чтобы ремесленник не мог голосовать в народных собраниях рядом с известным коммерсантом или самонадеянным адвокатом и чтобы умный и добродетельный бедняк не мог сохранять человеческое достоинство в присутствии слабоумного и развращенного богача! Безумцы, призывающие владык, чтобы не иметь равных! Неужели же вы думаете, что тираны примут во внимание все расчеты вашего жалкого тщеславия и вашей подлой жадности? Неужели вы думаете, что народ, завоевавший свободу, проливающий свою кровь за отечество, когда вы утопали в изнеженности или составляли тайные заговоры, даст вам поработать себя, уморить с голода, разорить? Нет! Если вы не уважаете ни человечности, ни справедливости, ни чести, то сохраните, по крайней мере, некоторую заботу о ваших сокровищах, не имеющих большего врага, чем общественная нищета, которую вы увеличиваете с такой неосторожностью. Но какое соображение может тронуть горделивых

рабов? Закон истины, гремящий в испорченных сердцах, напоминает те звуки, которые раздаются в могилах и которые не пробуждают мертвецов.

Вы же, которым дороги свобода и отечество, позаботьтесь сами о спасении этого закона, и так как неотложные интересы его защиты потребовали, по-видимому, всего вашего внимания как раз в тот момент, когда необходимо стремительно воздвигнуть здание Конституции великого народа, то создайте ее, по крайней мере, на незыблемой основе истины. Установите прежде всего следующее бесспорное положение: народ добродетелен, а его уполномоченные подвержены порче; именно в добродетели и суверенитете народа нужно искать защитное средство от пороков и деспотизма правительства.

Извлечем теперь из этого неопровержимого принципа практические выводы, служащие основой всякой свободной конституции.

Развращенность правительств происходит от превышения их власти и независимости их от суверена. Устраните это двойное злоупотребление.

Начните с уменьшения власти должностных лиц. До сих пор политические деятели, которые захотели, по-видимому, приложить некоторое старание не столько для защиты свободы, сколько для видоизменения тирании, могли придумать лишь два средства для достижения этой цели. Одно состоит в равновесии властей, а другое — в существовании должности трибуна.

Что касается равновесия властей, то мы могли подпасть под обаяние этого института в то время, когда мода, казалось, требовала от нас этого знака уважения к нашим соседям, в то время, когда чрезмерность нашего собственного унижения позволяла нам восхищаться всеми иностранными институтами, предлагавшими нам какое-то слабое подобие свободы. Но даже при небольшом размышлении нетрудно заметить, что это равновесие может быть только химерой либо бичом, что оно предполагало бы полную ничтожность правительства, если бы неизбежно не приводило к союзу соперничающих властей, направленному против народа, ибо вполне понятно, что они скорее предпочтут столкнуться между собой, чем призвать суверена для решения его собственного дела. Свидетелем тому является Англия, где золото и власть монарха постоянно наклоняют весы в одну и ту же сторону, где сама оппозиция, очевидно, добивается время от времени реформы народного представительства лишь для отдаления ее, действуя заодно с большинством и которую она, по-видимому, оспаривает. Это какое-то чудовищное правительство, у которого общественные добродетели являются лишь постыдным шутовством, где призрак свободы уничтожает самую свободу, где закон закрепляет деспотизм, где народные права являются предметом явной сделки, где лихоимство не сдерживается даже стыдливостью.

О, что нам за дело до тех комбинаций, которые уравнивают власть тиранов? Нужно искоренить самую тиранию; не в спорах между их властителями должны искать народы возможности немного передохнуть; гарантией их прав должна быть их собственная сила.

По той же причине я не являюсь более сторонником установления должности трибунов; история не научила меня относиться к ним с уважением. Я не могу доверить защиту столь великого дела слабым и продажным людям. Покровительство трибунов предполагает рабство народа. Мне не по душе, что римский народ удаляется на священную гору, чтобы испрашивать защитников у деспотического сената и высокомерных патрициев; я предпочитаю, чтобы он остался в Риме и изгнал из него всех своих тиранов. Так же, как и самих патрициев, я ненавижу и гораздо более презираю тех честолюбивых трибунов, тех подлых уполномоченных народа, которые продают знати Рима свои речи и свое молчание и которые защищали иногда народ только для того, чтобы поторговаться с угнетателями народа о его свободе.

Единственный народный трибун, которого я могу признать, — это сам народ. Власть народного трибуна я передаю каждой секции французской республики; а эту власть легко организовать таким образом, что она будет одинаково далека и от бурь непосредственного народоправства, и от вероломного спокойствия конституционного деспотизма.

Но прежде чем установить преграды для ограждения общественной свободы от чрезмерной власти должностных лиц, начнем с уменьшения этой власти до надлежащих границ.

Первое правило для достижения этой цели состоит в том, чтобы срок их полномочий был краток; этот принцип должен применяться особенно строго к тем, чья власть более обширна.

Чтобы никто не мог занимать одновременно несколько должностей.

Чтобы власть была разделена, лучше увеличить число общественных должностных лиц, чем доверить кому-нибудь из них слишком большую власть.

Чтобы область законодательства и область исполнения были тщательно отделены друг от друга.

Чтобы различные отрасли исполнения были сами возможно больше разделены в соответствии с самой сущностью дел и не сосредоточивались в одних руках.

Одним из крупнейших недостатков нынешней организации исполнительной власти является излишняя обширность каждого из министерских ведомств, где во множестве собраны различные отрасли управления, весьма отличные по своей природе.

Министерство внутренних дел, такое, каким его пока упорно сохраняют, в особенности похоже на политическое чудовище, которое могло бы поглотить нарождающуюся республику, если бы сила общественного духа, поддерживаемого революционным движением, не защищала бы ее до сих пор и от недостатка и этого учреждения, и от пороков отдельных лиц.

Впрочем, вы никогда не могли бы добиться того, чтобы носители исполнительной власти не были весьма могущественными должностными лицами; лишите же их всякой власти и всякого влияния, чуждых их обязанностям.

Не позволяйте им присутствовать на народных собраниях и голосовать там, пока они находятся на службе. Применяйте то же правило и к публичным должностным лицам вообще.

Удалите от их рук государственную казну; поручите ее хранителям и смотрителям, которые ни в каком другом роде власти не могут участвовать сами.

Оставьте в департаментах и под рукой у народа часть общественных податей, которую не нужно будет вкладывать в общую кассу, и пусть расходы будут покрываться по возможности на местах.

Остерегайтесь под каким бы то ни было предлогом передавать правящим лицам крупные суммы на чрезвычайные расходы и в особенности под предлогом создания общественного мнения. Все фабрики общественного сознания снабжают лишь ядом; недавно мы испытали это на жестоком опыте, и первое испытание этой странной системы не должно внушать нам большого доверия к ее изобретателям. Никогда не теряйте из вида того, что подчинять себе и создавать общественное мнение надлежит не правящим, а общественному мнению надлежит судить правящих.

Но есть одно общее и не менее спасительное средство уменьшить власть правительств в пользу свободы и счастья народов.

Оно заключается в применении следующего правила, изложенного в предложенной мною Декларации прав: «Закон может запрещать только то, что вредно для общества; он может предписывать только то, что полезно обществу».

Избегайте прежней мании правительств — стремления к излишнему руководству, предоставьте отдельным лицам и семьям право делать все то, что не вредит другим, дайте коммунам возможность самим привести в порядок свои собственные дела во всем том, что не относится по существу к общему управлению Республики. Словом, отдайте индивидуальной свободе все то, что не принадлежит, конечно, общественной власти, и тем самым вы дадите меньше пищи честолюбию и произволу.

Уважайте особенно свободу суверена на первичных собраниях. Отменяя, например, то огромное количество правил, которое стесняет и уничтожает право голосования под предлогом его регулирования, вы отнимете крайне опасное оружие у интриги и у деспотизма директорий или Законодательных собраний. Принцип моральной ответственности требует, чтобы правительственные агенты представляли в определенные и довольно частые сроки точные и обстоятельные отчеты об их управлении; пусть эти отчеты будут доведены до общего сведения путем печати и подвергнуты обсуждению всех граждан; пусть они, следовательно, будут посланы всем департаментам, всем управлениям и всем коммунам.

Для поддержания моральной ответственности нужно установить ответственность физическую, которая, в конце концов, является наиболее надежным стражем свободы; она состоит в наказании публичных должностных лиц, нарушивших свой долг.

У народа, уполномоченные которого никому не должны давать отчета в своем управлении, нет конституции; у народа, уполномоченные которого дают отчет лишь другим неприкосновенным уполномоченным, тоже нет конституции, ибо от последних зависит безнаказанно изменять народу и допускать измену ему со стороны других. Если в этом смысл представительного образа правления, то я сознаю, что разделяю все проклятия, произнесенные в отношении его Жан-Жаком Руссо. Впрочем, это понятие, как и многие другие, нуждается в объяснении, или, скорее, речь идет гораздо менее об определении французского образа правления, чем об его установлении.

Во всяком свободном государстве публичные преступления должностных лиц должны наказываться так же строго и быстро, как и частные преступления граждан; власть же пресекать посягательства правительства должна возвратиться к суверену.

Я знаю, что народ не может быть судьей, который всегда действует. Да я и не стремлюсь к этому, но еще меньше мне хочется, чтобы его уполномоченные были деспотами, поставившими себя выше закона. Цель, которую я предлагаю, можно осуществить при помощи простых мероприятий, которые я сейчас изложу:

Я хочу, чтобы все публичные должностные лица, назначенные народом, могли быть отозваны им согласно установленным правилам; достаточным мотивом такого отзыва должно служить неотъемлемое право народа отзывать своих уполномоченных.

Естественно, что учреждение, уполномоченное издавать законы, наблюдает за теми, кому поручено исполнять их. Поэтому представители исполнительной власти обязаны отдавать Законодательному корпусу отчет в своем управлении. В случае нарушения служебного долга Законодательный корпус не сможет наказать их, ибо нельзя предоставить ему эту возможность захватить исполнительную власть, но он обвинит их перед народным трибуналом, единственной обязанностью которого будет ведать преступлениями против долга службы публичных должностных лиц. Члены Законодательного корпуса не могут подлежать суду этого трибунала на основании тех мнений, которые они выскажут на собраниях; они будут подлежать его суду только на основании достоверных фактов лихоимства или измены, в которых их могут обвинить. Обыкновенные их правонарушения подсудны обычным трибуналам.

По истечении срока их деятельности члены Законодательного собрания и представители исполнительной власти или министры могут быть преданы торжественному суду своих доверителей. Народ выскажет свое мнение только по вопросу о том, сохранили ли они или потеряли его доверие. Приговор, который объявит об утрате ими доверия народа, повлечет за собой лишение их права выполнять какие бы то ни было обязанности. Народ не будет присуждать к более строгому наказанию; если же уполномоченные виновны в каких-нибудь особых и формальных преступлениях, он может передать их в соответствующий трибунал.

Эти постановления будут равным образом применяться и к членам народного трибунала.

Как бы ни важно было ограничить власть должностных лиц, не менее необходимо и правильно выбрать их. Именно на этой двойной основе должна быть создана свобода. Не теряйте из виду, что при представительном правлении нет более важных законов, чем законы, обеспечивающие правильность выборов. Я вижу, что здесь распространяют опасные заблуждения. Я замечаю, что здесь забывают основные принципы здравого смысла и свободы ради стремления к пустым метафизическим абстракциям. Так, например, хотят, чтобы во всех местах республики граждане голосовали для назначения каждого публичного должностного лица, так чтобы заслуженный и добродетельный человек, известный лишь в той местности, где он проживает, не мог никогда стать представителем своих соотечественников, а знаменитые шарлатаны, которые во всяком случае не являются ни самыми лучшими гражданами, ни самыми просвещенными людьми, или интриганы, поддерживаемые какой-нибудь сильной партией, господствующей во всей республике, были бессрочно и исключительно представителями французского народа. А в то же время связывают суверена тираническими регламентами; отбивают повсюду у народа охоту к собраниям, удаляют с них санкюлотов при помощи всевозможных формальностей.

Гражданский кодекс, уничтожая остатки феодализма, десятины и все обветшалое здание канонического права, значительно суживает область судебного деспотизма. Но как бы полезны ни были все эти меры предосторожности, вы все еще ничего не сделаете, если не предупредите второй указанный мной род злоупотребления — независимость правительства.

Конституция должна приложить особое старание к подчинению публичных должностных лиц значительной ответственности, ставя их в действительную зависимость не от отдельных лиц, а от суверена.

Тот, кто независим от людей, становится скоро независимым и от своего долга, а безнаказанность является матерью и как бы охранной грамотой для преступления; народ же всегда бывает поработен, как только им овладевает страх.

Есть два рода ответственности: одну можно назвать моральной ответственностью, а другую — физической.

Первая состоит главным образом в гласности; но достаточно ли того, чтобы Конституция обеспечивала гласность в отношении действий или постановлений правительства? Нет, гласности нужно еще дать всю ту широту, которая ей только доступна.

Вся нация вправе знать о поведении своих уполномоченных. Следовало бы, будь это возможно, чтобы собрание уполномоченных вело обсуждения в присутствии всех французов. Роскошное и величественное здание, вмещающее 12000 зрителей, должно было бы стать местом заседаний Законодательного корпуса. На глазах у столь большого числа свидетелей не смели бы показываться ни подкуп, ни интрига, ни вероломство; тогда советовались бы только с общей волей, тогда внимали бы только голосу разума и общественной пользы. Но обеспечит

ли допущение нескольких сот зрителей, втиснутых в тесное и неудобное помещение, гласность, соответствующую необъятности нации, и особенно в то время, когда толпа наймитов устрашает Законодательный корпус с целью преградить путь истине или исказить ее вероломными росказнями, распространяемыми ими по всей республике. Что же это было бы, если бы сами уполномоченные презирали ту небольшую часть народа, которая их видит, если бы они хотели изобразить жителей того места, где они имеют пребывание, и тех, кто находится в отдалении от них, людьми двух различных пород, если бы они постоянно доносили на тех, кто является свидетелями их поступков, тем, кто читает их памфлеты, чтобы сделать гласность, не только бесполезной, но и губительной для свободы?

Поверхностные люди никогда не поймут, какое влияние на революцию оказало помещение, где находился Законодательный корпус, а плуты не согласятся с этим, но просвещенные друзья народного блага с негодованием увидели, что первое Законодательное собрание, привлечшее к себе общественное внимание для сопротивления двору, стало избегать по возможности этого внимания, когда оно захотело объединиться с двором против народа, что после того, как спрятавшись некоторым образом в архиепископстве, где оно издало военный закон, это Законодательное собрание заперлось в Манеже, где оно окружило себя штыками, чтобы приказать об избиении лучших граждан на Марсовом поле, спасти вероломного Людовика и подорвать основы свободы. Преемники его остереглись выйти оттуда; короли или должностные лица прежней полиции требовали построить великолепный оперный зал в течение нескольких дней; к стыду же человеческого разума, прежде чем приготовили новое местопребывание для народного представительства, прошло четыре года! Да что я говорю! Является ли более благоприятным для гласности и более достойным нации даже то помещение, куда оно только что вселилось? Нет, все наблюдатели заметили, что оно при помощи того же духа интриги и под покровительством порочного министра было с большим искусством приспособлено для того, чтобы удалить уполномоченных от внимания народа. Совершали даже своего рода чудеса; нашли, наконец, столь давно отыскиваемый секрет устранять народ, допуская его; пусть он может присутствовать на заседаниях, но пусть он может слышать только на маленьком пространстве, предназначенном для «порядочных людей» и журналистов; пусть он будет отсутствующим и в то же время присутствующим. Последующие поколения удивятся той беспечности, с которой великая нация терпела так долго низкие и грубые махинации, грозившие одновременно ее достоинству, свободе и благополучию.

Что касается меня, то я думаю, что Конституция не должна ограничиться постановлением о публичности заседаний Законодательного корпуса и установленных властей, но должна еще не пренебрегать подысканием средств к обеспечению им наибольшей гласности, что она должна лишить уполномоченных возможности влиять каким бы то ни было образом, на состав аудитории и произвольно

изменять размеры того места, которое должен получить народ. Конституция должна позаботиться о том, чтобы Законодательное собрание находилось в самых недрах массы населения и совещалось на глазах у бесчисленного множества граждан. Да что я говорю! Их прогоняют голодом, ибо не думают даже вознаградить их за то время, которое они отнимают у своих семей, чтобы посвятить его общественным делам.

Вот те охранительные принципы свободы, которые Конституция должна поддерживать. Все иное является лишь шарлатанством, интригой и деспотизмом.

Сделайте так, чтобы народ мог присутствовать на общественных собраниях, ибо только он служит опорой свободы и справедливости, тогда как аристократы и интриганы являются их бичом.

Какое значение имеет то, что закон воздаст лицемерное почтение принципу равенства прав, если наиболее повелительный из всех законов — нужда заставляет самую здоровую и самую многочисленную часть народа отказываться от этих прав! Пусть отечество оплачивает человеку, живущему своим трудом, то время, которое он тратит, присутствуя на общественных собраниях, пусть оно по тем же соображениям оплачивает подобным образом всех публичных должностных лиц, пусть правила выборов, порядок прений будут возможно проще и короче. Пусть все собрания будут назначаться в те дни, которые являются наиболее удобными для трудящейся части нации.

Пусть прения ведутся открыто: гласность является оплотом добродетели, стражем истины, грозой преступления, бичом интриги. Оставьте тьму и тайное голосование преступникам и рабам. Свободные люди хотят, чтобы народ был свидетелем их помыслов. Этот метод воспитывает граждан и развивает республиканские добродетели. Он подходит народу, только что завоевавшему свою свободу и борющемуся за ее укрепление. Когда он перестает ему подходить, то республика уже больше не существует.

Впрочем, народ, я это повторяю, будет совершенно свободен на собраниях; Конституция может устанавливать лишь эти общие правила, необходимые для изгнания интриги и сохранения самой свободы, всякое другое стеснение является только посягательством на его суверенитет.

Пусть, главное, ни одна установленная власть не вмешивается никогда ни в его распорядок, ни в его прения.

Этим вы решите еще нерешенную проблему народной политической экономии: внести в добродетель народа и во власть суверена необходимый противовес произволу должностного лица и стремлению правительства к тирании.

К тому же не забывайте, что прочность самой Конституции опирается на все установления, на все особые законы народа, как бы их ни называли: она опирается на доброту нравов, знание и понимание священных прав человека. Декларация прав является Конституцией всех народов; другие законы изменчивы по своей природе и зависят от нее. Пусть она сохраняется всегда в памяти у всех, пусть она сияет во главе

вашего общественного кодекса, пусть первая статья этого кодекса служит подлинной гарантией всех человеческих прав, пусть вторая его статья гласит о том, что всякий закон, который их нарушает, является тираническим и недействительным, пусть ее торжественно проносят во время ваших публичных церемоний, пусть она бросается в глаза народа на всех его собраниях, во всех местах, где имеют пребывание его уполномоченные, пусть ее напишут на стенах наших домов, пусть она будет тем первым наставлением, которое отцы дадут своим детям.

Меня, возможно, спросят, каким образом со столь надежными мерами предосторожности в отношении должностных лиц я могу обеспечить повиновение законам и правительству. Я отвечу, что именно благодаря этим самым мерам я больше обеспечиваю его. Я отдаю законам и правительству всю ту силу, которую я отнимаю у пороков людей, стоящих у власти и создающих законы.

Уважение, внушаемое должностным лицом, зависит гораздо более от того уважения, которое он питает сам к законам, чем от той власти, которую он захватывает; могущество же законов состоит гораздо менее в той военной силе, которая их окружает, чем в соответствии их принципам справедливости и общей воли. Когда принцип закона состоит в общественной пользе, то опорой его служит сам народ, а силой его — сила всех граждан, созданием и собственностью которых он является. Общая воля и общественная сила имеют общее происхождение. Общественная сила является в политическом теле тем же, чем в человеческом теле рука, которая непосредственно исполняет то, что приказывает воля, и отталкивает все предметы, могущие угрожать сердцу или голове.

Когда общественная сила только помогает общей воле, то государство является свободным и мирным; когда она препятствует общей воле, то государство поработщено или неспокойно. Общественная сила находится в противоречии с общей волей в двух случаях: либо когда закон не является общей волей, либо когда должностное лицо использует ее для нарушения закона. Такова та ужасная анархия, которую тираны устанавливали всегда под названием спокойствия, общественного порядка, законодательства и образа правления; все их искусство состоит в том, чтобы разобщать и подавлять каждого из граждан при помощи силы с целью подчинить их всех своим гнусным прихотям, которые они прикрывают именем законов. Законодатели, издавайте справедливые законы, должностные лица, заставляйте точно исполнять их; пусть в этом будет состоять вся ваша политика, и вы дадите миру невиданное зрелище великого народа, свободного и добродетельного!

Статья первая. Конституция гарантирует каждому французу неотъемлемые права человека и гражданина, изложенные в предшествующей Декларации.

II. Она объявляет тираническим и недействительным всякий законодательный или правительственный акт, который их нарушает.

III. Французская Конституция не признает другого законного правительства, кроме правительства республиканского, и

другой республики, кроме той, которая основана на свободе и равенстве.

IV. Французская республика едина и неделима.

V. Суверенитет заключается по существу своему во французском народе; все публичные должностные лица являются уполномоченными народа, они могут быть отозваны им таким же образом, как он их избрал.

Конституция не признает другой власти, кроме власти суверена; различные части власти, осуществляемые разными должностными лицами, являются лишь общественными функциями, которые он им поручает для общей пользы.

Народонаселение и обширность Республики обязывают французский народ разделиться на секции для осуществления своего суверенитета; но его права не являются ни менее действительными, ни менее священными, чем в том случае, если бы он вел обсуждения в едином собрании.

Вследствие этого каждая секция суверена, не может быть подчинена ни влиянию, ни повелениям какой-либо установленной власти, а уполномоченные, посягающие либо на свободу, либо на безопасность, либо на достоинство какой-нибудь части народа, виновны в мятеже против всего народа.

VIII. Для того чтобы неравенство состояний не уничтожило равенство прав, Конституция требует, чтобы гражданам, живущим своим трудом, оплачивалось то время, которое они посвящают общественным делам в народных собраниях, куда призывает их закон.

IX. Продолжительность выполнения обязанностей народных уполномоченных не может превышать двух лет.

X. Никто не может отправлять две публичные должности одновременно.

XI. Исполнительные, законодательные и судебные функции осуществляются раздельно.

XII. Конституция не требует того, чтобы закон сам мог гарантировать индивидуальную свободу без всякой пользы для общественного блага; она предоставляет коммунаам право регулировать свои собственные дела в том, что не относится к общему управлению республики.

Прения Законодательного собрания и всех установленных властей будут публичными: гласность, требуемая Конституцией, должна быть как можно шире. Законодательное собрание должно проводить свои заседания в помещении, которое могло бы принять в себя двенадцать тысяч присутствующих.

Каждое публичное должностное лицо является ответственным перед народом.

XV. Будет учрежден трибунал, единственной обязанностью которого будет ведать преступлениями должностных лиц против долга службы.

XVI. Члены Законодательного собрания не могут быть преследуемы ни одним установленным трибуналом за те мнения, которые они выскажут в Собрании; но по истечении срока их обязанностей народ, избравший их, будет торжественно судить их поведение. Он выскажет свое мнение по следующему вопросу: оправдал ли такой-то гражданин или нет то доверие, которое оказал ему народ.

XVII. Достоверные факты лихоимства и измены, которые могли бы быть вменены публичным должностным лицам, упомянутым в двух предшествующих статьях, будут рассматриваться народным трибуналом, а их частные правонарушения обычными трибуналами.

XVIII. Все члены Законодательного собрания и все члены исполнительной власти через два года по истечении срока их деятельности обязаны будут дать отчет о своем имущественном состоянии.

XIX. Если народные права будут нарушены каким-либо законодательным или правительственным актом, то каждый департамент может передать его на рассмотрение остальной части республики; и в срок, который будет установлен, первичные собрания соберутся для того, чтобы объявить свое мнение по этому вопросу.

XX. Декларация прав человека и гражданина будет находиться на самом видном месте тех помещений, где установленные власти будут проводить свои заседания; ее будут торжественно проносить при всех общественных церемониях; она будет главным предметом народного просвещения.

О РЕОРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

В июле—августе 1793 года внутреннее и внешнее положение революционной Франции значительно ухудшилось. Внутри страны усиливалась деятельность контрреволюции: убийство Марата, казнь вождя лионских якобинцев Шалье, контрреволюционные выступления в Париже, восстание в Тулоне, непрекращающаяся контрреволюционная борьба в Вандее и т.д. Контрреволюционная коалиция интервентов добивается успехов своих армий: взятие городов Конде, Майнца, Валансьена, Тулона. Интервенты вступают между собой в коалицию для совместной борьбы против революционной Франции: англо-неаполитанский союз, англо-прусское соглашение, испано-португальский договор, англо-австрийский договор и т.д. Ко всему этому нужно добавить тяжелое экономическое положение Франции и подрывную деятельность спекулянтов-скупщиков товаров первой необходимости.

В этих условиях Конвент, освободившись после революции 31 мая — 2 июня 1793 г., установившей якобинскую диктатуру, от жирондистов, издает ряд декретов, направленных на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией (декрет против скупщиков, декрет о введении смертной казни за спекуляцию товарами первой необходимости и др.).

В связи с тем, что деятельность созданного декретом 10 марта 1793 г. революционного трибунала не обеспечивала быстрой и решительной борьбы с врагами революции, на повестку дня Конвента был поставлен вопрос о реорганизации революционного трибунала. С краткой речью в заседании 23 августа 1793 г. выступил Робеспьер. Предложения, сформулированные в этой речи, были реализованы несколько позже — в октябре 1793 года — июне 1794 года.

Перевод сделан из т.28 P.Buchez et P.Roux, Histoire parlementaire de la revolution francaise, Paris, 1837.

Нужно вести постоянную борьбу с агентами Питта и Кобурга, которые заражают наши города и наши департаменты. С вершины горы я подам народу знак и скажу ему: вот твои враги — рази их!

Я наблюдал за крюкотворческими формальностями, которыми опутал себя революционный трибунал. Ему нужны целые месяцы, чтобы судить какого-то Кюстина, убийцу французского народа. Если бы тирания могла возродиться только на одни сутки, то ее противники были бы раздавлены за этот срок! Свобода должна пользоваться теперь такими же средствами; У нее в руках карающий меч, который должен, наконец, освободить народ от его самых ожесточенных врагов, те, кто не пустил бы его в ход, были бы преступны.

Не следует, чтобы трибунал, утвержденный для того, чтобы способствовать развитию революции, своей преступной медлительностью заставлял ее идти вспять; необходимо, чтобы он всегда был бдителен к преступлениям. Нужно, чтобы этот трибунал состоял из десяти человек, которые занимались бы только расследованием преступления и применением наказания; бесполезно увеличивать число присяжных и судей, потому что для этого трибунала существует один лишь род преступления — государственная измена, и одно лишь наказание — смертная казнь; нелепо, чтобы люди занимались выбором наказания за такое преступление, ибо за него полагается лишь одно, и оно применяется.

Комитет общественной безопасности может во многом упрекнуть себя, но парижская полиция также немало виновата, и ее нужно реформировать, как и его Комитет общественной безопасности, как и революционный трибунал, порочен по своей форме и организации. Он слишком многочислен, и одно уже это обстоятельство должно затруднять его действия, помимо того, что оно подрывает уверенность в патриотизме его членов.

Имеется и другое неудобство, зачастую наносящее большой вред движению дел. Комитет общественного спасения, на обязанности которого лежит ликвидировать заговоры, какого бы рода они ни были,

часто задерживает того человека, которого Комитет общественной безопасности, имеющий почти такие же функции, разыскивает сам; благодаря этому возникает конфликт о подсудности, нередко наносящий вред государственному благу. Комитет общественной безопасности освобождает или оправдывает то лицо, которое Комитет общественного спасения заключил в тюрьму и осудил, ибо оба судят на основании различных документов, и одним умалчивается то, что послужило основанием для решения другого; а это открывает всегда широкий путь для интриги.

Резюмирую вкратце: реформа революционного трибунала и быстрое преобразование его на основе новых форм; он будет осуждать виновных или освобождать невиновных в определенный и всегда очень короткий срок; создание нескольких революционных комитетов, которые будут совместно рассматривать дела о многочисленных преступлениях, ежедневно совершающихся против свободы; общий надзор полиции; переизбрание Комитета общественной безопасности в составе только десяти членов, обязанности которых будут определены; проведение точного разграничения между их функциями и функциями Комитета общественного спасения.

О ПРИНЦИПАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Исключительная обстановка, в которой находилась Франция осенью 1793 года в связи с войной и внутренней контрреволюцией, побудила Комитет общественного спасения поставить перед Конвентом вопрос о признании правительства революционным до наступления мира. Доклад на эту тему от имени Комитета общественного спасения был сделан Сен-Жюстом 10 октября 1798 г. в заседании Конвента, который принял предложенные Сен-Жюстом мероприятия. В связи с этим Робеспьеру было поручено определить принципы и цели революционного правительства. Доклад на эту тему был прочитан Робеспьером в Национальном конвенте 25 декабря 1793 г. — 5 нивоза 2-го года Республики. Предложения Робеспьера были единодушно одобрены Конвентом, который постановил издать доклад Робеспьера во всеобщее сведение под заголовком «Rapport sur les principes du gouvernement revolutionnaire, fait au nom du Comite de Salut Public par Maximilien Robespierre; imprime par ordre de la Convention, le 5 nivose de Van second de la Republique une et indivisible». A Paris, de l'imprimerie nationale. Перевод сделан из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1908.

Граждане народные представители, успехи усыпляют слабые души; они поощряют души сильные. Предоставим Европе и истории превозносить тулонские чудеса и подготовим новые триумфы для свободы.

Защитники Республики придерживаются правила Цезаря; они

***** Имеется в виду изгнание 19 декабря 1793 г. англичан из Тулона республиканскими войсками.

считают: не сделано ничего, пока остается еще что-то сделать. Нам остается еще достаточно опасностей, чтобы напрячь все наше усердие.

Победить англичан и изменников — легкое дело для доблести наших республиканских солдат; есть предприятие не менее важное и более трудное: это — расстроить путем неослабной энергии вечные интриги всех врагов нашей свободы и дать торжествовать принципам, на которых должно покоиться общественное процветание.

Таковы те главнейшие обязанности, которые вы возложили на свой Комитет общественного спасения.

Мы расскажем сначала о принципах и необходимости революционного правительства; мы укажем затем причину, стремящуюся его парализовать при его возникновении.

Теория революционного правительства так же нова, как и революция, ее породившая. Ее не нужно искать ни в книгах политических писателей, которые не предвидели этой революции, ни в законах тиранов, которые, довольствуясь злоупотреблением своей властью, мало заботятся о ее законности; поэтому для аристократии слова «революционное правительство» являются лишь предметом ужаса или клеветы, для тиранов — лишь позором, для многих людей — лишь загадкой. Эти слова нужно объяснять всем, для того чтобы приблизить, по крайней мере, добрых граждан к принципам общественной пользы.

Функция правительства состоит в том, чтобы направлять моральные и физические силы нации к поставленной цели.

Цель конституционного правительства — сохранить Республику; цель революционного правительства — основать ее.

Революция — это война свободы против ее врагов; Конституция — это режим победоносной и мирной свободы.

Революционное правительство нуждается в чрезвычайной деятельности именно потому, что оно находится в состоянии войны. Оно подчинено менее единообразным и строгим правилам потому, что обстоятельства, окружающие его, бурны и изменчивы, и особенно потому, что оно вынуждено беспрестанно прибегать к новым и быстродействующим средствам для устранения новых и серьезных опасностей.

Конституционное правительство заботится главным образом о гражданской свободе; революционное же правительство — о свободе общественной. При конституционном строе почти достаточно защищать отдельных лиц от злоупотреблений общественной власти; при строе революционном сама общественная власть вынуждена защищаться от всех фракций, которые на нее нападают.

Революционное правительство должно оказывать добрым гражданам всю полноту национальной защиты; врагам народа оно должно приносить лишь смерть.

Этих понятий достаточно для объяснения происхождения и природы законов, которые мы называем революционными. Те, кто считают их произволом или тиранией, — тупоумные или злобные софисты, старающиеся спутать противоположности; они хотят подчинить

одинаковому режиму мир и войну, здоровье и болезнь, или, вернее, они хотят только возрождения тирании и гибели отечества. Если они призывают к буквальному исполнению общеизвестных конституционных положений, то это делается лишь для того, чтобы безнаказанно нарушать их. Это — подлые убийцы, которые, желая без риска задушить республику в колыбели, стараются связать ее по рукам и ногам теми неясными правилами, которые сами они не соблюдают.

Конституционный корабль выстроен не для того, чтобы всегда оставаться в верфи; но разве следовало спустить его в море в разгар бури и на произвол встречных ветров? Этого хотели тираны и рабы, противившиеся его постройке; но французский народ приказал вам ждать наступления спокойствия. Единодушное желание народа, заглушая вопли аристократии и федерализма, повелело вам освободить его прежде всего от всех врагов.

Храмы созданы не для того, чтобы служить убежищем для богохульников, приходящих осквернять их, а Конституция — не для того, чтобы поощрять заговоры тиранов, стремящихся ее уничтожить.

Если революционное правительство должно быть более энергично и свободно в своих действиях, чем обычное правительство, то разве оно становится от этого менее справедливым и законным? Нет. Оно опирается на самый священный из всех законов — спасение народа; на самое неоспоримое из всех прав — необходимость.

У него также есть свои правила, заимствованные у справедливости и общественного порядка. У него нет ничего общего с анархией или беспорядком; напротив, его целью является подавить их для того, чтобы установить и упрочить царство законов. У него нет ничего общего с произволом. Оно должно руководствоваться не страстями отдельных лиц, а общественной пользой. Революционное правительство должно придерживаться обычных и общих принципов во всех тех случаях, когда они могут быть строго применены без нарушения общественной свободы. Мерилом его силы должна быть дерзость или вероломство заговорщиков. Чем грознее революционное правительство по отношению к злым, тем благосклоннее оно должно быть по отношению к добрым. Чем больше необходимых строгостей требуют от него окружающие обстоятельства, тем больше оно должно воздерживаться от применения тех мер, которые бесполезно стесняют свободу и нарушают частные интересы без всякой пользы для общества.

Оно должно лавировать между двумя подводными камнями — слабостью и безрассудной отвагой, модерантизмом и эксцессами; тем модерантизмом, который походит на умеренность, как бессилие на целомудрие, и теми эксцессами, которые походят на энергию, как водянка на здоровье.

Тираны постоянно старались направить нас назад к рабству по путям модерантизма; иногда также они хотели бросить нас в противоположную крайность. Крайности сходятся. Попадешь ли в ту или эту сторону цели, она равным образом недостижима. Никто так не походит на апостола федерализма, как несвоевременный проповедник единой и всеобщей

республики ***** . Друг королей и главный прокурор человеческого рода довольно хорошо ладят друг с другом. Фанатик в рясе и фанатик, проповедующий атеизм, имеют между собой большое сходство. Бароны-демократы являются братьями маркизов из Кобленца и иногда красные колпаки являются более близкими к красным каблукам, чем это можно было бы думать ***** .

Вот здесь-то правительство и должно быть крайне осмотрительным, ибо все враги свободы бодрствуют, чтобы обратить против нее не только ошибки правительства, но даже и самые мудрые его мероприятия. Если правительство наносит удары тому, что называется крайностями, то они стараются восхвалять модерантизм и аристократию. Если оно преследует оба эти чудовища, то они толкают изо всех сил к крайностям. Опасно давать им возможность вводить в заблуждение усердие добрых граждан; еще опаснее лишать бодрости и преследовать добрых граждан, обманутых ими. Благодаря одному из этих злоупотреблений Республика рисковала бы погибнуть в судорогах; благодаря другому она неминуемо погибла бы от слабости.

Что же следует делать? Преследовать преступных создателей вероломных планов, оказывать поддержку патриотизму, даже если он заблуждается, просвещать патриотов и беспрестанно поднимать народ до понимания своих прав и высокого предназначения. Если вы не усвоите этого правила, то вы потеряете все.

Если бы понадобилось выбирать между излишеством патриотического рвения и отсутствием гражданского чувства или маразмом модерантизма, то не нужно было бы колебаться. Сильное тело, терзаемое переизбытком соков, обладает большими возможностями, чем труп.

Главное же остережемся убивать патриотизм, желая его исцелить.

Патриотизм горяч по своей природе. Кто может хладнокровно любить отечество? Патриотизм является по преимуществу уделом простых людей, мало способных определить политические последствия гражданского поступка по его мотиву. Какой патриот, даже просвещенный, никогда не ошибался? О, если допускают существование искренних умеренных и трусов, то почему бы не существовать искренним патриотам, которых похвальное чувство увлекает порой чересчур далеко? Если бы, следовательно, считать преступными всех тех, которые в революционном движении вышли бы за пределы точных границ, начертанных благоразумием, то вместе с плохими гражданами пришлось бы подвергнуть общей опале всех подлинных друзей свободы, ваших собственных друзей и всех защитников Республики.

Ловкие эмиссары тирании, обманув их, сами сделали бы их обвинителями, а возможно, и судьями. Кто же различит все эти оттенки? Кто проведет демаркационную линию между всеми крайностями? Любовь

к отечеству и к истине. Короли и плуты будут всегда стараться уничтожить ее, они не хотят иметь никакого дела ни с разумом, ни с истиной. Намечая обязанности революционного правительства, мы указали на грозящие ему подводные камни. Чем больше его власть, чем свободнее и быстрее оно в своих действиях, тем больше оно должно руководствоваться добрыми намерениями. В тот день, когда революционное правительство попадет в не чистые или вероломные руки, свобода будет погублена; его имя станет предлогом и оправданием для самой контрреволюции; его энергия окажется сильнодействующим ядом.

Поэтому доверие французского народа связано скорее с характером, проявленным Национальным конвентом, чем с ним самим как учреждением.

Передавая всю свою власть в ваши руки, народ ждал от вас, чтобы ваше правление было столь же благотельным для патриотов, как и грозным для врагов отечества. Он возложил на вас обязанность проявлять одновременно все мужество и ловкость, необходимые для того, чтобы раздавить врагов, а главное поддерживать между собой единство, в котором вы нуждаетесь, для выполнения ваших великих предначертаний.

Основание Французской Республики — дело нешуточное. Оно не может быть ни результатом прихоти или беззаботности, ни случайным следствием столкновения всех частных требований и революционных принципов. Мудрость так же, как и могущество, руководила созданием вселенной. Задавая лицам, выделенным из вашей среды, ответственную задачу беспрестанно заботиться о судьбах отечества, вы сами, следовательно, обязали себя оказывать им поддержку своей силой и своим доверием. Если народные представители своими познаниями, энергией, патриотизмом и благосклонностью не окажут поддержку революционному правительству, то как хватит у него силы для противодействия, которое соответствовало бы усилиям нападающей на него Европы и всех врагов свободы, теснящих его со всех сторон?

Горе нам, если мы откроем свои души для вероломных инсинуаций наших врагов, которые могут нас победить, лишь поселяя между нами вражду! Горе нам, если мы разрушим наш союз, вместо того чтобы укрепить его, если голос личных интересов и оскорбленного тщеславия заглушит голос отечества и истины!

Возвысим же свои души до понимания республиканских добродетелей и античных примеров. Фемистокл был гениальнее спартанского генерала, командовавшего греческим флотом, однако, когда этот генерал в ответ на необходимый совет, который должен был спасти отечество, поднял свою палку, чтобы ударить Фемистокла, последний удовольствовался тем, что возразил ему: «Ударь, но послушайся», и Греция восторжествовала над азиатским тираном. Сципион стоял другого римского генерала: победив Ганнибала и Карфаген, он считал за честь служить под начальством своего врага. О, добродетель великих сердец! Что такое в сравнении с тобой все тревоги

***** Имеется в виду Анахарсис Клоотс.

***** Красные колпаки носили сторонники революции, а красные каблуки являлись в свое время принадлежностью туалета придворных.

и притязания мелких душ? О, добродетель! Разве ты менее необходима для основания республики, чем для мирного управления ею? О, отечество! Разве ты имеешь меньше прав на представителей французского народа, чем Греция и Рим — на своих генералов? Да что я говорю! Если среди нас функции революционного управления не являются более тяжелым долгом, а служат предметом честолюбия, то республика уже погибла.

Нужно, чтобы авторитет Национального конвента уважался всей Европой; тираны используют все средства своей политики и расточают свои богатства, с целью унижить, уничтожить Конвент. Нужно, чтобы Конвент твердо решил предпочесть свое собственное управление управлению лондонского кабинета и европейских дворов; ибо, если он не будет управлять, тираны будут царствовать.

Какие только преимущества не имеют они в этой войне хитрости и испорченности, которую они ведут с Республикой? Все пороки сражаются за них; Республика же имеет за собой одни лишь добродетели. Добродетели просты, скромны, бедны, часто невежественны, порой грубы; они являются уделом несчастливцев и достоянием народа. Пороки осыпаны всеми сокровищами, вооружены всеми чарами сладострастия и соблазнами вероломства; их сопровождают все опасные таланты, используемые для преступления.

С каким величайшим искусством тираны обращают против нас, я уже не говорю — наши страсти и слабости, но даже и наш патриотизм!

С какой быстротой могли бы развиваться зародыши того разногласия, которое они сеют среди нас, если бы мы не спешили их заглушать!

Благодаря пяти годам измены и тирании, благодаря излишней непредусмотрительности и легковерию, благодаря некоторым мужественным поступкам, слишком скоро униженным малодушным раскаянием, Австрия, Англия, Россия, Пруссия, Италия имели время учредить во Франции тайное правительство, соперничающее с правительством французским. У них тоже есть свои комитеты, свое казначейство, свои агенты; это правительство получает ту силу, которую мы отнимаем у своего; оно обладает тем единством, которого нам давно не хватало, той политикой, которую мы считаем способной нас превзойти, теми последовательностью и согласием, необходимость которых мы все еще недостаточно ощутили.

Поэтому иностранные дворы с давних пор забрасывали во Францию оплачиваемых ими ловких злодеев. Их агенты все еще наводняют наши армии; доказательством того служит сама тулонская победа; потребовалась вся храбрость солдат, вся преданность генералов, весь героизм народных представителей, чтобы торжествовать над изменой. Они совещаются в наших административных учреждениях, на наших секционных собраниях; они проникают в наши клубы; они присутствовали даже в святилище национального представительства; они руководят и будут вечно руководить контрреволюцией в том же плане.

Они рыскают вокруг нас; они выведывают наши тайны; они

поощряют наши страсти; они пытаются даже наставлять нас в наших взглядах; они обращают против нас наши решения. Если вы слабы, они восхваляют ваше благоразумие. Если вы благоразумны, они обвиняют вас в слабости; они призывают к вашей храбрости, отваге, к вашей справедливости, жестокости. Если вы щадите их, они злоумышляют публично; если вы грозите им, они злоумышляют во тьме и под личиной патриотизма. Вчера они убивали защитников свободы; сегодня они участвуют в их торжественном погребении и требуют для них божеских почестей, выжидая случая погубить им подобных. Если нужно разжечь гражданскую войну, они начинают проповедовать все безумства суеверия. Если пламя гражданской войны готово погаснуть от потоков французской крови, они отрекаются и от своего священнического звания и от своих богов, чтобы снова разжечь его.

Случалось, что англичане и пруссаки посещали наши города и села, проповедуя от имени Национального конвента какую-нибудь бессмысленную доктрину; случалось, что священники, лишенные священнического сана, возглавляли мятежные собрания, причиной или предлогом которых служила религия. Патриотов, которых ненависть и фанатизм увлекают на неосторожные поступки, уже стали убивать; во многих местах из-за этих прискорбных раздоров уже потекла кровь, как будто у нас было слишком много крови для борьбы с тиранами Европы. О, стыд! О, слабость человеческого разума! Великая нация оказалась игрушкой в руках презреннейших лакеев тирании!

Иностранцы казались некоторое время властителями общественного спокойствия. Деньги обращались или исчезали по их усмотрению. Народ имел или не имел хлеба по их желанию; толпы народа у дверей булочных образовывались и рассеивались по их знаку. Они окружают нас своими наемными убийцами, своими шпионами; мы это знаем, мы это видим, и они живут! Они недоступны, по-видимому, мечу законов. И даже теперь труднее наказать влиятельного заговорщика, чем вырвать Друга свободы из рук клеветы.

Едва мы изобличили ложно философские крайности, вызванные врагами Франции, едва патриотизм назвал их на этой трибуне «ультрареволюционными», как тотчас же лионские изменники^{*****}, все приверженцы тирании поторопились применить это выражение к пылким и благородным патриотам, мстившим за народ и законы. С одной стороны, они возобновляют прежнюю систему преследования друзей республики; с другой — они призывают о снисходительности по отношению к злодеям, покрытым кровью отечества.

Однако их преступления накапливаются; нечестивые когорты иностранных эмиссаров набираются каждый день; Франция наполнена ими; они ждут и будут ждать вечно благоприятного момента для своих пагубных замыслов. Они укрепляются, они окапываются среди нас, они

^{*****} Жирондистско-роялистский блок, совершивший 29 мая 1793 г. контр-революционный переворот в Лионе.

возводят новые редуты, новые контрреволюционные батареи, в то время как тираны, содержащие их на жалованьи, стягивают новые войска.

Да, вероломные эмиссары, беседующие с нами, ласкающие нас, — это братья и сообщники кровожадных сателлитов, которые опустошают наши житницы, которые завладели нашими городами и нашими кораблями, купленными их господами, которые перерезали наших братьев, безжалостно умертвили наших граждан, попавших к ним в плен, наших жен, наших детей и представителей французского народа. Да что я говорю! Чудовища, совершившие эти злодеяния, в тысячу раз менее жестоки, чем презренные негодяи, тайно терзающие наши внутренности; и они живут, и они безнаказанно злоумышляют!

Они ждут лишь вождей, чтобы объединиться, они ищут их среди вас. Их главная цель — вызвать столкновение между нами. Эта гибельная борьба возродила бы надежды аристократии, возобновила бы козни федерализма, отомстила бы за жирондистскую фракцию, за тот закон, который наказал ее злодеяния; она наказала бы Гору за ее великую преданность; ибо это на Гору, или вернее, на Конвент, нападают, сея в нем рознь и разрушая его работу.

Что касается нас, то мы будем вести войну лишь с англичанами, пруссаками, австрийцами и их сообщниками. Мы будем отвечать на пасквилы, истребляя их; мы умеем ненавидеть только врагов отечества. Ужас следует вносить не в душу патриотов или несчастных людей, а в логовища иностранных разбойников, где распределяют добычу и пьют кровь французского народа.

Комитет заметил, что закон недостаточно быстр для наказания крупных преступников. Иностранцы, известные агенты объединенных королей, генералы, запачканные кровью французов, бывшие сообщники Дюмуре, Кюстина и Ламарльера давно находятся под арестом, но не предстают перед судом.

Заговорщики многочисленны: количество их, по-видимому, растет, а примеры подобного рода редки. Наказание сотни неизвестных и второстепенных преступников является менее полезным для свободы, чем казнь одного главы заговора.

Члены революционного трибунала, патриотизм и справедливость которого в общем заслуживает похвалы, сами указали Комитету общественного спасения на те причины, которые порой затрудняют его работу, не делая ее более безошибочной, и просили у нас изменения одного закона, который напоминает о тех злополучных временах, когда он был издан. Мы предлагаем уполномочить Комитет представить вам некоторые изменения в этом отношении, которые будут одинаково стремиться к тому, чтобы сделать правосудие еще более благоприятным для невинности и одновременно — еще более неизбежным для преступления и интриги. Вы уже поручали ему позаботиться об этом в предшествующем декрете.

Мы предлагаем вам немедленно ускорить суд над иностранцами и генералами, обвиняемыми в заговоре с тиранами, ведущими с нами войну.

Недостаточно только устрашать врагов отечества; нужна также помогать его защитникам. Мы будем, следовательно, ходатайствовать перед вашей справедливостью о некоторых постановлениях в пользу солдат, которые сражаются и страдают за свободу.

Французская армия — не только ужас тиранов; она — слава нации и человечества. Шагая навстречу победе, наши добродетельные воины кричат: «Да здравствует Республика!». Погибая под огнем неприятеля, они произносят: «Да здравствует Республика». Их последние слова являются гимном свободы; их последние вздохи — мольбой за отечество. Если бы все начальники стоили солдат, то Европа была бы уже давно побеждена. Каждый благодетельный акт по отношению к армии является актом национальной признательности.

Пособия, предоставляемые защитникам отечества и их семьям, показались нам слишком незначительными. Мы считаем, что они могут быть беспрепятственно увеличены на одну треть. Необъятные финансовые ресурсы Республики позволяют прибегнуть к этой мере: отечество в ней нуждается.

Нам показалось также, что изувеченные солдаты, вдовы и дети лиц, погибших за отечество, в формальностях, требуемых законом, во множестве просьб, порой в равнодушии или недоброжелательстве некоторых второстепенных администраторов встречались с трудностями, мешающими пользоваться теми преимуществами, которые обеспечивает им закон. Мы сочли, что средством от этих помех является предоставление им услужливых защитников, установленных законом для облегчения им способов отстаивать свои права.

По всем этим мотивам мы предлагаем вам следующий декрет:

Национальный конвент декретирует:

Статья первая

Общественный обвинитель революционного трибунала немедленно привлечет к суду Дитриха, Кюстина, сына генерала, наказанного законом, Дебрюлли, Бирона Бартелеми и всех генералов и офицеров, обвиняемых в сообщничестве с Дюмуре, Кюстином, Ламарльером, Гушаром. Он привлечет главным образом к суду иностранцев банкиров и других лиц, обвиняемых в Измене и соучастии с королями, объединившимися против Республики.

II. Комитет общественного спасения доложит в кратчайший срок о способах улучшения организации революционного трибунала.

III. Пособия и награды, предоставленные предшествующими декретами защитникам отечества, раненым в сражении за него или их вдовам и их детям, будут увеличены на одну треть.

IV. Будет создана комиссия, уполномоченная облегчать им пользование правами, предоставляемыми им законом.

V. Члены этой комиссии будут назначены Национальным конвентом по предложению Комитета общественного спасения.

О ПРИНЦИПАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

В ноябре-декабре 1793 года Робеспьер сделал в Конвенте два доклада о внешней политике революционной Франции. В конце декабря 1793 года Робеспьер в Конвенте прочитал доклад «О принципах революционного правительства», приведенный в настоящем сборнике. Дальнейшим развитием идей, сформулированных Робеспьером в этом докладе, явился доклад, который сделал Робеспьер в Конвенте от имени Комитета общественного спасения 5 февраля 1794 г. Заслушав этот доклад, Конвент постановил, что он должен быть напечатан, разослан всем органам власти, народным обществам и армиям, а также переведен на все языки.

Доклад был издан Национальной типографией в виде отдельной брошюры in-8°, 31 стр., под заголовком «Convention nationale. Rapport sur les principes de morale politique qui doivent guider la Convention nationale dans l'administration interieure de la Republique, fait au nom du Comite de salut public, le 18 pluviöse, Van 2e de la Republique par Maximilien Robespierre; imprime par ordre de la Convention nationale».

Перевод сделан из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1908.

Граждане народные представители, несколько времени тому назад мы изложили принципы нашей внешней политики; теперь мы собираемся изложить принципы нашей внутренней политики.

После того как представители французского народа долго шли наугад, словно увлекаемые движением враждебных фракций, они, наконец, проявили характер и создали правительство. Внезапная перемена в счастье нации возвестила Европе о возрождении, совершившемся в национальном представительстве. Но надо сознаться, что до настоящей минуты нами руководили при столь бурных обстоятельствах скорее любовь к благу и понимание потребностей отечества, чем, безусловно, верная теория и точные правила поведения, которые у нас даже не было времени начертать.

Пора ясно определить цель революции и установить предел, до которого мы хотим пойти, пора отдать отчет себе самим и в препятствиях, которые еще отдаляют нас от нее, и в средствах, которые мы должны принять для ее достижения, — простая и важная мысль, которая, по-видимому, никогда не была замечена. О, каким образом подлое и продажное правительство посмело бы ее осуществить? Какой-нибудь король, надменный сенат, Цезарь, Кромвель должны прежде всего прикрыть свои планы религиозным покровом, войти в сделку со всеми пороками, польстить всем партиям, разгромить партию честных людей, подавить или обмануть народ для удовлетворения своего вероломного честолюбия. Если бы мы не должны были выполнять большую работу, если бы здесь речь шла лишь об интересах фракции или новой аристократии, то мы могли бы поверить, как некоторые писатели, невежество которых превышает даже их испорченность, в то, что план

французской революции был целиком написан в книгах Тацита и Макиавелли, и поискать обязанности народных представителей в истории Августа, Тиберия или Веспасиана, или даже в истории некоторых французских законодателей, ибо все тираны с некоторыми незначительными оттенками вероломства или жестокости похожи друг на друга. Что же касается нас, то сегодня мы пришли посвятить вселенную в ваши политические тайны, чтобы все друзья отечества могли присоединиться к голосу разума и общественного интереса, чтобы французская нация и ее представители были уважаемы во всех странах вселенной, куда только смогут дойти сведения об их истинных принципах, чтобы интриганы, всегда старающиеся заменить других интриганов, были судимы общественным мнением в соответствии с надежными и понятными правилами.

Для того чтобы вручить судьбы свободы больше истине, которая вечна, чем людям, которые смертны, следует заранее принять меры предосторожности, так чтобы в том случае, если правительство забудет интересы народа или если оно окажется во власти испорченных людей, то по естественному ходу вещей свет признанных принципов прольется на их измены, и всякая новая фракция найдет смерть при одной лишь мысли о преступлении.

Счастлив тот народ, который может достигнуть этого! Ибо. какие бы новые оскорбления ему ни готовились, тот порядок вещей, при котором общественный разум является гарантией свободы, окажет ему всяческую помощь.

Какова цель, к которой мы стремимся? Мирное пользование свободой и равенством, царство той вечной справедливости, законы которой были запечатлены не на мраморе и камне, но в сердцах всех людей, даже в сердце забывающего их раба и отрицающего их тирана.

Мы хотим такого порядка вещей, при котором все низкие и жестокие страсти были бы сдержанны, а все благотворные и благородные страсти пробуждались бы законами; такого порядка, при котором честолюбием было бы желание заслужить славу и послужить отечеству; при котором отличия возникают лишь из самого равенства; при котором гражданин подчинен должностному лицу, должностное лицо — народу, а народ — справедливости; при котором отечество обеспечивает благосостояние каждой личности, а каждая личность с гордостью наслаждается процветанием и славой отечества; при котором все души возвышаются от постоянного наплыва республиканских чувств и от потребности заслужить уважение великого народа; при котором искусства были бы украшением облагораживающей их свободы, торговля — источником общественного богатства, а не только чудовищным изобилием нескольких семей.

Мы хотим заменить в нашей стране: эгоизм нравственностью, честь честностью, привычки принципами, приличия обязанностями, тиранию моды властью разума, презрение к несчастью презрением к пороку, наглость благородством, тщеславие величием души, любовь к деньгам любовью к славе, хороший тон хорошими людьми, интригу заслугой, остроумие дарованием, внешний блеск истиной, пресыщение

сладострастия очарованием счастья, ничтожество знати величием человека, приятный, легкомысленный и несчастный народ благородным, могущественным, счастливым народом, то есть мы хотим заменить все пороки и все нелепые стороны монархии всеми добродетелями и чудесами Республики.

Словом, мы хотим осуществить желания природы, свершить судьбы человечества, сдержать обещания философии, оправдать проведение за долгое царствование преступления и тирании. Пусть Франция, занимавшая некогда видное место среди рабских стран, затмевая славу всех существовавших когда-либо свободных народов, станет примером для подражания наций, ужасом для угнетателей, утешением для угнетенных, украшением вселенной и пусть, скрепив наш труд своей кровью, мы сможем, по крайней мере, увидеть сияние зари всеобщего счастья... Вот наше честолюбие, вот наша цель.

Какое же правительство может осуществить все эти чудеса? Только демократическое или республиканское правительство: оба эти слова являются синонимами, несмотря на разницу в их обычном употреблении, ибо аристократия является не более республикой, чем монархия. Демократия — это не такое государство, где постоянно собранный народ самостоятельно регулирует все общественные дела; еще менее это государство, где сто тысяч народных фракций решали бы судьбу целого общества при помощи отдельных поспешных и противоречивых мер. Подобное правительство никогда не существовало, и оно могло бы существовать лишь для того, чтобы снова привести народ к деспотизму.

Демократия — это такое государство, где суверенный народ, руководимый им же самим созданными законами, делает сам все то, что возможно, и при помощи своих представителей — все то, что он не может делать сам.

В принципах же демократического правительства вы должны искать правила вашего политического поведения.

Но для того чтобы создать и упрочить среди нас демократию, чтобы достигнуть мирного господства конституционных законов, нужно покончить с войной свободы против тирании и благополучно пройти сквозь бури революции — такова цель революционной системы, которую вы установили. Вы должны еще, следовательно, соразмерить ваше поведение с теми бурными событиями, которые происходят в республике, и план вашего управления должен вытекать из духа революционного правительства в соединении с общими принципами демократии.

Какой же основной принцип демократического или народного правительства, то есть главнейшая пружина, которая поддерживает его и приводит в движение? Это — добродетель; к говорю об общественной добродетели, которая произвела столько чудес в Греции и Риме и которая должна произвести еще более удивительные чудеса в республиканской Франции; я говорю о той добродетели, которая является не чем иным, как любовью к отечеству и к его законам.

Но так как сущность республики или демократии — равенство, то из

этого следует, что любовь к отечеству необходимо включает в себя и любовь к равенству.

Правда и то, что это возвышенное чувство предполагает предпочтение общественного интереса всем частным интересам; отсюда следует, что любовь к отечеству предполагает еще или порождает все добродетели; ибо чем иным являются они, какие силой души, которая делает человека способным к этим жертвам? И как, например, раб скупости или честолюбия мог бы принести свой кумир в жертву отечеству?

Добродетель — не только душа демократии, но и существовать она может лишь при этой форме правления. При монархии я знаю только одну личность, которая может любить отечестве; и которая для этого даже не нуждается в добродетели. Это — монарх. Происходит это оттого, что из всех жителей своих государств монарх один имеет отечество. Разве он не суверен, по крайней мере, фактический. Разве он не занимает места народа? А что такое отечество, если не страна, где человек является гражданином и членом суверена?

Вследствие того же принципа в аристократических государствах слово «отечество» имеет какое-то значение лишь для патрицианских семей, захвативших суверенитет.

Демократия есть лишь там, где государство действительно является отечеством всех людей, которые входят в его состав и может насчитывать столько же защитников, заинтересованных в его деле, сколько оно содержит граждан. Вот источник превосходства свободных народов над всеми другими. Если Афины и Спарта восторжествовали над тиранами Азии, а швейцарцы — над тиранами Испании и Австрии, то этому не нужно искать какой-либо другой причины.

Но французы являются первым народом мира, который, призывая всех людей к равенству и к полноте гражданских прав, установил подлинную демократию; и это, по моему мнению, настоящая причина того, что все тираны, объединившиеся против Республики, будут побеждены.

Из тех принципов, которые мы только что изложили, следует теперь сделать важные выводы.

Так как душой Республики являются добродетель и равенство и так как ваша цель состоит в создании и в упрочении Республики, то из этого следует, что основным правилом вашего политического поведения должно быть направление всех ваших действий на поддержание равенства и развитие добродетели, ибо главнейшей заботой законодателя должно быть укрепление принципа правления. Таким образом, все, что ведет к возбуждению любви к отечеству, к очищению нравов, к возвышению душ, к направлению страстей человеческого сердца, к общественному интересу, должно быть принято и установлено вами. Все, что ведет к сосредоточению страстей на низости собственного я, к возбуждению пристрастия к малым делам и пренебрежению к великим, должно быть отвергнуто или пресечено вами. То, что в учреждениях французской революции безнравственно, является

политически непригодным; то, что развращает, является контрреволюционным. Слабость, пороки, предрассудки — путь королевской власти. Увлекаемые, и быть может очень часто, тяжестью наших прежних привычек, так же как и незаметной склонностью к человеческой слабости, к ложным понятиям, и малодушным чувствам, мы должны гораздо менее воздерживаться от излишней энергии, чем от излишней слабости. Быть может, наибольший камень преткновения, которого мы должны избегать, — не пыл усердия, а скорее утомление от добра и боязнь своей собственной храбрости.

Повышайте же беспрестанно несокрушимую энергию республиканского правительства, вместо того чтобы дать ей ослабнуть. Мне не нужно говорить, что я не стремлюсь здесь оправдывать какую-либо крайнюю меру. При злоупотреблении самыми священными принципами мудрости правительства надлежит сообразовываться с обстоятельствами, ловить нужный момент, выбирать необходимые средства, ибо характер подготовки великих дел является неотъемлемой частью способности их совершать, подобно тому как мудрость является частью добродетели.

Мы не имеем намерения создавать Французскую республику по типу Спарты; мы не хотим придавать ей ни строгости, ни испорченности монастырских нравов. Мы изложили вам во всей чистоте нравственный и политический принцип народного управления. У вас есть, следовательно, компас, который может направлять вас среди бурь всех страстей и водоворота окружающих вас интриг. У вас есть пробный камень, которым вы можете испытывать все ваши законы, все сделанные вам предложения. Беспрестанно сравнивая их с этим принципом, вы сможете в дальнейшем избежать обычного камня преткновения больших собраний, опасности неожиданностей и поспешных, непоследовательных, противоречивых мероприятий. Всем вашим действиям вы сможете придать соразмерность, единство, мудрость и достоинство, которые должны проявить представители наилучшего в мире народа.

Не о понятных выводах из принципа демократии следует подробно рассказывать; этот простой и плодотворный принцип сам заслуживает изложения.

Республиканская добродетель может быть рассмотрена по отношению к народу и по отношению к правительству; она необходима и тому и другому. Когда одно лишь правительство лишено ее, то остается надежда на добродетель народа, но когда сам народ испорчен, то свобода уже потеряна.

К счастью, вопреки аристократическим предрассудкам, добродетель свойственна народу. Нация поистине испорчена, когда, постепенно утратив свой характер и свою свободу, она переходит от демократии к аристократии или к монархии; это — смерть политического общества от дряхлости. Когда после четырехсот лет славы жадность изгнала, наконец, из Спарты нравственность вместе с законами Ликурга, то Агис напрасно умирает, чтобы возратить их! Напрасно Демосфен гремит против Филиппа. Филипп находит в пороках вырождающихся Афин более красноречивых адвокатов, чем Демосфен. В Афинах имеется еще столь

же многочисленное население, как и во времена Мильтиада и Аристиды, но более нет афинян. Что за важность, если Брут убил тирана? Тирания живет еще в сердцах, а Рим существует еще лишь в Бруте.

Но когда благодаря величайшим усилиям мужества и разума народ разбивает оковы деспотизма, чтобы поднести их свободе в качестве трофеев, когда благодаря силе своего нравственного склада он выходит, так сказать, из рук смерти, чтобы восстановить всю энергию молодости, когда, поочередно чувствительный и гордый, неустрашимый и покорный, он не может быть остановлен ни неприступными валами, ни несметными войсками тиранов, ополчившихся против него, и останавливается сам перед лицом закона, то если он быстро не устремится к высоте своих судеб, это может быть лишь виной тех, кто им управляет.

К тому же можно сказать, что, для того чтобы любить справедливость и равенство, народ не нуждается в большой добродетели; ему достаточно любить самого себя.

Но должностное лицо обязано приносить свой интерес в жертву народному интересу и гордость власти — равенству. Нужно, чтобы закон особенно повелительно говорил с тем, кто является его орудием. Правительству нужно обратить особенное внимание на себя самого, с тем чтобы отдельные его части соответствовали ему как целому. Если существует представительный корпус, наивысшая власть, учрежденная народом, то наблюдать за всеми общественными должностными лицами и беспрестанно обуздывать их надлежит именно ей. Но кто же обуздает ее самое, как не ее собственная добродетель? Чем более возвышен этот источник общественного порядка, тем более чист он должен быть; нужно, следовательно, чтобы представительный корпус начал с подчинения в своих недрах всех личных страстей общей страсти к общественному благу. Счастливы представители, когда слава и даже интерес привязывают их к делу свободы столько же, сколько и их обязанность.

Выведем из всего этого следующую великую истину: свойством истинно народного правительства являются доверчивость к народу и строгость к самому себе.

Этим ограничилось бы все изложение нашей теории, если бы вам предстояло вести корабль Республики лишь при штиле, но шторм бушует, и состояние революции, в котором вы находитесь, возлагает на вас иную задачу.

Глубокая чистота основ французской революции, самая возвышенность ее цели является именно тем, что составляет нашу силу и нашу слабость; нашу силу — потому что это дает нам превосходство истины над обманом и общественного интереса над частными интересами; нашу слабость — потому что это сплачивает против нас всех порочных людей, всех тех, кто замыслили в своих сердцах ограбить народ, и всех тех, кто хотели ограбить его безнаказанно, и тех, кто оттолкнули свободу как личное большое несчастье, и тех, кто восприняли революцию как ремесло, а республику как добычу; отсюда измена стольких честолюбивых и алчных людей, которые покинули нас в пути с

момента отправления, ибо они начинали путешествие для достижения иной цели. Можно подумать, что два враждебных божества, которых изобразили оспаривающими друг у друга власть над природой, сражаются в эту великую эпоху человеческой истории, чтобы бесповоротно определить судьбы мира, и что Франция является местом действия этой страшной борьбы.

Извне вас окружают все тираны; внутри страны все друзья тирании составляют заговоры; они будут составлять заговоры до тех пор, пока преступление может надеяться на успех. Нужно подавить внутренних и внешних врагов Республики или погибнуть вместе с нею; а в данном положении первым правилом вашей политики должно быть управление народом при помощи разума и врагами народа — при помощи террора.

Если в мирное время орудием народного правления является добродетель, то во время революции орудием его является и добродетель, и террор одновременно: добродетель, без которой террор гибелен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он — не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде.

Здесь говорили, что террор — это орудие деспотического правления. Следовательно, ваше правление похоже на деспотизм? Да, как меч, сверкающий в руках героев свободы, походит на меч, которым вооружены приверженцы тирании. Когда деспот управляет своими отупевшими подданными при помощи террора, как деспот, он прав: укрощайте террором врагов свободы, и как основатели Республики, вы будете правы. Революционное правление — это деспотизм свободы против тирании. Разве сила создана для того, чтобы защищать преступление, а не для того, чтобы разить надменные головы?

Природа предписывает всякому физическому и моральному существу закон о том, чтобы он позаботился о самосохранении; преступление губит невинность, чтобы властвовать, невинность же из всех своих сил рвется из рук преступления.

Если тирания поцарствует всего лишь один день, то на завтра больше не останется ни одного патриота. До каких пор ярость деспотов будет называться правосудием, а правосудие народа варварством или бунтом? Как люди мягки к угнетателям и неумолимы к угнетенным! Ничего нет естественнее: всякий, кто не питает ненависти к преступлению, не может любить добродетель.

Однако нужно, чтобы либо преступление, либо добродетель оказались погибшими. Снисходительность к роялистам, восклицают некоторые люди. Милость к злодеям! Нет, милость к невинности, милость к слабым, милость к несчастным, милость к человечеству!

Общественная защита предназначена лишь для мирных граждан; в Республике нет граждан, кроме республиканцев. Роялисты, заговорщики являются для нее лишь иноземцами или скорее врагами. Разве не едина ужасная война, которую выдерживает свобода против тирании? Разве

внутренние враги не являются союзниками внешних врагов? Убийцы, терзающие отечество внутри, интриганы, покупающие совесть народных уполномоченных, изменники, продающие ее, продажные сочинители пасквилей, подкупленные с целью обесчестить народное дело, погубить общественную добродетель, разжечь пламя гражданского раздора и подготовить политическую контрреволюцию при помощи контрреволюции моральной, — менее ли виновны или менее опасны все эти люди, чем тираны, которым они служат? Все те, кто ставят свою губительную мягкость между этими злодеями и карающим мечом национального правосудия, похожи на тех, кто бросился бы между приверженцами тиранов и штыками наших солдат; все порывы их ложной чувствительности кажутся мне лишь вздохами, несущимися в сторону Англии и Австрии.

Но в отношении кого же могли бы они смягчиться? В отношении двухсот тысяч героев, лучшей части нации, уничтоженных мечом врагов свободы, или кинжалами королевских или федералистских убийц? Нет, это были только плебеи, патриоты; чтобы иметь право на заботливое внимание врагов свободы, нужно быть, по крайней мере, вдовой какого-нибудь генерала, двадцать раз изменившего отечеству, чтобы добиться их снисходительности, чуть ли не требуется доказательства о принесенных в жертву десятках тысяч французов, подобно тому, как римский генерал, чтобы добиться триумфа, должен был убить, я полагаю, десять тысяч врагов. У нас хладнокровно слушают рассказы об ужасах, совершенных тиранами по отношению к защитникам свободы, о наших жестоко изуродованных женщинах, о наших детях, убитых у материнской груди, о наших пленных, в страшных муках искупающих свой трогательный и возвышенный героизм, а излишнюю медлительность в наказании нескольких чудовищ, упившихся невиннейшей кровью отечества, называют ужасной бойней.

У нас терпеливо относятся к нищете тех мужественных гражданок, которые принесли в жертву великому делу своих братьев, своих детей, своих мужей, а женам заговорщиков расточают самые щедрые утешения; принято, что у нас они могут безнаказанно подкупать правосудие, защищать против свободы дело своих близких и их сообщников; из жен заговорщиков чуть ли не создали привилегированное сообщество, кредиторов и пенсионерок народа.

С каким добродушием попадаемся мы еще на удочку слов! Как аристократия и модерантизм управляют еще нами при помощи опасных правил, которые они нам дали!

Аристократия защищает себя своими интригами лучше, чем патриотизм — своими заслугами... Революциями хотят у нас управлять при помощи судебных уловок; к делам о заговорах против Республики относятся, как к судебным делам частных лиц. Тирания убивает, а свобода защищает; законом же, по которому судят заговорщиков, служит кодекс, созданный ими же самими.

Когда речь идет о спасении отечества, то доказательство, основанное на свидетельских показаниях, не может заменить свидетельства вселенной, а доказательство, основанное на документе, —

самую очевидность.

Медленность в рассмотрении судебных дел равносильна безнаказанности; неуверенность в наказании поощряет всех виновных; а между тем у нас жалуются на строгость правосудия жалуются на заточение врагов Республики. У нас ищут себе примеров в истории тиранов, ибо не хотят выбирать их из истории народов или заимствовать их у духа свободы, над которой нависла угроза. В Риме, когда консул¹ раскрыл заговор и тотчас же подавил его посредством казни сообщников Катилины, он был обвинен в нарушении форм судопроизводства. Кем? Честолюбивым Цезарем, который хотел увеличить свою партию за счет шайки заговорщиков: Пизонами, Клодиями и всеми плохими гражданами, которые сами опасались добродетели истинного римлянина и строгости законов.

Наказать угнетателей человечества — это милосердие, простить их — это варварство. Жестокость тиранов вытекает только из жестокости, жестокость же республиканского правительства вызывается стремлением к добру.

Поэтому горе тому, кто посмел бы направить против народа террор, который должен касаться лишь его врагов! Горе тому, кто, смешивая неизбежные заблуждения патриотизма с обдуманно заблуждениями вероломства или с посягательствами заговорщиков, преследует не опасного интригана, а мирного гражданина! Да погибнет злодей, осмеливающийся злоупотребить священным именем свободы или грозным оружием, которое она ему доверила, для внесения скорби или смерти в сердца патриотов. Подобное злоупотребление существовало, в этом нельзя сомневаться. Оно было преувеличено, конечно, аристократией; но если бы во всей республике существовал хотя бы один добродетельный человек, преследуемый врагами свободы, то долгом правительства было бы заботливо отыскать его и всенародно отомстить за него.

Но из всех этих преследований, возбужденных лицемерным рвением контрреволюционеров против патриотов, следует ли заключить, что нужно отказаться от строгости? Напротив, эти новые преступления аристократии как раз и доказывают необходимость строгости. Что свидетельствует о наглости наших врагов, если не слабость, с которой их преследовали? Во многом она обязана той снисходительной доктрине, которую проповедовали в последнее время для их успокоения. Если бы вы могли внять этим советам, то ваши враги достигли бы своей цели и получили бы из ваших собственных рук награду за последнее из своих злодеяний.

Как легкомысленно было бы рассматривать некоторые победы, одержанные патриотизмом, концом всех наших опасностей! Взгляните на наше истинное положение, и вы поймете, что бдительность и энергия необходимы вам более, чем когда-либо. Действия правительства встречаются повсюду с тайным недоброжелательством; роковое влияние иностранных дворов стало

¹ Имеется в виду Цицерон.

более скрытым, но это ничуть не уменьшает его и не делает менее гибельным. Понятно, что напуганное преступление постоянно и все с большим искусством скрывало свои намерения.

Внутренние враги французского народа разделились на две фракции, как бы на два отряда армии. Они идут под знаменами различных цветов и различными путями, но они идут к одной и той же цели: это цель — дезорганизация народного правительства, падение Конвента, то есть торжество тирании. Одна из этих двух фракций толкает нас к слабости, другая — ко всяким крайностям. Одна хочет превратить свободу в вакханку, другая — в проститутку.

Второстепенные интриганы, зачастую даже добрые граждане, введенные в обман, примыкают то к той, то к другой стороне, но вожди преданы делу королей или аристократии и всегда объединяются против патриотов. Плуты, если даже они ведут войну между собой, ненавидят друг друга гораздо менее, чем честных людей. Отечество является их добычей, они дерутся за его раздел, но объединяются против его защитников.

Одним дали прозвище умеренных; другим — скорее остроумное, чем правильное, наименование ультрареволюционеров. Это название, ни в каком случае не могущее применяться к добросовестным людям, рвение и невежество которых могут увлечь их по ту сторону здоровой революционной политики, не точно характеризует вероломных людей, подкупаемых тиранией для того, чтобы компрометировать священные принципы нашей революции при помощи ложной и пагубной практики.

Лжереволюционер еще чаще, может быть, находится не по ту, а по эту сторону революции; смотря по обстоятельствам, он — то умерен, то одержим патриотизмом. Какие у него будут мысли на следующий день — это определяется в прусских, английских, австрийских, даже московских комитетах^{*****}. Он противится всем решительным мероприятиям, но, будучи не в силах помешать им, он старается довести их до крайности; строгий к невинности, но снисходительный к преступлению, обвиняющий даже виновных, которые не настолько богаты, чтобы купить его молчание, и не настолько влиятельны, чтобы заслужить его усердие, но остерегающийся как-нибудь скомпрометировать себя защитой оклеветанной добродетели, раскрывающий порой раскрытые заговоры, срывающий маску с обнаруженных и даже обезглавленных изменников, но превозносящий изменников живых и еще пользующихся доверием, всегда спешащий одобрить мнение, господствующее в данное время, и не менее внимательно относящийся к тому, чтобы никогда не освещать его, а главное, никогда его не задевать, всегда готовый принять смелые меры, лишь бы только они вызвали побольше неудобств, клевещущий на те меры, которые дают одни лишь преимущества, или вносящий в них все те поправки, которые могут сделать их вредными, говорящий истину с осторожностью и столько, сколько это нужно для приобретения права

^{*****} Имеется в виду деятельность иностранных государств против революционной Франции.

безнаказанно лгать, изливающий добро по капле, а зло — потоками, полный воодушевления по отношению к тем важным решениям, которые на самом деле не имеют никакого значения, более чем безразличный к тем из них, которые могут оказать честь народному делу и спасти отечество, преклоняющийся перед внешними формами патриотизма, весьма преданный внешним религиозным обрядам, как все ханжи, врагом которых он себя объявил, — он предпочел бы износить сотню красных колпаков, чем сделать хоть одно доброе дело.

Какую же разницу находите вы между этими людьми и вашими умеренными? Это все слуги одного и того же хозяина или, если вам угодно, сообщники, которые, прикидываются поссорившимися, чтобы лучше скрыть свои преступления. Судите их не по разнице в их речах, но по сходству результатов. Тот, кто оскорбляет Национальный конвент своими безрассудными речами, и тот, кто обманывает его с целью скомпрометировать, — разве между ними нет согласия? Тот, кто своей несправедливой строгостью внушает страх самому патриотизму, призывает к амнистии в пользу аристократии и измены. Тот, кто призывал Францию к завоеванию мира, имел одну лишь цель — призывать тиранов к завоеванию Франции. Тот лицемерный иностранец, который уже в течение пяти лет объявляет Париж столицей земного шара, только переводил на другой жаргон проклятия презренных федералистов, обрекавших Париж на уничтожение^{*****}. Проповедь атеизма служит лишь способом оправдать суеверие и обвинить философию; война же, объявленная божеству, является лишь отвлечением внимания в пользу королевской власти.

Какой же остается другой метод борьбы со свободой?

Может быть, будут, по примеру первых поборников аристократии, превозносить сладости рабства и благоденствия монархии, сверхъестественный гений и несравненные добродетели королей?

Может быть, будут провозглашать суетность прав человека и принципов вечной справедливости?

Может быть, будут вырывать из могилы трупы дворянства и духовенства или требовать неотъемлемых прав высшей буржуазии на свое двойное наследство?

Нет! Гораздо удобнее надеть личину патриотизма, чтобы исказить величественную драму революции при помощи наглых пародий и скомпрометировать дело свободы при помощи лицемерной умеренности или притворной экстравагантности.

Поэтому аристократия входит в состав народных обществ, контрреволюционная спесь прячет под лохмотьями свои заговоры и кинжалы, фанатизм разбивает свои собственные алтари; роялизм воспекает победы Республики, дворянство, подавленное воспоминаниями, нежно обнимает равенство, чтобы задушить его в своих объятиях, тирания, запачканная кровью защитников свободы, рассыпает цветы на их могилах.

Если все сердца не изменились, то на скольких же лицах надеты маски! Сколько изменников вмешивается в наши дела лишь с целью расстроить их!

Если вы хотите подвергнуть их испытанию, то потребуйте от них вместо присяги и напыщенных слов действительных услуг.

Когда нужно действовать, изменники разглагольствуют. Когда нужно совещаться, они хотят сначала действовать. В спокойное время они будут противиться всякому полезному изменению. В бурное время они будут говорить о полном преобразовании, чтобы перевернуть все вверх дном. Если вы хотите обуздать мятежников, изменники напоминают вам о милосердии Цезаря. Если вы хотите спасти патриотов от преследования, изменники приводят вам в качестве примера для подражания стойкость Брута. Пока такой-то служит Республике, они открывают, что он благородного происхождения, но, как только он изменил ей, они не вспоминают больше об этом. Когда полезен мир, они разглагольствуют о лаврах победы. Когда необходима война, они превозносят сладости мира. Когда нужно защищать свою территорию, они хотят идти наказывать тиранов за горами и морями. Когда нужно брать назад наши крепости, они хотят штурмовать церкви и небо. Они забывают об австрийцах, чтобы вести войну с ханжами. Когда нужно поддержать наше дело преданностью наших союзников, они раздражаются бранью против всех правительств мира и предложат вам, пожалуй, привлечь к суду самого Великого Могола. Когда народ идет в Капитолий возблагодарить богов за свои победы, они запевают заунывные песни о наших прежних несчастьях. Если же речь идет об одержании новых побед, они сеют среди нас ненависть, раздоры, преследования и уныние. Когда нужно осуществить суверенитет народа и сосредоточить его силу в прочном и уважаемом правительстве, они находят, что принципы управления нарушают народный суверенитет. Когда нужно взывать о правах народа, угнетаемого правительством, они говорят лишь об уважении к законам и о повиновении установленным властям. Они нашли превосходное средство для того, чтобы помогать усилиям республиканского правительства. Это — дезорганизовать его, совершенно опозорить его, вести борьбу с патриотами, содействовавшими нашим успехам.

Если вы ищете способы снабжения продовольствием своих армий, если вы занимаетесь тем, что отнимаете у скупости и страха продовольствие, скрываемое ими, изменники с видом патриотов жалуются на общественную нищету и предвещают голод. Желание предупредить зло служит для них всегда причиной его увеличения. На севере перерезали всех кур и лишили нас яиц под тем предлогом, что куры клюют зерно. На юге зашла речь об уничтожении тутовых и апельсиновых деревьев под тем предлогом, что шелк является предметом роскоши, а апельсины — излишеством.

Вы не могли бы никогда даже представить себе некоторые злоупотребления, совершенные лицемерными контрреволюционерами с целью опорочить дело революции. Разве вы могли бы поверить тому, что в странах наибольшего суеверия, недовольных переполнением

***** Имеется в виду Анахарсис Клоотс.

богослужения всеми теми обрядами, которые могут сделать его ненавистным, навели ужас на население, распространяя слух о готовящемся убийстве всех детей моложе десяти лет и всех стариков старше семидесяти лет, и что этот слух был в особенности распространен в бывшей Бретани и в департаментах Рейна и Мозеля? Это одно из преступлений, приписываемых бывшему общественному обвинителю страсбургского уголовного трибунала! Жестокие выходки этого человека делают правдоподобным все то, что рассказывают о Калигуле и Гелиогабале; но этому нельзя верить даже при виде доказательств. Он доходил в своем неистовстве до того, что требовал женщин лично для себя; утверждают даже, что к подобному методу он прибегнул и для своей женитьбы. Откуда вдруг взялось это множество иноземцев, священников, дворян, интриганов всякого рода, которые в один миг распространились по всей Республике, чтобы выполнить, прикрываясь философией, контрреволюционный план, который мог быть создан лишь путем насилия над общественным разумом? Гнусный замысел, достойный гения иноземных дворов, объединившихся против свободы и развращенности всех внутренних врагов Республики! Итак, к постоянным чудесам, творимым добродетелью великого народа, интрига примешивает всегда низость своих преступных козней, низость, предписанную тиранами, из которой они делают затем предмет своих нелепых манифестов, чтобы удерживать невежественные народы в грязи бесчестия и в цепях рабства.

О, что значит для свободы злодеяния ее врагов? Разве солнце, скрытое от взоров мимолетным облаком, перестает быть от этого звездой, оживляющей природу? Разве грязная пена, выбрасываемая океаном на свои берега, делает его менее величественным?

В вероломных руках все лекарства от наших бед становятся отравой; все, что бы вы ни делали, все, что бы вы ни говорили, враги свободы обратят против вас, даже те истины, которые мы сейчас изложили.

Так, например, рассеяв повсюду семена гражданской войны путем неистового натиска на религиозные предрассудки, они постараются вооружить фанатизм и аристократию теми же самыми средствами, которые здравая политика предписала вам во внимание к свободе вероисповеданий. Если бы вы дали заговору волю, то он рано или поздно вызвал бы страшную и всеобщую реакцию; если вы его остановите, они постараются еще извлечь из этого пользу, уверяя, что вы покровительствуете попам и умеренным.

Неудивительно даже, если авторами этого плана явятся попы, которые будут как можно наглее исповедовать свое шарлатанство.

Если патриоты, увлеченные истинным, но необдуманном усердием, были где-то обмануты интригами врагов свободы, то последние будут сваливать всю вину на патриотов, ибо вся суть их коварной доктрины состоит в том, чтобы погубить Республику, губя республиканцев, подобно тому как покоряют страну, уничтожая армию, которая ее защищает. Здесь

можно оценить, по достоинству один из излюбленных принципов врагов свободы, гласящий, что людей следует считать за ничто; это — правило королевского происхождения, означающее, что всех друзей свободы нужно отдать ее врагам.

Необходимо заметить, что людям, стремящимся только к общественному благу, суждено быть жертвами тех, кто добивается блага лишь для самих себя; это происходит по двум причинам: первая состоит в том, что интриганы нападают с помощью пороков старого строя; вторая — в том, что патриоты защищаются лишь с помощью добродетелей нового строя.

Такое внутреннее положение должно показаться вам заслуживающим всего вашего внимания, в особенности если вы поразмыслите о том, что вы должны одновременно бороться со всеми тиранами Европы, что вам нужно держать под ружьем миллион двести тысяч человек и что правительство обязано постоянно исправлять с помощью энергии и бдительности все те беды, которые принесло нам за пять лет неисчислимое множество наших врагов.

Каково же лекарство от всех этих бед? Мы не знаем иного, чем развитие главного средства Республики — добродетели. Демократия гибнет от двух крайностей — из-за аристократизма правящих или из-за презрения народа к тем властям, которые он сам установил, презрения, приводящего к тому, что каждая партия, каждая личность приобретает общественную власть и благодаря крайнему беспорядку приводит народ к уничтожению или к единоличной власти.

Общая задача умеренных и лжереволюционеров — беспрестанно вергать нас то в ту, то в другую крайность.

Но народные представители могут избежать обе эти крайности, ибо быть справедливым и мудрым всегда зависит от правительства; и когда оно обладает этими свойствами, оно может быть уверено в доверии народа.

Правда, что целью всех наших врагов является роспуск Конвента, что тиран Великобритании и его союзники обещают своему парламенту и своим подданным отнять у вас вашу энергию и общественное доверие, которого вы удостоились, что это основной наказ всем их комиссарам.

Но великий корпус, облеченный доверием великого народа, может погубить себя лишь сам — это истина, которая в политике должна считаться весьма обыкновенной; не безызвестна она и вашим врагам; таким образом, не сомневайтесь, что они приложат все старания, чтобы разбудить среди вас все страсти, могущие помочь их пагубным замыслам.

Что могут они предпринять против национального правительства, если им не удастся поймать его на неразумных поступках, дающих предлог для их преступных разглагольствований? У них, следовательно, должно быть непременное желание иметь агентов двух

***** Имеется в виду Ж.Г.Шнейдер.

***** Георг III, английский король.

родов: одних, которые постараются унижить национальное представительство своими речами, других, находящихся в самых его недрах, которые попытаются обмануть национальное представительство, чтобы повредить его славе и интересам Республики.

Чтобы успешно напасть на него, было полезно начать гражданскую войну против представителей в департаментах, оправдавших ваше доверие, и против Комитета общественного спасения; поэтому на них напали люди, которые, казалось, вели борьбу между собой.

Что могли они сделать охотнее, чем парализовать правительство Конвента и уничтожить все его средства, в тот самый момент, который должен решить судьбу республики и тиранов?

Мы далеки от мысли о существовании среди нас хотя бы одного человека, настолько подлого, чтобы иметь желание служить делу тиранов, но мы еще дальше от непростительного злодеяния — обмануть Национальный конвент и изменить французскому народу путем преступного молчания! Ибо истина, являющаяся бичом для деспотов, к счастью свободного народа является всегда его силой и его спасением. Правда, что для нашей свободы существует еще опасность, может быть единственная серьезная опасность, которую ей остается испытать; эта опасность — существовавший план объединить всех врагов Республики, воскрешая узкий партийный дух, преследовать патриотов, приводить в уныние, губить преданных агентов республиканского правительства, вносить разруху в самые существенные части общественной службы. Враги свободы хотели обмануть Конвент относительно людей и вещей, хотели ввести его в заблуждение по поводу причин злоупотреблений, которые увеличивают, чтобы сделать их непоправимыми, старались наполнить его ложными страхами, чтобы сбить его с толку или привести в бездействие, стремились поселить в нем раздор и в особенности посорить представителей, посылаемых в департаменты и Комитет общественного спасения, хотели подстрекнуть первых к нарушению мероприятий центральной власти, чтобы вызвать беспорядок и замешательство, хотели раздражить их, после того как они вернутся, чтобы сделать их бессознательным орудием интриги. Иностранцы используют все человеческие страсти и даже обманутый патриотизм.

Сначала заговорщики приняли решение идти прямо к цели, клевета на Комитет общественного спасения; тогда они открыто надеялись, что он не устоит под бременем своих трудных обязанностей. Победа и счастье французского народа отстояли его. С той поры заговорщики приняли решение восхвалять Комитет общественного спасения, парализуя его и уничтожая плоды его трудов. Все эти бессвязные разглагольствования, направленные против агентов Комитета, все эти планы дезорганизации, скрытые под именем реформ, уже отвергнутые Конвентом, и со странной аффектацией воспроизводимые ныне, эта готовность превозносить интриганов, которых Комитет общественного спасения должен был удалить, этот ужас, внушенный добрым гражданам, эта снисходительность, которой потворствуют заговорщикам, — вся эта система лжи и интриги, главнейшим виновником которой является

человек, изгнанный вами из вашей среды, направлена против Национального конвента и стремится осуществить желания всех врагов Франции.

Именно с той поры, когда эта система лжи и интриги была возведена в пасквилих и осуществлена при помощи публичных актов, аристократия и роялизм начали поднимать дерзкую голову, патриотизм снова стал преследоваться в части Республики, национальной власти было оказано сопротивление, от которого интриганы почти отвыкли. Впрочем, эти косвенные нападки имели лишь то неудобство, что они распыляли внимание и энергию тех, кто должен был нести огромное бремя, возложенное на них вами, и слишком часто отвлекали их от великих мероприятий по общественному спасению, для уничтожения опасных интриг; эти нападки могли бы еще рассматриваться как способ отвлечь внимание, полезный нашим врагам.

Но успокоимся: ведь здесь святилище истины, ведь здесь пребывают основатели Республики, мстители за человечество и истребители тиранов.

Здесь, чтобы уничтожить злоупотребление, достаточно указать на него. Нам достаточно обжаловать от имени отечества советы человеческого самолюбия или человеческой слабости перед лицом добродетели и славы Национального конвента. Мы добьемся торжественного обсуждения всех вопросов, тревожащих Конвент, и всего того, что может оказывать влияние на ход революции; мы будем заклинять его не позволять какому-нибудь частному и тайному интересу присвоить здесь себе авторитет общей воли собрания и несокрушимую власть разума.

Ныне мы ограничимся тем, что предложим вам закрепить своим формальным одобрением моральные и политические истины, на которых должно быть основано ваше внутреннее управление и устойчивость Республики, как закрепили вы уже принципы вашего поведения по отношению к иноземным народам; этим вы объедините всех добрых граждан, отнимите надежду у заговорщиков, обеспечите себе движение вперед, расстроите интриги и клевету королей, окажете честь своему делу и своему званию в глазах всех народов.

Дайте французскому народу этот новый залог вашего усердия к защите патриотизма, вашей непреклонной справедливости к виновным и вашей преданности народному делу.

Повелите, чтобы принципы политической морали, которые мы только что изложили, были провозглашены от вашего имени внутри Республики и за ее пределами.

О НОВОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

В условиях обостренной классовой борьбы, учитывая тяжелое внутреннее и внешнее положение революционной Франции, якобинские вожди добились принятия Конвентом ряда декретов, направленных на усиление революционного террора против врагов революции и вносивших существенные изменения в процессуальные

формы рассмотрения дел в трибунале, сужая гарантии обвиняемых и всячески ускоряя весь уголовный процесс. Осуществляя подавление нескольких контрреволюционных восстаний, Комитет общественного спасения учредил в Оранже комиссию для суда над «подозрительными». Инструкция для этой комиссии была составлена Робеспьером, основные положения которой затем были развиты в декрете 22 прериаля 2-го года Республики (10 июня 1794 г.).

По инициативе Робеспьера Кутон в июне 1794 года представил Конвенту проект новой реорганизации революционного трибунала. В этом проекте Кутон развил и конкретизировал положения, сформулированные ранее Робеспьером, о максимальном упрощении и ускорении судопроизводства с той целью, чтобы, обеспечить беспощадную борьбу с врагами революции.

Как указывают историки, доклад Кутона был заслушан молча. Некоторые депутаты Конвента (Рюам, Лекуантр, Барер) внесли предложение об отсрочке принятия закона. В связи с этим с речью выступил Робеспьер, предложивший принять закон незамедлительно. В первом чтении закон и был принят 22 прериаля. 24 прериаля, когда происходило второе чтение принятого закона, вновь выступил Кутон с резкой критикой толкования некоторых статей, данного. Бурдоном. Против Бурдона выступил и Робеспьер с очень резкими выпадами против него. Речь Робеспьера несколько раз прерывалась репликами депутатов Конвента (в тексте, приводимом ниже, это отмечается многоточием). В конечном счете полностью победила линия Робеспьера, и закон 22 прериаля вступил в действие.

Перевод речи Робеспьера сделан из P.Buchez et P.Roux. Histoire parlementaire de la Revolution Francaise, t.33, Paris, 1837.

Нет обстоятельства столь трудного, нет положения столь неудобного, как то, которое хотели бы создать для защитников свободы и которое могло бы обречь их на сокрытие истины. Я, следовательно, скажу, что хотя свобода требовать отсрочки бесспорна, хотя ее и оправдывают благовидными, быть может, предложениями, однако от этого она не менее очевидно ставит под угрозу спасение отечества.

В Республике обнаруживаются два резко выраженные мнения. Одно из них высказывается за строгое и неумолимое наказание преступлений против свободы, это мнение тех, кто напуган преступным упорством, с которым враги отечества хотят возродить старые заговоры и изобрести новые ввиду тех усилий, которые прилагают народные представители с целью подавить их.

Другое — является подлым и преступным мнением аристократии, которая с самого начала революции не переставала либо прямо, либо косвенно требовать амнистии для заговорщиков и врагов отечества.

В течение двух месяцев вы требовали от Комитета общественного спасения более полного закона, чем тот, который он представляет вам сегодня. В течение двух месяцев Национальный конвент находится под мечом убийц; и в тот момент, когда свобода добивается, по-видимому, блестящего триумфа, враги отечества составляют еще более дерзкие заговоры. В течение более двух месяцев революционный трибунал

указывает вам на помехи, задерживающие ход национального правосудия. Вся Республика указывает вам на новые заговоры и на несметное множество иностранных агентов, наводняющих Республику; вот при каких обстоятельствах Комитет общественного спасения представляет вам проект закона, который вы только что выслушали. Пусть рассмотрят этот закон и с первого взгляда убедятся, что он не содержит в себе ни одного постановления, которое не было бы принято заранее всеми друзьями свободы, что в нем нет ни одной статьи, которая не основывалась бы на началах справедливости и разума, что нет ни одной из его частей, которая не была бы составлена на благо патриотов и на страх аристократии, злоумышляющей против свободы.

Кроме того, всем известно, что в каждом заседании революционный трибунал проводит несколько часов, не имея возможности выполнять свои обязанности ввиду недостаточного числа присяжных. Мы хотим предложить вам увеличить это число, мы хотим предложить вам искоренить два или три общепризнанных недостатка в организации этого трибунала, а нас останавливают отсрочкой! Я утверждаю, что здесь нет никого, кто был бы не в состоянии выразить свое мнение об этом законе так же легко, как о стольких других законах величайшей важности, которые были с энтузиазмом приняты Национальным конвентом.

Зачем привожу я все эти соображения? С целью помешать отсрочке? Нет. Я хочу только воздать должное истине, предупредить Конвент об опасностях, которые ему угрожают. Ибо будьте уверены, граждане, что всюду, где устанавливается демаркационная линия, всюду, где проявляется разногласие, там есть нечто, враждебное благу отечества. Неестественно, чтобы между людьми, одинаково охваченными любовью к общественному благу, имелся повод к раздору. Неестественно, чтобы против правительства, посвятившего себя благу отечества, возникло нечто вроде коалиции. Граждане, между вами хотят поселить раздор. Граждане, вас хотят напугать! Ну что же! Пусть вспомнят, что мы защитили часть этого собрания от кинжалов, которые злодейство и напускное усердие хотели отточить для вас. Мы подвергаемся опасности со стороны частных убийц для того, чтобы преследовать убийц общественных. Мы согласны умереть, но пусть Конвент и отечество будут спасены. Мы не побоимся коварных намеков на преувеличенную строгость тех мер, которые предписывает общественная польза. Эта строгость страшна лишь для заговорщиков, для врагов свободы и человечества.

Я прошу, чтобы проект обсуждался постатейно и немедленно. Я мотивирую свою просьбу кратко; прежде всего этот закон не более неясен или сложен, чем законы, представленные уже вам Комитетом для спасения отечества. Я замечу к тому же, что Национальный конвент давно уже обсуждает и издает законы без замедления, ибо он давно не подчинен более влиянию фракций, ибо в его огромном большинстве давно имеется твердое согласие относительно общественного блага. Я, следовательно, скажу, что требования отсрочить счастье Республики неестественны в настоящее время, что когда проникнешься теми

опасностями, которые угрожают отечеству и которым подвергаются его защитники, где бы они ни находились и какой бы пост они ни занимали, то более склонен наносить быстрые удары: своим врагам, чем вызывать проволочку, являющуюся лишь отсрочкой для аристократии, которая пользуется ею для развращения общественного мнения и создания новых заговоров.

Ошибаются, если думают, что добросовестность патриотов имеет большее значение, чем усилия европейских тиранов и их подлых агентов, неистовство которых проявляется в виде преступлений и клеветы, беспрестанно извергаемой ими на этот зал,, которые не дадут вам никакого покоя и которые избавят вас от своих ухищрений и нечестивых заговоров лишь тогда, когда они перестанут существовать. Всякий, кто пылает любовью к отечеству, с восторгом одобрит средства, способные настигнуть и поразить его врагов.

Я прошу, чтобы Конвент, не обращая внимания на предложение отсрочки, обсуждал представленный ему проект закона, если понадобится, хоть до девяти часов вечера.

Вся статья составлена в пользу патриотов. Суд присяжных является совестью Республики. Человек предан суду революционного трибунала; если его поведение не известно и имеются вещественные доказательства против него, то он осуждается; в случае отсутствия вещественных доказательств призывают свидетелей.

Речь, которую вы только что слышали, свидетельствует о необходимости дать более пространное и ясное объяснение тому, что сказал Кутон. Если мы приобрели право жертвовать собой лишь для пользы отечества, то пришел момент это право осуществить.

Не вечными и, быть может, заранее условленными отговорками, не речами, которые под видом согласия и патриотизма всегда содействуют столь часто пресекаемой и столь часто возобновляемой системе раскола национального представительства, можно оправдать эти выступления. Сказанное Кутоном остается во всей своей силе, и он вполне доказал необоснованность принесенных жалоб.

Граждане, разве своевременно было спрашивать, что подразумевается под «порчей общественных нравов», когда раны, нанесенные общественной морали разными Шабо, Эберами, Дантонами, Лакруа, еще кровоточат? И кто же забыл так скоро их преступления? Кто не видит, что их система сохраняется? Кто не знает, что Конвент нуждается во всей своей мудрости и энергии, чтобы вырвать слишком глубокие корни, пущенные испорченностью, чтобы исправить беды, причиненные ею, чтобы распознать и поразить всех тех, кто их умножает, кто слишком долго были безнаказанными.

Что касается другого предложения, того, которое было сделано вчера, то оно может показаться лишь нелепым; но нужно сопоставить его со всем тем, что говорится и делается ежедневно; это предложение имело целью убедить в посягательстве проекта, представленного Комитетом, на права национального представительства, но это утверждение является явной ложью.

Предшествующий оратор пытался во время прений отделить Комитет от Горы. Конвент, Гора, Комитет — это одно и то же. Всякий народный представитель, искренно любящий свободу и готовый умереть за отечество, принадлежит к Горе.

Граждане, когда вожди кощунственной фракции, разные Бриссо, Верньо, Жансонне, Гюаде и прочие злодеи, имена которых французский народ будет произносить всегда с отвращением, встали во главе одной части этого высокого собрания, когда этим злодеям удалось при помощи интриг обмануть его в отношении людей и, по естественному следствию, в отношении дел, то наступил, разумеется, момент, когда часть Конвента, осведомленная об этих губительных для свободы ухищрениях, должна была напрячь все силы, чтобы побороть злодеев и расстроить их планы. Тогда имя Горы, служившей им как бы прибежищем среди этой бури, сделалось священным, ибо оно обозначало ту часть народных представителей, которые борются против заблуждения. Но с той поры, когда интриги были разоблачены, когда злодеи, замышлявшие их, пали под мечом закона, когда честность, правосудие, добрые нравы были поставлены на повестку дня, когда каждый член этого собрания хочет посвятить себя отечеству, в Конвенте могут быть только две партии: добрые и злые, патриоты и лицемерные контрреволюционеры.

Мне тем более подобает провозгласить эту истину, что никто не заподозрит меня здесь в пристрастии, ибо кто был главным объектом заблуждения, о котором я говорю? И кто был бы главной жертвой клеветы и проскрипции, не произошли, к счастью, революция? Осмелюсь сказать, что это был бы я. Нет, ошибаюсь, это был бы не я, а обманчивый призрак, которого показывали бы на моем месте некоторой части наших, введенных в заблуждение коллег, Франции, вселенной.

Если я имею право обратиться с этой речью к Конвенту вообще, то мне кажется, я также имею право обратиться с нею и к прославленной Горе, которой я, конечно, не чужд. Я думаю, что эта дань уважения, исходящая из моего сердца, вполне стоит уважения, исходящего из уст другого.

Да, монтаньяры, вы всегда будете оплотом общественной свободы, но вы не имеете ничего общего с интриганам и нечестивцами, кто бы они ни были. Если они пытаются обмануть вас, если они настаивают на своем тождестве с вами, то они от этого не менее чужды вашим принципам. Гора не что иное, как вершина патриотизма; монтаньяр — истинный патриот, благоразумный и возвышенный. Допустить, чтобы несколько интриганов, более других презренные, потому что они более их лицемерны, старались увлечь за собой часть этой Горы и сделаться здесь вождями партии, было бы оскорблением отечеству, убийством народа.

...Было бы верхом позора, если бы некоторые из наших коллег, введенные в заблуждение клеветой относительно наших намерений и цели наших трудов...

Я требую во имя отечества права продолжать свою речь. Я не назвал Бурдона. Горе тому, кто сам называет себя! Но если он желает признать

себя в том общем изображении, набросать которое повелел мне мой долг, то не в моей власти помешать ему в этом. Да, Гора чиста, она величественна, и интриганы не принадлежат к ней. Я назову их, когда это потребуется. В каждое мгновение дня и даже ночи имеются интриганы, которые стараются внушить добросовестным людям, заседающим на Горе, самые ложные понятия, самую ужасную клевету, имеются безупречные и достойные уважения члены, перед которыми интриганы беспрестанно истощают те же хитрости, которыми разные Бриссо, Шабо, Дантоны и все другие ловкие вожди иностранного заговора хотели опутать весь Национальный конвент.

Например, когда из департаментов прибывают народные представители, которые были в командировке и отозвание которых было вызвано общими соображениями общественного порядка, не имеющими ничего для них обидного, то ими завладевают, наполняют их сердца ядом клеветы, возбуждают их честолюбие; и если среди них находятся слабые, поддающиеся какому-либо из средств, пущенных в ход, то их превращают во врагов правительства, созданного Национальным конвентом. Если бы некоторые из них вспоминали еще старые меры против свободы, сочувствовали какой-нибудь поверженной партии, то ими особенно старались бы завладеть.

Стоит только партии создаться, как вы увидите, что к ней неминуемо присоединятся все интриганы Республики, всевозможные плуты и распутные люди; ибо, нужно вам об этом еще сказать, достаточно было бы одному лишь человеку обнаружить принципы, противоречащие принципам Конвента, чтобы все враги свободы примкнули к нему.

Впрочем, эти интриганы стараются скрыть свои планы, они отпираются от сказанного, когда их попытки не удались, и стремятся утаить свои поступки лицемерными уверениями в уважении и преданности к Национальному конвенту и Комитету общественного спасения; тотчас после того они продолжают неизменно следовать своему плану и по-прежнему увеличивают тот снежный ком, который они наращивают и который, если бы он скатывался с вершины Горы, увеличивался бы лишь еще быстрее.

Необходимо привести здесь один штрих, доказывающий, что все сказанное нами вовсе не является несбыточным и воображаемым: третьего дня после вынесения вами закона, который некоторые члены Конвента постарались сделать подозрительным и против которого враги свободы хотели составить заговор, нашлись лица, которые не смогли скрыть своего недовольства, они хотели вызвать скандал, возбудить волнение, чтобы подорвать силы правительства, лишая его общественного доверия. При выходе из этого зала им встретились патриоты, среди которых находилось два правительственных курьера; воспользовавшись удобным случаем, указанные лица оскорбили их: «Что вы тут делаете, мошенники», — сказали они им. — «Представители, мы вас не оскорбляем, мы — патриоты». — «Вы — мошенники, шпионы Комитетов общественного спасения и общественной безопасности; в их распоряжении двадцать тысяч шпионов, окружающих нас». —

«Представители, мы беззащитны против вас, но мы такие же патриоты, как и вы». В ответ патриотам были нанесены побои. Триста свидетелей могут подтвердить это.

Итак, доказано, что враги свободы стараются еще унижить Национальный конвент, что они хотят какой бы то ни было ценой нарушить его спокойствие. Если бы пострадавшие патриоты защищались, то вы понимаете, что это дело не преминули бы истолковать в дурную сторону: на следующий день вам сказали бы, что народные представители были оскорблены людьми, преданными Комитету общественного спасения; и, быть может, эти обвинения, поддерживаемые воплями толпы, не дали бы им возможности быть выслушанными. Вот что произошло. И вы не удивитесь, если вспомните странные речи, произнесенные некоторыми членами Конвента, которые при выходе из этого зала публично объявляли, по примеру Лакруа, о том страхе, который внушала им одна только мысль о национальном правосудии.

Кто же сообщил указываемым мною лицам, что Комитет общественного спасения имеет намерение напасть на них? Кто им сказал, что существуют доказательства против них? Разве только им угрожал Комитет? Разве проявил он хоть раз неуважение к членам Национального конвента? Если бы вам было известно все, граждане, то вы поняли бы, что нас скорее можно было бы обвинить в слабости. Когда нравы будут чище, любовь к отечеству горячее, то великодушные обвинители восстанут против нас и упрекнут нас в недостатке твердости к врагам отечества.

Теперь наступила ваша очередь поддерживать наше мужество и воодушевлять наше рвение своей энергией. Те, кто стремятся отвлечь нас от наших тяжких трудов непрерывными заговорами против самого правительства, играют лишь на руку тиранам, объединившимся против нас.

Что касается системы клеветы, направленной против всего истинно патриотического, то она скоро упадет, ибо беспрестанно раскрывать истину — неотъемлемое свойство времени, и если некоторые безупречные члены Конвента, обманутые лицемерным патриотизмом нескольких указанных мною лиц, могли предаться мрачным мыслям, которые им внушили, то они скоро узнают правду и с ними поступят, как с безупречными людьми, введенными в заблуждение злодеями, которых покарало национальное правосудие.

Отечество подвергается лишь одной опасности, и вы должны защитить его от нее. Только не допускайте, чтобы темные интриги нарушили общественное и ваше спокойствие каким-нибудь внезапным взрывом. Если волнения не было в действительности, то это не означает, что его не пытались вызвать; но народ, неизменно преданный делу свободы, был глух к подстрекательствам ее врагов: он сумел вынести суждение о них. Поэтому их отчаяние доведено до предела. Они решили, по-видимому, пойти на все.

В отношении тех опасностей, которые касаются только нас, положитесь на наше старание презирать их, но заботьтесь об отечестве и не допускайте нарушения ваших принципов. Когда Доверие, которым вы облекли нас, исчезнет, предохраните отечество от раздоров. Было бы предпочтительней, пожалуй, чтобы враги отечества, чтобы друзья Орлеана держали сейчас в своих руках бразды правления, чем видеть Конвент униженным и разделенным.

Если изложенные мною истины были поняты, то мы будем смело продолжать свои труды. Заметьте, однако, что мы нуждаемся в поощрениях, когда сделано все, чтобы усложнить наш путь. Достаточно того, чтобы бороться против королей-заговорщиков и всех чудовищ земли, не обнаруживая рядом с собой врагов. Помогите же нам, не позволяйте разъединять нас с вами, ибо мы — только часть вас самих, и без вас мы ничто. Дайте нам силу нести то огромное и почти сверхчеловеческое бремя, которое вы на нас возложили. Будем всегда справедливыми и сплоченными наперекор нашим общим врагам.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 8 ТЕРМИДОРА 2-ГО ГОДА РЕСПУБЛИКИ

В 1794 году революционное правительство, руководимое Робеспьером, ведя ожесточенную борьбу с оппозиционными элементами, разгромило группировки левых якобинцев, возглавлявшихся Шометтом и Эбером, и правых якобинцев, возглавлявшихся Дантоном и Демуленом. Однако борьба еще более усилилась, так как народные массы не получили удовлетворения своих насущных интересов, а крупная буржуазия видела в революционном правительстве серьезную угрозу своим классовым интересам. Летом 1794 года составил контрреволюционный заговор против революционного правительства, возглавляемого Робеспьером. Робеспьер решил выступить в Конвенте с разоблачением врагов революции и с разъяснением принципов проводимой им политики. Им был написан текст речи, сохранившийся в его бумагах. 26 июля 1794 г. (8 термидора 2-го года Республики) Робеспьер дважды произнес эту речь — в Конвенте и в якобинском клубе. На другой день произошел контрреволюционный переворот, Робеспьера ранили, а 10 термидора он вместе со своими ближайшими соратниками был казнен.

Приводимая ниже речь Робеспьера была опубликована посмертно.

Полное название речи Робеспьера, изданной Национальной типографией в виде брошюры in-8°, 44 стр., таково: «Convention nationale. Discours prononcé par Robespierre, a la Convention nationale, dans la seance du 8 thermidor de Van 2 de la Republique une et indivisible; trouve parmi ses papiers par la commission chargée de les examiner; imprime par ordre de la Convention nationale».

Перевод сделан из «Discours et rapports de Robespierre avec une introduction et des notes par Charles Vellay», Paris, 1910.

Граждане, пусть другие рисуют вам заманчивые картины; я же хочу сообщить вам полезные истины. Я не собираюсь осуществить те нелепые ужасы, слух о которых распространило вероломство, но я хочу потушить,

если возможно, пламя раздора одной только силой истины. Я буду защищать перед вами ваш оскорбленный авторитет и поправленную свободу. Я буду защищать также и самого себя; вас это не должно удивить; вы не походите на тиранов, с которыми ведете борьбу. Вопли оскорбленной невинности не докучают ваш слух, и вы знаете, что это дело для вас не чужое.

Революции, которые до нас изменяли лицо государств, имели ко многим. Французская революция явилась первой, основанной на теории прав человечества и на принципах справедливости. Другие революции требовали лишь честолюбия. Наша революция предписывает добродетели. Невежество и сила ввергли другие революции в новый деспотизм; наша революция, исходящая из справедливости, может находиться лишь в ее лоне. Республика, незаметно установленная самой силой вещей и борьбы друзей свободы против постоянно возникающих заговоров, проскользнула, так сказать, мимо всех фракций, но она встретила с их могуществом, организованным вокруг нее, и со всеми средствами воздействия в их руках; поэтому с самого ее возникновения Республику в лице всех честных людей, боровшихся за нее, не переставали преследовать; дело в том, что для сохранения преимущества своего положения главы фракций и их агенты вынуждены были прикрываться формой Республики. Преси в Лионе и Бриссо в Париже кричали: «Да здравствует Республика!» Все заговорщики даже с большей, чем кто-либо другой, готовностью приняли все формулы, все патриотические лозунги. Австриец, ремесло которого состояло в борьбе с революцией, орлеанец, роль которого заключалась в игре в патриотизм, находились в одном и том же ряду: и того, и другого нельзя было отличить от республиканца. Они не боролись против наших принципов, они их искажали; они не кощунствовали против революции, они старались ее обесчестить под предлогом служения ей; они произносили напыщенные речи против тиранов и составляли заговоры для тирании; они восхваляли Республику и клеветали на республиканцев. Друзья свободы стремятся свергнуть могущество тиранов силой истины, тираны стремятся уничтожить защитников свободы при помощи клеветы; они называют тиранией даже власть принципов истины. Когда эта система одерживает верх, то свобода исчезает, законным становится лишь вероломство, преступным лишь добродетель; ибо в порядке вещей, чтобы всюду, где собираются люди, существовало влияние тирании или влияние разума. Когда влияние разума изгнано как преступление, то господствует тирания; когда добрые граждане обречены на молчание, то неизбежно господствуют злодеи.

Мне нужно открыть здесь свою душу; вам также нужно услышать истину. Не думайте, что я пришел сюда, чтобы предъявить какое-либо обвинение; меня поглощает более важная забота, и я не берусь за выполнение чужих обязанностей; есть столько непосредственно угрожающих опасностей, что эта цель имеет лишь второстепенное значение. Я пришел рассеять, если возможно, жестокие заблуждения, я пришел потушить страшное пламя раздора, которым хотят зажечь этот

храм свободы и всю Республику, я пришел раскрыть злоупотребления, клонящиеся к гибели отечества и которые может пресечь лишь одна ваша безукоризненная честность. Если я скажу вам также кое-что о преследованиях, объектом которых являюсь я, то вы не вмените мне этого в преступление; у вас нет ничего общего с преследующими меня тиранами; вопли угнетенной невинности доступны вашим сердцам; вы не презираете справедливость и гуманность, и вы знаете, что эти заговоры касаются вашего дела и дела отечества.

На чем основывается эта гнусная система террора и клеветы? Кому должны мы быть страшны — врагам или друзьям Республики? Кто должен нас бояться — тираны и плуты или честные люди и патриоты? Мы страшны патриотам! Мы, которые вырвали их из рук всех фракций, составлявших заговор против нас! Мы, которые ежедневно отстаиваем патриотов от лицемерных интриганов, осмеливающихся еще угнетать их! Мы, которые преследуем злодеев, стремящихся продлить их несчастья, вводя нас в заблуждение при помощи запутанной лжи! Мы страшны Национальному конвенту! А что мы без него? А кто защищал Национальный конвент с опасностью для своей жизни? Кто посвятил себя борьбе за него, когда гнусные фракции замыслили погубить его на глазах у всей Франции? Кто посвятил себя его славе, когда презренные приспешники тирании проповедовали от его имени атеизм и безнравственность, когда столько других хранили преступное молчание о злодеяниях своих сообщников и, по-видимому, ждали только сигнала к резне, чтобы искупаться в крови народных представителей, когда сама добродетель молчала, напуганная ужасным влиянием, приобретенным дерзким преступлением? А кому предназначались первые удары заговорщиков? Против кого Симон составлял заговор в Люксембурге? Кто были жертвами, намеченными Шометтом и Ронсеном? Куда шайка убийц должна была направиться прежде всего после открытия тюрем? Что является предметом клеветы и посягательств тиранов, вооружившихся против Республики? Разве нет какого-нибудь кинжала и для нас в тех грузах, которые Англия посылает своим сообщникам во Франции и в Париже? Нас убивают и нас же изображают страшными! А в чем же состоит та крайняя суровость, которую ставят нам в упрек? Кто были жертвами? Эбер, Ронсен, Шабо, Дантон, Лакруа, Фабр д'Эглантин и несколько других их сообщников. Неужели в их наказании нас упрекают? Ведь никто не посмел бы их защищать. Но если мы только разоблачили тех извергов, чья смерть спасла Национальный конвент и Республику, то кто может опасаться наших принципов, кто может заранее обвинить нас в несправедливости и тирании, как не те, кто на них походит? Нет, мы не были чересчур суровы, в свидетели этого я призываю Республику, которая еще существует, в свидетели этого я призываю национальное представительство, окруженное уважением, достойным представительства великого народа, в свидетели этого я призываю патриотов, томящихся еще в темницах, раскрытых перед ними злодеями; в свидетели этого я призываю новые преступления врагов нашей свободы и преступное упорство тиранов, объединившихся против нас. Говорят о

нашей чрезмерной строгости, а отечество укоряет нас в нашей снисходительности.

Разве это мы ввергли в темницы патриотов и внесли повсюду террор? Это сделали те изверги, которые обвиняли нас. Разве это мы, забыв преступления аристократии и покровительствуя изменникам, объявили войну мирным гражданам, возвели в преступления либо неискоренимые предрассудки, либо не имеющие особого значения поступки, чтобы повсюду найти виновных и возбудить ужас к революции в самом народе? Это сделали те изверги, которые обвиняли нас. Разве это мы, преследуя старые взгляды, плод наводнения изменников, занесли меч над большинством Национального конвента, потребовали в народных обществах голов шестисот народных представителей? Это сделали те изверги, которые обвиняли нас. Разве уже забыто, что мы бросились между ними и их вероломными противниками, в то время, когда...

(Здесь в рукописи Робеспьера пропуск. — Прим. ред.)

Вы знаете поведение наших врагов. Сначала они напали на весь Национальный конвент; этот проект не удался. Тогда они напали на Комитет общественного спасения; этот проект также не удался. С некоторых пор они объявили войну отдельным членам Комитета общественного спасения: они, по-видимому, хотят обвинить только одного человека, они преследуют все ту же цель. То, что европейские тираны смеют изгонять представителя французского народа, — это, конечно, крайняя дерзость, но то, что французы, называющие себя республиканцами, стараются исполнить смертный приговор, вынесенный тиранами, — это крайний стыд и позор. Правда ли, что распространяли гнусные списки, в которых были намечены жертвами некоторые члены Конвента, и что про эти списки говорили, будто бы это дело рук Комитета общественного спасения, а потом и моих? Правда ли; что осмеливались вымышлять заседания Комитета и жестокие решения, никогда не имевшие места, и не менее призрачные аресты? Правда ли, что старались уверить некоторых безупречных народных представителей, будто бы их гибель уже решена» а всех тех, кто вследствие заблуждения уплатили неизбежную дань роковому стечению обстоятельств и человеческой слабости, старались уверить, будто бы их ожидала участь заговорщиков? Правда ли, что эта клевета была распространена с таким искусством и наглостью, что многие из членов Конвента не решались ночевать у себя дома? Да, факты несомненны, и доказательства этих ухищрений имеются в Комитете общественного спасения. Вы, депутаты, возвратившиеся из миссий в департаменты, вы могли бы раскрыть нам многие другие ухищрения, вы, заместители, призванные к обязанностям народных представителей, вы могли бы рассказать нам о том, что сделала интрига, чтобы обмануть вас, чтобы раздражить вас, чтобы вовлечь вас в гибельную коалицию. Что говорили, что делали в той подозрительной компании, на тех ночных сборищах, на тех пиршествах, где вероломство раздавало приглашенным яд ненависти и клеветы? К чему стремились авторы этих коварных планов? К спасению ли отечества, к поддержанию ли достоинства и согласия Национального конвента? Кто они были? Какие

факты подтверждают ужасное понятие, которое хотели создать о нас? Какие люди были обвинены Комитетами, если это не Шометты, Эберы, Дантоны, Шабо, Лакруа? Неужели же хотят защищать память заговорщиков? Неужели хотят мстить за их смерть? Если нас обвиняют в изобличении нескольких изменников, то пусть же обвиняют и весь Конвент, обвинивший их, пусть обвиняют правосудие, осудившее их, пусть обвиняют народ, одоббивший их казнь. Кто же посягает на национальное представительство — тот ли, кто преследует его врагов, или тот, кто им покровительствует? И с каких это пор наказание преступления приводит в ужас добродетель?

Таково, однако, основание планов диктатуры и посягательств против национального представительства, приписываемых сначала Комитету общественного спасения вообще. По какому злему року это чудовищное обвинение пало вдруг на голову только одного из его членов? Станный проект человека заставить Национальный конвент постепенно уничтожить самого себя своими собственными руками, чтобы расчистить этому человеку путь к неограниченной власти! Пусть другие замечают смешную сторону этих обвинений, я же вижу только их жестокость. Вы, чудовища, пытающиеся лишить меня уважения Национального конвента, самой славной награды за труды смертного, которую я не захватил силой или обманом, а вынужден был завоевать, — вы отдадите по крайней мере отчет общественному мнению в вашей мерзкой настойчивости, с какою вы преследуете ваше намерение погубить всех друзей отечества. Быть предметом ужаса в глазах того, кого чтить и любить, это для человека чувствительного и честного самая ужасная из пыток! Подвергать его ей — самое ужасное из преступлений! Но я призываю все ваше негодование на жестокие ухищрения, применяемые для поддержания этой нелепой клеветы.

Повсюду для расширения системы террора и клеветы увеличивался гнет. Грязные агенты не скупилась на несправедливые аресты. Разорительные финансовые проекты угрожали всем скромным состояниям и вносили отчаяние в бесчисленное множество семей, преданных революции; дворян и священников приводили в ужас согласованными предложениями; платежи кредиторов государства и публичных должностных лиц были прекращены; у Комитета общественного спасения выманили постановление, возобновлявшее преследования против членов Коммуны 10 августа под предлогом представления счетов. В самом Конвенте утверждали, что Гора находится под угрозой ибо некоторые члены, заседаая в этой части зала, считали себя в опасности; и, чтобы привлечь к участию в том же деле весь Национальный конвент, внезапно начали процесс о ста семидесяти трех арестованных депутатах и обвинили меня во всех этих событиях, к которым я был совершенно непричастен: говорили, что я хочу пожертвовать Горой, говорили также, что я хочу погубить другую часть Национального конвента, в одном месте меня изображали преследователем шестидесяти двух арестованных депутатов, в другом — меня обвиняли в защите их, говорили, что я поддерживаю Болото (это

выражение моих клеветников). Следует отметить, что наиболее веским аргументом эбертистской фракции для доказательства того, что я принадлежу к умеренным, было мое сопротивление изгнанию значительной части Национального конвента и, в частности, мое мнение по вопросу о предложении издать обвинительный декрет против шестидесяти двух арестованных депутатов без предварительного доклада.

О, конечно, когда, рискуя оскорбить общественное мнение и соображаясь лишь со священными интересами отечества, я один удерживал от поспешного решения тех, чьи убеждения привели бы меня на эшафот, если бы они торжествовали победу, когда при других обстоятельствах я подвергался яростным нападкам лицемерной фракции за то, что требовал соблюдения принципов строгой справедливости к тем, кто судили меня с большой поспешностью, я был, конечно, далек от мысли, что на подобное мое поведение нужно обратить внимание, я слишком плохо думал бы о стране, где оно было бы замечено и где давали бы торжественные названия самому необходимому долгу безукоризненной честности, но я был еще дальше от мысли, что настанет день, когда меня обвинят в том, что я являлся палачом тех, по отношению к кому я выполнил свой долг, и врагом того национального представительства, которому я преданно служил; еще меньше ожидал я, что меня одновременно обвинят и в желании защитить его, и в желании его уничтожить. Как бы то ни было, ничто и никогда не сможет изменить ни моих чувств, ни моих принципов. В отношении арестованных депутатов я объявляю, что, далекий от какого-либо участия в последнем декрете, который их касается, я по крайней мере нашел его весьма необычайным при данных обстоятельствах, что я никоим образом не занимался ими с того момента, когда я сделал в отношении их все то, что подсказала мне моя совесть. Что же касается других, то о некоторых из них я высказался начистоту. Я считал, что выполнил свой долг. Остальное — сплетение лжи. Что касается Национального конвента, то моей главной обязанностью, как и моей главной склонностью, является безграничное уважение к нему. Не желая оправдывать преступление, не желая оправдывать гибельные заблуждения некоторых лиц, не желая ни помрачить славы решительных защитников свободы, ни нарушать иллюзии какого-нибудь священного имени в летописях революции, я утверждаю, что все народные представители, сердца которых чисты, снова должны получить доверие и подобающее им звание. Я признаю только две партии: партию хороших и партию плохих граждан; патриотизм дело не партии, а сердца; он не выражается ни в дерзости, ни в преходящем порыве, не признающем ни принципов, ни здравого смысла, ни морали; еще меньше выражается он в преданности интересам фракции. Душа омрачена испытанием стольких измен, и я считаю необходимым призвать на помощь Республике честность и все благородные чувства. Я понимаю, что, где бы мы ни встретили честного человека, какое бы место он ни занимал, ему следует протянуть руку и. прижать к своему сердцу. Я верю в роковые обстоятельства в революции,

которые не имеют ничего общего с преступными намерениями, я верю в мерзкое влияние интриги и особенно в губительное могущество клеветы. Я вижу мир, населенный глупцами и мошенниками, но число мошенников является меньшим, их нужно наказывать за преступления и несчастья мира. Я не обвиню, значит, в злодеяниях Бриссо и Жиронды честных людей, которых они иногда обманывали; я не обвиню всех тех, кто верил Дантону, в преступлениях этого заговорщика; я не обвиню в преступлениях Эбера граждан, искренний патриотизм которых был порой увлечен за пределы разума. Заговорщики не были бы заговорщиками, если бы они не обладали искусством достаточно ловкого притворства, чтобы в течение некоторого времени пользоваться доверием честных людей; но есть верные признаки, по которым можно отличить жертвы обмана от сообщников, и заблуждение — от преступления. Кто же выявит это различие? Здравый смысл и справедливость. О, до какой же степени необходимы они в человеческих делах!

Злые люди называют нас кровожадными, потому что мы повели борьбу с угнетателями мира. Значит, мы были бы гуманны, если бы присоединились к их кощунственному союзу, чтобы разорить народ и погубить отечество.

Впрочем, если есть привилегированные заговорщики, если есть неприкосновенные враги Республики, то я согласен наложить на себя обет вечного молчания на их счет. Я выполнил свою задачу (я не берусь выполнять обязанности других; более серьезная забота волнует меня в данный момент); речь идет о спасении общественной морали и принципов, охраняющих свободу, речь идет об избавлении от угнетения всех великодушных друзей отечества.

Их обвиняют в посягательстве на национальное представительство? Но где ж искали бы они другой опоры? После борьбы со всеми вашими врагами, после того, как они предали себя ярости всех фракций для защиты и вашего существования и вашего достоинства, где искали бы они убежища, как не на вашей груди?

Они стремятся, говорят, к верховной власти; они уже добились ее. Но, значит, Национальный конвент уже не существует! Значит, французский народ уже погиб! Тупоумные клеветники! Заметили ли вы, что ваши нелепые декламации являются оскорблением, нанесенным не отдельной личности, а непобедимой нации, которая усмиряет и наказывает королей? Что же касается меня, то мне было бы противно лично защищаться перед вами, против самой презренной из всех тираний, если бы вы не были убеждены, что являетесь истинным объектом нападков со стороны всех врагов Республики. Ах, кто я такой, чтобы заслужить их преследования, если бы они не входили в общую систему их заговора против Национального конвента? Разве вы не заметили, что, стремясь изолировать вас от нации, они провозгласили перед лицом всей вселенной, что вы диктаторы, господствующие при помощи террора и тайно осуждаемые французами?

Разве они не прозвали наши войска «ордами Конвента», а французскую революцию — «якобинством»? И когда они делают вид, что

придают слабой личности, служащей мишенью для оскорблений всех фракций, преувеличенное и нелепое значение, то какова может быть их цель, как не поселить среди вас раздор, унижить вас, отрицая даже ваше существование, подобно безбожнику, отрицающему существование божества, которого он боится?

Однако слово диктатура имеет магическое действие: оно губит свободу, позорит правительство, уничтожает Республику, унижает все революционные учреждения, выдаваемые за дело рук одного человека, оно вызывает ненависть к народному правосудию, которое изображает установленным для честолюбия одного лица, оно направляет в одну точку всеобщую ненависть и все кинжалы фанатизма и аристократии.

Какое ужасное употребление сделали враги Республики из одного названия римской магистратуры! И если их ученость является для нас столь роковой, то во что обратятся их сокровища и интриги? Я уже не говорю об их армиях; но да позволено мне будет вернуть герцогу Йоркскому и всем царственным писателям дипломы на это смешное достоинство, которым они наградили меня первые. Слишком большая наглость со стороны королей, неуверенных в сохранении своих корон, присваивать себе право раздавать их другим. Я понимаю, что какой-нибудь смешной принц, что та порода нечистых и священных животных, которых все еще называют королями, могут находить удовольствие в своей низости и гордиться своим позором, я понимаю, что, например, сын Георга может скорбеть о французском скипетре, которого, как подозревают, он страстно домогался, и я искренно жалею этого современного Тантала.

Сознаюсь даже, не к стыду своего отечества, а к стыду изменников, которых оно покарало, что я видел недостойных народных уполномоченных, которые променяли бы это славное звание на звание лакея Георга или Орлеана. Но чтобы народный представитель, который чувствует достоинство этого священного звания, чтобы французский гражданин, достойный этого имени, мог унизиться до желаний преступных и нелепых почестей, уничтожению которых он способствовал, чтобы он подвергал себя гражданской смерти, стремясь пробраться к позорному трону, — это может показаться правдоподобным лишь тем развращенным существам, которые не имеют даже права верить в добродетель. Да что я говорю — добродетель? Это, конечно, естественная страсть: но как познали бы ее они, эти продажные души, которые открывались лишь для подлых и кровожадных страстей, эти презренные интриганы, которые никогда не связывали патриотизм ни с одной нравственной идеей, которые шли во время революции вслед за какими-нибудь влиятельными и честолюбивыми лицами, вслед за неизвестно каким презируемым принцем, как некогда наши лакеи шли по пятам своих господ. Но уверяю вас, чувствительные и чистые души, что добродетель существует; она существует, эта нежная повелительная, непреодолимая страсть, мука и наслаждение великодушных сердец, это глубокое отвращение к тирании, это сострадательное рвение к угнетенным, эта священная любовь к отечеству, эта еще более высокая и

святая любовь к человечеству, без которой великая революция есть не что иное, как огромное преступление, уничтожающее другое преступление. Оно существует, это великодушное честолюбие, — учредить на земле первую республику мира; он существует, этот эгоизм неиспорченных людей, находящих неземное наслаждение в спокойствии чистой совести и в восхитительном зрелище общественного счастья. Вы чувствуете, как в это мгновение он пылает в ваших душах, я чувствую его — в своей. Но разве могли бы понять это наши подлые клеветники? Разве слепорожденный может иметь представление о свете? Природа отказала им в душе; они имеют некоторое право сомневаться не только в бессмертии души, но и в ее существовании.

Они называют меня тираном. Если бы я был им, то они ползали бы у моих ног; я осыпал бы их золотом, я обеспечил бы им право совершать все преступления; и они были бы благодарны мне. Если бы я был тираном, то покоренные нами короли не стали бы изобличать меня (какое нежное внимание проявляют они к нашей свободе!), а оказали бы мне свою преступную поддержку; я вошел бы в сделку с ними. Что ожидают они в своей беде, если не помощи покровительствуемой ими фракции, которая продает им славу и свободу нашей страны? К тирании приходят при помощи плутов; куда спешат те, кто борются с ними? К могиле и к бессмертию. Кто из тиранов покровительствует мне? Где та фракция, к которой я принадлежу? Это вы сами! Где та фракция, которая сначала революции повергла во прах столько фракций, уничтожила столько изменников, пользовавшихся доверием? Это вы, это народ, это принципы. Вот фракция, которой я предан и против которой объединились все преступления.

Преследуют вас, преследуют отечество, преследуют всех друзей отечества. Я все еще защищаюсь. А сколько других людей было подавлено во тьме? Если я еще вынужден отвечать здесь на подобную клевету, то кто посмеет тогда служить отечеству? Самые естественные последствия патриотизма и свободы они принимают за доказательство честолюбивого намерения; нравственное влияние старых борцов революции ныне приравнено ими к тирании. Вы, клеветующие на могущество истины, вы сами являетесь презреннейшими из тиранов. Чего хотите вы, желающие, чтобы истина была бессильна в устах представителей французского народа? У истины есть, конечно, своя власть, у нее есть свой гнев, свой деспотизм, у нее есть трогательные, грозные выражения, которые с силой отзываются в невинных сердцах, как и в преступной совести, и которым ложь может подражать не больше, чем Сальмоне подражал громам неба; но обвиняйте в этом природу, обвиняйте в этом народ, который чувствует и любит истину. Есть две власти на земле: власть разума и власть тирании; везде, где господствует одна, другая является изгнанной. Те, кто объявляют преступлением нравственную силу разума, стремятся, следовательно, возродить тиранию. Если вы не хотите, чтобы защитники принципов добились некоторого влияния в этой трудной борьбе свободы с интригой, значит, вы хотите, чтобы победа осталась за интригой. Если

представители народа, защищающие его дело, не могут безнаказанно добиться уважения к нему, то что последует из этого, как не то, что служить народу более не позволено, что Республика уничтожена, а тирания восстановлена? А какая тирания более отвратительна, чем та, которая наказывает народ в лице его защитников? Ибо не является ли дружба самой свободной вещью на свете, даже при господстве деспотизма? Но вы, вменившие ее нам в преступление, завидуете ли вы ей? Нет, вы цените лишь золото и бранные блага, расточаемые тиранами тем, кто им служат. Вы, развращающие общественную нравственность и покровительствующие всем преступлениям, вы служите им; забвение принципов и испорченность являются гарантией для заговорщиков, общественная совесть является полной гарантией для защитников свободы. Вы, всегда находящиеся по эту или по ту сторону истины, вы служите им, поочередно проповедуете то вероломную умеренность аристократии, то неистовство лжедемократов. Вы, упрямые проповедники атеизма и порока, служите этому неистовству. Вы хотите уничтожить национальное представительство, вы, позорящие его своим поведением или смущающие его спокойствие своими интригами. Кто виновнее — тот ли, кто посягает на безопасность национального представительства при помощи насилия, или тот, кто посягает на его правосудие при помощи соблазна и вероломства? Обмануть национальное представительство — значит изменить ему, побудить его к действиям, противоречащим его намерениям и его принципам, — значит стремиться к его уничтожению, ибо могущество национального представительства основано на самой добродетели и на национальном доверии. Мы высоко ценим национальное представительство, мы, которые после борьбы за его физическую безопасность защищаем теперь его славу и его принципы; разве так идут к деспотизму? Но какая жестокая насмешка — выдавать за деспотов беспрестанно преследуемых граждан? Кем же иным являются те, кто постоянно защищали интересы своей страны? Республика торжествовала победу, ее же защитники — никогда. Кем являюсь я, я, кого обвиняют? Рабом свободы, живым мучеником Республики, столько же жертвой, как и врагом преступления. Все мошенники оскорбляют меня; поступки, самые безразличные, самые законные для других, для меня являются преступлениями. Стоит только какому-нибудь человеку познакомиться со мной, как он подвергается клевете; другим прощают их злодеяния, меня же обвиняют за усердие. Лишите меня совести, я самый несчастный из людей, я не пользуюсь даже правами гражданина. Да что я говорю? Мне даже не позволено осуществлять обязанности народного представителя!

Здесь я должен высказать всю правду и указать на истинные раны Республики. Общественные дела снова принимают коварный и угрожающий характер. Совместный план Эберов и Фабров д'Эглантинов осуществляется теперь с неслыханной дерзостью. Контрреволюционерам покровительствуют: те, кто бесчестят революцию под видом сторонников эбертизма, делают это открыто; другие ведут себя с большей осторожностью. Патриотизм и честность преследуются и теми, и

другими. Хотят уничтожить революционное правительство, чтобы принести отечество в жертву тем злодеям, которые раздирают его на части, и идут к этой гнусной цели двумя различными путями: в одном месте открыто клеветуют на революционные учреждения; в другом — стараются возбудить к ним ненависть посредством злоупотреблений, терзают незначительных или мирных людей, ежедневно сажают в тюрьмы патриотов и всеми силами содействуют аристократии; вот что называется снисходительностью, гуманностью! Есть ли это революционное правительство, которое мы учреждали и защищали? Нет. Революционное правительство является быстрым и уверенным шествием справедливости, это молния, пущенная рукой свободы против преступления, это не деспотизм плутов и аристократии. Это не свобода преступления от всех законов, божеских и человеческих. Без революционного правительства Республика не может укрепиться и фракции задушат ее в колыбели; но если оно попадет в предательские руки, то само станет орудием контрреволюции. И вот для того, чтобы уничтожить революционное правительство, стремятся изменить его естественные свойства. Те, кто клеветуют на него, и те, кто компрометируют его актами притеснения, — одни и те же люди. Я не буду излагать всех причин этих злоупотреблений, но укажу вам только на одну из них, которой будет достаточно для объяснения вам всех этих роковых последствий; она состоит в чрезмерной испорченности низших агентов того достойного уважения органа власти, который учрежден в вашей среде. В этом Комитете

есть люди, гражданские доблести которых невозможно не ценить и не уважать, но это только лишний повод к уничтожению тех злоупотреблений, которые совершаются без ведома этих людей и против которых они первые станут бороться. Напрасно гибельная политика намеревалась бы окружить агентов, о которых я говорю, известным суеверным авторитетом. Я не умею уважать плутов; еще менее разделяю я королевское правило о том, что полезно прибегать к их услугам. К оружию свободы можно прикасаться только чистыми руками. Вместо того чтобы прибегать к порокам, улучшим национальный надзор. Истина является камнем преткновения лишь для развращенных правительств; для нашего правительства она является опорой. Что касается меня, то я содрогаюсь при мысли о том, что враги революции, прежние проповедники роялизма, бывшие дворяне, а может быть, и эмигранты, вдруг сделались революционерами и превратились в служащих Комитета общественной безопасности для того, чтобы отомстить друзьям отечества за возникновение Республики и за ее успехи. Было бы довольно странно, если бы мы были так добры, чтобы платить шпионам Лондона или Вены за помощь нам в создании полиции Республики. А я не сомневаюсь в том, что это случалось часто. Это не означает, что эти люди не создавали себе патриотических званий, арестовывая резко выраженных аристократов. Что за важность для иностранца пожертвовать несколькими французами, виновными в отношении

своего отечества, лишь бы только они приносили в жертву патриотов и уничтожали Республику!

К этим веским мотивам, которые уже побуждали меня, хотя и попустому, изобличать этих людей, я присоединяю еще один, связанный с заговором, который я начал излагать. Мы знаем, что эти люди получают плату от врагов революции за то, что позорят революционное правительство как таковое, и за то, что клеветуют на тех патриотов, которых велют погубить тираны. Так, например, когда жертвы их вероломства начинают жаловаться, то они оправдываются, говоря им: «Этого хочет Робеспьер, мы не можем послушаться». Подлые последователи Эбера говорили то же самое в то время, когда я изобличил их; они называли себя моими друзьями; затем они обвинили меня в модерантизме; это тот же сорт контрреволюционеров, преследующих патриотизм. Долго ли еще честь граждан и достоинство Национального конвента будут находиться во власти этих людей? Но обстоятельство, которое я только что привел, является лишь частью более обширной системы преследования, предметом которой я служу. Развивая это обвинение в диктатуре, включенное тиранами в повестку дня, они поставили своей задачей обвинить меня во всех своих беззакониях, во всех ошибках судьбы или во всех строгостях, требуемых для спасения отечества.

«Он один подверг вас проскрипции», — говорили дворянам; он хочет спасти дворян», — говорили в то же время патриотам; «он один преследует вас — без него вы были бы спокойными и торжествующими», — говорили священникам; «он один уничтожает религию», — говорили фанатикам; «это он распорядился о преследовании вас или не хочет мешать ему», — говорили преследуемым патриотам. На меня взваливали все жалобы, причин возникновения которых я не мог устранить, говоря: «ваша участь зависит от него одного». Люди, подсланные в общественные места, ежедневно повторяли эти слова, они проникали на заседания революционного трибунала, в те места, где враги отечества искупают свои преступления. Они говорили: «Вот несчастные осужденные, а кто виновник их гибели? Робеспьер!». В особенности старались доказать, что революционный трибунал является кровавым трибуналом, созданным мною одним и полностью подчиненным мне, для того чтобы погубить не только всех честных людей, но даже и всех мошенников, ибо хотели вызвать всеобщую вражду против меня. Этот крик раздавался во всех тюрьмах; этот план проскрипции исполнялся эмиссарами тирании одновременно во всех департаментах. Это еще не все: в последнее время были предложены финансовые проекты, которые, как мне казалось, рассчитаны на то, чтобы привести в отчаяние малоимущих граждан и увеличить число недовольных. Я часто, но тщетно обращал внимание Комитета общественного спасения на этот вопрос. И что же! Можно ли поверить тому, что распространили слух, будто эти финансовые проекты были созданы мною, и для достоверности этого слуха придумали, будто в Комитете общественного спасения существовала финансовая комиссия и возглавлял ее я? Но так как меня

хотели погубить главным образом во мнении Национального конвента, то стали утверждать, что только я осмеливаюсь думать, будто Национальный конвент может терпеть в своих рядах людей, недостойных его. Говорили каждому депутату, возвращавшемуся из своей миссии в департаменты, что единственным виновником его отозвания являюсь я. Точно докладывали моим коллегам обо всем том, что я говорил, и в особенности — о том, чего я не говорил. Все делалось, все требовалось, все приказывалось мною, ибо не надо забывать о моем звании диктатора. Когда эта буря ненависти, мщения, страха, раздраженного самолюбия была подготовлена, то решили, что пора ей разразиться. Те, кто считали, что есть основания меня опасаться, открыто надеялись на то, что моя верная гибель обеспечит их спасение и триумф. В то время как английские и германские статьи сообщали о моем аресте, разносчики газет кричали о нем в Париже. Остальное гораздо лучше, чем мне, известно моим коллегам, перед которыми я говорю; они знают обо всех попытках, совершенных на глазах у них для подготовки успеха романа, который кажется новым изданием романа Луве. Многие могли бы отчитаться в неожиданных визитах, которые им нанесли с целью склонить их к моему изгнанию. Наконец, уверяют, что в Национальном конвенте было вообще достигнуто соглашение о том, что мне будет предъявлено обвинение. Такого рода настроения стали известны; все доказывает, что только безукоризненная честность Национального конвента заставила клеветников отказаться от своего преступления или, по крайней мере, отложить его. Но кто были эти клеветники? Прежде всего я могу ответить, что в роялистском манифесте, найденном в бумагах одного известного заговорщика, понесшего уже должное наказание за свои злодеяния, и являющемся, кажется, источником всей возобновившейся сейчас клеветы, можно прочесть следующие подлинные слова, обращенные ко всевозможным врагам общества: «...если бы этот коварный демагог более не существовал, если бы он заплатил своей головой за свои честолобивые махинации, нация была бы свободна; каждый мог бы открыто объявлять свои мысли; Париж никогда не увидел бы в своих недрах такого множества убийств, попросту известных под ложным названием приговоров революционного трибунала». Я могу добавить, что этот отрывок является результатом воззваний, выпущенных объединенными государями и иностранными газетами, состоящими на жалованьи у королей, которые, по-видимому, таким путем ежедневно сообщают пароль всем заговорщикам внутри страны. Я приведу только этот отрывок, взятый у одного наиболее уважаемого из этих писателей.

Я могу, следовательно, ответить, что авторами этого клеветнического плана прежде всего являются герцог Йоркский, Питт и все тираны, ополчившиеся против нас. А еще кто? О, я не осмеливаюсь их назвать в эту минуту и в этом месте. Я не могу решиться полностью сорвать завесу, прикрывающую эту глубокую тайну беззаконий, но я могу положительно утверждать, что среди зачинщиков этого заговора находятся приверженцы той развратной и сумасбродной системы, которая является наилучшим из придуманных иностранцами средств для

того, чтобы погубить Республику, что среди них находятся те грязные проповедники атеизма и безнравственности, оплотом которых эта система является.

Весьма достопримечательным обстоятельством является то, что ваш декрет, ^{*****}укрепивший пошатнувшиеся основы общественной морали, был сигналом к яростной атаке врагов Республики. Именно с этого времени начинаются убийства и новые клеветнические наветы, более преступные, чем убийства. Тираны сознавали, что они должны возместить решительное поражение. Торжественное провозглашение ваших истинных принципов в один день разрушило плоды многолетних интриг; тираны торжествовали; французский народ был поставлен между голодом и атеизмом, еще более гнусным, чем голод. Народ может выносить голод, но только не преступление; народ может пожертвовать всем, за исключением добродетелей. Тирания еще не нанесла этого оскорбления человеческой природе — сделать для нее нравственность позором, а разврат долгом; самые низкие заговорщики признавали добродетели французского народа в его славе и могуществе. Тирания требовала от людей только их имущества и жизни; заговорщики требовали от нас даже нашу совесть; одной рукой они подносили нам все беды, а другой отнимали у нас надежду. Атеизм, сопровождаемый всеми преступлениями, нес народу скорбь и отчаяние и навлекал на национальное представительство подозрения, презрение и позор. Справедливое негодование, подавляемое террором, тайно волновало все сердца. Грозное, неминуемое извержение клокотало в недрах вулкана, в то время как мелкие философы беспечно забавлялись на его вершине с крупными злодеями. Положение Республики было таково, что, согласился ли бы народ терпеть тиранию, сбросил ли бы он с неистовством ее иго, свобода все равно погибла бы; ибо, сопротивляясь, он бы насмерть ранил Республику, а своим терпением он бы сделался недостойным ее.

Поэтому из всех чудес нашей революции последующим поколениям будет наименее понятно то, каким образом мы смогли избежать этой опасности. Вы заслужили вечную благодарность, вы спасли отечество, ваш декрет — уже сам по себе революция, вы поразили одним и тем же ударом атеизм и священнический деспотизм, вы на полвека ускорили наступление рокового для тиранов часа, вы привлекли к делу революции все чистые и великодушные сердца, вы показали миру дело революции во всем сиянии его небесной красоты.

О, навеки счастливый день, когда французский народ поднялся весь, чтобы воздать творцу природы единственную дань уважения, достойную его! ^{*****}Какое трогательное соединение всех предметов, могущих очаровать взоры и сердца людей! О, почтенная старость! О, благородный пыл детей отечества! О, простодушная и чистая

^{*****} Декрет Конвента 7 мая 1794 г. (18 флореаля) о введении культа «верховного существа», принятый по докладу Робеспьера.

^{*****} Имеется в виду 8 июня 1794 г. (20 прериаля) — день празднества в честь «верховного существа».

радость юных граждан! О, восхитительные слезы растроганных матерей! О, божественное очарование невинности и красоты! О, величие благородного народа, счастливого от одного только сознания своей силы, своей славы и своей добродетели! Всевышний! Сверкал ли тот день, когда вселенная вышла из твоих всемогущих рук, более приятным для твоих очей светом, чем тот день, когда, освободившись от ига преступления и заблуждения, народ предстал перед тобой достойным твоих взоров и своих судеб?

Этот день оставил во Франции глубокий след покоя, счастья, мудрости и милосердия. При виде этого высокого собрания наилучшего народа мира, кто поверил бы, что преступление все еще существует на земле? Но когда народ, в присутствии которого все личные пороки исчезают, вернулся к своим домашним очагам, снова появились интриганы, и шарлатаны вновь принялись за свою роль. С этих пор они стали действовать с новой дерзостью и пытались наказать всех тех, кто расстроил самый опасный из заговоров. Можно ли поверить тому, что среди народного ликования люди отвечали знаками ярости на трогательные приветствия народа? Можно ли поверить, что председатель Национального конвента, говоривший с собравшимся народом, был оскорблен ими и что эти люди были народными представителями? *****

Один лишь этот факт объясняет вес происшедшее потом. Первой попыткой, сделанной недоброжелателями, было стремление унижить провозглашенные вами великие принципы и изгладить трогательное воспоминание о национальном празднестве. Такова была цель того характера и той торжественности, которые придали так называемому делу Екатерины Тео. Недоброжелательство сумело извлечь пользу из политического заговора, прикрытого именами каких-то слабоумных ханжей, а общественному вниманию предложили лишь мистический фарс и неистощимую тему для непристойных или ребяческих сарказмов. Настоящие заговорщики ускользнули, а Париж и всю Францию наполняли именем богородицы [см. в указателе Екатерина Тео]. В тот же миг можно было наблюдать появление множества отвратительных памфлетов, достойных «Отца Дюшена», целью которых являлось унижить Национальный конвент, революционный трибунал, возобновить религиозные споры, начать столь же жестокое, сколь и неразумное преследование слабых или легковверных умов, проникнутых каким-либо суеверным воспоминанием. В самом деле, множество мирных граждан и даже патриотов было арестовано в связи с этим делом, а виновные все еще злоумышляют на свободе, ибо план состоит в том, чтобы спасти их, измучить народ и увеличить число недовольных. И чего только не делали для достижения этой цели! Открытая проповедь атеизма, внезапные насилия над культом, вымогательства в самых непристойных формах, преследования народа под предлогом борьбы с

суеверием; система голода, сначала благодаря скупкам, а затем благодаря войне, затеваемой со всякой дозволенной торговлей под предлогом борьбы со скупкой; заключение под стражу патриотов — все клонилось к этой цели. В то же время национальное казначейство отсрочивало платежи; доводили до отчаяния мелких кредиторов государства коварными проектами; прибегали к насилию и хитрости, чтобы заставить их подписывать обязательства, гибельные для их интересов, во имя того самого закона, который осуждал эту махинацию. Всякая возможность притеснения гражданина жадно подхватывалась, а все притеснения по обыкновению скрывались под предлогом общественного блага. Служили аристократии, но ее же беспокоили; преднамеренно пугали ее для того, чтобы увеличить число недовольных и побудить ее на какой-нибудь отчаянный поступок против революционного правительства. Объявляли во всеобщее сведение о том, что Эро, Дантон, Эбер являются жертвами Комитета общественного спасения и что нужно отомстить за них посредством уничтожения этого Комитета. Хотели пощадить военачальников, преследовали должностных лиц Коммуны и поговаривали о возвращении Паша на должность мэра. В то же время народные представители открыто говорили об этом; в то же время они силились убедить своих коллег в том, что они могут найти спасение лишь в гибели членов Комитета; в то же время присяжные революционного трибунала, которые постыдно строили козни в пользу заговорщиков, обвиненных Конвентом, всюду говорили о том, что угнетению нужно сопротивляться, и о том, что имеется двадцать девять тысяч патриотов, склонных к ниспровержению теперешнего правительства; вот язык, которого придерживались иностранные газеты, которые во все моменты кризисов всегда точно возвещали о заговорах, готовых совершиться среди нас, и издатели которых имели, по-видимому, сношения с заговорщиками. Преступникам необходимо вызвать мятеж. Вследствие этого в настоящий момент они собрали в Париже со всех частей Республики злодеев, причинявших ей горе во времена Шометта и Эбер а, тех, кого вы в своем декрете приказали предавать суду революционного трибунала.

К революционному правительству внушали ненависть, чтобы подготовить его падение. Собрав все его приказы и направив все неодобрение в отношении его на тех, кого хотели погубить тайной и всеобщей системой клеветы, хотели уничтожить революционный трибунал или составить его из заговорщиков, призвать аристократию к себе на помощь, даровать безнаказанность всем врагам отечества и представить народу его самых усердных защитников как виновников всех прежних бедствий. Если мы добьемся удачи, говорили заговорщики, то своей крайней снисходительностью мы должны составлять резкий контраст с существующим положением вещей. Эти слова заключают в себе весь смысл заговора. Какие преступления ставились в вину Дантону, Фабру, Демулену? Проповедь милосердия к врагам отечества и составление заговора для обеспечения амнистии, роковой для свободы. Что сказали бы, если бы зачинщики заговора, о котором я только что говорил, принадлежали к числу тех, кто отправил на эшафот Дантона,

***** На празднике в честь «верховного существа» Робеспьер, накануне избранный председателем Конвента, обратился к народу с торжественной речью, во время которой некоторые депутаты открыто проявили свою враждебность к нему.

Фабра и Демулена? А что делали первые заговорщики? Эбер, Шометт и Ронсен старались сделать революционное правительство несносным и смешным, в то время как Камилл Демулен нападал на него в сатирических произведениях, а Фабр и Дантон строили козни для защиты Демулена. Одни клеветали, другие создавали предлоги для клеветы. То же самое продолжается ныне открыто. По какому же роковому течению обстоятельств те, кто некогда гремели против Эбера, теперь защищают его сообщников? Каким образом те, кто объявляли себя врагами Дантона, стали брать с него пример? Каким образом те, кто некогда открыто обвиняли некоторых членов Конвента, оказались в союзе с ними против патриотов, которых хотят погубить? Подлецы! Они хотели вогнать меня в могилу с позором! И я оставил бы на земле лишь память о тиране! С каким вероломством они злоупотребляли моим доверием! Как притворялись принимающими все принципы добрых граждан! Как простодушна и нежна была их притворная дружба! Но вдруг их лица омрачились, в их глазах засверкала дикая радость; это произошло в ту минуту, когда они думали, что приняли все меры, чтобы одолеть меня! Теперь они снова льстят мне; их речи любезнее, чем когда-либо; три дня назад они готовы были донести на меня, как на Катилину; теперь они приписывают мне добродетели Катона. Им нужно время на то, чтобы возобновить свои преступные козни. Как жестока их цель! Но как презренны их средства! Судите об этом по одному факту. Я был ненадолго назначен в отсутствие одного из моих коллег наблюдать за бюро общей полиции, недавно и плохо организованным при Комитете общественного спасения.

Мое кратковременное управление ограничилось вынесением около тридцати постановлений либо об освобождении преследуемых патриотов, либо о взятии под стражу некоторых врагов революции. Ну можно ли допустить, что слова «общая полиция» послужили предлогом свалить на мою голову ответственность за все действия Комитета общественной безопасности, за все ошибки установленных законом властей, за все преступления моих врагов. Быть может, нет ни одного арестованного лица, ни одного потерпевшего гражданина, которому не сказали бы обо мне: «Вот виновник твоих несчастий; ты был бы счастлив и свободен, если бы он перестал существовать!». Как мог бы я описать или угадать всевозможную клевету, тайно возводимую на меня и в Национальном конвенте, и вне его с целью сделать меня ненавистным или страшным? Ограничусь указанием того, что более шести недель назад свойства и сила клеветы, невозможность делать добро и остановить зло, принудили меня решительно отказаться от моих обязанностей члена Комитета общественного спасения, и клянусь, что даже в этом я руководствовался лишь собственным разумом и благом отечества. Я предпочитаю звание народного представителя званию члена Комитета общественного спасения, и выше всего я ставлю свое человеческое достоинство и звание французского гражданина.

Как бы то ни было, но вот уже по крайней мере шесть недель, как прекратилась моя диктатура и я уже не имею никакого влияния на

правительство. Стали ли больше покровительствовать патриотизму? Стали ли фракции более робкими? Стало ли отечество счастливее? Я желаю этого. Но это мое влияние всегда ограничивалось защитой дела отечества перед национальным представительством и судом общественного разума. Мне было разрешено бороться с фракциями, угрожавшими вам, я хотел с корнем вырвать систему испорченности и беспорядка, которую они ввели и которую я считаю единственным препятствием к упрочению Республики. Я думаю, что она может укрепиться только на незыблемых основах морали. Все объединилось против меня и против тех, кто придерживался тех же принципов.

Одержав победу над пренебрежением и противоречием со стороны многих лиц, я предложил вам великие принципы, высеченные в ваших сердцах и разгромившие заговоры контрреволюционных атеистов. Вы их подтвердили; но такова уж участь принципов — провозглашаться честными людьми и применяться или нарушаться злыми. В самый канун праздника верховного существа под каким-то пустым предлогом хотели вызвать его отсрочку. С тех пор не прекращали выставять в смешном виде все то, что относится к нему; с тех пор не прекращали благоприятствовать всему тому, что могло оживить доктрину заговорщиков, которых вы покарали. Совсем недавно уничтожили следы всех памятников, освятивших великие эпохи Революции. Были уничтожены те, которые напоминали о моральной революции, мстившей вам за клевету и создававшей Республику. У многих я не видел ни малейшей склонности к тому, чтобы следовать незыблемым принципам, идти дорогой справедливости, проложенной между двумя подводными камнями, которые враги отечества поместили на нашем пути. Если нужно, чтобы я утаил эти истины, то пусть принесут мне цикуту. Мой разум, а не мое сердце, готов усомниться в этой добродетельной Республике, план создания которой я наметил. Я думал, что я угадал истинную цель этого странного обвинения в диктатуре; я вспомнил, что Бриссо и Ролан уже распространяли его в Европе, в то время, когда они пользовались почти безграничной властью. В чьих руках находятся теперь армии, финансы и внутреннее управление Республики? В руках преследующей меня коалиции. Все друзья незыблемых принципов не имеют влияния; но для наших врагов этого недостаточно — удалить неудобного надзирателя; одно лишь его существование является для них предметом ужаса, и они без ведома своих коллег во мраке обдумали план отнятия у него вместе с жизнью права защищать народ. О! Я отдам им свою жизнь без сожаления; у меня есть опыт прошлого, и я вижу будущее. Какой друг отечества может желать пережить тот момент, когда больше не дозволено служить ему и защищать угнетенную невинность? Зачем жить при таком порядке вещей, когда интрига вечно торжествует победу над истиной, когда справедливость — ложь, когда самые низменные страсти, самые нелепые страхи занимают в сердцах место священных интересов человечества? Как перенести пытку — видеть эту ужасную вереницу изменников, более или менее ловко прячущих свои мерзкие души под личиной добродетели и даже дружбы, но которые

поставят потомство перед решением трудного вопроса о том, какой из врагов моей страны был более подлым и более жестоким. Видя множество пороков, которые поток революции перемешал с гражданскими добродетелями, я иногда опасался, признаюсь в этом, быть запятнанным в глазах потомства постыдной близостью с порочными людьми, проникающими в среду искренних друзей человечества, и я доволен при виде того, как ярость разных Верресов и Катилин моей страны проводит глубокую демаркационную черту между ними и всеми честными людьми. Я видел в истории, что все защитники свободы подвергались клевете, но их угнетатели гоже погибли.

Добрые и злые — все исчезают с лица земли но при различных условиях. Французы, не допускайте, чтобы ваши враги осмелились унижать ваши души и ослаблять ваши добродетели своей пагубной доктриной. Нет, Шометт, нет, смерть — не вечный сон.

Граждане сотрите с гробниц это изречение, начертанное кошунственными руками, которое окутывает природу мрачным покровом, которое приводит в уныние угнетенную невинность и которое оскорбляет смерть, начертайте на них лучше: «Смерть — это начало бессмертия».

Несколько времени тому назад я обещал оставить грозный завет угнетателям народа. Я хочу огласить его сейчас же, с независимостью, подобающей тому положению, в котором я нахожусь: я завещаю им страшную правду и смерть.

Представители французского народа, пора вернуть себе подобающие вам гордость и возвышенность характера! Вы созданы не для того, чтобы вами управляли, а для того, чтобы управлять носителями вашего доверия; дань уважения, которое они должны вам оказывать, состоит не в бессмысленной угодливости, не в лстивых рассказах, расточаемых честолюбивыми министрами королям, а в истине и, главное, в глубоком уважении к вашим принципам. Вам сказали, что в Республике все хорошо; я отрицаю это. Почему те, которые третьего дня предсказывали вам столько ужасных бурь, вчера видели уже лишь легкие облака? Почему те, которые недавно говорили вам: «...заявляю вам, что мы ходим по вулканам», — считают, что теперь они ходят по розам? Вчера они верили в существование заговоров; заявляю, что я верю в них и сейчас. Те, кто уверяют вас, что создание Республики — легкое дело, обманывают вас, или, скорее, они никого не могут обмануть. Где мудрые учреждения, где план возрождения, оправдывающий эти честолюбивые речи? Разве занимались одним только этим важным делом? Да что я говорю? Разве не хотели подвергнуть проскрипции тех, кто их подготавливал? Сегодня их восхваляют, ибо считают себя слабее; значит, завтра их снова подвергнут проскрипции, если станут сильнее. Через четыре дня говорят: несправедливости будут исправлены; почему же они безнаказанно совершались в течение четырех месяцев? И каким образом в продолжение четырех дней все виновники наших бедствий исправятся или будут изгнаны. Вам много говорят о ваших победах с академическим легкомыслием, могущим внушить мысль, что они не стоили нашим героям ни крови, ни трудов; рассказанные с меньшей высокопарностью,

они казались бы более великими. Мы покорим Европу не цветистыми фразами, ни даже воинскими подвигами, а мудростью наших законов, благородством наших решений и величием наших характеров. Что сделано для того, чтобы обратить наши военные успехи на пользу наших принципов, чтобы предупредить опасности победы или чтобы обеспечить пользование ее плодами? Следите за победой, следите за Бельгией. Предупреждаю вас, что ваш декрет против англичан постоянно нарушали, что Англия, столь обижаемая нашими речами, пощажена нашим оружием. Предупреждаю вас, что филантропические комедии, сыгранные в Бельгии Дюмурье, повторяются и ныне, что люди забавляются посадкой бесплодных деревьев свободы во враждебную почву, вместо того, чтобы срывать плоды свободы, и что побежденным рабам покровительствуют в ущерб победоносной Республике. Наши враги отступают и оставляют после себя наши внутренние разногласия. Думайте о конце кампании; бойтесь внутренних фракций; остерегайтесь интриг, которым способствуют удалением в чужую страну. Среди генералов посеяли раздор; военной аристократии покровительствуют; преданных генералов преследуют; военная администрация облачается подозрительной властью; ваши декреты стали нарушать, чтобы сбросить иго неизбежного надзора. Эти истины годятся для эпиграмм.

Наше внутреннее положение является гораздо более критическим. Следует создать разумную финансовую систему; та, что существует ныне, — мелочна, расточительна, затруднительна, дорогостояща и фактически совершенно независима от вашего высшего надзора. Внешние отношения находятся в полном пренебрежении. Почти все агенты, используемые иностранными державами, опозоренные отсутствием у них гражданских чувств, открыто изменили Республике с дерзостью, ненаказанной и поныне.

Революционное правительство заслуживает полного вашего внимания; если только оно будет низвергнуто, то свобода тотчас же погибнет. Нужно не клеветать на правительство, а призывать его к соблюдению его принципов, к упрощению его, к уменьшению бесчисленного множества его агентов и особенно к проведению их чистки; нужно обеспечить безопасность народу, а не его врагам. Речь идет не о том, чтобы помешать народному правосудию новыми формальностями; уголовный закон неизбежно должен обладать некоторой расплывчатостью, ибо ввиду того, что для нынешних заговорщиков характерна скрытность и лицемерие, нужно, чтобы правосудие могло изобличить их во всех их видах. Хотя бы один заговорщический прием, оставшийся безнаказанным, сделал бы призрачным и подвергнул бы опасности спасение отечества. Гарантия патриотизма заключается не в медлительности и не в слабости национального правосудия, а в принципах и в честности тех, кому оно вверено, в добросовестности правительства, в открытой поддержке, оказываемой им патриотам, и в энергии, проявляемой им при подавлении аристократии, в общественном духе, в некоторых нравственных и политических учреждениях, которые, не мешая ходу правосудия,

предлагают добрым гражданам защиту и действуют своим влиянием на общественное мнение и на направление революционного пути. Эти учреждения будут вам предложены, когда перед ближайшими заговорами друзьям свободы удастся передохнуть.

Будем вести революционную деятельность при помощи мудрых и постоянно соблюдаемых правил; строго накажем тех, кто злоупотребляют революционными принципами с целью притеснять граждан; пусть создается полная уверенность, что все те, на кого нация возложила надзор, очищены от всякого партийного духа, жаждут торжества патриотизма и наказания виновных. Все придет в прежний порядок; но если только выяснится, что очень влиятельные люди втайне желают уничтожения революционного правительства, что они скорее склонны к снисходительности, чем к правосудию, если они будут прибегать к подкупленным агентам, если сегодня они будут клеветать на власть, которая одна только внушает страх врагам свободы, а на завтра будут отпираться от сказанного, чтобы снова интриговать, если вместо возвращения свободы патриотам они без разбора станут возвращать ее земледельцам — тогда все интриганы объединятся для клеветы на патриотов и будут преследовать их. Обвинять в злоупотреблениях следует не революционное правительство, а все эти причины; ибо не найдется ни одного правительства, которое было бы терпимым при таких же условиях.

Революционное правительство спасло отечество; теперь нужно спасти его самого от всех подводных камней; было бы плохо прийти к заключению о том, что его нужно уничтожить единственно потому, что враги общественного блага сначала парализовали его, а теперь стараются развратить его. Выпускать на свободу контрреволюционеров и давать торжествовать плутам — это странный способ покровительствовать патриотам. Безопасность невинности обеспечивается страхом преступления. Впрочем, я далек от того, чтобы обвинять в злоупотреблениях большинство тех, кому вы оказали свое доверие; его парализовали и предали самого; интрига и зарубежные страны торжествуют. Прячутся, скрывают, обманывают — значит, составляют заговор. Сначала были дерзки, замыслили акт крупного подавления, окружали себя силой для того, чтобы обуздать общественное мнение, после того как его раздражали; теперь стараются подкупить общественных должностных лиц, верности которых опасаются, преследуют друзей свободы, — значит составляют заговор. Внезапно становятся уступчивыми и даже льстивыми, тайно распространяют опасные клеветнические измышления о Париже, стараются усыпить общественное мнение, клеветают на народ, возводят в преступление гражданскую заботливость, не высылают дезертиров, военнопленных, всякого рода контрреволюционеров, собравшихся в Париже, и удаляют пушкарей, разоружают граждан, интригуют в армии, стремятся завладеть всем — значит составляют заговор. За последние дни постарались ввести вас в заблуждение в отношении заговора; теперь его отрицают; считают даже преступлением веру в его существование; вас поочередно то пугают, то

успокаивают — вот он, настоящий заговор.

Контрреволюция гнездится в финансовом управлении. Оно все держится системой контрреволюционных новшеств, скрытых под внешним видом патриотизма. Его цель — разжечь ажиотаж, позоря французскую честность, подорвать общественный кредит, благоприятствовать богатым кредиторам, разорять и приводить в отчаяние бедняков, увеличивать число недовольных, отнимать у народа национальные имущества и незаметно доводить общественное богатство до разорения.

Кто стоит во главе управления нашими финансами? Бриссотинцы, фельяны, аристократы и известные плуты: это разные Камбоны, Малларме, Рамели, это товарищи и преемники Шабо, Фабра и Жюльена (из Тулузы).

Для прикрытия своих опасных замыслов в последнее время додумались до того, что испрашивают позволения Комитета общественного спасения, ибо не сомневались, что этот Комитет, отвлекаемый множеством столь важных дел, смело принимал бы, как это иногда и случалось, все проекты Камбона. Это новая хитрость, выдуманная для того, чтобы увеличить число врагов Комитета, гибель которого является главной целью всех заговоров.

Национальное казначейство, управляемое неким лицемерным контрреволюционером, именуемым Лермина, прекрасно способствует их намерениям при помощи принятого им плана ставить препятствия всем неотложным расходам, под предлогом скрупулезной преданности формальностям не платить никому, за исключением аристократов, и досаждают стесненным в средствах гражданам отказами, промедлениями, а зачастую и гнусными провокациями.

Контрреволюция гнездится во всех отраслях государственного хозяйства. Заговорщики вопреки нашему желанию толкнули нас на жестокие меры, которые стали необходимыми только в результате их преступлений и довели Республику до ужаснейшей нужды и которые без помощи самых неожиданных событий уморили бы ее голодом. Эта система была делом зарубежных стран, предложивших ее при посредстве продажного органа разных Шабо, Люлье, Эберов и многих других злодеев; нужны все усилия гения, чтобы снова привести Республику к естественному и мягкому управлению, которое только одно может поддерживать изобилие; а эта работа еще не начиналась.

Вспоминаются все преступления, во множестве совершаемые для осуществления голодного договора, порожденного адским гением Англии. Для спасения нас от этого бедствия понадобилось два одинаково неожиданных чуда: первое — возвращение нашего транспорта, проданного Англии, до его отправления из Америки, на который рассчитывал лондонский кабинет, и обильный и ранний урожай,

***** В июне 1793 года английское правительство объявило блокаду всех французских портов, и английские корабли стали задерживать корабли нейтральных стран, перевозившие во Францию необходимые ей съестные припасы.

подаренный нам природой; второе — высокое терпение народа, который выдержал даже голод, чтобы сохранить свободу. Нам остается еще преодолеть недостаток рук, перевозочных средств, лошадей, что создает препятствие к жатве и к обработке земель и все затеянные в прошлом году нашими врагами уловки, которые они не преминут возобновить.

Контрреволюционеры сбежали сюда для присоединения к своим сообщникам и для защиты своих хозяев посредством интриг и преступлений. Они рассчитывают на арестованных контрреволюционеров, на вандейцев, на дезертиров и военнопленных, которые, по всем сообщениям, с некоторого времени во множестве бегут, чтобы возвратиться в Париж, как я уже не раз тщетно заявлял об этом в Комитете общественного спасения; наконец, они рассчитывают на аристократию, которая тайно составляет заговор вокруг нас; в Национальном конвенте они вызовут бурные споры; изменники, скрытые до сих пор лицемерной внешностью, скинут маску; заговорщики обвинят своих обвинителей и не поскупятся на все те ухищрения, к которым некогда прибегал Бриссо, с целью заглушить голос истины.

Если они не смогут подчинить себе этим способом Конвент, то они расколют его на две части: для клеветы и интриги открывается обширное поле. Если они подчинят его себе на минуту, они обвинят в деспотизме и сопротивлении национальной власти тех, кто будет энергично бороться с их преступной лигой; вопли угнетенной невинности, мужественный голос тяжко оскорбленной свободы будут объявлены признаками опасного влияния или личного честолюбия. Вы подумаете, что вас снова подставили под нож прежних заговорщиков; народ возмутится; призовут фракцию; преступная фракция будет по-прежнему ожесточать народ: она постарается поселить раздор в Национальном конвенте народа; наконец, посредством посягательств надеются добиться беспорядков, во время которых заговорщики заставят вмешаться аристократию и всех своих сообщников, для того чтобы погубить патриотов и восстановить тиранию. Такова часть заговорщического плана. А кого следует винить за эти бедствия? Нас самих, нашу мерзкую снисходительность по отношению к преступлению, наше преступное забвение принципов, провозглашенных нами самими.

Не будем обманывать себя: создать необъятную Республику на основах разума и равенства, накрепко связать все части этого огромного государства — не легкое предприятие; это высшее достижение человеческой добродетели и человеческого разума. Все фракции во множестве рождаются из недр великой революции. Как обуздать их, если вы не будете беспрестанно подчинять все свои страсти справедливости? У вас нет иной гарантии свободы, кроме строгого соблюдения провозглашенных вами принципов всеобщей морали. Если разум не царствует, то царствуют преступление и честолюбие; без разума победа — лишь средство честолюбия и опасность для самой свободы, роковой предлог, которым интрига злоупотребляет для того, чтобы усыпить патриотизм на краю пропасти; без разума что нужно в самой победе? Победа вооружает честолюбие, усыпляет патриотизм, пробуждает

гордость и своими блестящими руками роет могилу Республике. Что нужно в том, что наши армии гонят перед собой вооруженных телохранителей королей, если мы отступаем перед пороками, разрушающими общественную свободу? Что значит для нас победа над королями, если мы сами побеждены пороками, приводящими к тирании? А что предприняли мы против них? Провозгласили высокие цены.

Что только ни делали для того, чтобы поощрить заговорщиков среди нас? А что предприняли мы для того, чтобы их уничтожить? Ничего, ибо они поднимают дерзкую голову и безнаказанно угрожают добродетели; ничего, ибо правительство отступило перед фракциями, и они находят покровителей среди блюстителей общественной власти. Приготовимся же ко всем бедствиям, ибо мы уступили им власть. Преждевременно остановиться на нашем пути — значит погибнуть, а мы постыдно отступаем. Вы постановили о наказании нескольких злодеев, виновников всех наших бедствий; они осмеливаются сопротивляться национальному правосудию; и им приносят в жертву судьбы отечества и человечества. Приготовимся же ко всем бедствиям, которые может повлечь за собой существование фракций, действующих безнаказанно. Среди стольких пылких страстей и в таком обширном государстве тираны, армии которых обращены в бегство, но не окружены и не истреблены, отступают, чтобы оставить вас в жертву вашим раздорам, которые они сами же разжигают, и целой армии преступных агентов, которых вы не можете даже заметить. Ослабьте на минуту бразды революции, и вы увидите, что их захватит военный деспотизм и что глава всех этих фракций низвергнет униженное национальное представительство. Долгие годы гражданской войны и общественных бедствий опустошат наше отечество, и мы погибнем от того, что не захотели воспользоваться моментом, намеченным в человеческой истории для утверждения свободы, мы обречем свое отечество на долгие годы общественных бедствий, и народ проклянет нашу память, которая должна была стать дорогой для человеческого рода. Нам не поставят в заслугу даже то, что мы предприняли великие дела по добродетельным мотивам. Нас смешают с недостойными депутатами, которые обесчестили национальное представительство, и мы разделим их злодеяния, оставив их безнаказанными. Перед нами открывалось бессмертие; мы же погибнем с позором. Добрые граждане погибнут; злые погибнут также. Разве даст им оскорбленный и победоносный народ мирно пользоваться плодом их преступлений? А какое правосудие совершили мы в отношении угнетателей народа? Какие патриоты, ставшие жертвами самых отвратительных злоупотреблений национальной власти, были отомщены? Да что я говорю? Каковы все те, кто могли дать безнаказанно внимать голосу угнетенной невинности? Не установили ли виновные тот ужасный принцип, что разоблачить вероломного представителя — это значит составить заговор против национального представительства? Угнетатель отвечает угнетенным заключением их под стражу и новыми оскорблениями.

Однако разве не потому ли, что мы забываем эти преступления, департаменты, где они были совершены, не знают о них? И не с большей

ли силой отзываются в угнетенных сердцах несчастных граждан те жалобы, которые мы отклоняем? Так легко и так сладко быть справедливым! Зачем обрекать себя бесчестьем виновных, терпя их. Да и притом разве допускаемые злоупотребления не будут увеличиваться? Разве безнаказанные преступники не будут переходить от одних преступлений к другим преступлениям? Разве мы хотим участвовать в такой подлости и обрекать себя ужасной участи угнетателей народа? Какие у них права на то, чтобы даже противопоставить его презреннейшим тиранам?

Одна фракция простила бы другой фракции. Злодеи скоро отомстили бы за мир, истребляя самих себя; и если бы они ускользнули от людского правосудия или от своей собственной ярости, то разве ускользнули бы они от вечного правосудия, которое они оскорбили самым ужасным из всех злодеяний?

Что касается меня, существование которого кажется врагам моей страны препятствием их мерзким планам, то я охотно соглашаюсь пожертвовать собой, если их страшной власти суждено еще длиться.

О, кто пожелал бы видеть далее эту чудовищную вереницу изменников, более или менее ловко прячущих свои мерзкие души под маской добродетели до той минуты, когда их преступление созреет, и которые завещают потомству решить трудный вопрос о том, какой из врагов моего отечества был самым подлым и жестоким.

Если бы здесь предложили объявить об амнистии в пользу вероломных депутатов и поставить преступления всякого представителя под охрану декрета, то краска стыда выступила бы на лице каждого из нас, но не более ли еще возмутительное безобразие — возложить на верных представителей долг разоблачения преступлений и, однако, с другой стороны, предать их неистовой злобе дерзкой лиги, если они осмелятся его выполнять? Это более чем защита преступления, это — принесение ему в жертву добродетели.

Видя множество пороков, которые поток революции перемешал с гражданскими добродетелями, я порой содрогался от мысли, что буду запятнан в глазах потомства нечистой близостью с этими порочными людьми, втиравшимися в ряды искренних защитников человечества; но поражение соперничающих фракций словно выпустило на волю все пороки; они подумали, что для них речь шла только о разделе отечества, как добычи, вместо того чтобы сделать его свободным и процветающим; и я признателен им за то, что ярость, воодушевляющая их против всего того, что сопротивляется их планам, провела демаркационную линию между ними и всеми честными людьми; но если Верресы и Катилины Франции считают себя уже достаточно продвинувшимися по пути преступления для того, чтобы выставить на ораторской трибуне голову своего обвинителя, то я также недавно обещал оставить моим согражданам завещание, страшное для угнетателей народа, и с этой минуты я завещаю им посрамление и смерть! Я понимаю, что союзу тиранов всего мира легко одолеть одного человека; но я знаю также и обязанности человека, который может умереть, защищая дело

человеческого рода. Я узнал из истории, что все защитники свободы были побеждены или богатством, или клеветой; но вскоре после этого их угнетатели и убийцы тоже погибли. Добрые и злые, тираны и друзья свободы исчезали с лица земли, но при различных условиях. Французы, не допускайте, чтобы ваши враги старались унижить ваши души и притупить ваши добродетели гибельным учением. Нет, Шометт, нет, Фуше, смерть — не вечный сон^{*****}. Граждане, сотрите с гробниц это нечестивое изречение, набрасывающее траурный покров на природу и оскорбляющее смерть! Лучше начертайте на них: «смерть — это начало бессмертия».

Народ, помни, что если в Республике не царит всевластно справедливость и если это слово не означает любви к равенству и к отечеству, то свобода является лишь пустым звуком. Народ, ты, которого бояться, которому льстят и которого презирают, ты признанный суверен, с которым всегда обращаются как с рабом, помни, что везде, где не царит справедливость, царят страсти должностных лиц и что ты переменял цепи, а не судьбу.

Помни, что в твоих недрах существует союз плутов, борющихся с общественной добродетелью, который имеет больше влияния на твои собственные дела, чем ты сам, который в целом боится тебя и льстит тебе, а в отдельности изгоняет тебя в лице всех добрых граждан.

Вспомни, что, далекие от того, чтобы принести в жертву твоему счастью эту кучку плутов, твои враги хотят принести в жертву тебя этой кучке виновников всех наших бедствий и единственного препятствия для общественного процветания.

Знай, что каждый человек, вставший на защиту общественного дела и общественной морали, будет осыпан унижительными оскорблениями и изгнан плутами; знай, что каждый друг свободы будет всегда поставлен между долгом и клеветой, что те, кого не смогут обвинить в измене, будут обвинены в честолюбии, что влияние честности и принципов будут сравнивать с силой тирании и насилием фракций, что твое доверие и уважение послужат основанием для преследования всех твоих друзей, что возгласы угнетенного патриотизма будут названы возгласами возмущения и что, не смея покуситься на тебя самого в целом, тебя будут преследовать поодиночке в лице всех добрых граждан до тех пор, пока честолюбцы не образуют свою тиранию. Такова власть тиранов, ополчившихся против нас; таково влияние их союза со всеми продажными людьми, всегда готовыми служить им. Итак, злодеи, едва будучи названными диктаторами, предписывают нам закон об измене народу. Согласимся ли мы на этот закон? Нет, защитим народ с риском поплатиться за это; пусть они спешат на эшафот дорогой преступления, а

***** 10 октября 1793 г. в г.Невере было издано постановление о погребениях, в котором, в частности, предусматривалось, что на воротах места, предназначенного для погребения, будет написано: «Смерть есть вечный сон». Это постановление было издано Фуше, разделявшим атеистические взгляды Шометта. См. [Ж.Фуше. Фрагменты отчетов и постановлений периода миссии в деп.Ньевры](#)

мы — по пути добродетели.

Если мы будем говорить, что все обстоит хорошо, если мы по привычке или по обычаю будем продолжать хвалить то, что является плохим, мы погубим отечество. Если мы будем разоблачать тайные злоупотребления, изобличать изменников, нам скажут, что мы потрясаем законно установленные власти, что мы хотим в ущерб им приобрести личное влияние. Что же нам делать? Исполнять свой долг. Что можно возразить тому, кто хочет говорить истину и кто согласен умереть за нее? Скажем же открыто, что существует заговор против общественной свободы, что он опирается на преступный союз, ведущий интриги даже в недрах самого Конвента, что этот союз имеет сторонников в Комитете общественной безопасности и во всех канцеляриях этого Комитета, где они господствуют, что враги Республики противопоставили этот Комитет Комитету общественного спасения и установили таким образом два правительства, что некоторые члены Комитета общественного спасения участвуют в этом заговоре, что созданный таким образом союз хочет погубить патриотов и отечество.

Каково же средство от этого зла? Наказать изменников, обновить состав канцелярий Комитета общественной безопасности, произвести чистку самого этого Комитета и подчинить его Комитету общественного спасения, произвести чистку самого Комитета общественного спасения, учредить единство правления под верховной властью Национального конвента, являющегося центром и судьей, и подавить таким образом все фракции силой национальной власти, чтобы воздвигнуть на их развалинах могущество справедливости и свободы, — таковы наши принципы. Если их невозможно провозглашать, не прославив честолюбием, то я выведу из этого заключение, что они отменены и что среди нас господствует тирания, но никак не то, что я должен молчать об этом; ибо что можно возразить человеку, имеющему разум и умеющему умереть за свое отечество?

Я призван бороться с преступлением, а не руководить им. Не пришло еще то время, когда честные люди смогут безнаказанно служить отечеству; до тех пор, пока шайка мошенников будет господствовать, защитники свободы будут только изгнанниками.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ТЕРМИНОВ

Август — Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н.э. — 14 н.э.) — первый римский император внучатный племянник Юлия Цезаря. Фактически был единовластным правителем Римской империи.

Агис IV — царь Спарты (245—241 до н.э.), крупный реформатор, задумавший восстановить в Спарте «ликургово» государственное устройство и уничтожить имущественное неравенство. Во время войны с Этолией партия крупных аграриев, воспользовавшись отсутствием А., отменила проведенные им реформы и низложила его. По возвращении А. в Спарту он был предан суду и казнен.

Аграрный закон — термин, которым, во время революции 1789—1794 гг. пользовались для обозначения требования всеобщего раздела земель между всеми, желающими их обрабатывать.

Академия Розати — название литературного общества во Франции в XVIII веке.

Амар Жан-Пьер-Андре (1755—1816) — адвокат, член Конвента, якобинец, комиссар Конвента в ряде департаментов, член Комитета общественной безопасности. Участвовал в контрреволюционном перевороте 9 термидора. Добавим: революционер-мистик, поклонник Сведенборга. См.: [Ф.Шаль. Вадье. Амар \(из воспоминаний «Знаменитости во Франции и в Англии». Перевод с англ. О.Сомовой\);](#) все материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#amar>

Антонин Пий — римский император (138—161), восхвалявшийся за доброту, мягкость и справедливость.

Аппий Клавдий (ум. ок. 448 до н.э.) — глава комиссии децемвиров, вызвавшей возмущение народа попыткой похитить римлянку Виргинию. Был заключен в тюрьму, где покончил жизнь самоубийством.

Аргус — в древнегреческой мифологии великан, имеющий множество глаз; иносказательно — неусыпный страж.

Аристид по прозвищу Справедливый (540—467 до н.э.) — афинский политический деятель и полководец, известный своими гражданскими добродетелями. Прозвище «Аристид» дано было Кутону.

Арнольд Бенедикт (1745—1801) — американский генерал, участник войны за независимость, изменивший своей родине и перешедший на сторону англичан.

Барер Бертран (1755—1841) — адвокат, член Учредительного собрания и Конвента, якобинец. Председатель Конвента во время суда над Людовиком XVI. Один из руководителей Комитета общественного спасения. Участник заговора против Робеспьера. См., например, [Е.Таланян. Переворот 9 Термидора глазами члена Комитета общественного спасения; Луи Дезире Верон - о Барере и Барер - о Робеспьере и Сен-Жюсте \(«Воспоминания парижского буржуа»\); Давид д'Анже и воспоминания Барера; Брак и Революция. Перевод статьи и комментарии редакторов. Отрывки из книги Ж.-П.Тома «Бертран Барер: голос Революции»;](#) все материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB>

Барнав Антуан (1761—1793) — адвокат, социолог, развивавший идеи Монтескье. Автор ряда научных и философских трудов (наиболее известны «Введение к французской революции» и «Политические размышления о революции»). С начала революции показал себя одним из красноречивых защитников прав народа. Был членом Учредительного собрания и членом якобинского клуба. В 1791 году перешел в лагерь реакции, играл руководящую роль в антинародном клубе фельянов, вступил в тайные сношения с двором. По приговору революционного трибунала Б. был казнен. См.: [И.Попов-Ленский. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории; А.Олар. Антуан Барнав. Глава из книги «Ораторы Революции» ; А.Тырсенко. 1791 год в политической эволюции Антуана Барнава;](#) все материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#AB>

Бартелеми Никола (1765—1835) — французский генерал.

Бастилия — крепость и государственная тюрьма в Париже, ставшая символом королевского деспотизма. Построенная в XIV веке, Б. была разрушена 14 июля 1789 г., в день народного восстания, положившего начало французской буржуазной революции XVIII века. О событиях 14 июля 1789 года см. [ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ, МНЕНИЯ](#)

О сене, пирожных, Бастилии, "кто первый начал", а еще - о народе и толпе;

А.Люблинская. Бастилия и ее архив.

«Бешеные» — прозвище, данное жирондистами крайне левым якобинцам, отражавшим интересы бедноты. «Бешеных» неправомерно вообще относить к якобинцам. Наиболее полная историография этого движения принадлежит перу историка Я.М.Захера. См., напр.: Я.Захер. Движение "бешеных"; Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение; Я.Захер. Последний период деятельности Жака Ру; Я.Захер. Теофиль Леклерк и его «Друг народа»; Я.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.; Я.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры; Я.Захер. Последние работы: Общество Революционных республиканок и его борьба с якобинцами, Жак Ру в 1792 г., О двух темных местах ранней биографии Ж.Ру. Вступ.заметка А.Гордона; также: В.Марков. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики»; Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.

Бирон Арман Луи де Гонто (1747—1794) — герцог, французский генерал, член Учредительного собрания, участник войн между революционной Францией и европейской коалицией. Вызвал своими действиями недовольство Конвента и был казнен.

Болото или Равнина — ироническое название большинства депутатов Конвента, отражавших интересы средней буржуазии и зажиточного крестьянства и шедших за теми, кто был сильнее, — вначале за жирондистами, а потом за якобинцами. Б. получило свое название от того, что составлявшие его депутаты занимали нижние скамьи в зале заседаний.

Бриссо Жак-Пьер (1754—1793) — вождь и теоретик жирондистов. До революции — ученый юрист, автор ряда крупных трудов по уголовному праву («Теория уголовных законов» и др.). Во время революции крупный политический деятель, редактор газеты «Французский патриот». Член Конвента. Вел ожесточенную борьбу против якобинцев. В ряде памфлетов называл якобинцев анархистами и дезорганизаторами. После революции 31 мая — 2 июня 1793 г. Б. вместе с другими жирондистскими руководителями был изгнан из Конвента и арестован. В октябре 1793 года был казнен по приговору революционного трибунала. Материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#brst>

Бриссотинцы — см. жирондисты.

Брут Луций Юний — согласно преданию основатель римской республики. Став консулом (509 до н. э.) и обладая судебной властью, Б. предал своих детей смерти за их участие в заговоре в пользу царской власти.

Брут Марк Юний (85—42 до н.э.) — древнеримский политический деятель, один из борцов за республику, руководил заговором против Юлия Цезаря и принял участие в его убийстве.

Буйе Франсуа-Клод-Амур (1739—1800) — маркиз, генерал, участник американской войны за независимость, руководитель террористической расправы с народом в Панси, организатор бегства Людовика XVI в 1791 году. После задержания- короля Б. эмигрировал; умер в Лондоне. Материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#buillie>

Бурдон Франсуа-Луи, из Уазы (1758—1798) — адвокат, член Конвента, якобинец, один из участников контрреволюционного переворота 9 термидора.

Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — выдающийся английский философ, родоначальник английского материализма.

Бюро общей полиции — орган, созданный в апреле 1794 года при Комитете общественного спасения, по инициативе Робеспьера и Сен-Жюста, для

сосредоточения руководства государственным аппаратом и контроля над ним. Во главе Б.О.П. был поставлен Сен-Жюст, в отсутствие которого им руководили Робеспьер или Кутон.

Вандейцы — контрреволюционные мятежники, восставшие против французской республики в 1793 году в провинции Западной Франции — Вандее.

Варфоломеевская ночь — массовое уничтожение гугенотов в Париже в ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея), организованное католиками при Карле IX и возглавленное его матерью Екатериной Медичи и герцогом Гизом. Число жертв достигло 30 тысяч человек.

Великие моголы — династия индийских феодальных государей (1526— 1858).

Верньо Пьер-Виктурньен — (1753—1793) — адвокат, член Законодательного собрания и Конвента, один из вождей и лучших ораторов жирондистов. Казнен по приговору революционного трибунала. Материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#vrn>

Веррес (1 в. до н.э.) — претор, ограбивший Сицилию.

Веспасиан Тит Флавий (9—79) — римский император.

Виргиния — римская девушка, убитая своим отцом в тот момент, когда Аппий Клавдий собирался ее похитить (449 до н.э.).

«**Военный закон**» — декрет 21 октября 1789 г. о военном положении во время народных волнений, разрешавший применять оружие против скоплений народа в случаях отказа толпы разойтись по требованию властей.

Вольтер, Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — выдающийся французский просветитель XVIII века, философ, историк, поэт, романист, борец против феодальных порядков, католицизма и религиозного фанатизма. Один из идейных предшественников деятелей французской буржуазной революции XVIII века. Основные произведения В.: «Философские письма», «Философский словарь», «Основы философии Ньютона», «Трактат о веротерпимости», «Опыт о нравах», «Век Людовика XIV», «Кандид», «Орлеанская дева» и др. Материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

Галилей Галилео (1564—1642) — великий итальянский ученый, физик и астроном, один из основателей научного естествознания. Важнейшие произведения Г.: «Диалог о двух главнейших системах мира, птолемеевой и коперниковой» (1632), «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки...» (1638).

Ганнибал (247—183 до н.э.) — выдающийся карфагенский полководец, победивший римлян в сражении при Каннах (216 до н.э.) и побежденный Сципионом Африканским (Старшим) в битве при Заме (202 до н.э.).

Гелиогабал (204—222) — римский император, известный своей жестокостью и развратом.

Гемпден Джон (1594—1643) — лидер английской парламентской оппозиции против Карла I (см.). Во время гражданской войны присоединился к восставшим и был убит в стычке с королевскими войсками.

Генеральные штаты 1789 года — собрание представителей трех сословий Франции — дворянства, духовенства и «третьего сословия». Г.Ш., не собиравшиеся с 1614 года, были созваны 5 мая 1789 г. в обстановке нараставшего революционного движения. Под давлением народных масс 17 июня 1789 г. собрание «третьего сословия» объявило себя Национальным собранием, а 9 июля Национальное собрание провозгласило себя Учредительным собранием. См.: [НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г.](#)

Георг III (1738–1820) — английский король, активно боровшийся против революционной Франции XVIII века.

Гизы — лотарингский герцогский род. Один из Г. — Генрих (1550— 1588) был главой католической партии во времена гугенотских войн и одним из организаторов Варфоломеевской ночи (см.).

Гора — партия монтаньяров в Конвенте. Ее название происходит оттого, что монтаньяры занимали верхние скамьи зала заседаний Конвента (La montagne — по-фр. — Гора).

«Государственные люди», «Люди порядка» — насмешливое прозвище, данное монтаньярами жирондистам. Прозвище, данное Ж.-П.Маратом.

Гракхи — Тиберий (163–132 до н. э.) и Гай (153–121 до н. э.) — политические деятели древнего Рима, народные трибуны, проповедовавшие аграрную реформу в интересах народа.

Гушар-Жан-Никола (1738–1793) — генерал французской армии, обвиненный в измене родине и казненный в Париже. **Современная транслитерация фамилии** - Ушар.

Гюаде Маргерит Эли (1755–1794) — известный политический деятель и оратор, один из руководителей жирондистов, член Законодательного собрания и Конвента. Вел ожесточенную борьбу с монтаньярами. После установления якобинской диктатуры пытался организовать контрреволюционный мятеж. Был арестован и казнен. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gdl>

Дантон Жорж-Жак (1759–1794) — один из вождей правого крыла якобинцев. После революции 10 августа 1792 г. — министр юстиции в жирондистском правительстве. Выдающийся организатор и оратор. Фактический руководитель Комитета общественного спасения первого состава. После установления якобинской диктатуры был устранен из Комитета, выступал против политики революционного правительства, возглавлявшегося Робеспьером. По приговору революционного трибунала был казнен вместе со своими сторонниками. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>

Дебрюлли Никола Эрнэ де Риньяк (1757–1809) — барон, французский генерал.

9 термидора 2-го года Республики (27 июля 1794 г.) — день контрреволюционного переворота во Франции, уничтожившего якобинскую диктатуру и приведшего к казни Робеспьера и других вождей якобинцев. С 9 термидора началась диктатура крупной буржуазии, расчистившей путь для Наполеона I. **Собрание материалов о событиях Термидорского переворота:** http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm

Декарт Ренэ (1596–1650) — выдающийся французский философ-дуалист, математик и физик. Основные произведения Д.: «Правила для руководства ума» (ок. 1628 г.), «Рассуждения о методе» (1637) и др.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. — выдающийся документ французской буржуазной революции XVIII века, принятый Учредительным собранием 26 августа 1789 г. и явившийся программой буржуазии, пришедшей на смену господствовавшим феодальным классам. Идейними основами Декларации явилась французская просветительная философия.

Демосфен (384–322 до н.э.) — выдающийся политический деятель и оратор древней Греции, особенно прославившийся своими «филиппиками», речами, обличавшими врага афинской демократии Филиппа Македонского.

Демулен Камилл (1760–1794) — адвокат, журналист, активный участник штурма Бастилии, член клуба кордельеров, член Конвента. Сначала друг Робеспьера,

затем ближайший сподвижник Дантона. Издатель якобинской газеты «Революции Франции и Брабанта» (1789–1791), а затем газеты «Старый Кордельер» — главного органа дантонистов. Был казнен вместе с Дантоном и его сподвижниками. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>

Децемвиры — в древнем Риме члены комиссии из десяти лиц, созданной для записи законов, ставших впоследствии известными под именем двенадцати таблиц. По окончании своих полномочий Д. самовольно захватили власть и пользовались ею в течение двух лет, после чего были свергнуты.

Директории — органы управления в департаментах и округах во. Франции в годы революции. Не путать с Исполнительной директорией - высшим органом исполнительной власти в 1795-1799 гг.

Дитрих Филипп-Фредерик (1748–1793) — барон, мэр Страсбурга, враг монтаньяров. После революции 10 августа 1792 г. эмигрировал, но позже вернулся во Францию и по приговору революционного трибунала был казнен.

«Дух законов» — выдающийся философско-социологический трактат Монтескье (изд. 1748 г.), сыгравший огромную роль в формировании идей французского просвещения и широко использованный деятелями французской буржуазной революции XVIII века в политике и законодательстве.

Дюмуре Шарль-Франсуа (1739–1823) — французский генерал и политический деятель. В марте 1792 года министр иностранных дел в жирондистском правительстве, а затем военный министр. В августе 1792 года был назначен командующим центральной армией, действовавшей против войск коалиции. В апреле 1793 года составил заговор против Конвента с целью восстановления монархии и пытался двинуть армию на Париж. Потерпев неудачу, бежал за границу. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr>

Дюпор Адриан-Жан-Франсуа (1759–1798) — член Учредительного собрания, монархист. Состоял председателем уголовного трибунала до свержения монархии. Эмигрировал в Швейцарию.

Дюшатле Ашиль (1760–1792) — французский генерал.

Елизавета (1533–1603) — английская королева, последняя представительница династии Тюдоров. Вела политику укрепления абсолютизма, жестоко расправлялась со всеми несогласными с господствующей англиканской церковью.

Жансонне Арман (1758–1793) — адвокат, член Законодательного собрания и Конвента, один из вождей жирондистов. Был арестован и казнен по приговору революционного трибунала. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gnsn>

Жирондисты — партия буржуазных республиканцев, выражавшая интересы крупной (преимущественно провинциальной) буржуазии. В Законодательное собрание и в Конвент были избраны наиболее влиятельные представители этой партии из департамента Жиронды (отсюда и название этой партии). Жирондистов называли также бриссотинцами, по имени вождя партии Бриссо. В качестве господствующей партии после фельянов (см.) Ж. старались задержать развитие революции и перешли на путь прямой контрреволюции. После революции 31 мая — 2 июня 1793 г., завершившейся приходом к власти якобинцев во главе с Робеспьером, Ж. были изгнаны из Конвента. Одни из них были арестованы и казнены, а другие, бежав из-под ареста, пытались в провинции поднять контрреволюционный мятеж. **Собрание материалов о жирондистах, избранные письма:** http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm

Журдан Жан-Батист (1762–1833) — французский полководец, участник американской войны за независимость. Во время французской буржуазной революции конца XVIII века воевал против коалиции интервентов. В сражении при Флерюсе 26 июня 1794 г. одержал над австрийской армией блестящую победу, устранившую опасность вторжения во Францию интервентов. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#jourd>

Жюльен Жан (из Тулузы) (1760–1828) — протестантский священник до революции. Член Конвента, якобинец, участник подавления вандейского восстания. В 1793 году был арестован за финансовые спекуляции и взятки, но бежал из-под ареста.

Законодательное собрание — наименование, данное Собранию, пришедшему на смену Учредительному собранию. Существовало с 1 октября 1791 г. до 21 сентября 1792 г. 3.С. было избрано на основе цензовой избирательной системы активными гражданами. Подавляющее большинство его представителей принадлежало к буржуазии и буржуазной интеллигенции. Робеспьер не был членом 3. С. в силу постановления Учредительного собрания, принятого по его инициативе, о том, что члены его не могут быть избраны в 3.С. Правую часть 3.С. составляли фельяны, центр — многочисленная колеблющаяся группировка, обычно поддерживавшая фельянов, левую — главным образом якобинцы. Среди левой части 3. С. наметились две группы — бриссотинцы и робеспьеристы.

Интендант — в дореволюционной Франции высшее должностное лицо отдельной провинции, подчиненное непосредственно центральной власти и располагавшее полицейской, судебной, финансовой и частично военной властью.

Йоркский герцог (1763–1827) — второй сын английского короля Георга III. Во время войны европейской коалиции против революционной Франции командовал английскими войсками в Голландии. Бездарный полководец, корыстный и честолюбивый человек.

Калигула Гай Цезарь (12–41) — римский император, известный своим деспотизмом и сумасбродством.

Камбон Пьер-Жозеф (1756–1820) — до революции — купец, член Законодательного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения. Руководил финансовой политикой Конвента. Участвовал в контрреволюционном перевороте 9 термидора. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon>

Камилл Марк Фурий (ум. 365 до н.э.) — римский генерал и политический деятель, освободивший Рим от вторгшихся в него галлов (390 до н.э.).

Кантон — административное подразделение, промежуточное между округом и общиной.

Капетингская династия (капетинги) — династия французских королей (987–1848 с перерывом), основателем которой был Гуго Капет. После революции 10 августа 1792 г. Людовика XVI часто называли Капетом — по имени его предков.

Капитолий — крепость и храм Юпитера в центре древнего Рима на Капитолийском холме.

Карл I (1600–1649) — английский король из династии Стюартов, казненный во время английской буржуазной революции XVII века.

Карфаген — древний город-государство на северном побережье Африки, в Тунисском заливе.

Катилина Луций Сергий (108–62 до н.э.) — политический деятель древнего Рима, глава противосенатского заговора, разоблаченного Цицероном.

Катон Старший Марк Порций (234–149 до н.э.) — крупнейший политический

деятель и писатель древнего Рима. Автор исторического труда «Начала», сельскохозяйственного трактата «Земледелие» и других произведений. Защитник строгих нравов. Ввел суровые законы против роскоши.

Клодий Пульхер Публий (ум. 52 до н.э.) — римский политический деятель. Действуя в интересах Цезаря, добился изгнания из Рима Цицерона — политического противника Цезаря.

Клоотс Анахарсис (настоящее имя Жан-Батист) (1755–1794) — философ-просветитель, публицист, прусский барон; с начала французской буржуазной революции XVIII века поселился в Париже. Член Конвента и якобинского клуба (примыкал к левым якобинцам). Убеденный атеист, инициатор «культы Разума», сторонник насильственной антицерковной политики («дехристианизации»). Выдвигал план продления войны до создания всемирной республики. По инициативе Робеспьера К. был исключен из Якобинского клуба, а затем и из Конвента. Был казнен по приговору революционного трибунала вместе с эбертистами. **Материалы о нем и его речи:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cloots>

Кобленц — город западной Германии, ставший с июня 1791 года центром французской эмиграции.

Кобург Фредерик (1737–1815) — австрийский генерал, герцог Саксен-Кобургский, принимавший деятельное участие в борьбе европейской коалиции против революционной Франции.

Комиссары Конвента — депутаты, отправлявшиеся Конвентом в миссии по департаментам и армиям. Они являлись представителями и органами центрального правительства, наделенными чрезвычайными полномочиями.

Комитет общественной безопасности — учрежден 2 октября 1792 г. для борьбы с контрреволюционными элементами, а также со спекуляцией и тому подобными преступлениями.

Комитет общественного спасения — учрежден декретом Конвента 6 апреля 1793 г. В первом составе Комитета, в условиях преобладания жирондистов, его руководителем был Дантон. После революции 31 мая–2 июня 1793 г. из Комитета были выведены жирондисты. 27 июля 1793 г. Комитет возглавил Робеспьер. В условиях якобинской диктатуры Комитет явился ее руководящим центром, направлявшим внутреннюю и внешнюю политику революционной Франции. Весной 1794 года часть членов Комитета вступила в конфликт с Робеспьером и его соратниками, вследствие чего Робеспьер некоторое время не принимал участия в работе Комитета. Этот конфликт завершился контрреволюционным переворотом 9 термидора. **См.: М.Булазо. Комитет общественного спасения**

Коммуна 10 августа — революционная коммуна, образованная в Париже в ночь на 10 августа 1792 г. делегатами парижских секций и просуществовавшая до свержения якобинской диктатуры. **«ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!»:** [международное и военное положение 1791-92 гг.](#)

Конвент — Национальное собрание Франции, созданное в результате свержения монархии 10 августа 1792 г. и пришедшее на смену Законодательному собранию. К. просуществовал с 21 сентября 1792 г. до 26 октября 1795 г. Выборы в К. производились с участием всех граждан, активных и пассивных, но оставались двухстепенными. Правую часть К. составляли жирондисты, являвшиеся с сентября 1792 года по май 1793 года господствовавшей партийной группировкой: левую часть — депутаты Горы (Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст и др.); большинство К. составляло так называемое болото (см.). После революции 31 мая — 2 июня 1793 г. жирондистские депутаты были изгнаны из К. и руководство им перешло к якобинцам. В среде последних образовались новые группировки: правая — во главе с Дантоном, левая — во главе с Шометтом и Эбером и центр —

во главе с Робеспьером. Между этими группировками велась ожесточенная борьба. После ликвидации дантонистов и эбертистов ведущая роль в Конвенте принадлежала Робеспьеру и его сторонникам — вплоть до контрреволюционного переворота 9 термидора. При К. состоял ряд комиссий и комитетов, осуществлявших проведение в жизнь его политики.

Кондорсе Жан-Антуан (1743—1794) — маркиз, французский просветитель, ученый, политический деятель, жирондист. Член Законодательного собрания и Конвента. Принимал активное участие в разработке проекта Конституции 1793 года. После установления якобинской диктатуры К. вел борьбу против якобинцев. По постановлению Конвента был объявлен вне закона и заочно приговорен к смертной казни. Будучи арестован в марте 1794 года, К. покончил жизнь самоубийством. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>

Конституционалисты — сторонники конституционной монархии, отстаивавшие цензовую Конституцию 1791 года и опиравшиеся на крупную торгово-промышленную и финансовую буржуазию.

Консул — в древнем Риме высшая государственная должность, введенная в период установления республиканской формы правления (конец 6 в. до н. э.).

Красс Марк Дециний (около 115 — 53 до н.э.) — римский политический деятель и полководец, известный своими богатствами.

Критий (V в. до н.э.) — один из с тридцати афинских тиранов, прославившийся своей жестокостью.

Кромвель Оливер (1599—1658) — крупнейший политический деятель английской буржуазной революции XVII века, лорд-протектор (1653—1658), фактический диктатор Англии.

Ксеркс — древнеперсидский царь (486—465 до н. э.). 13 480 году до н.э. начал войну с Грецией, но потерпел неудачу в сражениях при Саламине и Микале. Был убит в результате дворцового заговора.

Кутон Жорж Огюст (1755—1794) — видный деятель французской буржуазной революции XVIII века, член Законодательного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения, один из руководителей революционного правительства, ближайший соратник Робеспьера. Казнен вместе с Робеспьером. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ctn>, в т.ч. **Ж.Кутон. Речи, выступления (от жерминаля до прериала II года)**

Кюстин Адам Филипп (1740—1793) — граф, французский генерал, участник американской войны за независимость. Член Учредительного собрания. Был близок к жирондистам. Командовал армиями в 1792—1793 гг., вел тайные переговоры с пруссаками. Казнен по обвинению в измене. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#custn>

Лакретель Пьер Луи (1751— 1824) — адвокат, автор ряда философских и юридических сочинений. Член Законодательного собрания, член клуба фельянов.

Лакруа Жан-Франсуа (1753—1794) — адвокат, член Законодательного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения. Друг Дантона. Казнен вместе с ним и другими дантонистами.

Ламарльер Антуан-Никола-Коллье (1745—1793) — граф, французский генерал. Был обвинен в измене и казнен.

Ламет Александр (1760—1829), **Шарль** (1757—1832), **Теодор** (1756—1854) — братья из аристократической семьи. Первые два брата — участники американской войны за независимость, члены Учредительного собрания, руководители клуба фельянов. Третий брат — член Законодательного собрания. Наибольшим политическим влиянием пользовались Александр и Шарль, которые в 1791— 92 гг.

вместе с Барнавом и Дюпором стали вождями крупной контрреволюционной буржуазии. После революции 10 августа 1792 г. эмигрировали и возвратились во Францию при Наполеоне. **Материалы о них:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#lameth>

Лафайет Мари Жозеф Поль (1757—1834) — участник американской войны за независимость. В 1789 году стал на сторону революции. Был членом Учредительного собрания, начальником Национальной гвардии. В дальнейшем отошел от нараставшей революции и сблизился с контрреволюционными кругами. Входил в «Общество 1789 г.» и затем в клуб фельянов. Руководил расстрелом народной демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г. В июне 1792 года обратился к Законодательному собранию с требованием разгона якобинского клуба. После свержения монархии 10 августа 1792 г. пытался двинуть войска против Парижа, но, потерпев неудачу, эмигрировал из Франции, куда возвратился при Наполеоне I. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lf>

Леклерк Теофиль (род. в 1771) — один из руководителей крайне левого крыла якобинцев — «бешеных», выражавших интересы бедноты. Активно участвовал в революции 31 мая — 2 июня 1793 г. Влиятельный член клуба кордельеров. После смерти Марата продолжил издание «Друга народа». Требовал принятия наиболее решительных мер для обуздания контрреволюции и проведения радикальных экономических реформ в пользу бедноты. В апреле 1794 года был арестован, его судьба не известна. **Материалы о нем:** http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lecl_te

Лекуантр Лоран (1744—1805) — торговец, член Законодательного собрания и Конвента, один из организаторов контрреволюционного переворота 9 термидора. Во время праздника в честь «верховного существа» Л. был в числе депутатов, выкрикивавших оскорбительные возгласы по адресу председательствовавшего на этом празднике Робеспьера.

Ленде Жан-Батист-Робер (1746—1825) — адвокат, член Законодательного собрания и Конвента, монтаньяр, член Комитета общественного спасения, составитель обвинительного заключения по делу Людовика XVI. 10 марта 1793 г. предложил Конвенту проект декрета о революционном трибунале. Участник якобинской революции 31 мая — 2 июня 1793 г. Комиссар Конвента в ряде департаментов. **Материалы о нем:** http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_lnd

Лепелетье де Сен-Фаржо Луи Мишель (1760—1793) — дворянин и крупный собственник, перешедший на сторону третьего сословия, член Учредительного собрания и Конвента, в 1792 году примкнул к якобинцам. В 1791 году по поручению Учредительного собрания представил проект Уголовного кодекса, вошедший в историю в качестве первого буржуазного уголовного кодекса. Автор проекта национального воспитания, основанного на демократических принципах. В Конвенте голосовал за применение к Людовику XVI смертной казни и в отместку за это был убит роялистом Пари. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>

Ле-Шапелье Исаак Рене Ги (1754 —1794) — адвокат, член Учредительного собрания. Автор закона 14 июня 1791 г. «О запрещении собраний и союзов одной и той же профессии». Был обвинен в контрреволюционной деятельности и казнен. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#LCH>

Ликург — легендарный законодатель, которому приписывали устройство общественной и государственной жизни в древней Спарте.

Луве де Куврэ Жан Батист (1760) —1797) — французский писатель, автор нашумевшего романа «Похождения кавалера Фоблаза». Во время революции примкнул к жирондистам. Издавал газету-афишу «Часовой» жирондистского

направления. Член Законодательного собрания и Конвента. Резко выступал против Робеспьера, обвиняя его в стремлении к диктатуре. После установления якобинской диктатуры бежал из Парижа. После 9 термидора вернулся в Конвент. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#louvet>

Людовик XVI (1754–1793) — с французский король, во время правления которого началась французская буржуазная революция 1789 года. Был судим Конвентом по обвинению в измене отечеству и антинародной деятельности, приговорен к смерти и казнен. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lvxi>

Люлье Луи-Мари — генеральный прокурор-синдик парижского департамента. Был арестован по процессу дантонистов.

Магистратура — в древнем Риме совокупность всех лиц, занимавших высшие государственные должности. Магистраты — гражданские должностные лица, облеченные административной или судебной властью.

Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469–1527) — итальянский политический деятель и писатель эпохи Возрождения, провозгласивший идеал государя, который для достижения своих целей не брезгует никакими средствами. Важнейшие труды М.: «Государь», «История Флоренции». «О военном искусстве» и др.

Малларме Франсуа-Рене-Август (1755–1835) — адвокат, член Законодательного собрания и Конвента, комиссар Конвента, участник контрреволюционного переворота 9 термидора.

Манеж — здание, в котором заседал Конвент до мая 1793 года; в дальнейшем его заседания происходили во дворце Тюильри.

Манлий Капитолийский Марк (ум. 384 до н.э.) — древнеримский политический деятель и полководец. Обвиненный в стремлении к тирании, он был сброшен с Тарпейской скалы,

Марат Жан-Поль (1743–1793) — выдающийся деятель французской буржуазной революции XVIII века, ученый, автор многочисленных трудов по естествознанию, философии, политике, юриспруденции, член Конвента, один из популярнейших вождей и идеологов якобинцев, соратник Робеспьера. Вел ожесточенную борьбу с монархистами, конституционалистами, жирондистами, разоблачая антинародную сущность их политики. В течение всего периода революции постоянно подвергался преследованиям со стороны врагов революции. С начала революции издавал газету «Друг народа», название которой стало его именем, вошедшим в историю. В июле 1793 года был убит жирондисткой Шарлоттой Корде. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>

Мария Шотландская (Мария Стюарт) (1542–1587) — шотландская королева, претендовавшая на английский престол и стремившаяся при помощи английских католиков и при поддержке Франции и Испании к свержению английской королевы Елизаветы Тюдор и к объединению под своей властью Англии и Шотландии. Однако она потерпела неудачу. Была предана суду и казнена.

Ментор — в гомеровской «Одиссее» — воспитатель сына Одиссея — Телемака. В нарицательном смысле — наставник, учитель.

Мильтиад (конец VI — начало V в. до н.э.) — крупный афинский государственный деятель и полководец. Под его командованием афиняне одержали победу над персами при Марафоне (490 до н.э.).

Модерантизм — политическая система умеренных партий. Во время французской буржуазной революции XVIII века сторонниками этой системы — модерантистами (от фр. *moderes* — умеренные) иногда называли как жирондистов, так и дантонистов.

Монтаньяры — члены партии Горы в Конвенте (см. Гора).

Монтескье Шарль Луи (1689– 1755) — выдающийся представитель Французского просвещения, автор всемирно известных «Персидских писем» и трактата «О духе законов». **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mnt>

Мори Жан-Сиффрен (1746–1817) — аббат, член Учредительного собрания, виднейший оратор крайне правых монархистов. В 1791 году эмигрировал; впоследствии примкнул к Наполеону I.

Нарбонн Луи (1755–1813) — граф, французский генерал и политический деятель, роялист. В декабре 1791 года был назначен военным министром при поддержке жирондистов. Перед свержением монархии бежал за границу и вернулся во Францию при Наполеоне I.

Народные общества — многочисленные (свыше 40 тысяч) отделения Якобинского клуба, активно содействовавшие осуществлению проводившихся революционным правительством Франции политических и экономических мероприятий и являвшиеся центрами якобинской агитации.

Национальная Гвардия — была создана во Франции в июле 1789 года. Состояла в основном из зажиточных слоев населения. Ее возглавлял Лафайет.

Национальное имущество — земельные владения монастырей и конфискованные поместья эмигрировавших дворян, перешедшие в собственность государства. Эти земли продавались с торгов и приобретались главным образом буржуазией и зажиточными крестьянами. **См.: С.Коротков. О роли национальных имуществ в «рождении» новой буржуазии** http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Нерон Клавдий Цезарь (37–68) — римский император, отличавшийся жестокостью и расточительством.

Общество друзей Конституции — клуб, учрежденный осенью 1789 года и прозванный Якобинским ввиду того, что его заседания происходили в помещении бывшего якобинского монастыря. Вначале состав клуба был пестрым: в него входили наряду с революционно-демократическими элементами и сторонники конституционной монархии и жирондисты. После ухода из клуба конституционалистов (см. общество 1789 года) он стал ареной борьбы жирондистов и революционно-демократических элементов во главе с Робеспьером. С весны 1793 года клуб становится исключительно монтаньярским по своему составу и является руководящей политической организацией. О.д.к. имело свои отделения в провинции. После контрреволюционного переворота-9 термидора клуб был разгромлен и официально закрыт 11 ноября 1794 г.

Общество 1789 года — политическая организация умеренных либералов «конституционалистов», бывших ранее членами Якобинского клуба и выделившихся из него в 1790 году. Председателем О. был избран Сиейс, его членами были Лафайет, Мирабо, Байи и др.

Орлеан Луи Филипп Жозеф (1747 —1793) — герцог, называвший себя во время французской буржуазной революции XVIII века Филиппом Эгалите (т.е. Равенство) для маскировки своих контрреволюционных планов. Вступил в Якобинский клуб, стал членом Конвента. Был обвинен в стремлении восстановить монархию и захватить королевскую власть. Казнен. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#egalite>

Остракизм — решение народного собрания древних Афин об изгнании граждан, популярность которых могла угрожать свободе. Каждый участник собрания писал на черепке (по греч. — «остракон») имя гражданина, нахождение которого в Афинах казалось ему опасным для государства. Если таких черепков набиралось 6000 и более, то данный гражданин изгонялся из страны сроком на десять лет. О.

был учрежден в 509 году до н.э.

«Отец Дюшен» (или «пэр Дюшен») — газета, издававшаяся в 1790—1794 гг. левым якобинцем Эбером и являвшаяся одной из самых популярных демократических газет. См.: [Д.Ростиславлев. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры \(«Пер Дюшен»\)](#)

Палладиум — у древних греков название статуи богини Аффины Паллады, по преданию охранявшей город от неприятеля. В переносном смысле — оплот, защита.

Парламенты — высшие судебные органы во Франции в XIII—XVIII вв., обладавшие важными политическими правами. Упразднены в 1790 году. См.:

Паш Жан Никола (1746—18231 — до революции служащий морского ведомства, после революции член клуба фельянов, затем жирондист и, наконец, левый якобинец. В 1792 году военный министр, в 1793—1794 гг. мэр Парижа. Сыграл заметную роль в установлении якобинской диктатуры. В мае 1794 года был арестован. Освобожден по амнистии в 1795 году. [Материалы о нем: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#pach](#)

Первичные собрания — собрания граждан, избиравших выборщиков, которые, составляли в каждом округе собрание выборщиков; это собрание избирало представителя в Национальное собрание. При выборах в Законодательное собрание все граждане делились в силу Конституции 1791 года на активных и пассивных на основании имущественного ценза. В выборах участвовали только активные граждане. В состав первичных собраний входили граждане, платившие прямой налог в размере трехдневной рабочей платы. Выборщики могли намечаться только из числа граждан, плативших налог в размере десятидневной рабочей платы.

«Персидские письма» — труд Монтескье, изданный в 1721 году и содержащий острую критику общественного и государственного строя Франции при Людовике XIV.

Петион де Вильнев Жером (1756—1794) — деятель французской буржуазной революции XVIII века, член Учредительного собрания и Якобинского клуба, мэр Парижа, член Конвента, первым председателем которого он был избран, жирондист. После установления якобинской диктатуры бежал в провинцию и активно участвовал в контрреволюционном «федералистском» восстании жирондистов. В связи с неудачей этого восстания покончил жизнь самоубийством. [Материалы о нем: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ptn](#)

Пизон — Луций Кальпурний — римский консул (60 до н.э.), наместник Македонии, запятнавший себя своим бесчестным правлением и разоблаченный Цицероном в одной из его речей.

Питт Вильям, младший (1759—1806) — английский премьер-министр, непримиримый враг французской буржуазной революции XVIII века и вдохновитель коалиции против нее.

План уголовного законодательства — труд, написанный Ж.-П.Маратом и изданный в 1780 году, а затем в 1790 году. Является одним из выдающихся произведений революционно-демократического направления в уголовном праве. См. текст в нашей библиотеке.

Порсена Ларс (VI в. до н.э.) — этрусский царь, по преданию предпринявший опустошительный поход на Рим с целью восстановления царской власти Тарквиния, изгнанного из Рима в конце VI века до н.э., и нанесший Риму тяжкое поражение.

Право вето (лат. — запрещаю) — формула, которой пользовались в древнем Риме

народные трибуны для приостановления действия декретов Сената. В общем смысле — запрещение или приостановление верховной властью введения в действие какого-либо постановления законодательного органа.

Прево — королевский чиновник в провинциях старой французской монархии, отправлявший функции королевского суда первой инстанции. Должность П. упразднена эдиктом 1749 года.

Превотальный суд — чрезвычайный суд, судивший без права апелляции. Существовал в дореволюционной Франции. [Существовали и в 19 веке, например, при расправе с сторонниками Парижской коммуны 1871 г. правительство Тьера и военное командование использовало П.с. - ред.V.L.](#)

Преси (Л.-Ф.Перрен) (1742—1820) — граф, роялист, командовал мятежом в Лионе, начавшимся 29 мая 1793 г. и организованным жирондистами Во время революции 10 августа 1792 г. защищал Людовика XVI в Тюильри.

Претор — одно из высших должностных лиц в древнем Риме, в руках которых сосредоточивалась уголовная и гражданская юрисдикция.

Пританей — общественное здание в древней Греции. Во время первой республики во Франции — учебное заведение для детей лиц, оказавших услуги государству.

Прокурор-синдик — название выборного должностного лица в революционной Франции, обязанность которого состояла в защите интересов общины.

Проскрипция — в древнем Риме включение в список лиц, объявленных вне закона за политические преступления. В новое время — опала, изгнание, ссылка.

Публикола Публий Валерий — один из основателей Римской республики (по преданию в 509 или 510 г. до н.э.).

Рамель Ногаре, Доминик-Венсен (1760—1829) — адвокат, член Учредительного собрания, член Конвента, примыкавший к Болоту. Работал в управлении финансов.

Революционные комитеты (вначале наблюдательные комитеты) — правительственные органы, проводившие на местах директивы Конвента. Учреждены 21 марта 1793 г. для наблюдения за иностранцами. После прихода к власти якобинцев функции Р.К. были расширены. Они стали заниматься надзором за всеми гражданами, вели борьбу с контрреволюцией и содействовали центральному революционному правительству в осуществлении политических и административных задач. Им была предоставлена вооруженная сила. Р.К. прекратили свое существование после контрреволюционного переворота 9 термидора.

Ролан Жан-Мари (1734—1793) — один из вождей жирондистов, министр внутренних дел в первом жирондистском правительстве (март — июнь 1792), а затем и во втором жирондистском правительстве (до января 1793). Член Конвента. Вел борьбу с революционной Парижской Коммуной и с монтаньярами. Подвергался резким нападкам со стороны Робеспьера и сам выступал против него. После падения жирондистов бежал из Парижа. Покончил с собой, узнав о казни своей жены [Манон Ролан](#). [Материалы о Ролане: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#rlnd](#) и о Манон Ролан: [http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#manon](#)

Ронсен Шарль-Филипп (1751—1794) — французский драматург, писавший на революционно-патриотические темы. В начале революции вступил в Национальную гвардию. После революции 10 августа 1792 г. посылался с миссиями во французские провинции. В 1793 году командовал революционной армией, сражавшейся против вандейских мятежников. Был одним из

руководителей эбертистов. Казнен вместе с ними. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#ron>

Роялисты — приверженцы королевской власти. Во время французской буржуазной революции XVIII века этим термином обозначали сторонников монархии Бурбонов.

Ру Жак (1752—1794) — священник, во время французской буржуазной революции XVIII века видный представитель левого крыла якобинцев, член клуба кордельеров, член Парижской Коммуны, один из вождей «бешеных» — движения парижской бедноты, активный участник революции 31 мая — 2 июня 1793 г. Проповедовал идеи утопического коммунизма, резко критиковал якобинскую диктатуру за недостаточную защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого народа. Требовал проведения коренных экономических и социальных преобразований. Осенью 1793 года был арестован, и в тюрьме покончил с собой. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#JR>

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — выдающийся представитель революционно-демократического крыла французского Просвещения, философ, писатель, идеолог революционной демократии XVIII века. Своими философскими и социально-политическими взглядами оказал огромное влияние на деятелей французской буржуазной революции XVIII века, в частности на Робеспьера. Якобинцы были восторженными последователями Р. Важнейшие акты якобинской диктатуры, в частности Конституция 1793 года, отразили идеи Р. Главные труды Р.: «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), «Об общественном договоре, или принципы политического права» (1762), «Эмиль, или о воспитании» (1762) и др. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jrrss>

Рюм Пьер Шарль (1750—1808) — член Законодательного собрания и Конвента, якобинец, член Комитета общественной безопасности, комиссар Конвента в ряде департаментов. Р. первым потребовал отсрочки принятия закона 22 прериаля 2-го года Республики, угрожая в противном случае покончить самоубийством.

Сабиняне — одно из древнеиталийских племен, населявших восточную часть Средней Италии. По преданию, похищение сабинянок римлянами привело к объединению римлян и части сабинян в одну народность — квиритов.

Салль Жан-Батист (1759—1794) — врач, член Учредительного собрания и Конвента, один из основателей клуба фельянов, поддерживал жирондистов. Во время процесса Людовика XVI С. в заседании 27 декабря 1792 г. первый поставил вопрос об обращении к народу для определения меры наказания королю. 2 июня 1793 г. бежал из Парижа. Был арестован и казнен в Бордо. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#salle>

Сальмоне — в мифологии царь Фессалии, сраженный Юпитером за подражание грому.

Сальмский Фредерик (1746—1794) — немецкий принц, освобожденный французскими войсками из заключения в крепости, куда он был помещен австрийскими властями за участие в брабантской революции (1789), и укрывшийся в Париже. Будучи обвинен в измене бельгийской революции, С. был казнен.

Санкюлоты (франц. sansculotte происходит от sans — без и culotte — короткие штаны) — название активных участников французской буржуазной революции XVIII века, вышедших из народа. Это название объясняется тем, что в отличие от представителей высших классов, носивших бархатные штаны до колен, они носили длинные штаны из грубой материи.

Секции — во время французской буржуазной революции XVIII века Париж был

разделен на 48 секций, заменивших первоначальные 60 дистриктов и пользовавшихся правом самоуправления и избрания своих представителей на муниципальные и государственные должности. С. играли важную роль в революционных событиях. **См. Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация**

Сенат — один из высших государственных органов в древнем Риме.

Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции XVIII века, ближайший соратник и друг Робеспьера. Видный теоретик якобинской диктатуры, автор ряда политических, философских и поэтических произведений («Дух революции и французской конституции», 1791; «Фрагменты о республиканских установлениях» и др.). Участник разработки проекта Конституции 1793 года. Член Конвента, член Комитета общественного спасения второго состава. Комиссар Конвента в армиях. После контрреволюционного переворота 9 термидора был казнен вместе с Робеспьером. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj-ind.htm>

Серюти Жозеф Антуан (1738—1792) — профессор иезуитского коллежа в Лионе, писатель, издатель газеты «Деревенский листок», член Законодательного собрания и его секретарь.

Сидней Олджернон (1622—1683) — английский политический писатель, участник гражданской войны на стороне парламента. Один из судей Карла I. После реставрации был обвинен в государственной измене и казнен.

Сиейс Эмманюэль Жозеф (1748—1836) — аббат, член Учредительного собрания и Конвента, играл видную роль в начале революции в качестве одного из вождей третьего сословия. Написал знаменитую брошюру «Что такое третье сословие?», явившуюся политической программой буржуазии. Участвовал в выработке «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года. В 1790 году был одним из организаторов антинародного «общества 1789 года». В последующие годы революции в активной политической деятельности не участвовал, вернувшись к ней после контрреволюционного переворота 9 термидора. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si>

Симон Филибер (1755—1794) — священник, член Конвента, деятельный участник революции 31 мая — 2 июня 1793 г. Арестован по постановлению Комитета общественного спасения и заключен в Люксембургскую тюрьму. Обвинен вместе с другими лицами в создании проекта насильственного освобождения заключенных (так называемый «заговор в тюрьмах») и казнен.

Сократ (около 469—399 до н.э.) — древнегреческий философ-идеалист, проповедовавший религиозно-нравственное учение, за которое был привлечен к суду и приговорен к смертной казни. Умер, выпив чашу яда. После С. не осталось письменных трудов. Его учение стало известным благодаря сочинениям его учеников — Платона и др.

Софисты (от греч. Софистес - мудрец) — древнегреческие философы V века до н.э. — эпохи расцвета древней Греции. В современном понимании С. — люди, рассуждающие при помощи логически порочных приемов.

Сражение при Флерюсе — битва между войсками революционной Франции под командованием генерала Журдана и австрийской армией под командованием герцога Ф.Кобург-Заальфельда, окончившаяся блестящей победой французов 26 июня 1794 г., благодаря которой не только была устранена опасность вторжения во Францию, но и был расчищен путь для наступления французских войск на территорию противника.

Сципион африканский старший Публий Корнелий (ок. 235—183 до н.э.) — древнеримский полководец и государственный деятель, вытеснивший в 206 году до н.э. карфагенян из Испании и завершивший вторую Пуническую войну победой над Ганнибалом.

Тампль — старинная крепость тамплиеров в Париже. Ее главная башня служила тюрьмой Людовику XVI и его семье.

Тантал — в древнегреческой мифологии царь Лидии, осужденный за свои преступления испытывать муки голода и жажды. Окруженный едой и питьем, он не мог их достать.

Тарквиний Гордый Луций — по преданию седьмой и последний римский царь, жестокость и произвол которого повели к восстанию народа, завершившемуся изгнанием Т. из Рима (509 до н.э.) и установлением республики.

Тарже Ги Жан Батист (1733—1807) — адвокат, член Учредительного собрания, один из авторов «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года и Конституции 1791 года, председатель одного из революционных трибуналов во время якобинской диктатуры. При Наполеоне I активно участвовал в выработке Уголовного кодекса.

Тарпейская скала — отвесная скала недалеко от римского Капитолия, с вершины которой сбрасывали государственных преступников.

Тацит Корнелий (ок.55 — ок.120) — римский историк, автор многих трудов («Анналы», «Германия» и др.), являющихся ценным источником для изучения истории Римской империи и германских племен. Один из крупнейших ораторов своего времени, выступавший в судебных процессах.

Тео Екатерина — полусумасшедшая старуха, воображавшая себя богородицей и ясновидящей. Преклоняясь перед Робеспьером, Т. возвещала о нем, как о новом мессии. Враги Робеспьера, желая скомпрометировать его, обвинили Т., вместе с некоторыми бывшими аристократами, в контрреволюционном заговоре и добились предания ее суду революционного трибунала. Робеспьер с трудом добился прекращения дела Т.

Тиберий Клавдий Нерон (42 до н.э. — 37 н.э.) — римский император, прославивший мрачным и жестоким тираном. При нем Сенату пришлось вести многочисленные процессы, направленные против заговоров и «оскорблений величества».

Траян Марк Ульпий (53—117) — римский император, о котором сложилось много легенд, изображавших его образцом мудрого и деятельного государя, покровителем науки и искусства.

Трибун — название различных должностных лиц в древнем Риме.

Туре Жак Гильом (1746—1794) — адвокат, член Учредительного собрания, член Конституционного комитета. Был обвинен в заговорщической деятельности и казнен.

Учредительное собрание — первое законодательное собрание в период французской буржуазной революций XVII века, возникшее из Генеральных штатов 1789 года. В У. С. руководящую роль играли крупная буржуазия и либеральное дворянство. Наиболее влиятельными вождями У.С. были Лафайет и Мирабо. Антидемократический характер деятельности У.С., возраставший по мере развития революции, вызывал резкую критику со стороны демократического меньшинства во главе с Робеспьером. После выработки и утверждения Конституции У.С. постановило о прекращении своего существования 30 сентября 1791 г. См. подборки документов: [НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г.](#); [НАЦИОНАЛЬНОЕ \(УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ\) СОБРАНИЕ: АВГУСТ 1789 г.](#);

[Постановления, касающиеся земельной собственности; ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС](#)

Фабр Д'Эглантин Филипп Франсуа Назер (1755—1794) — французский поэт, драматург, один из деятельных участников революции 10 августа 1792 г., создатель нового республиканского календаря, введенного в октябре 1793 года, личный секретарь и единомышленник Дантона, один из вождей клуба кордельеров. Член Революционной Коммуны, член Конвента, член Комитета общественного спасения. В январе 1794 года был обвинен в государственной подлоге и казнен вместе с дантонистами. [Материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#FE>](#)

Фабриций — римский консул (282 до н.э.), известный своей честностью и бескорыстием.

Федерализм — наименование, данное монтаньярами стремлению жирондистов подорвать преобладающее влияние революционного Парижа и расчленить Францию на 83 автономных и равноправных республики. В противоположность жирондистам якобинцы боролись за единую и неделимую республику с Парижем во главе. В связи с революцией 31 мая — 2 июня 1793 г. в ряде департаментов, главным образом на юге Франции, возникло так называемое «Федералистское» движение, направленное против якобинской диктатуры и Конвента. См.: [А.Гордон. Федералистский мятеж](#)

Федераты — добровольцы французских провинций во время французской буржуазной революции XVIII века, прибывшие в Париж для защиты революции. Особенно отличились марсельские Ф., участвовавшие в свержении монархии 10 августа 1792 г. и принешие с собой в Париж [революционную песню Руже де Лиля — Марсельезу](#), ставшую впоследствии государственным гимном Франции. О Руже де Лиле и истории Марсельезы: [С.Цвейг. Марсельеза; \[http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rg_1\]\(http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rg_1\)](#)

Фельяны — политическая группировка во время французской буржуазной революции XVIII века, главной опорой которой являлся клуб, заседавший в бывшем монастыре ордена Фельянов. Ф. выражали интересы умеренно-либеральной верхушки буржуазии. Главными ее вождями были Барнав, Дюпор, А.Ламет. До революции 10 августа 1792 г. Ф. господствовали в Законодательном собрании, защищая конституционную монархию и стремясь удержать революцию в рамках Конституций 1791 года. После свержения монархии Ф. перешли в лагерь контрреволюции. См.: [А.Тырсенко. Фейяны](#)

Фемистокл (ок.525 — ок.460 до н.э.) — выдающийся афинский государственный деятель и полководец. Особенно отличился во время греко-персидских войн (500—449 до н.э.). Филипп II Македонский (ок.382—336 до н.э.) — древнемакедонский царь и полководец, отец Александра Македонского. В 338 году до н.э., после победы при Херонее, установил гегемонию Македонии над Грецией. Убит в результате дворцового заговора.

Фуше Жозеф (1759—1820) — священник, снявший с себя духовный сан (1791), беспринципный карьерист. Член Конвента и якобинского клуба. Один из организаторов антикатолического (так называемого дехристианизаторского) движения (1793). Комиссар Конвента в ряде департаментов. Проявив там чрезмерную жестокость, Ф. был по настоянию Робеспьера отстранен от этой должности и исключен из Якобинского клуба. Принимал активное участие в контрреволюционном перевороте 9 термидора. **Ж.Фуше не был ни священником, ни монахом, т.е. не принимал постриг и не был рукоположен.** Эта постоянно повторяющаяся даже в серьезных исторических работах ошибка связана с тем, что по уставу коллежа ораторианцев, где Фуше преподавал физику и математику, учителя должны были носить одежду, одинаковую для всех действительных

членов ордена. **Материалы о Фуше:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht>
Хлодвиг I (465—511) — франкский король, из рода Меровингов, завоевавший всю Галлию и положивший начало франкскому государству.

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н.э.) — выдающийся римский полководец, государственный деятель, оратор и писатель. Автор «Записок о Галльской войне» и «Записок о гражданской войне». В последние четыре года жизни — единовластный диктатор в Риме. Был убит группой заговорщиков-сенаторов, представлявших интересы высшей земельной знати.

«**Цепи рабства**» — трактат Ж.-П.Марата, написанный в 1774 году (английское издание) и переизданный во Франции в 1793 году, посвященный разоблачению абсолютизма и обосновывающий необходимость вооруженного восстания народа и установления революционной диктатуры.

Гражданский лист — в конституционных монархиях сумма, предоставляемая монарху на его личные расходы и на содержание двора.

Цикута — растение, служащее для изготовления сильнодействующего яда, который в древней Греции давали приговоренным к смертной казни.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н.э.) — выдающийся древнеримский оратор и политический деятель, автор трудов по риторике и философии. В 63 году до н.э. — консул. Ведя борьбу против заговора Каталины, Ц. распорядился об аресте нескольких его главварей. Нарушая законы, запрещавшие казнить римских граждан, Ц. допустил их казнь, приведенную в исполнение в его присутствии.

Шабо Франсуа (1759—1794) — до революции монах-капуцин. Член Законодательного собрания, где занимал крайне левую позицию, член Конвента. В 1793 году сблизился с дантонистами. Был обвинен в финансовых спекуляциях и в подделке декрета о ликвидации Индийской компании, в делах которой он участвовал. Казнен вместе с дантонистами. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chabot>

Шалье Мари Жозеф (1747—1793) — левый якобинец, вождь лионских рабочих и бедноты. Был казнен во время контрреволюционного переворота в Лионе. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chalier>

Шенфельд (ум. 1794) — барон, прусский генерал. В 1790 году во время Брабантской революции был назначен генералом бельгийских войск и приобрел доверие патриотов, но, разбитый наголову австрийцами в мае 1790 года, стал подозреваться в измене, после чего поспешил перейти на службу к прусскому королю и сражался против революционной Франции в 1793 году.

Шериф — должностное лицо в Англии, США, Ирландии, отправляющее в графстве административные и некоторые судебные функции.

Шнейдер Ж.-Г. (1756—1794) — католический священник, выходец из Баварии, поселившийся во Франции с начала французской буржуазной революции XVIII века. Сделавшись общественным обвинителем уголовного трибунала в Страсбурге, Ш. приобрел известность своей жестокостью. Был казнен. **Краткая биография Шнейдера** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#schneider> и материалы о нем <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#schneider>

Шометт Пьер-Гаспар (во время революции сменил имя на Анаксагора) (1763—1794) — сын сапожника, выдающийся представитель левых якобинцев, один из самых влиятельных руководителей клуба кордельеров, сотрудник газеты «Парижские революции». Активный участник революции 10 августа 1792 г. Секретарь Парижской Коммуны, затем прокурор Коммуны, один из ее руководителей. Проводил в Париже политику «дехристианизации», выдвинув

«культ Разума и Истины» взамен старой религии. После декрета Конвента о свободе культов, принятого в декабре 1793 года по докладу Робеспьера, III. тотчас же отказался от своей антицерковной политики. В апреле 1794 года был обвинен в стремлении противопоставить Парижскую Коммуну Конвенту и по приговору революционного трибунала казнен. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>

Эбер Жак-Рене (1757—1794) — журналист, один из выдающихся руководителей левых якобинцев, издатель боевой народной газеты «Отец Дюшен», активный участник клуба кордельеров. С декабря 1792 года — заместитель прокурора Парижской Коммуны. Приверженец культа разума и антицерковной политики, сторонник террора против врагов революции. С конца 1793 г. Э., выдвигая требование об отказе от революционной диктатуры, начал отделяться от левых якобинцев, постепенно образуя свою собственную группу (так называемых эбертистов). После неудачной попытки поднять восстание против революционного правительства, возглавляемого Робеспьером, Э. был предан суду революционного трибунала и казнен вместе с группой своих сторонников. **Материалы о нем:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#hbrt>

Эбертисты — см. Эбер. **М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины**

Эдилы — должностные лица в древнем Риме, отправлявшие по преимуществу полицейские функции.

Эквы — древний народ Италии, побежденный римлянами.

Эро (Эро де Сешель) Мари-Жан (1759—1794) — адвокат, участник штурма Бастилии, член Законодательного собрания, член Конвента, член Комитета общественного спасения, правый якобинец, комиссар Конвента в армии, участник составления Конституции 1793 года. Автор ряда произведений, два из которых («Трактат о честности» и «Размышления о декламации») были написаны им в тюрьме перед казнью, которой он подвергся вместе с Дантоном. Оба упомянутых здесь произведения были написаны раньше; первое — скорее всего, около 1786 года, второе — в период деятельности Эро в качестве председателя суда Шатле, когда он брал уроки декламации у знаменитой драматической актрисы той эпохи м-ль Клерон, в 1787-88 гг. См. также эссе Эро де Сешеля **Поездка в Монбар. Афоризмы (в переводе Н.М.Карамзина)**. Что касается «правизны» и модерантизма — это спорный вопрос, поскольку можно наблюдать многие политические действия Эро, характерные для «эбертистов». Подборка материалов о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#HS>

Якобинцы — члены клуба якобинцев (см. «Общество друзей Конституции»), после революции 31 мая — 2 июня 1793 г. представляли наиболее широкие круги революционно-демократических слоев французского народа, стремясь к дальнейшему развитию и углублению революции. В якобинском блоке, ставшем у власти после революции 31 мая — 2 июня 1793 г., образовался ряд фракций (робеспьеристы, дантонисты, левые якобинцы, эбертисты), которые вели между собой ожесточенную борьбу. Власть Я. была свергнута контрреволюционным переворотом 9 термидора, принесшим торжество реакции. **С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба**